

НЕВА

10
2018

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Ирма ГЕНДЕРНИС

Стоя в дверях. *Стихи* • 3

Игорь ЗОТКИН

Мой «Бежин луг». *Рассказ* • 7

Марк ХАРИТОНОВ

Стихи • 23

Андрей АНТИПИН

Теплоход «Благовещенск». *Рассказ* • 27

Валерий СКОБЛО

Из цикла «Библейские мотивы» • 47

Виктория ЗАХАРЕНКО

Маруся. Одинокий. Так и день пройдет. *Рассказы* • 51

Наталья КРОФТС

Стихи • 72

Андрей НИКИТИН

Обоняние (из цикла «Человек по частям»).
Прикосновение (из цикла «Человек по частям»).
Спасательная миссия. Спешка. *Рассказы* • 77

Анатолий ДОМАШЁВ

Стихи • 97

Владимир АРРО

На пути в Сингапур. *Лирико-драматическая
история в двух действиях* • 100

ВСЕЛЕННАЯ ДЕТСТВА

Татьяна БЕРЕЗЮК

Лоскутное одеяло. *Повесть* • 136

ПУБЛИЦИСТИКА

Евгений БЕРКОВИЧ

Границы понимания и безграничность непонимания.
*Полемика Томаса Манна с Якобом Вассерманом
по еврейскому вопросу* • 169

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Татьяна ЛАНИНА

Близится столетие • 178

Дмитрий КАПУСТИН

Антон Чехов: долгая зима в Ницце
(сентябрь 1897 – апрель 1898 гг.) • 196

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Искусство чтения. Александр Винничук. Существует ли личность на самом деле? **Рецензии.** Александр Андрушкин. Чаша или виночерпий? Николай Блохин. Похищение Европы. Александр Карпенко. Мистический роман Александры Петроградской. **Книжный остров.** Публикация Елены Зиновьевой • 217

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

На Иордан. Часть 1 • 245

Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Компьютерный набор **Л. Жуковой**
Верстка **Д. Зенченко**

Ирма ГЕНДЕРНИС

СТОЯ В ДВЕРЯХ

##

спохватишься:
за сполохи подвальные
за течь в котле
ответь и мне, проспавшийся дневальный, —
с бессонницей на помеле
с немертвою водою в ступе
летя — толочь...

любая связь с ответчиком —
в отрубе
в эфире — ночь

##

сами бы словом переходящим в дело
и обратно пока светло
прижигали живое — чтоб не болело
меньше
меньшее зло
уже — оседлано и пришпорено
встанет на всех парах
речь-пари
а кому проспороно —
объяснится на пальцах
не на словах

##

на гусеничном ходу ли, на лыжах водных
после потопа, до
в степенях все более превосходных
облика не Его
речь владения объезжает —
воевода и черномор

Ирма Гендернис родилась и живет в Латвии. Училась в Санкт-Петербурге (СПбГУКИ). Стихи публиковались на сайте «Полутона», в журналах «Плавучий мост», «Эмигрантская лира», «Литература» и др.

ничего не стоит
не дорожает
не распускает хор

##

...это подход имеющие к тебе, подкоп...
пламени разворошенный сноп
колосья его перерезающий серп...
дыроколом воздух пробит для скреп
или на спор вскрыт ледовитый щит
оберегов заговоров защит
на лету подхваченным острием...
но развернут угол падения — в окоем
кумачовым лезвием на ветру
(опускает занавеса чадру
протемнение вяжущее столбец
текста в один конец...)

##

...полозья шелка
страха гололед
толкает в пропасть
(лишь бы — не вперед)
коньки резные:
с воздуха обстрел
куда-то в памяти провал
и вокруг пальца обводивший мел
себя — кружком
под «кожу» и «металл»
(ненатуральный) музыкальный фон
передний план летящий под откос
поверх идущих на обгон
машины времени —
из-под ее колес...

##

в четыре реки, в косу одну ли
ленточками бескозырки бессонницы вплетены
чтобы свиток бесценный свой развернули
сны — всеми флотилиями глубины
и накрыло общинной тебя волною
и свело на нет — под удар о борт

но сидят-не дрогнут к спине спиной
на мели не своих дремот...

##

...Это с тыла на лицевую
ножевую рану ли, неживую —
зеркалами сличаясь в пустой оправе
пепел в подпол сметая покуда лаве
не приспичит вытечь слезой за обод
где по грудь ли врыт ты, по личный опыт
в темноту нагорную навесу —
раскручивать барабан (как флаг)
воздуха — во встречную полосу
пепла намотанного на кулак...

##

старится жизнь молодеет ее душа и
разнимает створки моллюска ночи
не песчинкой — жемчужиной (времени — между швами...)
перламутровой тенью слезы стоят воочию
омывается облик образом и подобием
приливают к жизни токи иного смысла
разрываются узы вести благой и прискорбия

ведра падают с коромысла

##

разверзлось — хлябей под шумок —
Летейское...
стояли в пробках

вокруг земли один виток —
и все за скобками
а в скобках —
дыханье
нитевидный пульс

(споткнись уже на ровном месте
и отлети куда-нибудь
и там воскресни)

##

промерзшее до костей
вымокшее до нитки...

коробочка скоростей
прикладывается к улитке —
бесплатно и —
как судьба
(«в подарок от нашей фирмы...»)
но с ней —
ни туда ни сюда:
инфаркты мифа обширны...

##

никто не выполет кинжала
занозу
слез не перехватит...

сдается кровь
(как кров — задаром)
душа, ты с краю в этой хате
но по углам твое дыханье
стоит — натопленную плотью —
пока идет переливание —
в твои уголья...

##

отправили запрос как обещали
на выходе стоявшим — не с вещами
а налегке, в полтела-оборота...

ответ пришел по радио свобода
телеканалу дождь что по прямой
нелинии горячей но отвесной —

как будто потолок — не натяжной
и опыт слуха впредь не бестелесный...

Игорь ЗОТКИН

МОЙ «БЕЖИН ЛУГ»

Рассказ

Воздух над аэродромом то и дело рвали мощные двигатели взлетающих пассажирских самолетов. Наш батальон, отправляющийся в одну из горячих точек, чтобы не мозолить глаза посторонним, расположился на границе летного поля, в стороне от здания аэропорта, между хозяйственными постройками.

Вообще-то, батальон создавался как учебная часть, но время внесло свои коррективы. Транспортный борт, который должен был перебросить нас в одну из южных республик, задерживался, и мы, теперь уже не слушатели высших курсов МВД СССР, а просто бойцы батальона МВД, хотя и в офицерских погонах, кто как расположились вдоль ангаров, прямо на нестриженной, но зато мягкой траве.

Недавно приехавший замполит привез целый «Урал» бронешилетов и «демократизаторов», точнее, «изделий-РП», а говоря попросту, резиновых дубинок. Судя по всему, работа с местным населением по прибытии на место ожидалась плотной.

Также бойцам выдали сухие пайки, состоящие из жирной «Эстонской» колбасы и свежего хлеба, упакованные в обычные хозяйственные пакеты. Стандартных сухпаев, как и многого другого, в стране не хватало.

Едва дождавшись окончания наставлений замполита о запрете использования сухих пайков до прибытия на место несения службы и проводив взглядом его отъезжающую машину, бойцы приступили к трапезе.

Сейчас они, сытые и довольные, надвинув на глаза фуражки, посапывали, лежа в тени.

Услышав легкое прикосновение к щеке, я легонько хлопнул по ней ладонью, но поймал только пушистый стебелек ковыля, который раскачивался под теплым ветерком. Я сорвал былинку и размял ее в пальцах. Специфический запах степи защекотал нос. Степь... Все мое детство связано со степью.

Родился и вырос я в крупном промышленном городе, но с раннего детства помню, как каждое лето меня отправляли в деревню, к бабушке.

Милая, добрая женщина, ты и сейчас, как живая, стоишь в моей памяти возле каютки своего дома, прикрывая ладонью глаза от солнца, и всматриваешься вдаль, не идет ли по дороге твой давно уже выросший внук.

Игорь Петрович Зоткин родился в 1960 году в Омске. Окончил Сибирский автомобильно-дорожный институт по специальности «инженер-строитель». По распределению уехал в Республику Коми. Работал за Полярным кругом, в районе Усинска, обустроивал «нефтяные кусты» (промышленные зоны, где происходит добыча нефти). В должности директора предприятия вместе с вахтовым поселком прошел от Печоры до Варандея (побережье Баренцева моря). В южных районах Республики Коми, в непроходимой тайге, строил промышленные дороги для лесозаготовителей «Монди». Ранее несколько рассказов были переведены на язык коми и опубликованы в литературном приложении районной газеты «Парма гор» («Шум тайги»). Живет в районном центре Республики Коми с. Усть-Кулом.

НЕВА 10'2018

Теперь мне стыдно за то, что я не могу даже точно назвать ее имя и отчество, для меня и младшей сестренки она была просто любимая бабушка, родители называли ее мамой, а соседи и односельчане — просто Пана, наверно, это Прасковья.

Теперь мне кажется, что все самые счастливые дни моего детства прошли летом, у бабушки.

...Компания деревенской детворы встретила меня дружелюбно; наверно, потому, что заводилами здесь были два моих двоюродных брата — Вовка Казаногин, уже взрослый по нашим меркам парень, лет четырнадцать, и Витька Грюканов, мой ровесник, лет одиннадцати-двенадцати. В сибирских деревнях, да, наверно, и не только в сибирских, родственные связи хотя и запутаны, но все же имеют немалый вес. Поэтому мое «приобщение к коллективу» прошло безболезненно. Лишь однажды мой одноклассник Леха, уже и не помню по какому поводу, вызвал меня «стыкнуться почестному», но это было легкое испытание, которое я при моральной поддержке братьев выдержал с честью.

Наша деревенская вольница, исповедуя нравы далеких предков, казаков Ермака Тимофеевича, не считала обязательным проводить ночь дома, в своих постелях. Родителей в таких случаях пацаны предупреждали, что пойдут, например, на Люсовы выпасы, ловить утят, или на Тарбугу (так называлась небольшая зырянская речушка, протекавшая километрах в десяти от нашей станицы), и родителям таких объяснений хватало.

Это было счастливое время, когда все люди еще были друг другу братьями и не было никаких чикатил, а о тех, что были, мы пока еще не знали.

Однажды мои родители приехали в деревню без предупреждения и почти сутки ждали моего возвращения с «прогулки»,

— Мама, ну как так можно? — пыталась моя мать пристыдить бабушку. — Он ведь еще ребенок,

— Ты, Тамарка, брось, чай, не девку растим, — тоном, исключающим возражения, отвечала бабушка, показывая приверженность в вопросах воспитания старой казачьей школе,

Отец, родившийся в семье хохлов-переселенцев, к таким порядкам был непривычен, он стоял в стороне и нервно курил одну «беломорину» за другой, считая не к месту вступать в спор. Город уже основательно пообтесал их с матерью.

— Ну когда он хоть придет-то? — спрашивала моя мама, делая вид, что идет на компромисс,

— Придет, не волнуйся, вот проголодается и прибежит как миленький.

Отец, поперхнувшийся дымом папиросы, чтобы как следует прокашляться, уходил за угол дома, а мама, понуриив голову, принималась помогать бабушке в домашних хлопотах.

Летние ночи в Западной Сибири, особенно под утро, бывают довольно прохладны, а потому перед тем, как устроиться на ночлег, мы всей компанией собирали хворост, толстые сучья и тонкие стволы деревьев, переломанные ветровалом и успевшие высохнуть.

Особенно уютным ночлег получался в огромных ямах, возле корней больших деревьев, поваленных ветром. Стены ямы отражали тепло костра вовнутрь и укрывали от прохладного ночного ветра снаружи. Из тонких ивовых веток делали шампурки, на которые нанизывали найденные по дороге грибы вперемежку с кусочками прихваченного из дома хлеба. Сок из грибов, вытапливаемый жаром костра, пропитывал кусочки хлеба и насыщал их неповторимым лесным ароматом, а появившаяся по-

сле обжарки румяная корочка делала хлебушек хрустким. Из-за пазухи высыпались огурцы, украденные по пути на колхозном поле, а кто-то, самый предусмотрительный, доставал из кармана, аккуратно разворачивал и выкладывал в центр импровизированного дастархана бумажный, слегка подмокший от пота кулечек с солью. Ужин проходил в тишине, лишь слышалось чавканье голодных ртов.

Насытившись и подбросив в огонь сушняка, все укладывались вокруг костра на заготовленные заранее охапки мягких березовых ветвей. Мы, как мальчишки в тургеневском рассказе «Бежин луг», проникались духом природы.

Ночь окружала нас черным бархатом, тьма, если смотреть по сторонам из освещенного костром круга, казалась абсолютно непроницаемой. Звезды на небе, мешаясь с летящими от костра искрами, под треск багровых углей, раздуваемых легким ветерком, начинали кружиться в немыслимом хороводе. Нарождающийся месяц, как галантный кавалер, скрываясь время от времени за редкими тучками, плывущими по небу, казалось, появлялся всегда в разных местах, наверно, чтобы случайно не обойти вниманием какую-либо из своих партнерш по звездному танцу.

Первым, глухо прокашлявшись, заводил разговор на вечные в таких случаях темы Вовка.

— А слышали, пацаны, вчера с утра по всей нижней улице у хозяек молоко прям в подойниках скисло,

— И что? — спросил его сонным голосом Леха.

— Ну ты даешь! Неужели примету не знаешь? Если молоко поутру скисает безо всякой причины, значит, где-то рядом пошаливает ведьма.

— В прошлом году ее уже почти поймали, но она все же сумела выкрутиться, — уточнил Витька.

— А как это получилось? — спросил Мартын, парнишка лет двенадцати, всего год назад в силу каких-то житейских обстоятельств приехавший вместе с матерью в нашу деревню.

— А вот как, — Вовка придал голосу таинственность. — Знаете дядю Мирона, отца Сереги, того, что утонул в том же прошлом году? Так вот, дядя Мирон не любит летом спать в духоте, говорит: лучше потерпеть комаров, чем всю ночь пот одеялом утирать. В общем, устроил он себе лежанку на чердаке. Спит, а ночь светлая, хоть книгу читай, чердачное окно аж серебрится от лунного света. И вдруг слышит дядя Мирон какой-то шорох, приоткрыл глаза, а в оконном проеме, спиной к нему, сидит женщина, волосы длинные, распущенные, в одной руке зеркальце, а в другой гребень. Расчесывает она волосы, а сама смотрит вниз, на двор дяди Мирона, и что-то шепчет. Догадался тот, что это ведьма на его хозяйство порчу наводит, и хотел подкрасться к ней, да забыл, что рядом бутыл с недопитым самогоном и стакан стоят, задел он их нечаянно, они и зазвенели. Оглянулась ведьма — лицо молодое, красивое, но дядя Мирон успел разглядеть в зеркале, которое ведьма держала в руках, отражение старухи, и так она ему кого-то напомнила, эта старуха, что аж сердце кольнуло. А ведьма прыг с окна и растворилась в ночном небе, только черные крылья успел разглядеть дядя Мирон. С тех пор старается он вспомнить, кого напомнила ему та старуха, но не может, видать, и тут без колдовства не обошлось.

— А слышали? — это уже заговорил Витька. — В поле опять женщина плачет.

Я насторожился, потому что только позавчера вечером, сразу после того как по деревне прогнали стадо коров, я сам слышал этот плач. Выйдя через калитку в конце подворья, я оказался на околице. Плач, то затихая, то усиливаясь, раздавался неподалеку, на еще не скошенном лугу, в каких-то ста метрах от меня. Вечер еще только собирался напустить сумерки, солнце уверенно плыло над горизонтом, и мне было не

страшно. Я смело пошел на звук. Голос принадлежал молодой женщине или даже юной девушке. Интонации вызывали жалость и сочувствие. Я шел быстрой, уверенной походкой и в какой-то момент вдруг обнаружил, что плач раздаётся уже позади меня. А потом меня начало, что называется, кружить. Голос плачущей женщины то оказывался в нескольких метрах впереди меня, то замолкал и раздавался далеко позади. Мне казалось, что я вот-вот увижу ее, но голос перемещался, а я с упорством продолжал преследование.

— Игорь! Ты что там делаешь? А ну быстро домой!

Мне показалось, что я никогда не видел бабушку такой рассерженной и даже немного испуганной. В руке она держала веник-голик, и желание вытянуть им меня по заднице отчетливо читалось на ее лице.

— Ишь, чего удумал! С Навкой в прятки играть. Совсем с ума сошел, что ли?!

В эту ночь я спал дома и сквозь сон слышал, как моя бабушка долго стояла у иконы и о чем-то молилась, часто до меня доносилось мое имя.

Теперь этой темы коснулся Витька.

— И что это за женщина? — тут же спросил я.

— Это Навка, — ответил за него Вовка. — В народе их иногда называют плакальщицами, нечисть, конечно, но вполне безобидная.

— Ну, конечно, «безобидная», — с сарказмом возразил рассудительный Мартын, — говорят, перед войной они на каждом поле плакали, беду предсказывали.

— Предсказать — не значит накликать, — возразил ему Вовка. — Их только беспокоить нельзя, а то обидятся и начнут тебя преследовать, могут даже с ума свести.

В костре с громким треском лопнула сухая ветка, подняв в небо целое облако пылающих искр. Я лежал и размышлял о своей судьбе: надо же было так неудачно родиться: все войны и революции прошли без меня. А если моя Навка предсказала войну, то я опять на нее не успею: пока вырасту, она опять закончится. Как же мы, бестолковые мальчишки, мечтали о войне, о подвигах, как в песне Высоцкого «Не досталось им даже по пуле...»! Владимир Семенович очень тонко прочувствовал душу пацанов нашего поколения.

Тогда, так близко столкнувшись с непонятым явлением, я еще не знал, что предсказание Навки сбудется.

Я, наверно, очень крепко уснул, потому что не сразу услышал команду на построение. Пробегавший мимо меня приятель растормошил меня за плечо. Вдалеке, в самом конце взлетно-посадочной полосы, натруженно ревел двигателями недавно приземлившийся военно-транспортный Ан-12.

Наша рота, хотя и называлась второй, первой погрузилась в пузатый транспортник. Здесь, в батальоне, мне открылся секрет кадровиков. Оказывается, формирование рот идет в том числе и по внешнему виду бойцов. Высокие и светловолосые автоматически попадают в первую роту, а чернявые и те, что помельче да попузатее, как выразился один мой приятель, попадают во вторую; такой же принцип действует и в армии. Будь среди нас косые, хромые и убогие, наверно, появилась бы и третья рота, но у нас таких не было, и рот было только две. Я, смуглявый с рождения, попал во вторую. Первая рота — для парадов, вторая — для войны.

К чести вторых рот, нужно заметить, что в службе, учебе и даже в спорте вторая рота всегда, как говорится, на целый корпус обходит первую.

Конструкторы Ан-12 меньше всего задумывались о комфорте пассажиров. Двигатели ревели так, что закладывало уши, жесткие откидные, как в БТРе, сиденья не прибавляли удобства.

Вдоль бортов, прислонившись к шпангоутам, сидели и дремали мои друзья: Генка из Елабуги, Вовка из Кирово-Чепецка, Виталья из Владивостока, да и много других ребят из Улан-Удэ, Донецка, Новосибирска, Якутска и Свердловска вез пузатый транспортник на Кавказ, навстречу неизвестности.

Пудобнее устроившись на своем сиденье, я закрыл глаза и вновь погрузился в воспоминания.

Иногда походы нашей ватаги продолжались по два, а то и три дня. Многонациональная Сибирь манила нас разнообразием «разбойничьих» промыслов. Благодаря Иосифу Виссарионовичу рядом с нашей станицей находилось поселение чеченцев, которые разводили прекрасные вишневые сады.

С другой стороны, вдоль Сибирского тракта, ровной линией выстроились аккуратные дома немцев с Поволжья с шикарными огородами и урожайными грядками огурцов.

Зыряне, добровольно переселившиеся в Сибирь в незапамятные времена, ставили на реке Тарбуге уловистые морды. Только деревня староверов с высоченными, глухими заборами, воротами в три человеческих роста и свирепыми лохматыми псами, свободно гуляющими по двору, не вызвала у нас интереса.

И дело не в том, что мы были голодны (дома у каждого из нас тех же огурцов было немерено, но разве сравнится по вкусу огурец, сорванный среди бела дня в собственном огороде, с огурцом, украденным во время ночной вылазки. Кстати, называли такую вылазку мы на нашем детском жаргоне — «загнать козла в огород»).

С немцами и зырянами, не говоря уж про староверов, точнее, с их пацанами у нас конфликтов не было. Зато с чеченскими ребятами стычки происходили постоянно. Иной раз дело доходило до того, что пацаны, те или другие, собравшись в большую ватагу, устраивали рейд в деревню «неприятеля». Верх в таких случаях, как правило, одерживал тот, кто нападал первым. После чего победители ходили, высоко задрав нос, пока не нарывались на ответное нападение.

Взрослые, к моему теперешнему изумлению, и тут не думали вмешиваться, хотя иной раз драки были весьма серьезными, более того, мне иногда казалось, что в улыбках мужиков читалось скрытое одобрение.

Как-то раз, собравшись небольшой, особо сдружившейся компанией, человек в пять, мы отправились «навестить» вишневые сады вблизи чеченской деревни. Организатором и заводилой, как всегда, был Вовка Казаногин. Ранним утром умаявшийся за ночь объездчик, по нашим расчетам, должен был отдыхать. На всякий случай, зайдя на территорию садов со стороны, противоположной нашей станице, мы неожиданно нос к носу столкнулись с группой чеченских пацанов. Их было раза в два больше, чем нас, и они были немного постарше. Ждать помощи нам было неоткуда.

Оценив свое превосходство в силе и выйдя на пару шагов вперед, чеченский забияка Султан, известный нашим пацанам по прошлым стычкам, улыбнувшись крысиной улыбкой, поманил к себе пальцем Вовку. Рубашка на животе у Султана, как и карманы, отвисла от ворованных ягод. Чеченские мальчишки и наши пацаны были конкурентами в садово-огородных делах, и это ссорило нас еще больше.

— Ну что, Вован, пора нам с тобой разобраться по-взрослому, кто из нас здесь рулить будет.

— Давай попробуем, — Вовка смело вышел навстречу Султану.

Мы все приготовились к драке, безнадежность ситуации пробуждала злобу и придавала сил. Я вспомнил наставления Вовки: «Думаешь, в драке побеждает тот, кто сильнее? Нет. В драке побеждает тот, кто духом крепче. Испугался, дал слабину — и ты пропал. Поэтому никогда не трусь, бей смело, бей в лицо, бей так, чтобы самому страшно стало. А увидишь в его глазах испуг — все, считай, что ты уже победил».

В дальнейшем, вспоминая его слова, я удивлялся их жестокости и в то же время правильности. Откуда это знал четырнадцатилетний мальчик?

В тот раз нас выручил случай. За миг до того, как замелькают кулаки и брызнет первая кровь, из-за кустов показался чеченский объездчик, верхом на лошади. В воздухе засвистел и резко шелкнул кнут, раздалась брань на чужом языке. Объездчику было наплевать на наши разборки, главное, он безошибочно узнал в обеих компаниях любителей дармовой вишни и, как пес, бросился на нас, а мы что было сил рванули каждый в свою сторону.

В общем, ситуация разрешилась для нас благополучно, если не считать пары рубцов от кнута на некоторых спинах.

Иногда, для разнообразия, мы ходили с ночевкой на элеватор. Голуби, расплодившиеся на его территории, стали настоящим бичом для колхозников. Их несметные стаи сплошным ковром покрывали зерно, хранящееся на току, не столько склевывая, сколько загаживая его.

Именно эти разжиревшие на дармовой пшенице голуби и становились нашей добычей. Оказалось, что они, как и куры, укладываясь спать, перестают видеть и слышать то, что происходит вокруг. Вот тут-то самые проворные из нас, а это, как всегда, были Витька и Вовка, залезали по стропилам под крыши окружающих элеватор строений и спокойно собирали в мешок устроившихся на ночлег голубей.

После того как мы все вместе ошипывали и разделявали жирные тушки, за дело брался Мартын. Наверно, в будущем он стал хорошим профессиональным поваром, потому что уже в детстве выказывал немалые способности к этому делу.

На угли от догорающего костра он ставил старый, неизвестно где взятый глубокий противень. Затем бросал туда целую пачку маргарина или кулинарного жира и, дождавшись, когда тот начнет закипать, плотно, крылышко к крылышку, укладывал на него голубиные тушки.

Не знаю, солил ли он их, применял ли какие-либо специи, но я больше никогда в жизни не пробовал такой сочной, ароматной и нежной дичи.

А потом — опять ночь у костра, страшные рассказы, «подтвержденные очевидцами», и купол бескрайнего, звездного неба, предсказывающего нам счастливую и такую же бесконечно долгую жизнь.

Самолет резко качнуло, и он, навалившись на крыло, со снижением начал заходить на посадку. Бойцы, просыпаясь и потягиваясь, приводили в порядок экипировку. Замполит, летевший вместе с нами и весь полет просидевший в кабине с летчиками, теперь ходил вдоль наших рядов и разъяснял сложную обстановку в кавказской республике.

Самолет тряхнуло при встрече с посадочной полосой, и он, взревев четырьмя моторами и задрожав всем корпусом, наверно, включив реверс, начал понемногу гасить скорость. Вскоре качка и тряска прекратились, самолет остановился, двигатели, взревев в последний раз, начали замолкать, все тише и тише свистя турбинами. Мы прилетели.

Город, в который мы прибыли, встретил нас мелким морозящим дождем и хмурым, почти осенним небом, по которому серою массой, почти касаясь земли, плыли дождевые облака.

На краю летного поля стояло полтора десятка стареньких машин ГАЗ-52, выкрашенных в голубой цвет и крытых брезентовыми тентами. Машины принадлежали местной части внутренних войск и должны были перебросить имущество и личный состав нашей роты к месту постоянной дислокации.

Завершив погрузку и разместившись в кузовах на откидных скамьях, рота тронулась в путь. Оказалось, что дорога, если все будет хорошо, займет не менее четырех часов.

Бойцы, устраиваясь поудобней, несмотря на запрет, закуривали сигареты.

Я, сидя крайним на скамье, идущей вдоль борта, приподняв брезентовый полог, вглядывался в дождливые сумерки наступающего вечера. Горы, огромными темными пятнами сереющие сквозь туманную пелену, не вызывали ожидаемого восторга. Нос улавливал лишь запах дождя с прохуdivшегося неба. Ярких красок в этом мире не было.

Потеряв интерес к окружающему, я опустил тент и, навалившись спиной на борт машины, закрыл глаза. Память снова погружала меня в далекое прошлое.

Тем летом родители решили отправить меня в пионерский лагерь, подальше от закадычных деревенских друзей, а заодно под строгий надзор педагогов. Путевку достали на вторую смену — с 1 по 31 июля. Это время считалось лучшим. Можно было купаться в Иртыше, собирать ягоды, ходить по грибы — так думали родители. Оказалось, они не знали многих деталей «лагерного» отдыха. Мои злключения начались еще до того, как мы покинули город.

Мама, боясь опоздать на автобус, который должен был отвезти нас в пионерский лагерь, подняла меня с постели чуть свет. Но ждать больше часа отправления автобуса, сидя в душном салоне, для меня было слишком суровым испытанием. Поэтому, узнав, в каком автобусе едет моя группа, я, заняв место, оставил на сиденье свою сумку и отправился гулять по парку.

Мама, суетясь и беспокоясь, что я отстану, покрикивала на меня, не позволяя отходить далеко. Наконец дали команду на посадку и отправление. Поцеловав маму, я вошел в салон автобуса и вдруг обнаружил на своем месте какого-то пацана. Моя сумка, небрежно сброшенная, валялась в проходе.

— Это мое место, я его первый занял, — обратился я к мальчику в надежде восстановить справедливость мирным путем.

Мальчик, старше меня, как минимум, на год и выше на полголовы, наглым кивком указал на мою сумку,

— Хватай и вали на заднюю площадку, там еще есть места.

Пытаясь унять закипающую от обиды кровь, я подошел к мальчишке и, резко схватив его за отвороты рубашки, рванул на себя. Мальчишка оказался сильным, прихватив мою рубашку таким же захватом, он уперся мне в грудь, и мы, споткнувшись о мою сумку, брякнулись на пол. Я, дернув рукой, нечаянно ударил его по лицу. Мальчишка отпрянул, и я прочитал в его глазах испуг. Вспомнились наставления Вовки, и, следуя им, я, окончательно повалив своего противника и усевшись на него сверху, по-детски размахивая руками, стал молотить его сжатыми кулачками. Вместо того чтобы оказать сопротивление, тот закрыл лицо руками и заревел.

— Ты что творишь? Хулиган! — заорала метнувшаяся к нам женщина.

— Он первый начал, — невозмутимо возразил я и, отпустив плачущего противника, подобрал свою сумку и сел на освободившееся место.

— Ну погоди, негодяй, мы с тобой еще поговорим!

Уже позже я узнал, что эта женщина была воспитателем нашей группы, а наглый пацан — ее сын.

Автобус медленно тронулся, за окном показалось перепуганное лицо мамы, я, стараясь унять нервную дрожь и улыбнуться добродушной улыбкой, помахал ей рукой.

Порядки в пионерском лагере не понравились мне с самого начала. Утро начиналось с подъема по команде пионерского горна и построения на утреннюю линейку, где начальник лагеря оглашала распорядок дня. Я первое время радовался некоторым объявлениям, но потом... Например, многообещающий поход на пляж выглядел так. Отряд строился возле жилого корпуса; ходить по территории вне строя категори-

чески запрещалось. А Иртыш, играя лазуревыми красками, отливая серебром набегающих на берег волн, манил прохладой всего в трехстах метрах от ограды лагеря.

Построившись в две шеренги, мы, как ополченцы, идущие на войну, выдвигались в сторону пляжа. На узеньком участке в воду были забиты столбы, обтянутые металлической сеткой, образывавшие периметр, выходящий двумя сторонами на берег. Такая площадка в воде, на детском жаргоне, называлась «лягушатник».

Когда мы зашли в воду, то глубина возле дальней стенки доходила мне до пояса.

— Нырять запрещено, каждый смотрит друг за другом, — раздалась команда воспитательницы.

Я стоял посреди отведенной лужи под строгим присмотром зорких глаз и вспоминал, как в деревне среди ночи плыл по незнакомой речке, чтобы снять чью-то мордушку.

Повинуясь потребности души, я все же решил нырнуть, хотя бы один раз. Тихонько отойдя в сторону и не обнаружив наблюдения, я вертикально опустил под воду и уже под водой, приняв правильное горизонтальное положение, резко загребая руками, рванулся вперед.

Увы, наслаждение свободой длилось недолго. Во время одного из гребков моя рука натолкнулась под водой на что-то мягкое, и я от неожиданности схватил это мягкое рукой.

Когда я вынырнул, перепуганный вопль нашей вожатой напоминал звук сирены «скорой помощи»; девчонки, охваченные ужасом, как пингвины, выскакивали на берег. За какое место я ухватил вожатую, мне и сейчас стыдно вспомнить, а тогда я так и не смог убедить педсовет лагеря, что сделал это не умышленно. В наказание меня отстранили от следующего похода на пляж, не подозревая, что делают мне подарок. Я обрел относительную свободу.

Дыша полной грудью воздухом свободы, я вышел из корпуса и в первый раз, один, без строя, отправился осмотреть лагерь. До обеда времени было еще много, и я решил поискать землянику в южной части пионерского поселка. Как-то раз мы строем проходили этот участок, и я опытным глазом заметил кустики с едва розовеющими ягодами. Теперь я и направился в ту сторону. Рядом, по оврагу, проходила граница лагеря, пересекать которую запрещалось категорически.

Ягоды, еще недавно едва розовеющие, теперь налились ярко-красным, безумно сладким и ароматным соком. У границы лагеря ягод почти не было (по-видимому, их просто вытоптали), зато по мере приближения к оврагу их становилось все больше и больше. Не обращая внимания ни на какие границы, я углубился в овраг метров на пятнадцать. Я набирал полные горсти земляники и с удовольствием набивал ею полный рот, иногда капельки сладкого сока стекали с уголков губ на подбородок.

Грозный оклик над головой заставил меня вздрогнуть.

— Ты что творишь, негодяй? — узнал я голос воспитательницы. — Кто разрешил тебе покинуть территорию лагеря?

Труднее всего отвечать на глупые вопросы. Поэтому и я молча стоял перед воспитательницей, опустив голову и спрятав за спину перепачканные земляникой руки, не умея подобрать слова, чтобы ответить, кто разрешил мне пересечь виртуальную границу.

Вернувшийся с пляжа отряд застал меня у стены позора (так называлась площадка под окнами нашего корпуса, куда время от времени ставили в наказание нарушителей дисциплины).

А за пределами лагеря был разгар лета. Лес, изнемогая от дневной жары, тяжело дышал запахами хвои и березовой листвы. Уставшие волны Иртыша лениво терлись о речные бакены. Запахи разнотравья дурманили голову. Я представлял себе, как сейчас живут мои деревенские друзья...

Только глубокой ночью наша рота прибыла на место постоянной дислокации. Утро ошеломило нас красотой Кавказа.

Нас разместили в финском ангаре, служившем когда-то вещевым складом. Здесь было тепло и даже уютно, но темновато. Выходя на построение, которое теперь следовало сразу за командой «подъем», мы шурились от ослепительного солнца и оставались в изумлении.

Кавказские горы являлись перед нами во всем своем величии. Прямо перед плацем, казалось, на расстоянии вытянутой руки, возвышалась громада горы Большой Кирс. Она сверкала и переливалась грудой драгоценных камней, вкраплениями которых была усеяна снежная шапка, покрывавшая вершину. Ручьи, с такого расстояния казавшиеся нитями серебряной паутины, опутывали склоны гор, обращенных в нашу сторону. Непривычно чистый и прозрачный воздух кружил голову и скрадывал расстояние. На самом деле от нашей базы до края долины, в которой мы находились, был не один десяток километров.

В горах расстояния обманчивы. Как-то в Северном Казахстане, где тоже есть хоть и небольшие, но все же горы, в районе поселка Боровое, мы с приятелями решили подняться по склону, не на вершину, конечно, а так, на сколько сможем. Наше «восхождение» заняло около получаса, но когда мы, почти лишившись сил, оглянулись назад, то оказалось, что продвинулись вперед не более чем на расстояние броска камня. Спустились мы за несколько минут.

Именно там, среди кавказских красот, пролегали тропы, известные немногим. И по этим тропам шли группы вооруженных людей, причем как в ту, так и в другую сторону, сея смерть на сопредельных территориях. Вот именно для защиты населения этих территорий и прибыл на Кавказ наш батальон.

Страну лихорадило от радикальных перемен, в основном уводящих ее не в лучшую сторону. Еще вчера добрые соседи становились лютыми врагами, готовыми жечь дома и резать друг другу горло. Народы и даже мелкие народности вдруг проникались гипертрофированным чувством национального достоинства и начинали вспоминать обиды, нанесенные им еще в феодальные времена. Находились «знатоки» истории, которые в два счета могли обосновать территориальные претензии к любому из соседей. Мир медленно, но неуклонно сходил с ума.

Демаркационная линия, разделяющая конфликтующие стороны, была шириною в несколько километров, и если днем еще можно было прикрыть весь этот участок разбросанными на небольшие расстояния друг от друга блокпостами, то вечером возникали проблемы. Батальон был вынужден сжимать охраняемый периметр, чтобы повысить свою боеспособность. Вода у нас была привозная, так как несколько колодцев с питьевой водой на ночь оставались без охраны, а играть поутру в русскую рулетку желающих не было. Однажды по какой-то причине снабженцы не смогли завезти нам воду, и мы три дня не только пили, но и мыли руки персиковым соком, обнаруженным в брошенных ушедшими жителями погребах.

Одна из дорог, ведущая из соседней республики, с которой и был конфликт, прикрывалась нашим блокпостом. На выносном блокпосту, как правило, дислоцировалось одно отделение, то есть около десяти человек. Рядом с несколькими оборудованными огневыми точками, соединенными линией окопов, находились блиндаж с печью для варки и разогрева пищи и нары для отдыха.

Сегодня я выходил в наряд на охрану ночного периметра. Погода стояла теплая, ясная. Тьма, спустившаяся на горы, скрыла их из виду. Ночь расправила над нами свои черные крылья. Сияющие над самой головой звезды необычной величины и ослепительной яркости завораживали душу. Казалось, протяни руку — и коснешься одной из них.

Я встряхнул головой — нужно сосредоточиться и напрячь внимание. Обстановка в горах за последние дни изменилась в худшую сторону. Чтобы взбодриться, я стал вспоминать занятные случаи из своего детства.

...В деревню к бабушке я приехал только на следующее после пионерского лагеря лето.

Деревенские мальчишки встретили меня как старого друга, вернувшегося после долгой разлуки. В нашей компании произошли перемены. Вовка Казаногин (ему недавно исполнилось шестнадцать) уже не участвовал в наших забавах. На лето родители устроили его подпаском в помощь родному дяде, пастуху. Место нашего вожака по праву занял Витька Грюканов. Мартына и его мать увез из деревни отец, как оказалось, освободившийся из мест заключения. Добавилось несколько подросших пацанов, а в остальном все было по-старому. Жизнь шла своим чередом.

На второй день после моего приезда я отправился в небольшую рощицу, находящуюся почти на территории села, где обычно собиралась наша компания. Ребята сидели вокруг костра и о чем-то вполголоса совещались. Их лица были озабоченны.

— Что-то случилось? — обратился я к Витьке, уловив висящее в воздухе напряжение.

— Случилось, глянь вон туда, — Витька указал куда-то в сторону.

Я обернулся и онемел: в стороне, метрах в пяти от нас, на березовом обломыше висел человеческий череп, а под ним белели уложенные крест-накрест, на манер «Веселого Роджера», две берцовые кости; между оставшихся зубов череп сжимал окурки папиросы.

— Где вы его взяли? — спросил я в изумлении.

— Не мы, а вон тот придурок, — Витька указал на Леху.

Оказалось, дело было так. На деревенских кладбищах стараются хоронить родственников как можно ближе друг к другу. Но со временем кладбища разрастаются, причем рост идет не только вовне, но и вовнутрь, то есть недавно умершую родню хоронят все плотнее и плотнее. Так и в этом случае, когда копали могилу, яма своим краем коснулась гроба давнего захоронения.

В это время, наверно, сам черт пронес мимо нашего Леху, который воспользовался тем, что рядом никого не было, и спер из старой могилы череп и кости. Но на этом дело не закончилось. Кто-то заметил устроенный Лехой разор, и неизвестно как, но его вычислили.

Один из дальних родственников покойника, чью могилу разорили, передал Витьке, что переломает ноги всей нашей компании, если мы не вернем кости на место до завтрашних похорон.

Ребята сидели в задумчивости; зная того, кто им угрожал, они воспринимали угрозу как весьма реальную.

— Я не хотел, — ныл Леха. — Там дерево все сгнило, стенка гроба сама развалилась, я только палкой внутри пошевелил, череп сам и выпал.

— А кости тоже сами выпали? — уличал Леху Витька. — А сюда ты их зачем притащил?

— Я вас хотел напугать, а потом вернуть.

— Напугал? Молодец! Теперь иди возвращай, — продолжал Витька.

Леха сидел у костра, скрестив ноги «по-турецки» и низко опустив голову, не смея поднять на ребят виноватые глаза.

— Ладно, что сделано, то сделано, — философски подметил Витька. — Надо думать, как выкрутиться.

Нам даже в голову не пришло отправиться на кладбище днем, потому что можно было огрести по полной, несмотря на явку с повинной. Поэтому решили идти к моги-

ле, когда стемнеет, и тогда вернуть кости на место, а пока, оставив на поляне «Веселого Роджера», разошлись по домам в ожидании сумерек.

Ночь медленно опускалась на село, стих гомон людей, замолчали в своих стойлах сытые, довольные коровы. Только неугомонные собаки продолжали лениво брехать, подводя итог длинному летнему дню. На небе робко замерцали первые звездочки.

— Пора, — голосом, исключаящим возражения, подал команду Витька.

Наш небольшой отряд в составе пяти человек отправился в сторону деревенского кладбища. На небе показался месяц. Когда мы уже подходили к деревянной ограде кладбища, он, как сигнальная ракета, поднимаясь все выше и выше, залил землю холодным, призрачным светом. Если вам приходилось бывать ночью, да и не только ночью, на кладбище, то вы, наверно, обратили внимание на то, что вас окутывает какая-то особенная тишина. Здесь, вне кладбища, страдающая бессонницей перепелка убеждает вас, что спать пора; нет-нет да и залается звонким лаем собака, растревоженная кошмарным сном, а там полная тишина забивает уши ватой, выделяя только отдельные, характерные для кладбища звуки. При полном безветрии вдруг пронзительно скрипнет береза, или в полной тишине под ногами с громкостью пистолетного выстрела хрустнет сухая ветка.

Не показывающие своего испуга пацаны все теснее жались друг к другу. Леха, держа под мышкой свой страшный груз, завернутый в газету, шагал первым, время от времени подталкиваемый в спину товарищами. Месяц на небе засверкал в полную силу. Кладбищенские березы начали отбрасывать нереальные, мерцающие тени. Легкий ветерок в вершинах деревьев, совершенно не ощутимый внизу, вызывал их незаметное для глаз покачивание, от чего тени ползали между могил и шевелились в зарослях крапивы и полыни.

Мистический страх, подогреваемый воображением, сеял в душе панику. Наконец мы подошли к свежeweкопанной яме. Остановились метрах в пяти от нее и подтолкнули в спину Леху. Осталось потерпеть совсем немного. Леха сделал пару шагов вперед.

— Кто здесь?! — раздался хриплый возглас со dna могилы. — А ну, стоять! — И над краем ямы показалась лохматая голова покойника с волосами, припорошенными землей.

Леха взвизгнул голосом щенка, которому нечаянно прищемили дверью хвост, и, выронив свою ношу, рванул наутек, в считанные мгновения обогнав всех нас. Мы мчались следом со скоростью, вызвавшей бы зависть у любого легкоатлета, не замечая препятствий на своем пути. Потом мы не могли вспомнить, обежали мы ров шириною метров в пять, прорытый коммунальными службами недалеко от кладбища, или просто перепрыгнули.

Примчавшись на место сбора в березовую рощу, мы, дрожа и размазывая по лицу слезы и сопли, пытались успокоиться. У некоторых из нас штаны оказались мокрыми. Тяжелее всего встречу с землекопом, которого наняли за бутылку водки подправить могилу и выпив которую он уснул прямо на рабочем месте, перенес Леха. Еще целых полгода родители возили его в райцентр к невропатологу, чтобы вылечить заикание.

Несколько дней мы сидели по домам, не желая никого видеть. Деревня гудела, передавая рассказ о нашем приключении, как всегда привирая и приукрашивая случившееся.

И все же время — хороший лекарь, оно рихтует полученные от судьбы вмятины и излечивает нашу память, стирая из нее все ненужное.

Этим летом у нас появилось новое развлечение, заменившее все остальные. Однажды Вовка Казаногин пригласил нас попасть коров вместе с ним. Главный плюс заключался в том, что, как помощники пастуха, мы могли брать на колхозной конюшне оседланных лошадок. Точнее, брать лошадок, а седлать мы должны были их сами.

В первое утро я, встав чуть свет, отправился на конюшню. Все пацаны были уже здесь. Конюх, добрый дядька, помог нам выбрать самых смирных лошадок и показал мне, как нужно крепить седло. Выполнив все как положено и глядя вслед удаляющемуся конюху, я стал примерять лошадке уздечку. Почему-то совать в рот лошади металлические удила мне показалось не эстетичным, и я пропустил их под подбородком лошадки, просунув ее морду между ремнями.

Выведя лошадей из конюшни под уздцы, мы уселись в седла и поехали по деревне, собирая в стадо коров, которых выгоняли хозяйки. Лошадь была мне послушна, но начинала как-то странно косить в мою сторону. Как только мы выехали за околицу, моя лошадка, посчитав, что и так слишком долго терпела мой произвол, направилась напрямиком к кукурузному полю. Я натянул поводья и попытался развернуть ее в нужном направлении. Бесполезно. Тогда я, проявляя волю наездника, что есть сил потянул поводья в нужном мне направлении так, что выгнулась шея лошади. Недолго думая, лошадка дернула головой в обратную сторону, да так, что я, не успев ослабить поводья, намотанные у меня на руке, с грацией циркового акробата, даже не прикоснувшись к лошадиным ушам, пролетел через ее голову метров на пять вперед, слава богу, не попав под ее же копыта. Подскакавшие пацаны, поняв, в чем дело, исправили мою ошибку и потом еще долго смеялись надо мной.

Благодаря нашей помощи пастух мог не гонять стадо слишком далеко, нашей расторопности вполне хватало, чтобы избежать потравы пшеницы или иной культуры и удерживать стадо на ограниченном участке. Сам же пастух мог свободно отдыхать на солнечной полянке, послав своего подпаса Вовку в магазин за портвейном, и ни о чем не беспокоиться.

В то утро я умудрился проспять. Наскоро перекусив вчерашними пирожками и запив их вечерним молоком, я побежал на конюшню. Конюшня была пуста. Точнее, в конюшне не было конюхов. Скорее всего, они, отправив пастухов, вновь легли отдыхать. Седла, уздечки — в общем, вся конская амуниция была развешана по стенам. Сонные лошади переминались с ноги на ногу в своих стойлах. Я присматривался к лошадям, выбирая себе товарища на день. Мое внимание привлек молодой жеребец угольно-черной масти, внимательно косящий в мою сторону и стригущий ушами. Почему-то мне показалось, что он хочет, чтобы я выбрал его. Я потрепал жеребца по гриве. Тот, то ли от удивления, то ли от удовольствия, тихонько заржал. Выбор был сделан.

Когда я вывел оседланного жеребца на улицу и, лихо вскочив в седло, «дал ему шпоры», то был ошеломлен. От перегрузки меня буквально вдавило в седло, как будто я стартовал на спортивном мотоцикле, а еще не было привычной тряски, и мне не надо было отжиматься на стременах. Конь буквально стелился в размашистом беге, лишь слегка покачивая меня в седле. Так в первый и последний раз в жизни я познакомился с иноходцем.

Когда мы с конем появились на пастбище, все ахнули.

— Ты с ума сошел, это же Вороной, — в один голос зашумели пацаны. — К нему даже наши конюхи подходить боятся, зверь — не конь.

Солнце, поднимаясь все выше, превращало степь в раскаленное пекло. Наверно, поэтому пастух, не рассчитав своих сил, к вечеру сомлел окончательно. Вовка Казаногин, оставшись за старшего, махнул нам рукой, чтобы мы подъехали к нему поближе. Пастух, абсолютно недвижимый, лежал на расстеленном плаще и громко храпел.

— Ну что, пацаны, надежда на вас, выручайте, — сказал он, кивнув на пастуха. — Оставлять его нельзя, медянка может в рот заползти, так что вам нужно прогнать стадо по деревне, а там хозяйки сами своих коров разберут.

Стадо мы собрали довольно быстро и, построив в колонну, погнали в деревню. Коровы вели себя смиренно, послушно и аккуратным строем шагали в село...

Это была моя последняя поездка в деревню на летние каникулы. Да и время моего детства безвозвратно уходило в прошлое. Мой «Бежин луг» закончился.

Я рос, к пушке на верхней губе добавилась растительность на щеках. Чужие огороды уже не манили, а вечера на природе, у костра стали мне не интересны без друзей с гитарой и появившегося у меня нового друга — девушки с нашего факультета.

Бабушка часто приезжала к нам в гости, и, даже когда я уже стал студентом, она всегда привозила мне гостинцы. Это были подсохшие пряники, пропахшие запахом автобусного салона, в котором она ехала в город, или конфеты в потертых фантиках, по-видимому, из ее запасов.

Как и большинство людей ее поколения, она не представляла, как можно жить, не имея надежного запаса из самого необходимого, а именно из соли, сахара, спичек, чая, круп и, конечно же, дешевеньких карамелек к чаю. Революции и войны, пережитые ею, наложили на ее житейские представления свой отпечаток.

Она с загадочным видом подходила к кухонному столу и разворачивала платок, в который были завернуты гостинцы, и мы с младшей сестрой набрасывались на них. Удивленные родители корили нас за то, что мы их позорим.

— Вон ведь полная ваза шоколадных конфет стоит, а в столе и печенье, и вафли, а вы как с голодного края, — ворчала мать.

А мы с сестренкой, никого не слушая, грызли пряники и набивали рот карамельками, с трудом отдирая их от прилипших фантиков. Бабушка стояла рядом и улыбалась доброй счастливой улыбкой.

В своей жизни я перепробовал много вкусных лакомств, но не помню, чтобы хоть одна из них приносила мне столько радости.

Когда я, окончив институт, уезжал по распределению, бабушка специально приехала к нам, чтоб попрощаться со мной. Только тогда я заметил, как же сильно состарили ее годы. Похоронив в разных войнах, включая Гражданскую, троих мужей, она в одиночку вырастила четверых детей, поставила их на ноги. Жизнь не смогла сделать ее сердце черствым, в нем всегда находилось место любви и доброте.

Когда я, погрузив в такси сумки и чемоданы, повернулся к родным, чтобы попрощаться, она первая подошла ко мне. Я впервые заметил, что передо мной стоит старая женщина, сгорбившаяся под грузом прожитого времени. Она подошла и как-то неловко протянула мне правую руку. Я бережно взял ее сухонькую ладонь и прижал к груди. Другой рукой обнял ее за подрагивающие плечи.

— Ну ладно, бабушка, ну чего ты? Через годик приеду в гости, увидимся.

— Ты думаешь, для меня годик — это мало? Я ведь не вечная. Подожди, не перебивай, послушай, что скажу. В твоей жизни многое может случиться, знай, пойдете в атаку, к толпе не жмись, будь немного в стороне. Вперед не лезь, позади других не отставай, зря не геройствуй, но и не будь трусом, пуля трусов любит.

Я стоял немного растерявшийся, понимая, что бабушка читает мне по памяти наставления, которые из поколения в поколение читали молодым казакам, покидающим родной дом, но перебивать ее я, конечно, не стал. Нужно быть снисходительным к старости. Пройдет время, и я пойму, как же я был глуп и как была мудра моя бабушка.

— И главное, может, когда-нибудь тебе станет страшно, и рядом не будет никого из товарищей, которые смогли бы тебе помочь, например, ты будешь ночью стоять на часах, — она применила устаревшее название караула. — Запомни! Ты только попроси его, скажи: «Спаси и сохрани» — и больше ничего не бойся.

Бабушка не сказала, кого его, но и так все было ясно.

Потом я попрощался с отцом, матерью, сестренкой и другими родственниками, сел в машину и поехал. Когда я оглянулся, то увидел бабушку стоящей немного в стороне от других. Правой рукой она благословляла мой путь.

Ее не стало через полгода. Я работал далеко на севере, тогда еще не было сотовых телефонов, а телеграмма туда, где я был, шла со скоростью теперешнего письма. Бабушку похоронили без меня.

Когда я приехал домой в отпуск, отец рассказал мне, как ездил в деревню поправить бабушкину могилку.

По дороге с кладбища его подвез уазик, на котором ехал главный механик колхоза. Рейсовые автобусы еще не ходили из-за распутицы, и отец собирался выбраться на большак, а потом, поймав попутку, добраться до находящегося километрах в сорока райцентра Калачинск, где проходила железная дорога, и уже на электричке вернуться домой.

Сидящий рядом с водителем начальник, обернувшись к отцу и внимательно посмотрев на него, спросил:

— Из города, навестить могилку, а кого, если не секрет?

Отец ответил, и на лице главного механика появилось выражение изумления:

— А вот пацанчик тут приезжал, Игорем звали, он вам кто?

— Это мой сын, — ответил отец.

— Остановись! — скомандовал начальник и, прихватив какой-то сверток, пересел в салон, к отцу.

— Куда вы собрались ехать? — спросил он отца.

— До центра поселка, — ответил тот настороженно.

— А потом?

— Потом на попутках до Калачинска.

Главный механик обернулся к окошку водителя и скомандовал:

— Гони на Калачинск!

Ничего не понимающему отцу он пояснил:

— Да ведь Игореха — братуха мой, мы с ним в детстве в одной компании такие дела делали, закачаешься.

В свертке оказались бутылка водки, краюха хлеба, шмат сала и несколько свежих парниковых огурцов. Отец, быстро сообразив, кто перед ним, указал пальцем на огурцы и серьезно спросил:

— Не ворованные?

И они дружно рассмеялись.

Главного механика звали Владимир Иванович Казаногин.

Потом отец рассказал о судьбах моих друзей. Со слов Вовки, он единственный из нашей компании, кто остался в деревне. О Мартыне больше никто и никогда не слышал, Витька Грюканов окончил Рязанское училище ВДВ и служил в Афгане, а вот Леха утонул, ровно через год после того разорения могилы. По злой иронии судьбы его могилка совсем рядом с той, что он когда-то разорил.

— Да, и еще, ты не помнишь такого имени — Султан? — спросил отец.

Память тут же услужливо показала мне лицо чеченского пацана со злобным, крысиным оскалом.

— Так вот, он тоже учился с Витькой и какое-то время служил в Афгане.

Мне стало неприятно, и я поморщился, а отец рассмеялся:

— Вот-вот, и у твоего дружка Казаногина была точь-в-точь такая же физиономия, когда он мне это говорил.

...Тропа, ведущая через перевал, извивалась змеей между каменных осыпей. Иногда приходилось по-пластунски пролезать под нависшим камнем. Даже на лошади проехать здесь было невозможно. Поэтому группа бородатых мужчин, одетая в камуфляж и обвешанная оружием, шла пешком. Вожак группы Султан, оглядывая ко-

лучим взглядом едва заметную тропу, водил головой из стороны в сторону, словно принохиваясь.

Сам он родился в далекой Западной Сибири и никогда не был в Чечне, но считал ее, как и весь Кавказ, своей исторической родиной. После окончания училища ВДВ служба забросила Султана в Афган, где он, воспользовавшись случаем, перебежал на сторону моджахедов, но подставлять свою шкуру под пули шурави у него желания не было. Быстро завязав нужные знакомства, он вскоре оказался среди «диких гусей» — так в Европе называли наемников. Качество подготовки в ВДВ было замечено инструкторами — и вот он уже командир группы.

Когда в зону интересов командования наемников попал бывший советский Кавказ, Султан с радостью принял предложение, за солидную плату, провести карательный рейд на территории неверных, в бывшей советской республике.

Сразу за перевалом стояла какая-то странная ментовская часть. Султан, наблюдая за ней в бинокль, не мог понять, почему все бойцы части носят офицерские погоны. На крутой спецназ они не похожи, хотя по возрасту не пацаны. Но его радовало другое — все их внимание было направлено на дорогу, а значит, на свой периметр они обращали мало внимания. Если его группе удастся пройти незамеченной, то там, впереди, всего лишь в нескольких километрах, находится поселок. Идеальная цель для джихада. А потом, когда вспыхнут дома и люди, выскакивая на улицу, будут падать на землю под автоматными очередями, как спелые колосья под серпом, в поднявшейся суматохе они без проблем смогут вернуться на свою территорию. Почти два дня Султан в бинокль изучал караульную службу и как профессионал наконец-то нашел слабое звено. Недалеко от блиндажа находился всего один пост. Если снять караульного, то можно вырезать и всех спящих в блиндаже, но это опасно. Половина бойцов не спят, а находятся в карауле, да и те, что отдыхают, не дай бог, успеют вовремя проснуться. Тогда вся его группа окажется под огнем российских пулеметов, а это смерть. Лучше прирезать одного русака и незаметно пройти в поселок, а уж там...

Султан полз, обдирая камуфляж об острые камни. Он мысленно радовался тому, что нормальных ограждений на этом участке пока не было. Не дай бог, спираль Бруно или сигнальная мина. Стоит только обнаружить себя — и вся группа попадет под перекрестный огонь соседних постов и выскочившей из блиндажа отдыхающей смены.

Его бойцы остались позади в ожидании команды. В руках у Султана тускло поблескивал длинный кинжал, подарок деда, настало его время. Караульный находился уже метрах в десяти, и Султан, как опытный воин, не сомневался в успехе. Выглянувшая на короткий миг луна осветила лицо бойца, показавшееся Султану знакомым, но времени думать и вспоминать не было. Он прополз еще несколько метров вперед и, готовясь к последнему броску, сжался, как пружина.

Под утро погода начала портиться. По уставу наш круглосуточный пост сменялся каждые два часа. Было четыре часа, и по закону подлости пришла моя очередь заступать в караул.

Время от трех до пяти утра считается самым тяжелым. Стрелки часов словно прилипают к циферблату. Веки наливаются свинцом, внутренний голос убеждает, что нет ничего страшного, если ты присядешь вон у того камня и посидишь пять минут с закрытыми глазами. Мысли становятся вязкими, сознание заторможенным. Недаром все войны и перевороты начинаются именно в это время.

Под утро с гор потянуло свежим, холодным ветерком; если стараться дышать полной грудью, то сон понемногу отступает. Вдали начали проступать контуры гор, но низкая облачность не давала им проявиться до конца, и горы тонули в мутном сумраке, как изображение на просроченной фотобумаге.

Дыша полной грудью, я уперся спиной в бетонные блоки и поднял голову. Звезды, словно смутившиеся своей наготы, под моим взглядом поспешно прятались за набегающие тучи. Месяц, перебегая от тучки к тучке, подглядывая за стеснительными звездами, позабыв свои обязанности, лишь изредка небрежно подсвечивал землю через прорехи в облаках.

Внизу, у дороги, послышался шум каменной осыпи. Наверно, какой-то зверек проявил неосторожность, а может, не зверек?

Иногда бойцы в карауле снимали автомат с предохранителя и досылали в ствол патрон. Это успокаивало натянутые нервы, но часто вызывало беспричинную стрельбу. Поэтому делать это категорически запрещалось. Но мир и война диктуют разные законы.

Я снял автомат с предохранителя и, лязгнув затвором, загнал патрон в ствол. Оглядывая ночной пейзаж, я успокоился и снова прислонился к стене, чувствуя прохладу бетонных блоков.

Я, наверно, все же уснул, потому что увидел, как ко мне подходит мой друг детства Леха и раскрывает руки в ожидании объятий.

— Леха? Но ведь ты же утонул, — удивленно сказал я.

— Ну и что? Мы все когда-нибудь уйдем из этого мира.

— Но я же еще жив.

— Ну и что? Ты пока жив.

Лицо Лехи расплылось и исчезло в лунном тумане, а из бледно мерцающего облака вдруг появилось лицо бабушки.

Я совершенно явственно услышал ее слова:

— Ты только попроси его, скажи: «Спаси и сохрани» — и больше ничего не бойся.

— Игореха, берегись! — услышал я крик Витьки.

— Игореха, проснись! — звучал в моих ушах голос Вовки.

Мартын, такой же молодой, каким я видел его много лет назад, беззвучно раскрывал рот в мольбе, смотря мне в глаза, а я читал по его губам: ну что же ты, Игореха?

Мертвый Леха вновь возник в свете лунных лучей и, как бы противясь чьей-то воле, прошептал: «Берегись!»

Весь мой «Бежин луг» шептал, кричал, просил и умолял меня о чем-то. Прогоня наваждение, я потрянул головой и, оттолкнувшись от бетонной стены, огляделся. Ночь по-прежнему была тепла и тиха, где-то далеко раздавались раскаты грома, пушистые облака, становясь все гуще и темнее, как и раньше, плыли по небу. Я решил обойти периметр, хотя он и так хорошо просматривался с моего места. Где-то совсем близко, в поселке, начинали брехать собаки, приближалось утро, но чувство тревоги не проходило. Повинуясь каким-то внутренним силам, я шепотом произнес: «Спаси и сохрани».

Позади меня раздался шорох камней, я резко обернулся и буквально в последний момент успел повернуть автомат в сторону летящей на меня тени с кинжалом в руке и нажать на курок.

СОН О ДОРОГЕ

Чувство жизни, чувство дороги, идешь, не зная куда,
В чьих-то стоптанных кедах, в заношенных джинсах,
Не интересуясь пейзажем, отмечаешь под ногами окурки.
Денег нет на хорошее курево, обойдешься при случае ими.
Взгляд спотыкается о подкову, неуверенно медлит.
Дорога насмешливо ждет, поднимешь ли с мыслью прибить
На счастье над дверью. Подбросила, чтобы напомнить:
Двери-то нет, не осталось. Квартира отобрана за долги.
Оставь, пускай полежит. Теперь я твой дом.

Все дальше куда-то ведет, убегает дорога, становится миром,
Меняется вместе со временем, с очередным поворотом,
Мимо тесных предместий памяти, деревянных сортиров,
Мимо свежих бетонных надолбов, необжитых новостроек,
Мимо уже обезлюдевших, брошенных, заколоченных досками
(На земле отслужившие книги, учебники, разорванные бумаги),
Мимо грузовика без колес, с портретом вождя на кабине,
Мимо полуразрушенной церкви. На израненном барабане,
Где был купол — гнездо из прутьев, в нем аист кормит птенцов.

Убегает дорога, бежит, такое ее назначение, такая служба, судьба —
Вести, не зная, что дальше. Не стало защитной асфальтовой глади.
Длинное тело изранено вдавливами, колеями, боем копыт.
Меняешься вместе с ней. Документы потеряны или украдены,
Без них забываешь, кто ты. Одиссей начинает зваться Улиссом,
Бродяга оказывается бомжом. Молодежные джинсы со свалки —
От излишеств сытого времени. Оно теперь и подкормит,
Поддержит, лишь бы шел до конца, гадая, что тебя ждет,
Где он, этот конец, сколько тащиться еще до него и зачем.

Чувство жизни: преодолеваешь дорогу, подчиняясь изгибам. Отрезки —
Звенья без цепи. Указатели проданы в металлолом, вдоль обочин
Роскошества новой рекламы, иностранные фирмы, названия —
Чтение вместо газет и журналов, прихотливые граффити, знаки,
По ним красным спреем: «Россия превыше всего!», «Встань с колен!»,
«Кровь, отечество, вера!». Богатырь в картинной кольчуге
Поражает ракетным копьём дракона, изогнутого, как доллар.
«Ура, мы их сделали! Повторим, если надо, вперед, за вождем!»
И белилами стрелка, считай, указатель: вперед, куда же еще.

Марк Сергеевич Харитонов родился в 1937 году. Прозаик, эссеист, поэт, переводчик. В 1992 году стал первым лауреатом русской Букеровской премии (за роман «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича»), в 1997 году удостоен французской премии за лучшую эссеистическую книгу года («Prix du meilleur livre étranger essai»). Произведения М. Харитонova переведены на многие языки. Живет в Москве.

Поля превращаются в пустоши, лес в сухостой, больные деревья.
 Дорога становится бездорожьем, рада отдыху от машин.
 Высоковольтная дрожь над головой возносит все выше стрижа.
 Напрягается воздух, пружиня, в нем плывешь невесомо.
 Все закружилось, задвигались, ожило, стали надписи голосами.
 Засветился экран впереди, на экране лицо: седая щетина до глаз.
 Закрывает дорогу, не дает обойти. Кривит усмешливый рот:
 «Уставился, не понимаешь? Не узнаешь? Давно не видел себя?» —
 «Я не знаю, как дальше идти. Дороге еще не конец?» —

«До конца ее все не достроят, говорят, уже кончились деньги.
 Разговораны, как всегда. Да тебе и не надо, все увидишь отсюда.
 Технология века, современный дисплей, до сих пор не встречал?
 Вот смотри, обещанье фантастики: энергетическая пирамида,
 В ней семена дадут урожай небывалый. Колокольня теперь минарет.
 Чей-то флаг пустил в землю корни, не вырвешь, не пошатнешь.
 Ограда закрытой воинской части, километры колючей проволоки,
 Что за нею, никто не расскажет, свидетели не возвращались.
 Информация засекречена, съемки запрещены». —

«То есть здесь и остаться? Будто время остановилось». —
 «Наступило безвременье. Кончается мир прежний, привычный». —
 «Шел, боялся, хватит ли сил до конца». — «Уж в этом не сомневайся,
 До конца всех как раз и хватает, так мы устроены по природе:
 Нельзя к нему не стремиться. Идем кто как может, выстраиваем
 Реальность, на какую способны, какую не страшно выдержать,
 Растягиваем чувство дороги, довершаем каждый свое, переносим
 На будущее конец, не свой — мира. Неизбежный, заведомо знаем.
 Только бы не сейчас, еще хоть немного. Благо тому, кто верует,
 Кто надеется на продолжение после конца».

СТАТЬ СОБОЙ

Werde der du bist. *Goethe*

Стань собой. *Gême*

Умение быть своим среди не своих, таким же, как все, понятным,
 Прозрачным в мире прозрачных, проницаемых друг для друга,
 Усвоить готовые фразы, понятия, лозунги, правила, не выделяться,
 Не давать на себе задержаться, споткнуться взгляду, не вызывать
 Опасных сомнений, играть при нужде в прятки с самим собой,
 Прикрывая лицо нарисованным на картоне, желательно никаким.

Хорошо б не ходить на собрания, а то брякнешь там что-то не то.
 Но ведь спросят, почему не ходил, а пришел, ничего не сказал,
 Хлопал недостаточно громко. Повезло, когда удалось однажды
 Сломать вовремя руку, прийти на собрание в гипсе, в бинтах,
 Показывая: не поднимается аплодировать, голосовать.

Что проще, казалось: на стадионе, на площади, слившись с толпой,
Имитировать правильный энтузиазм, эйфорию, восторженный вой.
Присмотрится сбоку сосед: а ведь ты не кричишь. Развешиваешь рот,
А пар из него не идет. Ты не наш? Не за нашего? Как это ни за кого?
Попробуй прожить посреди дерьма, не став при этом дерьмом,
В надежде к концу укрыться где-то, где нет других.

Цивилизация позаботилась: не надейся, найден способ и без людей
Сделать всех беззащитными от надзора, опутать неощутимой,
Всевидающей паутиной. Сама проследит, не отпустит ни на минуту,
Что ты делал, где был, с кем встречался, пересекал ли границу
(Отметит связь с иностранцами), о чем говорил, переписывался,
В какие заглядывал сайты. Пришел ли голосовать, когда нужно,
Поставил ли правильно галочку. Проверит на видео, фото.
Повредишь паутину — сама себя залатает. Придется потом отвечать.
Электронный детектор не даст уклониться. Если одобрит ответ,
Обученный тролль пригласит станцевать, как описано в книге...

Остановись, Цинциннат, опомнись, не поддавайся на танец!
Не дай подчинить свою жизнь виртуальности, знакам, подменам.
Не томись ожиданием, не страшись, твой мир подвластен тебе.
Оглянись, различи вокруг таких же, как ты, услышь их голоса,
Останься с ними собою, освободись, вспомни себя — живи.

ИСКРИВЛЕННАЯ КРАСОТА

Мне рассказывал лесовод-ученый
В заповеднике близ Кивача, где разводят березу карельскую,
С наростами, искривленную, растущую медленно.
Искривленность, говорил лесовод, болезнь обычной березы,
Замеченная лишь в местах, обжитых человеком.
Словно самим присутствием он наделил древесину,
Здоровую, но годную лишь на дрова,
Особой болезненной красотой, придавшей ей цену.
Впору пофилософствовать о работе цивилизации,
Вслед за Ницше назвав человека большим зверем.

* * *

Запущенный сад, паутина коснулась лица,
Гаджет в руках подключен к мировой паутине.
Африканец в бурнусае уставился на дисплей,
Подросток дронит на порнуху, лысоватый очкарик
Выводит ученую формулу, миллионы таких же,
Каждый в своем уголке, добавляют фрагменты
В необозримый пазл, очертаний не различить.
Разрастается сложность. Неуютно без простоты,
Без единого смысла, проверенных авторитетов.

Расслабиться бы, отдохнуть...
Прекрасен запущенный сад,
Паучок затаился в углу. Нет, опять смущает поэт,
Простота, говорит, — уязвимая смертью болезнь.

СЛЕД СВЕТА

Предметы фотографируют,
чтоб изгнать из сознания.

Кафка в беседе с Г. Яноухом

Любуемся: след света на бумаге,
Серый ли, цветной.
Со временем останется лишь он,
Чтоб вытеснить и заменить воспоминание.

Кто скажет: подменить, а кто: обогатить.
Не так ли и поэт, преображая взгляд,
Обогащает жизнь, реальность.

Работа времени: чем больше выцвел отпечаток, тем ценнее,
Развалины тем драгоценней, чем древней,

ЗВУКИ ПОЧТИ ЧТО ТЕ ЖЕ

Звуки почти что те же, узнаваемы сочетания
Тех же считанных нот. Так про напитки скажешь:
Веселят, утоляют жажду, но в одном ощущаешь
Несказанное благородство выдержанного вина.

Чувств не больше, чем нот. Переживаешь радость,
Найдя пропавшую мелочь, ведущий к решению ключ,
Добившись взаимной любви. К запредельным высотам
Возносит духовный поиск, быстрый пьянящий укол.

Формул не так уж много, можешь узнать, если хочешь,
Химическую природу беспокойства и торжества,
Коды природных качеств, цифры космических циклов.
Неясны пока лишь мелочи, ими волшебна жизнь.

Встреча случайных взглядов, дрожь невольной улыбки,
Трепет туманных ресниц, внезапно возникшая мысль,
Блаженный лепет поэта, сновиденье младенца
И эта вот тайна музыки — чего в слова не вместишь.

Андрей АНТИПИН

ТЕПЛОХОД «БЛАГОВЕЩЕНСК»

Рассказ

I

Жара. Голубая полуденная одыжь. Мне кажется: нет вокруг ни леса, ни реки, ни неба, ни воздуха — одна сплошная пылающая лава. Земля выжжена и обезвожена так, что, наверное, кузнечик, спрыгнув с травинки, вздымает незримое облачко пыли. Лена усохла, облезла, выветилась на перекатах до дна. Тут и там оголились опечки, наперли ребра брустверов, и лавни — деревенские передвижные мостки из широких толстых плах с двумя колесами на конце — день ото дня выдвигаются все дальше в реку. На дворе первая неделя августа, а лиственницы по косогору уже наливаются осенним воском, вянут листья на березах, тополях и осинах, ртутными столбиками горят стебли краснотала в поймах задыхающихся ключей и родников. В огородах отцвела и поникла картошка; пожухла, едва завязавшись, капуста; закручинились морковь и свекла в твердой корке земли, которую бабы перед поливом протыкают острой лучинкой, чтоб овощ вконец не загнил.

Все жаждет дождя!

Давно все грабли обращены зубьями к небу, а вилы опущены в воду: так, по примете, в старину ворожили ненастье. Но из района летят и летят безрадостные сводки. Пылают лесные пожары, деревню заволакивает удушливо-сладким дымом, и уже с раннего утра лютуют на улице черные тучи гнуса, выжитого из леса. Туда-сюда курсирует оранжевый вертолет, кружит над тайгой или осыпает Подымахино бумажными агитками «Берегите лес!». Листовки тут же уходят по назначению: ребятня делает из них самолетики, старухи собирают для всякой хозяйственной надобности, а смуглые подымахинские старики, рассевшись в тени изб, мастерят из них злые самокрутки.

Когда земному терпению наступает конец и директор совхоза, пыля на своем «бобике», сообщает об очередных неутешительных прогнозах, старухи поговору выволакиваются за ограды. Торжественно, точно это сверху послана им особая миссия, сменяют к реке, подняв над собой иконы Николая Чудотворца и Марии, матери Божьей.

— Я как полы помою, у меня иной раз под порожком отсыревает, — для проформы беседуют о пустяках, возбужденные грядущим таинством. — Вода закатится и другой раз высохнет, а когда — не сразу. Я на доску-то наступлю, и если брызнет из-под по-

Андрей Александрович Антипин родился в 1984 году в селе Подымахино Иркутской области. Выпускник факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Автор книг: «Капли марта» (повести и рассказы) и «Житейная история» (роман), а также публикаций в периодической печати. Живет в поселке Казарки Усть-Кутского района Иркутской области.

рога — к дождю. Вот сколько раз так было! — божится. — А нынче два раза брызгало — и ничего.

— А у меня если костка заболит на руке, вот в етим месте, — старуха показывает на изгиб кисти, — то дождь пойдет, — и кивает, убеждая, седой головой.

Слушив с себя яркие ситцевые платки и простенькие повседневные платья в пятнах от свежескошенной травы, старухи, чертыхаясь на камнях, забредают с иконами в Лену.

— Баба сеяла горох и сказала деду: «Ох!» — протараторив детскую считалочку, окунаются по горло. Они смеются, охают, кричат, толкают друг дружку на глубину. Тут как тут и ребятишки: стоят поодаль, удивленно сопят в обе наветренные шморгалки, не решатся подойти к старухам, которые еще полчаса назад караулили их в малиннике, а сейчас барахтаются в реке, выставив на обозрение всему свету желтые животы и квелые, словно брусника в ноябре, груди.

С угора наблюдают любопытные старики, комментируют для потехи, отвлекают от священнодействия.

— Веселей, Анна, загребай! — подзуживает Иванов, далеко раньше времени вступивший в ряды деревенских старожил. — Во! Отгребись на фарватер и заводись. Да шпонку не сорви... Ну куда тебя кренит-то?!

— А ты пошто оробел нынче? — в тон ему отвечает белозубая бабка Аня, местная ворожея, самускатель на заплыв с иконами. — Пошел бы да поддержал!

Картинно всплеснув руками, Анне хрипло возражает высокая бабка Маруся, отчаянная матерщинница и единственная среди старух курильщица:

— Ты кого выдумывашь, девка?! — Бабка Маруся, тая лукавую улыбку, смотрит на Иванова, на Анну. — Он имана своего в руках не удержит, не только что...

— Шмеля тебе под подол, долговязая, за твой поганый язык! — обижается Иванов, ищет в карманах курево, огрызаясь на подковырки других стариков.

— Нырй, Маруся, топориком, да Миколу не потопи: Бог враз пензии лишит! — чадит самокруткой старик Шишкин, хорошо пьяненький по случаю субботы.

— Сам не сплошай, а то сидишь, в штаны напрудил!

На то Шишкин степенно замечает:

— Тебе-то что? Легла на грудя — и плыви хоть в Якутска...

С другого фронта — от избы Валерки Лабы по кличке Бай — мужики смехом давятся. У них своя вера: сботали сетью ведро ельцов и окуней, сменяли у бабки Анфисы на водку. На глазах всей деревни соорудили «круглый стол», перевернув огромную деревянную бобину от электрокабеля. Гулеванят на лужайке, на самом пекле, — кусок хлеба да шмат оплавленного сала, пустые бутылки в крапиву так и свистят. Глядя на старух, водит осовелыми глазами Петька Яковлев, включенный от неудобного сна за столом. Гудит, сложив руки наподобие рупора:

— Итак, очередные зональные состязания по гребле с голыми титьками объявляются открытыми! У-ура-а, товарищи!

— Но-о, ишо один! — гневно плюется бабка Аня. — Балаболка! Че скажет — как в лужу бизнет!

— Прикрой, Петька, мотню: мошки хозяйство нажучат! — Стоя по грудь в воде, бабка Маруся плещет на лицо и довольно побрякивает.

Петька не спускает:

— Под первым номером — тетка Маруся, неоднократная победительница деревенских соревнований в беге за «катанкой»...

— Постыдился бы так говреть-то, Петро! Не ровня тебе, как-никак! — стыдит бабка Варя, мелко потрясая контуженой головой; почерпнув, отхлебывает из ладошки. — О-о, сразу как опеть родилася! Вот что значит — своя...

— Попей-ка ее, родимую, ишо не то сболтнешь! — возвращаясь к разговору о Петьке, низким грудным голосом басит бабка Аня, с напором, как молодая, бродясь против течения.

— Осторожно, русалочки! — гогочет Петька. — Там у Каторги сеть. Запутаетесь по самые жабры...

— На сколь она у тебя, Серьга? — со знанием дела уточняет Толя Нос, надвинув едва не до бровей фирменную темно-синюю бейсболку «Речфлот» с широченным козырьком, затемнившим половину лица. — Ельцовка?

— Сороко-овка.

— Бабка Варя проплыве-от! Ее ряжем надо. Или корчагой!

— Смех-то смехом, а у меня ерш в пятидесятку попал! Расшиперился во так вот в ячее...

— Расшиперишься тут! Моя, вон, в погреб полезла вчера... Я, главно, все лестницу починить собираюсь!

— Бессовестные! Все мужики на покосе, а оне...

— А они «катышу» понужают! Скуснатища-а — во! — скаля зачифиренные зубы, Катарга — хозяин бобины — глухо, почти беззвучно смеется; поднеся к губам заветный стопарь, опрокидывает в себя и долго — отрешенный — сидит с закрытыми глазами.

— Имеем право! У меня, главно, зуб ноет — всю щеку растарабанило...

— Душа у тебя, у па́длого, не ноет?! Картоха вся как ешь зачйчерела! Че исти зимой будешь?!

Все на мгновение замолкают.

— Мы небо размачиваем! — нагло заявляет Нос и, кивнув мужикам, вынимает из травы еще одну, срывает зубами чеку-заглушку из мягкой золотистой жести. — Размочим — и дождь пойдет...

— Пойдет-пойдет! — поддакивают друзья-товарищи, деликатно подставляя стопки.

— Имья хоть в глаза сси — все божья роса! — отмахивается бабка Аня.

— Нет, бабульки, — не унимается Петька, промакивая рукавом залитый теплым угарным потом лоб. — Навострите локаторы, я вам щас анекдот расскажу! Короче, приходит старуха к гинекологу...

— Эх, поглянулось — хорошо! Давай-ка, батенька, ишо! — как черт из бутылки, наперед Петьки выскакивает лысоватый Бай.

Петька с сожалением, как на блаженного, смотрит на Бая, который по-гусиному вытянул шею и, ожидая реакции, скорчил обметанное колкой щетиной лицо.

— Но-о, сморшился, как кобыльля срака! — устав перепираться, отворачиваются старухи.

Накупавшись, омыв иконы да сотворив с запинками молитву, сотканную общими усилиями из детских воспоминаний, старухи устало тащатся домой, хлюпая мокрыми тряпичными тапочками. Старики провожают их сочувственными взглядами и, что-то доказывая друг другу, тычут в небо жилистыми кулаками. Мужики — помалкивают.

А дождя все нет. Нет ни к вечеру, ни на утро следующего дня...

II

Банным теплом дышат в лицо мертвые чабрец и волоснец. Пахнет смородиной и дымом. В воздухе сухая едкая пыль пошевеленного сена, и от нее спину и плечи жжет так, словно уронили в крапиву. Я то разболокаюсь до трусов, то снова оденусь. В одежде жарко, а без нее и вовсе худо: оводы осаждают голое тело, розовыми волдырями вспухают укушенные места, в ранки сочится соленый пот, волдыри огнем го-

рят и предательски чешутся. А тут еще мошка дает жизни. У меня все глаза красные: мошка то и дело забивается под воспаленные веки, и я тру глаза наслюнявленным пальцем или концом выпущенной рубахи. Да только все без толку. Едва вынешь пронырливую тварь из одного глаза, как в другом уже все три. До чего много мошки на Лене! Чуть ворохнешь граблями вчерашнюю кошенину, как тут же взвизывает тучей и глазам делается темно. Тогда хочется упасть ничком в траву и лежать, не шевелиться.

Но лежать нельзя: после обеда ставить сено. Его много сбрили в три литовки дед, отец и Мишка.

С утра, по росе, косили у ручья, где кончаются наши владения, дожали полянки, полные густой высокой травы, спутавшейся и полегшей набок. Теперь косы отдыхают в кустах. Осталось высушить да скопнить скошенное, и можно считать, что на Дресвяном ручье управились. Но уже завтра-послезавтра мы уйдем ниже по реке, на Перевес. Там пабереги не меньше, а в култуке ждет не дождется осока, которую мы запасаем скоту на подстил. Это, пожалуй, самая трудная работа. От нее тупятся косы, точно они не отлиты из стали, а вырезаны из консервной жести, и руки, метающие тяжелую, всегда будто сырую осоку, вспухают жилами и через час-другой «отстегиваются».

Дождь бы, что ли, пошел!

Но в небе ни тучки. Небо прозрачно-голубое, полосками желтой фольги блестя в нем солнечные лучи. Вот высоко над лесом показывается ясный, словно вычерченный на ватмане, силуэт ястреба. Он парит, высматривая добычу, и некоторое время реет у нас над головами, но попадает в золотую клетку и — ослепленный — цепенеет в воздухе, а уже через миг взмывает еще выше и оттуда стремительно пикирует на крутую отвесную сопку, сидит выпуклой ржавой точкой на облезлой сушине... Не к неастью ли?

Прошлым летом в разгар сенокоса рухнули затяжные ливневые дожди. Ошалевшая брюхатая Лена по-весеннему захлестнула паберегу, налилась всклень, затопив низины и подоткнув угоры. Разбушевавшимся потоком подмыло и поволокло стоявшие у реки копны и зароды, они застревали на отмелях, цеплялись за бакены, разматывались по прибрежному ольховнику, ветки которого торчали над глинисто-мутной водой. Плевались да костерили небесную канцелярию старики, когда мимо Подымахины проплывали копны добротного нынешнего сена, а жирные черные вороны, сидя на остроинах, как на шпильях затопленных куполов, каркали громко и жутко. Нежданная мокреть как наказание небесное многие семьи заставила взяться за нож, к зиме не одну красную кровяную шкуру откинули на заплот раньше земного срока. Наше сено стояло ближе к лесу. Языки воды едва приблизились, как в небе наконец разъяснело и бешеная пена потекла обратно в русло. Однако совсем без последствий не обошлось. Дождями, лившими больше недели, едва не до середины проклевало наши копны, как бы ладно они ни были завершены. Мы отложили косьбу и принялись разбирать, сушить и снова метать. Всех чертей обругали, когда, отступаясь на вырубленных в глине ступенях, перетаскивали сено на угор, опасаясь повторного наводнения. Много сена погнило, да и то, что спасли, пережежалось прелыми червоточными клочьями и воняло белой плесенью. Но хотя все это еще на памяти, не забылись и, наверное, не скоро забудутся те надсадные дни, я никак не могу себя побороть и нет-нет да вызрюсь в небо с надеждой на маломальскую весточку о будущей непогоде...

Рядом гребет мой дед. Ему под семьдесят. Колючая, с сединой, щетина покрыла черные от солнца и старости щеки. Голова не то чтобы плешивая, а жидковолосая: как овцу, остригла его старшая дочка. «Тут иман, там иман!» — охарактеризовала стрижку бабушка. Вот дед кладет грабли и, выудив из кармана скомканную косынку, по-старушечьи обвязывает голову, затянув узелок на лбу. Гребет он без спеха и с величай-

шим знанием дела: с горки в низинку, не к кустам, а от кустов, где нет завеи и солнце жарче, и все строго в линию, вдоль Лены. Такие валки чем удобны: зайдешь с одного конца, пропорешь вилами и пыхтишь, буровя в кучу, пока, как говорит дед, «из заду не подастся». Временами старик с отчаянием трет глаза и материт правительство. Мне это смешно, хотя и не совсем понятно. Я поглядываю на старика в надежде, что мошка загрызет его до смерти и он скомандует перекур (верховодит на сенокосе дед), но старик, как заведенный, шерудит и шерудит граблями.

— Дед, а дед!

— Но-о?

— А почему ручей — Дресвяный?

— Деревня тут раньше стояла, — дед запямятовал, что и вчера, и позавчера я уже спрашивал его об этом. — Она-то и называлась — Дресвяная...

— А деревня почему называлась Дресвяной? Может, как раз наоборот: деревню так назвали, потому что ручей — Дресвяный?!

Вот уже несколько дней кряду я умышленно пытаю старика подобными расспросами, как будто это он виноват, что жарко и на лугу тьма-тьмушая жручей мошкеры. Дед отмалчивается, делает вид, что не его милости касается, но мне от него ничего и не нужно! О том, что здесь была деревня, я знаю и сам, ведь все об этом говорит, и пуще всяких слов — камни, ни с того ни с сего возникающие в траве, хотя мы каждую весну чистим луговину. Ну или вот еще — черное обгорелое бревно, обглоданным позвонком какого-то древнего животного упокоившееся на дне Сенькиной ямы...

— А почему яма называется Сенькина?

— Потому что Сенька возле этой ямы косит, — не переставая работать, по-прежнему негромко, повествовательно говорит старик, и сказанное им мне также известно. Только для меня уже неважно, кто такой Сенька и где он косит траву! Сенькина яма для меня — это яма возле бревна, на котором я два лета назад проткнул вилами спящую гадюку. Но именно поэтому и завтра, и послезавтра, и через много-много лет, когда замолчат слова и изыдут с дресвяновской луговины последние камни, я буду помнить и всеми позабытого трудягу косаря, и полусказочную деревушку, и своего покойного дедушку, которого я когда-то без малейшей жалости допекал расспросами. История окружающего мира начинается для меня — с гадюки...

У кустов, поодаль, ворошит отец. Он раздет до пояса; спина — словно смазана свиным салом; ремень скоробился и засох; штаны — в белых соляных разводах. На спине у отца — семь оводов, которых у нас кличут плевками. Только он, по-моему, их не замечает, стопоря работу лишь затем, чтобы протереть залитые потом очки. У отца самые большие валки. Он ценит все державное и могучее. Он видит в этом залог благополучия. Дед, в свою очередь, видит в этом халтуру и, брызжа слюной, внушает нерадивому, что толстые валки не просохнут. Закипает перепалка, но лишь на мгновение: жарко. У отца в руках грабли — хоть к трактору подцепляй! Эти грабли с тайной усмешкой изготовил для него дед. Другие, сотворенные под неспешную стариковскую руку, отец через день-другой попросту крушил.

— Сдуру знашь че можно сломать? — выдавая эти грабли, глубокомысленно спросил дед.

Хрясь! Сухой треск! Отец зарочил грабли за смородиновый корень и сломал деревянный зуб. Дед громко матерится и одну за другой высмаркивает ноздри.

— Ми-иша-а-а! Наладь этой чуме, у меня уж сил нет глядеть на все это!

Вот и выкроилась минутка для отдыха! Можно посидеть, посмотреть, как брат Мишка выстругивает из деревяшки новый зуб и вправляет вместо старого.

— Потянет! — Мишка подает отцу «вылеченные» грабли. — Ты это, папаня... это ж не борона!

С Мишкой у нас разница в десять лет. Он минувшей зимой вернулся из армии. Два лета Мишка не косил, соскучился и теперь работает в охотку. Недавно я с удивлением заметил, что мы с ним совсем не похожи: он русский и кудрявый, а я — почти черноглазый, и волосы у меня не в смолевою витую стружку, как у него, деда или отца, а — прямые. У Мишки кожа белая круглогодично, а я зимой смуглый, а уж летом — как негр. Он — в бабку по отцу, я — в бабку по матери. Но я во всем подражаю брату, поскольку все у него лучше: и коса, и грабли, и самодельный нож в кожаных ножнах на правом боку. И косит, и гребет он баще всех! И я тоже мечтаю научиться косить так, чтобы трава, как по заказу, падала в один аккуратный ряд, и сгребать, не оставляя ни травинки. А нож на боку у меня есть: чехол из кирзового голенища, а рукояткой исправно служит резиновая велосипедная «газулька».

Мишка — самостоятельный человек, что хочет, то и делает, и даже дед ему не указ. Захотел по-маленькому — пожалуйста, бросил грабли поперек вала и, поворачась спиной, льет на кусток шиповника. И пыльные, квелые от жары листья на глазах становятся ярко-зелеными, разве что кое-где уже видны желтые раковинки-проедины, словно прожгли лупой.

— После картошек пойдем на Талую...

Забыв о жаре и гнусе, с жадностью ловлю каждое братово слово. О, какое по счету лето мы вострим лыжи в верховье речки Королихи, которая и зимой не замерзает, отчего и носит красивое имя — Талая! Одно время я был слишком мал, чтобы осилить двадцать с лишним километров таежного бурелома, но вот я подрост (смотрите, как я подрост!), а Мишку как раз и забрили в армию... Мне часто снится: ломовой черноспинный хариус с золотистым подбрюшьем сыграл из-под коряги на «морковку» — оранжевую шерстяную мушку с рыжими усами из ондатрового волоса — и, засекишь, бодается, ходит в глубине серебряным колесом.

— Ленюк с хариусом в конце сентября скатываются в Лену, — дразнит, говорит дивное Мишка. — Покараулим на ямах с удочками...

— А ружье возьмем?!

— Возьмем! Ты, главно, гребн...

Только огромным усилием воли стискиваю челюсти, чтоб не зареветь на весь луг в первобытном восторге, не встать на уши и не пойти на голове, рискуя вызвать на себя немилость деда.

III

Огненный циркулярный диск натужно вращается в небе, приводимый в движение ремнями лучей. Через минуту-другую, распилив небо, он перекусит и луг, и меня своими острыми клыками. Цежу сквозь плотно сжатые — чтоб не проерышилась мошкара — зубы:

— У-у, чтоб тебя разорвало!

От жары обмякли резиновые сапоги, в которые натряслось и колется сено. Совсем никудышная для покоса обувка! На что тяжелы кирзухи, а и в тех намного вольготнее. Дед, отец, Мишка сносили уже не по одной паре, а у меня кирзовых как не было, так и нет. Все лето хожу в резиновых, которые с утра обороняют от росы, а в прочее время разъедают ноги жаром и потом.

— Так в резинках и помру! — бросаю камешек в отцов огород. — Другие-то ребята, посмотришь...

— Сдадим осенью картошку... — привычно отбояривается отец и, сняв очки, напряженно смотрит на дорогу. — Вернулся... сборщик!

От ручья идет-прихрамывает дядька Николай — средний дедов сын, отцовский погодок. Он приплыл с нами, чтобы набрать по холодку кислицы, а после обеда помочь с сеном. Поравнявшись, дядя Коля ставит ведро и садится в тенек под кусты. Ведро крепко-накрепко, как дедова голова косынкой, обвязано куском наволочки. Однажды, возвращаясь с дальнего бора, дядя Коля оступился, ухнул кубарем вниз по тропе и посеял в заламах почти всю свою четырехведерную торбу. И все из-за того, что поленился притянуть крышку! Теперь дядька осторожничает и, даже когда идет по грибы, не забывает о спасительной тряпице. Ягоды не видно, но по тому, как вздулась ткань, можно догадаться, что ведро полно красной рясной смородины. Дядя Коля умеет брать ягоду! Даже удивительно, как с такими большими, как у него, руками можно так проворно работать. Сколько я ни гнался за ним, все попусту: у дядьки уже на три ладони, а у меня едва закрывает донце.

— Пари-и-ит седня, — говорит дядя Коля, утираясь внутренней стороной парусиновой кепки.

— Сорок два в тени, — осведомляет отец. — Сводка пришла — сорок пять ожидается.

— Сколь?! — не верит дед.

— Сорок пять!

Дядя Коля сокрушенно качает головой.

— Чокнешься! — Я упал в заросли кровохлебки и оттуда равнодушно слежу за разговором.

— Не в том дело, — поучает дед. — Картохе наливать надо, а земля — пыхун... Что мы исти будем?!

— Дак вот, — вздыхает дядя Коля. — Хлеб на корню осыпается — Сергей Петрович говорил... — Внезапно он оживляется: — Городские накатили! Мужик с бабой и ребятишки ишо. Мужик-то с пацаном рядом с машиной стали брать, а она потащилась с девчонкой к дальнему кусту... Помнишь, Миш, мы там собирали с тобой, года три, однако, назад? Где Юрьев-то косит, вверх по ручью? А там уж я сижу! — Дядя Коля загодя хихикает. — Смотрю: идут. А на кусте я-а-га-ды-ы! Красно! У меня уже почти полведра было. Ну, я давай ветками шуметь. Девчонка услышала, тянет мать за рукав: мол, пойдём назад. А эта нет, прет! Я опять трещу ветками и носом — швырк! швырк! — нюхаю громко. Они: «Медве-едь, медве-едь!» Па-ле-те-е-ла она, чуть в штаны не наклала, девчонка позади нее! А я ведро добрал и по ручью спустился к Лене. Тут только на дорогу вышел...

Дядя Коля смеется, оскалив белозубый рот.

— Уехали? — Дед недовольно смотрит на сына.

— Кто?

— Городские-то. Про кого говорим?!

— Уехали...

— А машинешка какая у них?

— «Нива». Красная.

— И машина у людей есть, по какой, спрашивается, им эта ягода?! — Дед никак не может этого понять. У него не укладывается в голове. — Или брали бы тогда где-нибудь поближе, неужто нельзя? За столько километров едут... А бензин сколь стоит?! Где, интересуюсь, люди деньги берут?

— Дак вот... — дядя Коля грузно поднимается, чтобы отвязаться от старика. — Пойду чаю сварю! Сено-то почти сухое, — пинает валок. — Через час совсем дойдет. Только у ручья — сырое...

— А мы его на верхушки! Там не загорится.

IV

Грабли то и дело валяются из рук: занемев и став как будто чужими, пальцы уже с трудом держат отполированное до золотистого мерцания древко...

«В сущности, кто я такой тут есть? Младший помощник старшего конюха?!»

Сначала я ворочал, убирая из травы, принесенный половодьем хлам; потом — стерег, как собачонка, лодку с мотором, когда уходили косить или копнить далеко от реки, в кулдук или к ручью; затем мне вручили вилы: «Раскидывай валки, чтоб скорее сохли!»; прошлым летом дослужился до граблей. И только на тринадцатом году (в кои-то веки!) выклянчил наконец косу...

Еще весной я воровски заглянул под высокую крышу дедовского амбара и обомлел: косовища заставленных за перекладину литовок свисают в сумраке, как деревянные сосульки! Мою ершовую душонку настолько поразили несметные богатства старика, что я бросился искать пути для его раскулачивания. И вот перед нынешним сенокосом непреклонный дед, подточенный моим нытьем и неустанным ходатайством бабки, извлек из амбара небольшую легкую литовку и под пристальным вниманием двух настороженных глаз насадил на косовище.

— Где у тебя пуп?

— Там же, где и у тебя! — со смехом ответил я глупому старику.

Дед посмотрел на меня так, как если бы ему стало жаль косы.

— Я ладом спрашиваю! — насупил брови. — Так же и отвечай мне... А ну-ка!

Давясь от смеха, я задрал рубаху. Прижав пятку косы к земле, дед подогнал березовую рукоятку с моим пупком вровень и застопорил веревкой, намотав ее восьмериком.

— Учись, пока дедушка жив. Отец-то у тебя — только с перфэльчиком по деревне бегать...

— А не надо писать?!

Вечерами, когда мать процедит молоко, отец, постелив на стол газету, сидит в кухне, опустив кудрявую голову, и что-то царапает в школьной тетрадке, наутро отсылая написанное в город с водителем рейсового автобуса.

— Поможет это, что ли то, деревне-то?! Когда — все...

— Ну, косарь, косарь, етти вашу мать! — смеялась бабушка, когда на другой день со сверкающими глазами я пошел на покос, по примеру старших небрежно закинув литовку на плечо. Затворяя за нами ворота, шепотом наказывала старуха, зная, что на лугу никто словом не поможет, скорее подзатыльников наваляют: — С плеча, парень, не бей, а так эт заводи от себя — и пошел, пошел! Главню, не торопись. Литохка — она сама косить научит...

Я был поручен Мишке, поскольку своего точильного бруска мне не доверили («Лапы обрежешь!»), и лопатить мою литовку должен был брат. Для начала мне разрешили обкашивать у кустов, вдоль дороги, — и я исправно сшибал мураву, серным сполохом на спичке черенка мелькало кривое лезвие косы. Да недолго длилось мое счастье! Пару раз врезал о камень, а дед уж на попятную:

— Добрую литовку угробишь! Никого в меня нет... — и отобрал косу.

А виноват я был, что не выжгли паберегу по весне, как путные-то люди делают, и косу вязала спутавшаяся летошняя отава, в которой ни черта не видно?! Отец вон сколько литовок ухандакал, пока мало-мало косить научился...

Как бы там ни было, но вот я снова приставлен к граблям и лишь иногда получаю разрешение сделать прокос-другой. Но только, конечно, это совсем не то, что иметь собственную косу!

«Возьму и сломаю черенок! Интересно, что будет? Дед, пожалуй, так заорет, что в деревне повесятся собаки...»

V

В полдень старик прислоняет грабли к березе: шабаш.

Швырком бросаю своих деревянных мучителей и, сдернув одежду и сапоги, с разбега ныряю в Лену, как в голубой сугроб. Ухожу с головой, чтобы сразу смыть пыль и пот, напиться, насытить пересохшее горло. О, я полдня пекся на лугу под раскаленным солнцем, обгорел до малиновой красноты, запорошил волосы и уши затхлой пылью, до крови расцарапал тело, которое жалили пауты! Но вот, как в награду за муки, речная благодать берет меня под ребра, несет на влажных руках, затекает под мышку скользким языком...

— Кто без штанов бежал в кусты? — отфыркиваясь, кричу во всю сырую отмокшую глотку, и эхо отвечает длинным «Ты-ы-ы-ы-ы-ы-ы!» Я хочу крикнуть: «Кому не спится в ночь глухую?», но к реке некстати приходит отец.

Первым делом он полощет с берега рубаху и носки, потом, зайдя по пояс, драит шею и грудь, где в густую поросль волос натрусилась сенная труха. Вот тяжело, как лось, оседает и плывет.

За ним к реке спускается дед. Становится на корточки, черпает ладошкой и, как котенок лапой, возит по лицу.

— Хорошо, б...а! — блаженно кряхтит и для полноты ощущений сплевывает в реку. — Ты, Андрюшка, далеко не заплывай! Ишо захлебнешься...

— Зака-аркала ворона! — Отец от греха поворачивает к берегу.

— Я не каркаю, я знаю! Воронка или мало ли че? Мне девять лет было — засосала, родная! Спасибо, ребята постарше были на берегу — вытащили. С тех пор не...

Заплываю так далеко, что уже никого и ничего не слышу, но по отчаянной жестикуляции с берега догадываюсь, из-за чего сыр-бор. Отвернувшись, плыву все дальше и дальше, за красный буй, обмирая от страха и восторга, и то нырну солдатиком, измеряя глубину, то что есть мочи гребу вразмаху, а то, распластав руки-ноги, как скат, справляюсь на спине и смотрю сквозь мокрые от воды ресницы на большое синее небо с ширящимся кружком по центру. Шатаюсь, спотыкаясь, покрывшись сыпкой гусиной кожей, выхожу из воды только тогда, когда отец надевает высохшие на камнях, точно на угольях, рубаху и носки, а дед нетерпеливо маячит у костра.

Купанием словно вымыло живот, и в его звенящей пустоте кто-то клацает зубами. Кажется, стрескаешь поросенка — и не заметишь.

На угоре, под пышным кустом ольхи, сколочены из досок стол и лавка к нему. Вторым сидищем служит здоровенная лесина, приплывшая с большой водой да так и завязшая в кустах корявой вершиной. Эта коряга во всякое половодье защищает наш стан от других проплывающих топляков, заодно славливая их и всякое другое хламье, которое мы потом употребляем на дрова. С одного конца в лесину вбита стальная бабка, на которой оттягивают косы, а другой весь в расщепе — здесь рубят на растопку дрова. После обеда на лесине можно даже полежать — так она толста и широка.

Тучные дед, отец и дядя Коля сидят на лесине, мы с Мишкой — на лавочке, ножки которой — неошкуренные ольховые колышки — проросли и, выстрелив по весне почками, развязались пучками зеленых перышек. На столе лежат свежие огурцы, перистый лук, хлеб, сало, вареные яйца; стоят баночка с творогом, кастрюля с тушеной картошкой — все, что дают нам двор и огород. На сенокосе мы себе не готовим, чтобы не терять времени, все это собрано руками моей бабушки. По старой привычке,

может быть, известной человеку с момента его появления на свет, сперва разглядываем яства, словно прицеливаясь, и лишь потом, не сговариваясь, начинаем есть. Старшие едят жорко, особенно дядя Коля. Брызжет с уголков его рта зеленый сок батуна. Но уж в чем в чем, а в этом я не плетусь за дядькой по пятам и азартно, едва прожеывая, орудуя ложкой и руками. Дед меня всячески поддерживает:

— Ешь-ешь, Андрюха, а то пырка не вырастет!

Когда животы затарены до отказа, на стол, как чумазый хан Батый, взгромождаются закопченный ведерный котел с чаем. Бьет в ноздри листом смородины: дядя Коля постарался, напарил для вкуса. Хлеб-сало сменяют шоколадные пряники и дешевая карамель. Отец довольно потирает живот:

— Как раз осталось немного места для сладостей! «Орехо-со-е-вы-е...»

После обеда с полчаса можно заниматься бог весть чем: отдых. Лучше бы, конечно, поспать, но если час назад я и думать об этом не смел, то сейчас сон и калачом не заманишь. Дядя Коля, зевая, сидит за столом; отец, механически скручивая и раскручивая конфетный фантик, — на земле; дед, треща ветками, исчезает в кустах. Все молчат, думая о своем, каждый, наверное, радуется короткой передышке в этой запыленной жизни. Только Мишке не сидится, и он загодя отбивает литовку: тюк! тюк! тюк! Тюканье молотка кажется чем-то неземным в эти минуты тишины и покоя.

Тюк! Тюк! Тюк!

Солнце, как желтый бакен, маячит в небе, словно призывая всех подивиться его яркости и безудержности. Но мы сидим в тени, нам оно уже не страшно, и я смотрю на солнце с легкой иронией. На таган воскресила красная бабочка, за ней — лимонная... и вот уже вся жердочка в разноцветных прищепках. Вот снялись и полетели: это я, дурачась, кинул палку в прогоревший костер и поднял на бабочек облако остывшей золы...

Тюк! Тюк! Тюк!

Оттянув литовку, Мишка ловко правит ее брусом, вжикая по светящейся кромке лезвия. Дядя Коля, совсем было закемаривший, вмиг просыпается.

— Это (в каком году? в семьдесят восьмом, кажись?) приехала из города бригада студентов — помочь сено косить. По пабереге тоже; ну, кусты, вымоины — тракторами не возьмешь... Я на «сто тридцатом» работал тогда, ага. Привез одну партию — несколько парней — сюды вот, на Дресвяный. Дяшка Никанор был у них за главного, ага. Но отбил он им литовки; спрашивает: лопатить-то, мол, умеете? Все покачали головой, а один дурачок выскочил: че, мол, не уметь?!

Дядя Коля крупно, всем ртом, сплюнул в сторону.

— Но дяшка Никанор дал ему брусок: на, дескать, лопать! Тот взял. Косу, правильно, косовищем в землю воткнул, да надо было аккуратно, а он — р-р-ра-аз! со всего маха! — и два пальца на руке срезал до самых костяшек! Заорал, правильно, кровяща полилась... Ну, чума чумой!

Возбужденный воспоминанием, дядя Коля снова сплевывает. А у меня после его рассказа что-то как будто обрывается внутри, я в ужасе кошусь на Мишкину литовку и от греха прячу руки в карманы.

— Ягода-то еще есть по ручью? — приковылял дед, на ходу застегивая распаряху. — Не всю еще вырвали голодящие?!

— У-у! Хоть каждый день бери.

— И брали бы! — Дед разом вспыхивает, как будто того и ждал. — Дак сахар сколь рублей стоит?! Варенье жрать не захочешь, не только что... И почему это за ценами никто не следит? — вопрошает тоном прокурора и строго смотрит на нас. Я трушу его взгляда не меньше, чем Мишкиной литовки. — Каждый вертит, как хочет, а об стариках думы нет...

— Кого вертит-то?
— Гузно кобылье — вот кого!
— Кто на седнишний день смотреть будет? — отец ударяет ладонью по железной кружке. — Частное предпринимательство. Рынок!

— Ну дак! — поддерживает брата дядя Коля. — Это раньше другое дело было — все государственное. А ща-ас...

Деда это ни грамма не утешает. Он наливает чаю, отсыпает, постукивая по баночке, желтоватого свекольного сахара, но отставляет кружку, сметает рукавом конфеты на середину стола, а сам, положив локоть на угол, притуливается сбоку — для дебатов.

— А вы зачем тогда нужны?! — задает коронный вопрос. — Зачем мы вас с баушкой кормили, растили, учили, а?! За-а-чем?! Ответьте мне!

— Ну — политикан, ну — завелся с пол-оборота! — соскакивает отец, начинает нервно обуваться, хрустя кирзовыми голяшками. — Не хочешь жить — ложись и помирай! На седнишний день — так.

— Во-во! — срываясь на визг, дед протыкает воздух кулаком. — Такие вот дуrolобы и загонят матушку Рассею в гроб!

— Кто загонит?!

— Да хватит вам! — осаживает спорщиков Мишка. — Забазлали! На той стороне слыхать...

— Ты, Миша, только послушай, что она говорит?! — Дед, чтоб уязвить сына, отзывается о нем в женском роде. — Ложись, говорит, ветеран труда, и подыхай! А что я вот с таких лет в поле, да в холоде-пыли, катаракту нажил, геморрой заработал на газочурковом тракторе... Это им наплева-ать!

— Никто твои заслуги не принижает!

— Пенсию-то я должен получать?

— Ну и получай ради бога, кто тебе мешает!

— Дак я сколь времени проживу на нее?! Неделю-то продюжу, нет ли?!

Отец, не найдя слов, с досады морщится, а дядя Коля и вовсе дремлет, скрестив босые ступни и время от времени потирая ими, чтобы согнать паута или кузнечика. Но молчание только раззадоривает деда.

— Вы гляньте, сколь мука стоит — покупать не захочешь, не только что! Каждый торгаш цену гнет, выгоду ищет. Стариков обманывать, у нищих воровать?! Это куда дело годится!

— Пиши Ельцину! — встрепенувшись, во все горло ржет дядя Коля и с подвывом зевает, пуча красную мокрую пасть. — Так, мол, и так, вышли десять кулей муки!

— Я бы написал! Я бы ему все вывозил! Я бы не сидел, хвост прижав, как некоторые...

— Обращался один! — не унимается дядя Коля. — Улучшилось положение. Вчера письмо прислал: в тюрьме сидит...

— Да бросьте вы! — обижается дед. — С вами ладом говоришь, а вы ерундовину строчите...

— Ты лучше спроси, как мы нынче сено вывозить будем с этой стороны. Машину найми, бензином заправь, за путевку на паром уплати, да капитану поставь, плюс на стол собери... — Отец еще и еще загибает пальцы. И объявляет: — Золотое молоко получается!

— Скоро ничего не будет! — зло восклицает старик. — Горбач начал, а этот карась большемудый прикончит. Помянете меня: правильно нам говрел дедушка, только мы, полоротые, не слушали его...

— Ну — надо идти! Ну — заве-ел панихиду!

— Я знаю, что говрю. Троха пол-СЭ-СЭ-ЭРА прошел, Троху хрен обведешь!

Наконец отец сдается. Обувшись, раз и другой притопнув сапогами, он стоит, заложив руки в карманы, и молча глядит под ноги, как видно, думая о чем-то таком, что до поры откладывает в дальний ящик, чтоб сильно не зудело, не шпыняло тогда, когда и от других мыслей запирайся на семь замков. Но вот и временить стало нельзя...

— Да-а. Конец деревне приходит! Поставили крестьян на вымирание. Щас еще введут земельный налог — и все...

— Взорвать! — уверенно советует дед. — Швырнуть бомбу в эту Думу, чтоб не изгалялась над народом!

— Какой смысл?! Большевики уничтожили царизм — и что? На смену одним дармоедам пришли другие. Так же и здесь... Еще одну революцию устроить хочешь? Мы от тех-то еще не оклемались. Вспомни-ка, давно ли Верховный Совет расстреляли из танков...

— Я никакую революцию городить не буду! Просто швырну бомбу — и все...

— Ему одно, он тебе другое! И что ты этим скажешь? Тебя же, учти, к ответу призовут.

— Пускай призовут, пускай-ай! — старик поспешно встает, как будто ему уже сейчас — отвечать. — Спросят меня: ты зачем, дедушка Виталий, комедию сочинил? А я им скажу!..

— Придут другие, опять из нас кишки тянуть будут. Надо переждать, пока рассосется. А орать да взрывать на седнишний день ничего не даст.

— Ну ждите-ждите! — снисходительно посмеивается дед. — Завтра камни исти будете!

— Не помрем! Лишь бы здоровье было — остальное меня не волнует. Пока сам не пошевельюсь, никто мне на блюдечке не поднесет... Гайдар, что ли, сена мне накосит?

— Я не об том говрю, что кто-то должен тебе сено накосить. Только до каких пор эта потеха продолжаться будет, что всякий у тебя последний кусок вырвать норовит?

— Долго еще! Пока каждый депутат особняков себе не понастроит да в зарубежные банки денег не напярчет...

— Во-во, правильно ты говоришь, Саня! — радостно соглашается старик. — И я говрю: скинуть бомбу с самолета — и все, всех-то делов!

Мне вконец надоедает их перебранка, я беру спиннинг и иду к реке. А за спиной вскипает новая буча. Громче других выделяется истеричный голос деда. Но я стараюсь сразу забыть обо всем, полностью уйдя в рыбную ловлю.

VI

Спиннинг у меня особый — выстраданный. Через мои горячие слезы мать на последние деньги купила его в городе у толстого армянина, который ради такого судьбоносного момента скостил цену и даже, проникнувшись, подарил мне моток лески и набор любительских блесен. Удилище у моего спиннинга из прочнейшего желтого пластика, а ручка — деревянная, резная, ярко-зеленая. Спиннинг в два раза длиннее меня! Я уж владею им почти в совершенстве. Нет у меня вещи дороже. Вот только не фартит мне пока с рыбалкой. Одну-единственную щуку поймал я за всю свою сознательную жизнь. И произошло это нынешним летом здесь, на Дресвяном лугу. Старшие косили у ручья, а я без усталости сек и сек Лену прозрачной жилкой, но в лучшем случае ловил тянущиеся стебли водорослей. А когда совсем отчаялся и перестал даже помышлять о добыче, на леске повисло что-то тяжелое. «Опять трава! — уныло подумал я. — Вытащу и пойду к костру». Но каково было мое изумление, когда, обратив взгляд на реку, туда, где леска стригла воду, я увидел светло-золотистую щуку. Рыба

всплыла на поверхность и покорно, все равно что коряга, следовала за металлической обманкой, однако ближе к берегу заволновалась, взбурлила винтом и стала показывать «свечки». Ошалев от радости, я на буксир выпер ее из реки и, опасаясь, что упрыгает обратно, шваркнул камнем по голове, как это делал дядя Коля, а затем, прижав драгоценный улов к груди, со всех ног бросился к табору, с восхищением думая о том, как сразу всех своей рыбацкой удачей...

Сегодня мне опять не везет. Разгар дня, жарко, рыба таится на глубине. Лишь иногда плюхнется у кустов за неосторожной мушкой серебристый елец. Без особой охоты метая в реку медную рыбку и, не надеясь на успех, равнодушно сматываю леску. Босым ногам горячо на шербатых жгущихся камнях, захожу в воду, до колена закатав штаны. Не проходит и минуты, а возле меня уже табуняются всевозможные мальки, среди которых выделяется оранжевыми плавниками задиристый окушок. Макаю блесну в самую гущу, и рыбки в панике пускаются наутек. Душно, затхло пахнет тиной, сплунутой волнами на берег, в бестечье за брустверами киснут, выделяя углекислый газ, завалившиеся на бок заросли бритких, как осока, водорослей. Река цветет, островками и небольшими полянами зеленеют над мелководьем облепленные улитками продолговатые бурые листья. И уже крутит на течении пучки отгнившей речной травы, которые на Лене называют по-эвенкийски няшей, и это верный признак того, что исподволь подкрадывается осень. Но августовский день высок и светел, в кустах порхают трясогузки, в траве строчат свою песню кузнечики, а в воздухе, то слетаясь в стайку, а то рассыпаясь порознь, витают бархатные на ощупь желтые, красные и фиолетовые бабочки — и жалкие обрывки мертвых водорослей не оттеняют радужной картины.

Вот из прибрежных кустов, из надурившего осокой кочкарника, выплывает на середину затончика гоголиха с утятами. Вот мать, выгнув шею, исчезает под водой, а выныривает уже по ту сторону залива, у длинной каменной гряды. Тегая, шлепают за ней неотлучные утята, которые уже встали на крыло, но по-прежнему живут с матерью. Сделав несколько кругов, птицы утыкаются в берег, должно быть, сщипывая ряску. Зажмуриться на миг — и уже, пожалуй, не отыскать дышащие трепетные тельца на однообразном безжизненном фоне. Осторожно, стараясь не потревожить утиное семейство, зацепляю блесну за среднее пропускное кольцо спиннинга, иду на стан. И вдруг за моей спиной, словно в насмешку, ударяет по воде крупная щука! На мгновение река отзывается пульсирующими кругами, но и те, напластываясь одно на другое, на глазах рассеиваются, словно кольца табачного дыма. И снова — синь, стекольная гладь воды, жара да тишина, в которой, как шмель в бутылке, роится рев заведенного мотора: дед с Мишкой поплыли за остроинами...

VII

Острѳина — длинная крепкая жердь, что-то вроде оси, которую вкапывают в землю, комлем вниз, а чтобы надежней стояла, обтыкивают по кругу кольями. На остроину, как пряжа на веретено, кладется-наматывается сено. Каждое лето мы ставим новые, потому что весной ленивые рыбаки рубят и жгут прежние. Плавать за остроинами нужно на соседний берег, где лес. На этом тоже лес, но топать к нему аж через все широченное совхозное поле, засеянное овсом, и если считать путь в оба конца, то угрохаешь не меньше часа. А тут едва лодка взбороздила реку, как раздается стук топора. И вот уже «казанка» с Мишкой и дедом жужжит обратно. Словно острия копий, нацелены на отца, дядю Колю и меня вершинки сосен. Помогаем вынести на берег, волочим, взвалив за спины, на угор, где поднялось, вздыбясь валками, светло-желтое море молодого запашистого сена, которое дошло в самый раз, не созрело, но и не

пересохло, и потому не ломается под ногами, а мягко, почти неслышно сминается длинными травинками.

Страх берет от мысли, что со всей этой прорвой надо совладать!

Но глаза боятся, а руки делают. И вот отец вешает на сук рубаху — белым флагом будет она трепетать для нас на ветру, когда, голодные, усталые, поплетемся вечером к костру. Дядя Коля, подмигнув, на две дырки подтягивает ремень, от чего живот выпирает еще больше, так, что между пуговками виден пуп. Мишка с дедом идут ставить остроины. Первую, как всегда, определяют неподалеку от стана, в низинке. От нее, как по ниточке, до самого ручья выстроятся вдоль дороги наши копны.

— Забывай, Миша, почаще, а то как бы не скovyрнула! Видишь, какая!.. — распоряжается дед, облапив обеими руками толстую тяжелую жердь, и с опаской поглядывает на качающуюся вершину.

— А я говорил: давай потоньше рубить! — психует Мишка и бьет хряско, коротким тупым ударом топора. — И куда все время торопимся?!

— Потоньше, так она трохи жидковата будет, Миша. Поведет копну, завалится!

— А эта шибанет по башке: ума нет, считай — калека!

— Так ты осторожней, Миша! Сдуру можно не только что... Забыва-ай!

Вот и остроины как тут и были всегда! Сейчас начнется ломовая работа.

Отец вынимает из кустов вилы с массивным черенком, за ним вооружается своими — легкими, сподручными — Мишка. Мы с дядей Колей должны сгребать валки в один большой вал, а уж Мишка с отцом, по обыкновению, носят в копну. У остроины поставлен дед. Он руководит меткой. Грузный старик топчет сено долго, основательно, копна, как тесто, расплзается в лепешку, и трудно поверить, что из нее что-нибудь выйдет. Работа, едва начавшись, застопоривается. Стоят с навильниками на весу отец с Мишкой, замерли с граблями в руках мы с дядей Колей, ждем не дождемся, когда дед крикнет: «Подавай!» Но он, кажется, забыл заветное слово. На четырех лапах, как медведь, крутится и крутится вокруг жерди, да не абы как, а по часовой стрелке, как раньше сгребал валки в одну линию и как вообще все на своем веку делает сообразно с какими-то одному ему известными расчетами. Минута, другая — а дед все припрыгивает, да уминает, да затыкает ямки, да кладет сверху пласт на пласт, чтобы лучше слежалось, сомкнулось плотно, как тес на крыше, и осенью, в сезон дождей, не дало течь. На деда шумят, покрикивают. Только ему на это наплевать. Он сверху отвечает такой тирадой, что, наверное, в области слышно. Наконец машет: подавай!

Мишка берет сено аккуратно и не очень много, чтоб не надсадиться, не вымотаться зараз, но разумно распределить свои силы. Отец ворочает, как трактор. Сначала складывает в одну копенку, громоздится на нее, топчет, совсем как дед, и лишь затем пронзает вилами, упирает черенок в землю — и рывком выжимает над головой. Гнется, как коромысло, упругий черен, у отца подкашиваются ноги, дрожат руки! Сгорбившись, он идет к растущей копне и погребает деда по самые плечи. Старик визжит, брызжет слюной, насылает на сына грыжу, а тот, покачиваясь, торопится за новой ношей. Но рассудительней всех дядя Коля, который привез из дома стропу — длинную, метров двадцать, капроновую ленту. Он сдваивает ее, постлав на землю, и в несколько бросков сноровисто нагружает кипищу, еще больше той, под которой пыжится его брат. Захлестнув петлей, берем за концы — дядя Коля за один, я за другой — и утягиваем, пока не сдавится наполовину, а уж там впрягаемся, как ломовые. Сзади, упершись вилами в наш воз, толкают Мишка с отцом. За один раз сена стрелевано столько, что минут пять, пока оно метается, можно отдохнуть.

Копна медленно, но уверенно растет. Вот уже и вилы коротки, неудобно подавать. Дед трусит оставаться наверху. Он ложится, закрывает глаза и с обреченным видом сползает по копне.

— Держите!!! — кричит надрывно.

Его со смехом подхватывают, ссаживают на землю. Старик, жалуясь, встает на ноги, куда от страха ушла его душа.

— И куда тебя, дедушка, гонит? — не ища ничьей жалости, рассуждает сам с собой. — Попивал бы сейчас чай с мармаладом или прогуливался по угору в ботиночках, как студентик...

Я ловлю глазами взгляд отца: можно?

— Ладно, давай, — отец вонзает вилы в середину копны. Я цепляюсь за черенок, под зад меня пугает Мишка. И вот уже я, как белка, вскарабкиваюсь на верхотуру. Встаю — и кругом голова: высоко! Снизу протягивают вилы. Плюю на ладошки.

— Середку больше набивай, — советует отец. — Да за остроину держись, а то упадешь...

Больше ничего не вижу и не слышу: отец засыпает меня с головой. Я смеюсь, чищаю и поначалу не очень споро исполняю свою работу. Меня, как деда, поторапливают. В тон старику ору благим матом:

— А не утопчешь, прольет дождями — опять переметывать?! — и уже категорично заявляю: — У меня времени не-ет!

Дело подвигается к завершению. Оставаться на копне — навершье мять. Сбрасываю вилы и с криком «Разойдись!» скатываюсь следом. Но что за уродство?! Вместо прогонистой ладной копны, какой она мне виделась сверху, передо мной словно чучело Зимы, слаженное ребятей на Масленицу, — чиркни спичку да поджигай. Незамедлительно делюсь своими переживаниями с дедом.

— Не все сразу — оскребем, — успокаивает старик и граблями очесывает копну с середины донизу.

Выграбленное сено Мишка заметывает вилами на длинном черенке. Неряшливый уродец превращается в церковный купол. Даже солнцу приятно передохнуть на таком — огненным петухом примостилось на кончике остроины.

— Ну вот, одна есть! — улыбается Мишка. — Можно и перекурить.

Садимся на пригорке, подле смородины, днем дававшей густой напревший аромат, а под вечер пахнувшей свежо и остро, как вода в колодце или взрытая земля. Только дед еще возится, черенком вил подсовывает под копну клочки сена, утрамбовывает и охаживает, смещаясь все так же по ходу часовой стрелки.

— Все-то он поглаживает, все-то он похлопывает! — заливается дядя Коля. — Как по м...е ладошками!

Дед отпускает сердитый матерок, но тоже не может сдержаться: хихикает.

— Потеха!

Отец недоволен, выкусывает заусенец на пальце.

— Ты готов все сено стаскать в одну копну! — подзадоривает Мишка.

— Я бы вообще зародами метал!

— Раньше так и делали, — с хрустом подсаживается дед, подгибает под себя ногу. — Заметывали сено на деревянные сани, зимой — по снегу — вывозили. Сани с лета на чурки ставили...

— Зачем?

— А чтобы полозья не примерзли. Не сдернешь, если пристынут. Несколько тонн-то! Попробуй-ка. — Громко, с подвывом, зевает. — Или на волокушах вывозили. Свалят две-три березы вершинами вместе, в комлях центровкой просверлят, трос продедут... — Это уже для меня, чтобы знал, как да чего было. — Наметают зарод, потом вывозят — по снегу ли, по земле ли. Все больше зимой, конечно, занимались. По черной земле — до самого-самого изотрется. Хотя ее, волокушу, все равно на дрова пилили. Второй раз не поедешь с ней...

— Почему?
 — В лес кто дерево повезет?! — как глупому, разъясняет Мишка. — Думать надо!
 — Вымирает народ. Все уходит в прошлое. Написать бы об этом — сколько у меня материала! — да грамотешки не хватает...

Отец по старинке наивно верит, что «грамотешка» дается в городе, в университетах, и что тамошние ученые мужи о происходящем в деревне знают не хуже него, и тягаться с ними ему, лесному пеньку, нечего, так, черкнуть статью в газету...

VIII

Близится вечер. На западе по окоемку горизонта проползает медная змея заката. И уже шуршит на скошенной поляне.

— Змея!

Один прыжок — и Мишка тут как тут, прижимает кирзовым сапогом.

— Найди бутылку!

Момент — и я на берегу; а вот уже подрываюсь назад, на ходу скручивая пробку.

— Поставь и отбеги!

— Оденьте ей горлышко на голову — она и заползет...

Змея извивается, пружинит всеми своими кольцами, грозит вырваться из плена, но лишь только голова оказывается в бутылочной горловине, сама действительно затекает внутрь. Мишка заворачивает крышку и бросает бутылку мне.

— Растопим на солнце, забодяжим приваду, а зимой будем соболей капканить.

Свернувшись клубком, змея с ненавистью смотрит на своих врагов, шипит и пытается укусить там, где я постукиваю пальцем.

— Тоже жить хочет... — по-своему сочувствует дед.

— Ну дак! — соглашается дядя Коля. — Тебя бы так!

— А что, мне лучше?..

Ставлю бутылку на солнце.

— Это ты же рассказывал, дядя Коля, как змея тебя в болотник укусила?

— Но! — подтверждает дядька. — Тоже — по ягоды ходил. Високосный год был, как щас помню. Змей — пропасть! Я бродни расправил и хожу вдоль Перевесовских валов, смородину собираю. Как она меня не заметила? Я ей на хвост наступил, а она меня в болотник — р-р-ра-аз! — куды там, не прокусила! Только белые капельки остались...

— Че это? — интересуется дед.

— А яд.

Молчим. Тишину тревожит старик:

— А вот я случай помню! Это я еще мальчишкой был. Нас много, ребятишек, косило здесь вот, на Дресвяном. Дед с нами был за главного; лет девяносто было ему, а он все косил... Вот взялся он вечером литовки отбивать; я — пособлял, косовища держал, другие-то ребятишки спали уж... — Дед чешет переносицу, потом большую, с отросшим волосом, черную родинку на крупном носу. — А тут змея! Как из-под земли, честно слово. Я-то ее вижу, а дед (забыл, как зовут) спиной сидит... Мне бы сказать, предупредить — да я как язык проглотил! А змея залезла деду в ичиг — тогда круглый год в ичигах ходили — и укусила. Нога к утру распухла, ичиг разрезали...

Дед замолкает, сморкается в скомканный платок.

— А со стариком что стало?

— Умер. На лодке мы его сплавляли в деревню. — Старик тяжело, бочком, переваливается, встает на локоть и только затем, кряхтя, поднимается на ноги. — Пойдем, однако. Времени у нас мало, а работы — хоть отбавляй...

IX

И опять — работа! Мы гребем, носим, метаем, выбиваемся из сил. Кажется, ничто нас не может отвлечь: так втянуты мы в этот кропотливый труд. Едва завершаем третью копну и дед объявляет привал — как сбитое с ветки осиное гнездо, падаю на землю, и мнится, что дух из меня — вон... «Будем сегодня метать или уж завтра? Хорошо бы завтра, а сейчас — домой! Нынче суббота, банный день. Приятно после бани полежать на диване, посмотреть, как в телевизоре копошатся доны, доньи и доньчата, занятые каким-то смешным трудом. Дон Педро, дон Карлос, дона Эсперанса!.. Дома прохладно, квас в холодильнике. Окрошку, наверное, мама сгоношила к бане...» Но все мои надежды идут пропадом, когда, словно из преисподней, раздается зевластный голос деда:

— Солнце еще не село, сметаем одну во-он у той березы...

Канючу:

— Ну дед!

— Что дед?! — гнутся брови-подковы.

— За-автра!

— Тихо! — Мишка настораживается. И первым встает: — Восемь часов — «Благовещенск» идет.

Да, это он! Каждый вечер он проходит мимо Дресвяного ручья, маня и распаяя мое детское воображение. Еще не видно, но уже отчетливо слышно, как он идет-гудит за поворотом, летит-доносится крылатая музыка. И тем непривычней она здесь, где только шуршание сена да тяжелое, учащенное дыхание работающих на износ людей. Вот медленно, величаво является нашим взорам, огромный и белый. Уже можно прочесть имя, написанное на боку большими буквами: «БЛАГОВЕЩЕНСК». Он вещает благую весть. О чем она, эта благая весть? Господи, мне неизвестно. Но всякий раз, как я его увижу, у меня спирает грудь, сжимает сердце. О, как бы я хотел плыть на этом теплоходе! Я с завистью смотрю на него, на все эти кружкí, линии, стекла, выбранные черные якоря, но больше на счастливых беспечных пассажиров, которые гуляют по палубе, бросают монетки в воду и пьют из сверкающих фужеров. А в голове моей толчками взволнованной крови фонтанирует мысль о какой-то иной, неизвестной доле. Но ведь и в самом деле, что я видел в свои неполные тринадцать лет? Каким одиноким я себя чувствую в этот миг на душевной и затравленной, поставленной, как говорит отец, на вымирание крестьянской земле! Сколь мелки и незначительны, сколь бессмысленны и беспросветны дни моего однообразного деревенского существования, когда, словно двухэтажный дом, плывет мимо многоокий теплоход и люди на его борту пьют из дорогой посуды дорогие напитки. А «Благовещенск», как бы нарочно красуясь передо мной, так и скользит по голубому коридору реки. Шлепают «лапти», под напором воздуха проклевывается, словно птенец из яйца, красный колпачок над тонкой трубой, и реку, и луга оглашает громкое приветственное «гу-гу-у».

— Бла-го-ве-щенск! — шепчу запекшимися губами.

Теплоход загребает к нашему берегу, где глубже, и вот-вот, чудится, черканет железным брюхом о каменную кромку. Уже и пассажиры видны так ясно, что малым усилием глаз можно угадать их черты. Вот большой важный человек в белой сорочке, правая рука, согнутая в локте, держит снятый пиджак; вот босая красивая женщина в голубом платье; а чуть в отстранении, лицом к заходящему солнцу, — пожилая пара рука об руку, так разительно непохожая на моих бабушку и деда... И тут мой жадный взор напарывается на худющего, как и я, мальчишку: на голове — желтая па-

намка, в руке — мороженое, которое, разумеется, закупили еще в городе, потому что у нас в деревне мороженого нет, а потом хранили для этого мальчика в специальной морозильной камере... Нет, вот он не так ест, как надо, лизнет раз-другой и пялится на нас три часа! Я бы, конечно, не стал размузыкивать. Я не вижу, но догадываюсь, что мороженое, подточенное солнцем, капает на корму, и от этого мне становится не по себе, как будто само мое сердце иссыкает по капле. На мальчишке пижонские сандалики — и я с вызовом ложного превосходства смотрю на него, небрежно сжевивая на горячую резину сапог липкую слюну, которая почти сразу запекается молочной пеночкой. Мне хочется крикнуть желтой панамке что-нибудь обидное, но я не знаю, чем можно обидеть городского мальчишку.

Завороженные, смотрим на теплоход, как на загадочный призрак, судно с другой планеты. Отец козырьком приложил ко лбу ладонь, защищая очки от света. Временами он впечатленно хмыкает и рубит воздух рукой. Дед оперся о черенок вил и шурит-ся на «Благовещенск», но у этого, как известно, своя печаль:

— Интересуюсь, сколь билет стоит на эту хреновину? Поди, наши с баушкой две пенсии!

Мы не обращаем внимания на старика, потому что женщина в голубом (наверное, мать этого мальчишки) помахала нам рукой. Дядя Коля снял засаленную кепку и со смехом трясет ею в ответ.

— Приезжай к нам! — кричит, сверкая белками озорных глаз. — На рыбалку пойдём с ночевой!

Женщина тоже что-то кричит и весело смеется.

— Лаптежник! — презрительно говорит Мишка. — И смотри, дядя Коля, бегаёт ещё!

— Ну дак! Тебе скипидару налить в одно место — тоже побежишь!

— Такие не делают теперь... — роняет отец, и его литые, словно бы обуглившиеся плечи оплывают густым соленым потом.

Дед поправляет свою косынку.

— Я тоже плавал! Парнем ишо. Собрались с Михаилом Шишкиным в Якутск — учиться на сапожников. Председатель, Мишкин отец, выписал нам справки... А в Осетрово грузили баржи, вот мы воровски пробрались на пароход «Полина Осипенко» — денег-то на билет не было, — откуда они, деньги? — спрятались за ящиками... — Дед тоненько, с матерком, смеется. — Нашли нас, хотели ссадить на берег. Ну, как-то упростили капитана... А пароходы-то на дровах ходили, вот мы с Шишкиным целыми днями и ночами кидали швырок в топку. Двадцать два дня плыли! А через полгода возвращались — в рубашке да в кальсонах. Под Киренском снег пошел, вот-вот шугу понесет! Ладно, доскреблись кое-как. Я-то в Казарках слез, а Шишкин до Осетровой проплыл — стыдно ему было в деревне в таком виде показаться, а в Усть-Куте у него тетка жила. Помню, пришел я огородами к дому родителей — худой, обовшивевший, в руках — фанерный чемоданчик... — Дед некоторое время молчит, должно быть, вернувшись в памяти к истоку жизни, протекшей, как эта река, но нет в его глазах ни печали, ни сожаления, и заканчивает он жизнеутверждающей моралью: — И сапожниками не стали, но свет повида-али!

Я не слышу старика. Я, как пьяный, смотрю на теплоход, и хотя тот уже далеко, в воздухе все еще живет его музыка, в реке зыблются поднятые им волны, а на фарватере белеет пенный шлейф. Но вот и «Благовещенск» скрылся за лесом, а за ним и вечернее красное солнце забредает в Лену по впалые бока. Мы молчим. Молчит луг. Только в траве ведет свою песню-стежку саранча да в затоне, охотясь за рыбешкой, молотит хвостом жирующая щука. И вдруг — «гу-гу-у-у...», но уже грустное, прощальное. Я срываюсь, бегу, падаю, расцарапываю голое тело о ветки шиповника. Но нет больше теплохода, нет счастливых людей, нет женщины в голубом платье...

— И куда этот поселенец побежал? В Пушино?! — настагает и бьет по ушам истошный крик деда.

...Мишка находит меня на бруствере, садится рядом. Пуская блинчики, с интересом считает касания. Долго смотрит на воду.

— Светлеет Лена... К сентябрю вообще прозрачной будет, как родник. Белая блесна уже не пойдет — красную надо. Или желтую, из латуни. У тебя есть латуневая?

— Нету.

— Подгоню по блату. Я до армии занимался — делал такие. Есть там одна уловистая — сколько шук перетаскал на нее! Мне-то она... Пойдем, а то они будут возникать!

И Мишка первый стучит сапогами по камням, ломает в руках сухую травинку.

«Подожгу все их сено...» — рождается во мне злая мысль, но уже через миг я стыжусь ее. Молча встречают меня дедушка, отец и дядя Коля, но ни о чем не спрашивают. Так же, безмолвствуя, идем к ручью. Пошатав для проверки последнюю остроину, иголкой воткнутой в зеленое сердце земли, дед бормочет:

— Живут же люди...

И — только шорох усохших трав, симфонический стрекот кузнечиков да рефлексивное движение граблей. Из-под вздыбленного вала поскакала большая желтая лягушка. Я посадил ее в пенопластовую чашку из-под китайской лапши, прикрепил бумажный парус и доверил ручью. Мой самодельный кораблик припустился по волнам, ловко увертываясь от коряг и склизких, покрытых тиной камней.

— Плыви в Тикси! — сказал дядя Коля.

Х

Этот мир устроен неправильно — во всяком случае, он создан не для меня. Лишь с заходом солнца проклятая мошкара оседает в траве, и когда в ушах наконец смолкает надоедное гудение, мы отчаливаем домой. Лодка, влекомая «Нептуном» в двадцать три лошадиные силы, летит как стрела, встречный ветер обтекает наши пыльные соленые лица, и если отпахнуть рот, воздух звенит на зубах, как в горлышке пустой бутылки. Вот она, долгожданная прохлада! Солнце скрылось; в горниле таежных распадков дошаивают алые головешки. И уже синие сумерки марают стволы деревьев и кромки берегов, днем раздвоенных живой лентой реки, а к ночи смыкающихся в одну сплошную мерцающую полосу. Светит на небосклоне первая звезда... Дед лег на дно, укрылся телогрейкой и посвистывает. Не замечаю, как и сам начинаю клевать носом.

И снится мне белый теплоход. Он плывет по утренней реке словно при вздутых парусах, полный дерзких помыслов и надежд. По палубе чинно прохаживаются рядные красивые люди, отмеченные счастьем быть на этом судне. Они смеются, пьют из бокалов и наслаждаются музыкой из репродуктора. На носу теплохода, светла и задумчива, стоит женщина в голубом платье, и речным воздухом колышет ее распущенные волосы. Хрупкий смущенный мальчик прижался к ней. Плещется за кормой вода, проносятся редкие осенние листья, по обеим берегам высятся сопки и желто-красные леса, изредка мелькнет за поворотом какая-нибудь деревушка. Вот потянулись чередой покосные луга: дощатые балаганы косарей, пики остроин, серые от прошедших дождей копны... Один из лугов мальчику как будто знаком, а люди на скошенной поляне даже машут ему руками, но так, точно навек прощаются с ним. И мальчик узнает этих людей! Он поднимает руку и тоже машет. Играет музыка, шлепают «лапти», но и сквозь шум долетают с берега слова: «Будь счастлив, милый, в той далекой стране!»

Тут я просыпаюсь и чуть не плачу. Мне очень жаль этого мальчика. Дед расценивает мою тревогу по-своему:

— Замерз? Давай под стезонку...

В темноте «казанка» упирается в камни, как раз напротив бабушкиной избы. Дед корячится, кряхтит, спросонья не может вылезти из лодки.

— Ты так скоро и на бабу ногу не закинешь! — хохочет, содрогаясь животом, дядя Коля.

На лавочке, как всегда, сидит в одиночестве бабушка: ждет. С нашим появлением встает — руки скрещены на животе, связка ключей оттопыривает карман старой выцветшей кофты, надетой прямо на платье. Подсобляет — берет у старика весла.

— Че, баушка... как картоха? — наладив сбившееся дыхание, первым делом спрашивает дед.

— Несколько кустов подкопала — две-три балаболки...

— Худо. Картоха — продукт!

Я иду позади всех. У ворот нарочно мешкаю и смотрю туда, куда зашло солнце. Темно. В небе лежат крупные звезды. За рекой, на опушке леса, загорается длинноногий створ. Красный огонек призывно мигает уставшему миру.

И тут я с неизъяснимой ясностью понимаю, что вместе с теплоходом, ушедшим вверх по течению, закатилась за горы часть моей жизни и что такого дня, как сегодня, больше никогда не будет.

ИЗ ЦИКЛА «БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ»

* * *

Не смей отчаиваться: тебе не хуже других,
Это совсем неважно, смертный ли это грех.
Чем же твой жребий так уж особо лих?
Всем тяжело, и судьба нелегка у всех.

Чем ты уж так отличаешься от других людей?
Ветром другим исхлестан, солнцем другим палим?
Знание это пришло, что же — владей
Пониманием грустным, что неотличим.

Это еще издревле было понятно всем тем,
На кого дуло всегда... и изо всех щелей...
Это одна из библейских важных тем...
Все это так — от этого не веселей.

Вряд ли кто скажет: худшее?.. лучшее впереди?
Птица по двору скачет смелая — воробей,
Ты на нее внимательно погляди...
Вот и не смей отчаиваться... нет, не смей!

Валерий Скобло — поэт, прозаик, публицист. Родился в Ленинграде в 1947 году. Окончил матмех ЛГУ. Работал научным сотрудником в ЦНИИ «Электроприбор». Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту», «Записки вашего современника», «О воде и воле», «За тайной печатью». Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной (Англия, Беларусь, Болгария, Германия, Дания, Израиль, Ирландия, Канада, Казахстан, США, Финляндия, Эстония и др.) литературной периодике. Основные публикации последних лет в журналах «Арион», «День и ночь», «Звезда», «Зеркало», «Зинзивер», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Литературная газета», «Нева», «Новая Юность», «Новый берег», «Сибирские огни», «Слово\Word», «Урал» и многих других. Стихи для детей — в журнале «Костер» и «Чиж и Еж», переводы — в журналах «Таллин» и «Иные берега». Лауреат премии им. Анны Ахматовой (2012), финалист международных конкурсов стихотворного перевода «С севера на восток» (2013 и 2016), дипломант литературной премии им. А. А. Ахматовой (2015). Живет в Санкт-Петербурге.

ПО МОТИВАМ «ПЕСНИ ПЕСНЕЙ»

Стрелы любви и ревности, — стрелы огня,
Жгут до самых седин, до предсмертного вздоха.
Пламень опалает до последнего дня,
Нам ли решать: хорошо это или плохо?

Их со смертью, адом царь Соломон сравнил
Не случайно и сам от них не раз пострадал.
Ограждал себя от них я по мере сил,
Но Аштарт бывала сильнее меня и Баал.

Положи на любовь, сердце свое печать,
Укрепи ее светом звезд, Луны и планет...
Да, за многое придется нам отвечать,
Но не думаю, что за любовь и ревность... нет.

* * *

Есть ли душа у тварей Божьих,
кроме потомков Адама и Евы? —
У саранчи, например, под корень
губящей наши посева.

Налетающей тучей, сжирающей все
до последней былинки,
Так что коса и косилка
не требуют больше починки

За ненужностью.
Хозяин ложится на голую землю.
Впрочем, и саранчу
как творение Божье — приемлю.

Нет в Его закромах тварей,
хоть несколько менее милых.
Вот и эти милы:
семейство — отряд прямокрылых.

А потомок Адама бьется оземь,
смотрится зверем...
Есть ли душа?.. —
Я и в себе отнюдь не уверен.

* * *

Я — не пророк и не сын пророка,
как говорил Амос.
Но есть кое-что сказать и мне
об этой юдоли слез,
Терния и волчцы, от века
произрастающей нам,
Акавит и кундас, что сполна
вкусил наш отец Адам.
Я не пахал эту землю,
но знаю, что шип и репей —
Испокон воздаянье наше,
какой ни возлей елей.
Но, может быть, Боже правый,
мы вспомним под самый конец
Со слезами и сожаленьем
про терние и волчец.

* * *

В Книге Жизни кто записан, право,
Я не знаю... Впрочем, и зачем?
Мысли эти — та еще забава,
Лучше не касаться этих тем.

Что изменишь? Ангел смотрит строго
И сдувает со страниц песок.
Обо мне хорошего немного
Мог бы он вписать... Когда бы мог.

Да, итог подводится нелестный:
Нет, не рвал в бою последних жил...
Не войду я в светлый Град Небесный,
Этой чести я не заслужил.

Жить пытался в закутке и с краю...
Но когда повержен будет Враг —
Огненное озеро?.. Не знаю...
Сомневаюсь... Вряд ли, чтобы так.

Нет, на милость свыше нет расчета...
Безнадежно я смотрю в окно.
Есть ли в мире жалостливый кто-то
Столь, чтобы призреть такого. Но...

Поворот судьбы всегда зависел
От такой пылинки... пустяка.
И про эту Книгу судеб... чисел,
Что мы знаем, друг, наверняка?

* * *

Нет!.. Нет!.. Еще раз — нет! Историю про Дину
Читать я не хочу... и слушать не могу.
А впрочем, кто я есть? — сказать: вот то отрину,
А эту часть приму, хоть гни меня в дугу.

Кровавый путь пройти. Пусть внуки Исаака
Доверчивых мужчин из города Сихем
На части покрошат, чуть выступив из мрака,
И в этот мрак опять погрузятся совсем.

Мне чужды гнев их, пыл, и ярость и свирепость,
И более всего жестокость их чужда.
О, Господи, не мне за крепостью брать крепость,
И как мне не близка извечная вражда.

И гнев их проклят был Иаковом за дело,
На всех нас лег потом злой отблеск их огня...
И как-то это все не зря меня задело.
Какой-то есть намек... намек и для меня.

РАССКАЗЫ

МАРУСЯ

Город начинался с кладбища. Каждый приезжий сначала должен был вспомнить о мертвых, прежде чем попасть к живым. Маруся гуляла вдоль могил и собирала цветы. У подруги был день рождения, а денег у Маруси не было. Букет получился славный. Маруся даже подумывала обернуть его лентой, но подходящей не нашлось — были только «любимому зятю», «деду от внуков» или полинялое «По...м...им. Скорб...».

Марусе было весело. Громко пели вороны, из церквушки со свежеразкрашенным куполом доносились звуки телевизионной передачи — это поп Георгий смотрел «Кулинарное шоу». «Четыре часа», — подумала Маруся. Подруга ждала ее в гости к семи. Маруся решила еще немного прогуляться. Она шла и читала добрые надписи, оставленные живыми в награду мертвым за их грехи и страдания.

За кладбищенской оградой оказалась похоронная процессия. Старушка в черном, стройная женщина в платке, девочка лет пятнадцати, худой юноша, парочка стариков и высокий, широкий в плечах, седой мужчина средних лет. Маруся узнала его. Было время, когда она любила этого человека. Любила, как говорила ее подруга, без памяти. То есть отдавалась ему, забывая, что он женат и имеет двоих детей. Обычно вспоминал об этом он. Одевался и уходил домой. Тогда Маруся плакала, но не очень долго. Ей было немного лет и хотелось радоваться жизни. А грустить не хотелось.

Маруся прижала букет к груди так, чтобы в георгинах и хризантемах спрятать лицо, и пошла за процессией. Гроб пронесли мимо церкви.

— ...Шесть ломтиков ветчины и щепотку толченого розмарина, — донеслось оттуда.

Маруся на секунду остановилась, закрыла глаза и представила себе розмарин. Ей привиделось огромное растение с мясистым стеблем и крохотным розовым бутончиком. Маруся наклонилась к нему, чтобы понюхать, и в середине цветка увидела глаз. Голубой, с черной каемкой вокруг зрачка. Это был глаз любимого мужчины. Иногда, когда они лежали на кровати и делать было уже нечего, Маруся закрывала ему лицо руками. Так, чтобы оставался виден один глаз. Он казался Марусе похожим на маленькое животное, пугливое и древнее.

Процессия уже повернула за угол, и Марусе пришлось прибавить шагу. Место для покойника было приготовлено хорошее — с кованой оградкой, с разлапистой ивой. Правда, сейчас дерево было голым и под ногами хлюпала грязь, но Маруся знала: лето здесь настанет тень и душистый липовый цвет.

Гроб поставили у свежерытой ямы. Любимый мужчина хоронил отца. Маруся догадалась об этом по их сходству. Нос у покойника тоже с горбинкой и широкими крыльями, похож на птеродактиля.

Умерший был художником. У Маруси дома висели три его пейзажа. Осенний, зимний и летний день в городе. На одной из картин можно было разглядеть две маленькие фигурки. Любимый мужчина утверждал, что это его мать и он сам. А еще он рассказал Марусе, почему ненавидит художников. Когда любимый мужчина был четырехлетним мальчиком, он залез на узловатую старую яблоню, и ветка под ним подломилась. Отец тут же, в саду, писал натюрморт. Мальчик звал на помощь, а отец приговаривал:

— Подожди немного, у меня краска сохнет.

Гроб опустили. Старушка кинула горсть земли, другие тоже стали закидывать мертвого человека почвой, чтобы он стал удобен для роста новой жизни — травы, цветов и разных насекомых. Все молчали и не смотрели друг на друга, потому что никто до конца не знал, как чувствовать горе. Тогда Маруся заплакала. Чтобы душе художника, если она еще могла слышать, не было скучно отлетать от тела в полной тишине. Любимый мужчина посмотрел на Марусю и тоже заплакал. Появление новой могилы стали праздновать выпивкой и угощением. Жена любимого человека угостила Марусю водкой, а его дочь подала ей бутерброд с колбасой. Маруся выпила и твердо решила уехать. Ей показалось нелепым жить в городе, который начинается с кладбища.

В семь часов со станции отходил тепловоз. Он тащил за собой в другие города грузовые вагоны, и Маруся иногда ходила провожать его. Тепловоз, по старой дружбе, мог бы захватить и ее. К тому же нужных вещей у нее не было, и весила она не так уж много. Марусе мешал букет. Он упрямо напоминал ей о подруге и других крепких человеческих связях. Маруся подошла к обрыву. По дну глубокого оврага текла глинистая речка. Все, что не пригодилось в хозяйстве, жители города складывали вдоль ее берегов. Несколько людей уже обжили эту местность. Они спали на картоне, укрывались чужой одеждой и ели остатки чужой пищи. Маруся немного позавидовала их свободе, ведь им не надо было заботиться о себе самостоятельно. Все доставалось им даром, а на их долю выпадала лишь радость жизни. Маруся размахнулась и бросила букет речным жителям.

Тепловоз уже дышал тяжело и ровно. Обходчик простукивал его железные члены, проверяя, можно ли сегодня безопасно тронуться в путь. Дверь в грузовой вагон была открыта, и Маруся легко забралась внутрь. Тепловоз напоследок свистнул и отвалил от станции. Вскоре Маруся сквозь щели в стенах вагона перестала различать кладбищенскую ограду, белый купол церквушки мелькнул и исчез. За спиной у Маруси кто-то фыркнул — это лошади ехали на машине, построенной людьми, в другой, далекий город. Маруся укрылась сеном и уснула.

В новом городе Маруся стала работать продавщицей. Она подбирала барышням нарядные платья, свитера и брюки. У Маруси появились шляпка, пара перчаток и один ухажер. По вечерам Маруся пила чай и иногда тосковала. Она ложилась на кровать и чувствовала, как под веками скапливаются слезы. Плакать Марусе было не о ком — свою мать в последний раз она видела, когда была совсем маленькой, и уже забыла помнить ее. Плакать о подруге не получалось — она была живая и даже не писала Марусе, поскольку не знала ее адреса. Любимый мужчина остался в памяти только радостью, поэтому слезы Маруси были о себе самой. Она шевелила пальцами и плакала о том, что слишком мало в них силы и не выйдет дать сдачи, когда в магазине барышни обзывают ее дурой и тощей селедкой; ощупывала впалую грудь и плакала, что если родится ребенок, то будет жить недолго, так как умрет с голоду — ведь не может быть, чтобы нашлась в худой Марусе полезная еда для нового человека. Когда заканчивались слезы о себе, Маруся плакала о животных и соседских детях. После тоски хорошо спалось. Утром Маруся просыпалась с новым весельем в сердце и шла

в магазин, где каждый день с ней здоровались разные мужчины и женщины и где можно было бесплатно трогать руками шелк и даже примерять летние сарафаны.

Через два года в гости к Марусе приехала подруга. Она нашла ее через адресный стол и нисколько не обижалась на то, что перед отъездом в новый город Маруся не поздравила ее с днем рождения. Подруга растолстела и привезла с собой мужа. Он мало говорил и часто ходил за продуктами. Пока подруга рассказывала Марусе про себя, муж трудился. Он резал овощи на маленькие кусочки и опускал их в кипящую воду, ветчину превращал в тонкие полоски и укладывал их на хлеб. Устроив уют, он ушел курить во двор. Маруся ела мало — привыкла хранить свое тело в худобе, чтобы оно было удобным в использовании и приятным для мужского глаза. От подруги Маруся узнала, что речку с глиняными берегами очистили от мусора и возвели на ее берегу крематорий. Кладбище городу больше не было нужно, потому что мертвых людей теперь стали сжигать в печи, а пепел от них складывали в урны и дарили родным. Подруга заплакала, представив, какой маленькой будет урна с Марусей — ведь совершенно ясно, что для такого тела хватит и спичечного коробка. Но Маруся успокоила ее, пообещав, что до смерти обязательно потолстеет и подруге не придется краснеть за крохотную урну перед соседями.

Муж и подруга улеглись спать на Марусиной кровати, а сама она сидела рядом и смотрела на них. Видеть сны рядом с чужими людьми Маруся не могла. Ее сбивали с толку храп и другие посторонние звуки, получавшиеся из спящих людей. Она вспоминала, как в детстве лежала в кровати, зажав уши. За простыней, отделявшей Марусино пространство от других, храпел отец. Маруся злилась и уходила спать в кресло. Но комната в доме была одна, и найти тишину все равно не получалось. А потом отец умер, и Маруся отвыкла от своей злости на него.

Теперь Маруся ненавидела подругу и ее мужа: за два года она привыкла к одиночеству и собственным снам. Когда гости собрались уезжать, Маруся снова стала счастливой. Целуя Марусю на прощание, подруга сунула ей письмо. Это были слова любимого мужчины. Он писал, что совсем забыл жену и пребывает в покорном ожидании Маруси. Подруга ласково шепнула, что обязательно передаст ему адрес.

Назавтра Маруся уехала из нового города. Но больше ее не тянуло путешествовать с лошадьми. Маруся купила чемодан, уложила туда шляпу и перчатки, в газету завернула остатки ветчины, нарезанной мужем подруги, и попросила ухажера проводить себя. Он поставил чемодан на верхнюю полку в купе, поцеловал Марусю в щеку и помахал вслед поезду.

Деревня, где жила Марусина мать, утопала в тумане, и со станции не был виден еще ни один дом. Маруся сняла обувь и пошла пешком. Земля приятно холодила ступни, и чемодан был легким. И подумалось Марусе, что теперь все станет простым и понятным. Здесь была тишина и хранились детские Марусины тайны. В лесу Маруся легла на траву, чтобы вспомнить запахи и от их узнавания стать веселей.

Возле дома Марусю никто не встретил. Даже пес не залаял, а продолжал лежать на боку. Маруся подошла ближе. Собачьи глаза остекленели и, не моргая, глядели куда-то мимо Маруси. Вставшая колом шерсть прикрывала скелет. Ни одной жиринки не было в теле пса. Маруся с удивлением погладила животное по морде. Когда она несла этого щенка за пазухой, он был живой, толстый и пах молоком. Маруся брала его с собой в кровать, а когда уехала из деревни, поспешила забыть. Ей казалось, что есть связь между собакой и хозяином, и если Маруся перестанет помнить о псе, то и ему станет легче.

Даже будучи мертвым, пес приносил пользу: его окружили муравьи и жуки и начали отрывать себе кусочки еды. Маруся отвернулась, не зная, что чувствовать, и вошла

в дом. Все здесь было старым и потрепанным. Ни крошки еды не было в этом доме, ни мебели — все было распродано за долги, как потом рассказали Марусе соседи.

Маруся и сама не знала, почему бросила мать. Просто однажды она решила, что пора повидать города, стать взрослой и начать мечтать о своем. Мать Марусю не отпускала, кричала и разорвала всю дочерину одежду. Тогда Маруся тайком пошла себе новое платье и сбежала ночью через окно

Худое тело матери лежало возле колыбели. Под ним барахтался маленький человек. Маруся подняла мать на руки — та была легкой от недоедания и не гнущейся от смерти — и вынесла на улицу.

На пригорке Маруся вырыла две ямы. Одну для матери и другую для пса. Попрошачась с мертвыми, укрыла их землей и только потом вернулась к живому. Сидя на полу, Маруся разглядывала руки и ноги своего никогда не виданного брата и слушала его голодный крик. Радость жизни покинула Марусю. Но в маленьком теле было так много новой силы, оставленной матерью, что вскоре она передалась и Марусе. Взяв человека на руки, Маруся достала свою маленькую грудь и сунула ему. Брат затих, и Маруся впервые поняла, зачем жить дальше.

ОДИНОКИЙ

Земля была жирная. На совесть. Такая была земля, что Павел иногда останавливал свою тяжелую машину с железным ковшом, садился близко-близко к земле, брал ее в пригоршню и дивился.

— Ни крупиночки лишней. Все для пользы.

Земля была полна жизни — она рассыпалась от Павловых прикосновений жуками, червями и прочими насекомыми.

Вставали за Павловой другие машины, гудели ему, торопили Павла. И он вновь принимался за труд. Машины двигались вдоль очень ровной и очень прямой дороги. Работали споро: взрывали землю ковшами, гусеничным ходом, готовили место для больших черных труб, лежащих поодаль.

Вечером товарищи Павла — мужчины разных возрастов с коричневыми, точно пергаментными лицами — устроились на отдых вдоль машин и брезентовых палаток. А Павел решил — дождался попутки и поехал в район.

* * *

— Какую землю в асфальт закатали! Надо, чтобы она пользу давала, служила человеку.

Павел сидел в чистом и светлом кабинете. Здесь уже горел электрический свет, начальник — плотный мужчина с выразительным носом и светлыми голубыми глазами — курил у окна, глядя в теплый, мигающий фонарями вечер, и внимательно слушал Павла.

На столе перед Павлом горсткой лежала земля.

— Что же, дорогу, по-твоему, убрать надо?

— Зачем убрать. Пустить в обход. Туда, где земля посуше, поскромнее.

— Чудной ты, Павел, — удивился начальник, выбросил окурочек, достал из ящика лист плотной бумаги, развернул его во всю ширину своего стола. — Смотри. Вот дорога. Вот здесь... — начальник взял привезенную Павлом землю и распределил ее вдоль начерченного шоссе, — будет тепловая магистраль. А здесь, — начальник поставил

у края дороги чернильницу, — город построим. Сообразил, как земля должна служить человеку? По-новому. Обогревая его.

Павел ничего не ответил. Собрал землю обратно в газету, газету сунул в карман и ушел из кабинета — думать о будущем городе.

* * *

Ночью, когда все уже спали, Павел стоял у кромки асфальта, там, где заканчивалась дорога и начиналась земля. Павел представил за ней громадный город с высокоэтажными домами и металлическими крышами. Из труб города шел дым, всюду в окнах горел свет. И сам он, Павел, заходил в свежепобеленный подъезд, поднимался на лифте на самый последний этаж — ни много ни мало, пятьдесят девятый, открывал дверь в новую квартиру, и следом за Павлом входила в дом его невеста — красивая и нарядная. Вместе они шли на балкон — глядеть на рассыпавшиеся у подножия дома огни. И город шумел у Павловых ног, точно море в час прилива, и сердце трепетало от радости и любви.

* * *

Павел проснулся первым. Расстегнул дверь палатки, впуская воздух и свет, наскоро умылся и принялся за работу — чтобы быстрее получились магистраль и новый город. Вскоре за Павловой выстроились все машины. К полудню солнце нагрело асфальт, воздух затрепетал от жара, и когда Павел смотрел на машины, ему казалось, что они не едут по земле, а парят в воздухе.

Вскоре машина Павла, идущая во главе колонны, резко встала — точно наткнулась на невидимую преграду. Загудели привычно товарищи, призывая его к труду и порядку, но Павел не торопился. На пути машины стоял синий могильный памятник. Без надписей. Без портретов. Вроде есть под ним могилка, а вроде и нет. Походил вокруг Павел, попримеривался и пустил машину в обход.

К вечеру вокруг могилы образовался земельный нарост, не тронутый машинами. А на следующий день мужчины на работу не вышли. Тщетно заходил Павел в палатки, молил, уговаривал. Получал один ответ:

— Копать не буду.

Разозлившись, Павел отправился к синему памятнику. Тер его вехоткой, взятой из машины, точно надеялся отыскать имя того, кто мешает ему, Павлу, устроить тепло для будущего города. Ни одной буквы не проявилось на памятнике. Только солнце стало ярче гореть в натертом до блеска железе.

* * *

— Не могу я принять работу. Участок не вскопан, — сочувствовал Павлу начальник.

— Покойник там!

— У меня в плане никакого покойника нет, — терпеливо объяснял он. — Площадь два гектара. Вскопана? Нет.

— Это что же, до холодов там сидеть? Они копать не будут.

— До холодов нельзя, — расстроился начальник. Ему не хотелось заботиться о Павле, а хотелось скорее принять работу. — Придумай что-нибудь, Павел, — попросил начальник и спрятался за свои бумаги.

* * *

Вокруг могилы молчали старики. Глядели на синий памятник. Думали. Павел ждал.

— Не Иван, — сказал сухой высокий старик с гривой вьющихся серебряных волос. Голос у него был крепкий и звонкий. Молодой голос. Старики покивали, соглашаясь, и вновь стало тихо. Павел ждал.

— Иван на тридцать пятом километре лежит, — подала голос старуха в шелковой косынке, из-под которой выбивались на удивление черные, не тронутые сединой волосы. Старики опять покивали. Павел стал терять терпение. Прошелся за спинами стариков, подошел к памятнику, облокотился на него, обвел взглядом красивые, высушенные солнцем и работой лица.

— Не Иван, — сообщил старик Павлу. Повернулся, и точно шелест прошел по лесу — развернулись вслед за ним старики и старухи, намереваясь уйти от Павла и ничейной могилы. Павлу вдруг почудилось: многоэтажный город, точно мираж в пустыне, стал качаться, таять и исчезать, рушиться прямо на глазах.

— Люди, — взмолился Павел. — Дорогие! Выкопайте вы его, похороните. Вон у вас кладбище какое, — он показал на холм, ощетилившийся крестами. — Хорошее, зеленое. И недалеко.

— Не положено, — сказал старик, обернувшись к Павлу. Его спутники согласно закивали.

Павел в несколько шагов оказался у своей машины, достал из бардачка папку со старыми путевыми листами, подал старику.

— На! Пиши тогда!

— Что?

— Пиши, что отказываетесь от захоронения, претензий не имеете.

— Не положено, — сказал старик и побрел к своему холму, кладбищу и невидимой отсюда деревне, где любили и живых, и покойников, но только тех, которых знали и помнили. А забытых любить не хотели — не положено. Медленно и торжественно удалялись от Павла гордые и молчаливые старцы.

Павел в сердцах скомкал путевой лист, хотел сунуть прямо в красивое лицо старика, но сдержался. Пошел к палаткам.

Там спали рабочие — кто прямо на земле, расстелив одеяло, кто в гамаке, натянутом между машинами. Павел подошел к одному из спящих, тронул за плечо.

— Костя. Кость.

Костя открыл глаза, сощурился на солнце.

— Ты, Павел?

— Я. — Павел сел на колесо, опустил большие руки, уже отвыкшие быть без работы. — Что делать, Костя?

— Спать, — ответил Костя и повернулся на бок. — До холодов поспим, а там — домой. Могила не дорога. Ее просто так не объедешь.

— А магистраль? А город?

— Станный ты человек, Павел, — Костя еще помнил свой сон и хотел вернуться в него, оттого был строг и немногословен. — Платят не за магистраль, а за месяц. Спи.

Больше Костя ничего не говорил. Молчал и Павел. Чувствовал, как злость подбирается к животу и рукам. Совсем недалеко высился памятник человеку, который даже мертвый был сильнее Павла. Этого Павел вытерпеть не мог. Схватил из своей машины железный инструмент, бросился к синему памятнику и стал колотить по нему. Павла уняли, отняли железо, усадили за стол и налили водки. Павел выпил много и скоро стал пьян и растерян.

— Я его знать не хочу, — плакал Павел, заглядывая в лица рабочим, ведущим его мимо памятника в палатку. — Он мне, может, всю жизнь испортил. Я, может, только мечтать научился. А он... Давно себе умер, а все не успокоится. Вот человек...

Павла уложили спать, закрыли молнию на входе в палатку и отправились играть в нарды. Ночь была лунная, и свет луны играл на памятнике. Павел этого не видел. Он спал. И снилась ему невеста, в легком сарафане и босоножках, идущая вместе с ним по асфальтовой дороге. Когда дорога кончилась, невеста отвернулась от Павла и крикнула в ночь:

— Иван! — крикнула и побежала по вскопанной земле к кому-то невидимому для Павла. — Иван!

Павел сел в свою машину, нажал на рычаги, замахнулся железным ковшом и ударил по синему памятнику.

* * *

Утром руки ему никто не подал. Сели в кабины, стали вскапывать землю ковшами, грызть гусеницами. Костя зацепил крюком покореженный памятник, отволоч его к обочине. Павел постоял у своей машины, чувствуя, как обида и горечь подступают к горлу горячим комом. Плюнул сквозь зубы:

— Да пошли вы все.

И принялся за работу вместе со всеми.

Вечером, когда участок был вскопан и в земле не осталось ни одной нетронутой жилки, Павел пошел к краю дороги. Кромка асфальта лежала у его ног, а впереди бороздами вздыбилась земля, и Павел закрыл глаза, желая вновь увидеть громадный город с высокоэтажными домами и металлическими крышами. Но впереди была одна густая темнота. Павел вернулся к палаткам, сел с краю, у своей машины.

— А могилы там и не было, — услышал он звонкий молодой голос. У покореженного памятника стоял старик. — Баловство одно. Художник здесь жил. Одинокий. Фамилия такая. Прямо за тем холмом. Картины писал. Недолго тут прожил. А когда уезжал, памятник себе поставил, чтобы помнили. Имя, говорит, писать, не буду. Вспомните — помянете. А не вспомните — сам виноват.

В руках старик держал картину. На ней был изображен дом с белой изгородью и прильнувший к окну человек. Он глядел в сад и показывал язык.

Павел засмеялся и крепко обнял старика. И старик засмеялся вместе с ним. И стало Павлу так хорошо на душе, точно город уже был построен и люди уже зажигали свет в своих новых домах, чтобы жить хорошо и смело и помнить обо всех — и о живых, и о мертвых. Даже если те и не мертвые вовсе. А всего лишь одинокие.

ТАК И ДЕНЬ ПРОЙДЕТ

День для Клавдии Васильевны начался не рано. Сам собой включился телевизор, и диктор полуденных новостей сообщил проснувшейся Клаве:

— В ГОРОДЕ ОТКРЫЛАСЬ НАВИГАЦИЯ. И СЕГОДНЯ — ВПЕРВЫЕ В ЭТОМ ГОДУ — РАЗВЕДУТ МОСТЫ.

Вместе с диктором Клавдия Васильевна позавтракала, под его голос оделась, уложила щеткой волосы — перекладывая прядь с одной стороны на другую, чтобы скрыть седину, украсила лицо: синюю краску на веки, розовую на щеки, черную на ресницы — и, уже одетой, дослушав про погоду:

— ДЕНЬ БУДЕТ НЕПРЕДСКАЗУЕМ — ДОЖДЬ ЗАКОНЧИТСЯ К ОБЕДУ, ВЕЧЕРОМ СОЛНЕЧНО, НОЧЬЮ ВОЗМОЖНЫ ЗАМОРОЗКИ И ДАЖЕ СНЕГ, — нажала на пульт, погасив телевизор, и вышла из дома — жить этот день на виду у всех.

Трамвай она вела осторожно, как в первый раз. Рельсы блестели после обеденного дождя, а улицу застилал предвечерний туман. И казалось, что город движется, а трамвай стоит. Поэтому, когда дорога пошла над рекой и стало проглядывать редкое в это время дня солнце, она велела машине ехать быстрее, чтобы скорее оставить мглу по ту сторону Невы.

Машин почти не было, и рельсы гудели спокойно, и казалось Клавдии Васильевне, что жить стало веселей. Тогда-то и появилась женщина. Точнее, ее шляпа. Темная, кажется, из фетра. Клавдия Васильевна еще подумала: «Наверное, из фетра, старомодная, сейчас таких не носят. Или снова носят» — и только потом нажала на сигнал — когда за шляпой на рельсах появилась вся женщина, в темном же пальто. Она посмотрела прямо в глаза Клавдии Васильевне, и потому она запомнила ее лицо. А больше женщину Клавдия Васильевна не видела. Она жала на тормоз, но теперь было совершенно очевидно: это трамвай движется, а город стоит.

Клавдия Васильевна вышла из трамвая и сначала ничего не разглядела. Потом узнала темную старомодную шляпу. И больше...

— НИЧЕГО НЕ ПОМНЮ... ВЫ МЕНЯ АРЕСТУЕТЕ?

Молодой человек в форме поднял от бумаг глаза, посмотрел на Клавдию Васильевну и покачал головой.

— НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ, — сказал он и дал подписать бумаги.

Когда Клавдия Васильевна ставила подпись, то увидела лист и на нем чужие слова: «Коля, прости меня. Больше не могу. Катя».

— Я КАТЮ УБИЛА? — спросила Клавдия Васильевна.

— ОНА САМА СЕБЯ УБИЛА. ИДИТЕ.

И Клавдия Васильевна пошла. К двери с табличкой «Кандаков Павел Николаевич. Директор ГУП „Трамвайный парк № 3“».

— ПОПРОЩАТЬСЯ ПРИШЛА, — сказала она, стоя в дверном проеме, — ГДЕ ПОДПИСАТЬ?

Павел Николаевич, откинувшись в кресле, закрыл глаза. Наверное, ему тяжело было смотреть на Клавдию Васильевну после того, как она убила человека, или просто директор ГПУ к вечеру устал от неотложных трамвайных дел, а теперь ему надо было решать, как прощаться с Клавдией Васильевной — с подписью или без.

— СКОЛЬКО ВАГОНОВ ВЫШЛО СЕГОДНЯ ИЗ ПАРКА В ГОРОД? — уточнил он у Клавдии Васильевны.

Она посчитала в уме по водителям — всех вспомнила, себя не забыла, ответила:

— СОРОК ДВА.

— А ЕСЛИ Я С ТОБОЙ ПОПРОЩАЮСЬ, СКОЛЬКО ВЫЙДЕТ ЗАВТРА?

— СОРОК ОДИН.

— ВОТ ИМЕННО, — сказал директор. — ИДИ ОТДЫХАЙ. ЗАВТРА В УТРО ВЫЙДЕШЬ.

— НО Я ЧЕЛОВЕКА УБИЛА, — напомнила Клавдия Васильевна. — МЕНЯ УВОЛИТЬ НАДО.

— НЕ МОГУ, — отказался директор. — У МЕНЯ ДРУГИХ ВОДИТЕЛЕЙ НЕТ. ДО ПЕНСИИ ДОЖИВЕШЬ — ТАМ ПОСМОТРИМ.

— Я-ТО ДОЖИВУ, — сказала Клавдия Васильевна. — А КАТЯ МОЛОДОЙ УМЕРЛА. ВЫ МЕНЯ ХОТЯ БЫ ОШТРАФУЙТЕ, ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ. МНЕ СОВСЕМ БЕЗ НАКАЗАНИЯ НЕЛЬЗЯ. СОВЕСТНО.

— НЕТ ТАКОГО ШТРАФА — ЗА УБИЙСТВО. ЗА ПРОГУЛЫ ЕСТЬ, ЗА ПОРЧУ ИМУЩЕСТВА ЕСТЬ, А ЗА ЧЕЛОВЕКА... ИДИ, КЛАВА, — попросил он устало и снова закрыл глаза.

Из трамвайного парка Клавдия Васильевна вышла в вечер. Перекресток был оживленный, и полицейский то и дело выключал светофор, выходил на дорогу и сам помогал водителям пропускать друг друга.

Клавдия Васильевна подождала, пока он вновь даст работу светофору, и подошла.

— ВЫ НЕ ПОДСКАЖЕТЕ...

Полицейский привык подсказывать и советовать, потому что в этом была его работа — указать нужный путь автомобилю и пешеходу.

— СЛУШАЮ, — согласился он.

— ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ Я ЧЕЛОВЕКА УБИЛА? — спросила Клава у полицейского.

Он наклонился поближе, чтобы за дорожным шумом расслышать Клавдины слова, и попросил:

— ПОВТОРИТЕ.

И Клавдия Васильевна повторила.

Как она прибавила ходу, выбравшись на мост, как сначала увидела на рельсах женщину, а потом навсегда потеряла ее из виду, как узнала в участке, что ее зовут Катей, и как директор не нашел статьи для справедливости.

Полицейский задумчиво поглядел на Клавдию Васильевну, достал сигареты:

— ЗАКУРИТЕ?

— НЕ УМЕЮ.

— ЗРЯ. ПОМОГАЕТ.

И он затыкнулся дымом, задумчиво глядя на работу светофора и на людей, спешащих к своим конечным остановкам.

— ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ? — окликнула его Клавдия Васильевна.

— ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ — НЕ ЗНАЮ. МОГУ СКАЗАТЬ, КАК ПО ЗАКОНУ. НАДО ПРОТОКОЛ СОСТАВИТЬ, СВИДЕТЕЛЕЙ ОПРОСИТЬ И ЗАДЕРЖАТЬ ДО ВЫЯСНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ.

— ТАК ЗАДЕРЖАЛИ, ВЫЯСНИЛИ, И ОТПУСТИЛИ, — вздохнула Клава.

— ЗНАЧИТ, И Я НИЧЕМ ПОМОЧЬ НЕ МОГУ. НЕТ У МЕНЯ ТАКИХ ПОЛНОМОЧИЙ.

Полицейский выкинул сигарету и пошел на помощь светофору. Клавдия Васильевна глядела на то, как он идет мимо окон автомобилей, за которыми были разнообразные человеческие лица, и всем он был нужен в эту минуту, все ждали его помощи. И она, Клава, тоже ждала, хотя у него и не было таких полномочий.

— В ЦЕРКОВЬ СХОДИТЕ! — перекрикивая сигналы автомобилей, посоветовал он. — ИЛИ К БАПТИСТАМ. У МЕНЯ СВЕКРОВЬ ХОДИТ. ГОВОРИТ — ЗДОРОВО ПОМОГАЕТ.

Церковь была рядом. Клавдия Васильевна знала об этом по сцепке трамвайных путей: встречные провода со всех четырех сторон соединялись прямо напротив храма, и трамвай здесь шли тихим ходом, отдавая себя и чужие машины электрическими брызгами. Клава впервые шла к церкви пешком. Дверь в храм была самой обычной дверью, какие бывают в жилых домах, разве что выходила прямо на людный перекресток и встречала всех пришедших объявлением с крупными буквами.

Клавдия Васильевна внимательно читала их вслух, чтобы понять и запомнить:

— В ХРАМЕ СОБЛЮДАЙТЕ ПРАВИЛА...

Дверь отворилась, скрывая буквы и выпуская наружу женщину и девочку.

— А ЕСЛИ У МЕНЯ ПЛАТКА НЕТ, МНЕ НЕЛЬЗЯ? — спросила Клава у них, чтобы больше не возвращаться к объявлению, а говорить с людьми.

— НА ВХОДЕ ВОЗЬМИТЕ. СЛЕВА КОРОБКА СТОИТ.

Девочка прыгала на одной ноге так, что обе косички ее тоже подпрыгивали и били по плечам — видно, внутри церкви она устала от тишины и покоя, и теперь жизнь поднималась в ней желанием двигаться. Она крепче ухватилась за женщину и повлекла ее прочь от церкви.

— А КРЕСТИТЬСЯ ЗДЕСЬ ИЛИ ВНУТРИ? — спросила им вслед Клава, но они уже не слышали. Поэтому для порядка Клавдия Васильевна перекрестилась сначала снаружи, потом за порогом. В коробке у входа лежали разнообразные шелковые платки. Клавдия Васильевна вытащила белый — много раз кем-то надеванный — и с трудом устроила у себя на голове: шелк все время соскальзывал, норовил нарушить церковные порядки, которые запрещали женщинам быть в храме простоволосыми. Клава крепко затянула узелок под подбородком и еще раз перекрестилась. Люди в церкви стояли неподвижно и тихо — ни шепота, ни звука. Клава осторожно, чтобы не повредить всеобщему молчанию, прошла в храм. Со всех сторон смотрели на Клавдию Васильевну чужие нарисованные лица — они были как люди, но взгляд у них был направлен не на Клаву, а внутрь себя — и сколько бы она ни пыталась заглянуть им в глаза, все никак не могла. Из глубин церкви — совсем незаметно для Клавдии Васильевны — вышел мужчина в темном одеянии и с большим золоченым крестом. Точно общий вздох прошел по неподвижным мужчинам и женщинам, и, повинувшись правилам, сокрытым для Клавдии Васильевны, но ясным для них, прихожане встали в единую очередь.

— БАТЮШКА, БЛАГОСЛОВИ, — обратилась первая женщина к мужчине в темном.

Он перекрестил склоненную голову. Женщина поцеловала его руку, провела ею по своему лбу и отошла, давая дорогу другим. Клава тоже встала в очередь и, когда пришел ее черед, не умея просить благословения, только и сказала:

— ЗДРАВСТВУЙТЕ.

Мужчина перекрестил Клаву, дал ей руку для поцелуя, и она, держась за эту мягкую и полную ладонь, решила.

— Я ЧЕЛОВЕКА УБИЛА, КАК ТЕПЕРЬ ЖИТЬ? — шепотом спросила Клава.

Батюшка не удивился вопросу — казалось, он слышал его много раз, много раз был чуток и справедлив ко всем, даже к убийцам, ибо так положено в этом месте, и несколько не разозлился на Клаву, а, не снижая голоса, ровно ответил:

— УМЫШЛЕННО?

— Я НЕ ХОТЕЛА. ОНА САМА.

— МОЛИТВАМИ И ПОСТОМ ОТМАЛИВАЙ ГРЕХ.

— Я НЕ УМЕЮ, — призналась Клава.

— СХОДИ НА ИСПОВЕДЬ, ПОКАЙСЯ. БОГ ПРОСТИТ.

— СЕЙЧАС?

— ЗАВТРА. ИСПОВЕДЬ ПОСЛЕ СЛУЖБЫ.

— МНЕ ЗАВТРА ПОЗДНО, — слезы навернулись на глаза Клавдии Васильевны, так ей хотелось получить прощение от Бога. — МНЕ СЕЙЧАС НАДО.

— ОБРАТИСЬ В МЫСЛЯХ К БОГУ, ПОДУМАЙ: МОЖЕМ ЛИ МЫ СКАЗАТЬ, КАКОЙ БЫЛА БЫ ЗЕМНАЯ УЧАСТЬ УБИЕННОЙ?

— НЕТ, — подумала и решила Клавдия Васильевна.

— ОСОБЕННО В НАШЕ СМУТНОЕ ВРЕМЯ ПРИ ВСЕОБЩЕМ РАЗВРАЩЕНИИ МНОГИХ И МНОГИХ...

Теперь он говорил не для одной Клавдии Васильевны, а для каждого. И каждый в этом высоком доме с золочеными куполами прислушивался к его окрепшему голосу и узнавал о Клавдиной боли и понимал что-то важное для себя.

— УБЕРЕГЛАСЬ БЫ ОНА ОТ ГРЕХА? СОХРАНИЛА БЫ СЕБЯ В ЧИСТОТЕ ДЛЯ НЕТЛЕННОЙ ЖИЗНИ БУДУЩЕГО ВЕКА ИЛИ ВСТАЛА БЫ НА ПУТЬ ПОГИБЕЛИ?

— Я НЕ ЗНАЮ, — тихо сказала Клава. Ей было странно говорить при всех о Кате и о себе.

— МОЖЕТ, ЭТО БЫЛО ДЛЯ НЕЕ САМЫМ УДОБНЫМ ВРЕМЕНЕМ ДЛЯ ПЕРЕХОДА К ВЕЧНОМУ БЛАЖЕНСТВУ? СИЕ ИЗВЕСТНО ТОЛЬКО ЕДИНОМУ БОГУ, А МЫ ДОЛЖНЫ ВЕРИТЬ: ОНА УШЛА В НЕБЕСНОЕ ЦАРСТВО КАК АНГЕЛ, И У ЕЕ РОДИТЕЛЕЙ ПОЯВИЛСЯ МОЛИТВЕННИК В РАЮ. АМИНЬ, — сказал батюшка.

— АМИНЬ, — повторил каждый, и даже Клава сказала вслед за всеми:

— АМИНЬ.

Батюшка вынул ладонь из Клавиной руки, перекрестился и протянул руку к следующему в очереди — чтобы каждый, а не только Клавдия Васильевна, сумел сегодня получить прощение и утешение.

— СВЕЧКУ ПОСТАВЬ, — подсказала Клавдии Васильевне старушка, снимавшая пальцами воск с оплывших свечей. — ЗА ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ.

Клавдия Васильевна взяла у старушки свечку, зажгла ее и поставила у иконы.

— МАТЬ-ЗАСТУПНИЦА, СПАСИ И СОХРАНИ, — перекрестилась на икону соседняя женщина, и Клава сделала то же самое:

— МАТЬ-ЗАСТУПНИЦА, СПАСИ И СОХРАНИ.

Женщина стала шепотом говорить молитву, но сколько ни прислушивалась Клавдия Васильевна, больше слов разобрать не смогла — а как молиться своими словами, она не знала, поэтому, постояв еще немного, она сняла платок, вернула его в коробку и вышла из церкви.

Фонари уже зажглись, и начался обычный весенний снег. Когда Клавдия Васильевна проходила в круглом свете фонарей, то видела реявшие в воздухе снежинки. В парке гуляли люди с собаками, люди с детьми и люди парами. Только Клавдия Васильевна была одна. Люди на нее оборачивались, и Клавдии Васильевне казалось — все знают, что она убила человека. «Как будто идешь из парикмахерской, — пришло в голову сравнение, — подстриглась с длинных волос на короткие и думаешь: все видят, оценивают, недоумевают: зачем решилась, для чего, как будешь жить дальше». А потом Клавдия Васильевна вспомнила, что так бывало только в воображении — на самом деле никто из прохожих друг другу не удивляется, тем более незнакомым прическам и людям, просто Клавдия Васильевна забыла снять желтую жилетку, отражающую свет специальными полосами, и теперь на нее оглядывались, потому что она светила в темноте. Она села на скамейку, еще не задетую снегом — видно, кто-то сидел на ней до этого и оставил для Клавы свое тепло, — и достала мобильный телефон. Нажала на кнопку, разбудив экран и задумалась. Человеческие имена сменяли одно другое, и где остановиться, Клава не могла выбрать. Телефон решил сам. Звонила Таня.

— АЛЛО, — сказала Клавдия Васильевна. — ДОБРЫЙ. ТАНЯ! А Я ЧЕЛОВЕКА УБИЛА.

Телефона погас в руках Клавдии Васильевны, и было непонятно, слушает ее человек по ту сторону или уже отключил сигнал. Клавдия Васильевна даже стукнула по корпусу пару раз.

— АЛЛО, ТАНЯ! ТЫ СЛУШАЕШЬ?

Экран загорелся вновь, человеческий голос стал явственен в нем, шумлив и многословен.

— НЕ ПЛАЧЬ, ТАНЯ... — попросила Клавдия Васильевна. — НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ, ОНА САМА ПОД ТРАМВАЙ БРОСИЛАСЬ. В ТЮРЬМУ НЕ ЗАБЕРУТ И ШТРАФОВАТЬ НЕ БУДУТ. ВСЕ ХОРОШО, ТАНЯ, ТЫ ТОЛЬКО НЕ ПЛАЧЬ.

Голос в трубке успокоился, и Клавдия Васильевна решилась:

— ТАНЯ, А ЕСЛИ Я К ТЕБЕ ПРИДУ? А... ХОРОШО. В ЦЕРКВИ УЖЕ БЫЛА. СКАЗАЛИ ЗАВТРА ПРИХОДИТЬ. АГА, ВЫПЬЮ. С МЕДОМ. ЛЯГУ. НЕ ПЕРЕЖИВАЙ, СПОКОЙНОЙ НОЧИ.

Она набрала другой номер.

— МАРИНА, ПРИВЕТ! — сказала Клавдия Васильевна. — В ТЕАТРЕ? НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ. НИЧЕГО! ПЕРЕЗВОНЮ...

Выбрала новое имя.

— АППАРАТ АБОНЕНТА ВЫКЛЮЧЕН ИЛИ НАХОДИТСЯ ВНЕ ЗОНЫ ДЕЙСТВИЯ СЕТИ. ПОЖАЛУЙСТА, ПЕРЕЗВОНИТЕ ПОЗДНЕЕ, — сообщил ей женский голос.

Телефон погас, и Клавдия Васильевна положила его в карман. Рука от разговора замерзла, и надо было несколько раз сжать кулак и разжать и еще подуть на ладонь, чтобы кровь побежала быстрее. Глядя на свою руку, Клава вспомнила. У Кати были короткие ногти с красным, снятым по краям лаком. Эту руку Клавдия Васильевна видела. А Катиного лица уже после всего видно не было... Клава опустила руки и долго сидела так. Ей больше не хотелось ни с кем говорить и идти куда-то не хотелось. И потому она сидела, опустив голову, и глядела на свои руки, ничем не занятые. А потом грустить перестала, потому что женщина в таком же, как у Клавы, жилете, вручила ей железную мотыгу и пошла на дорогу — к мужчинам и женщинам в такой же одежде. Клава двинулась следом.

Мужчины специальными бурами поддевали трамвайные рельсы, заранее вывороченные экскаваторами из земли, а женщины железными мотыгами выкорчевывали болты и гайки. Клава посмотрела на их общий труд, приноровилась и принялась вместе со всеми за дело. Прямо на трамвайных рельсах желтые жилеты ужинали. Клава ела и заботилась только о том, чтобы не уронить бутерброд или булку: руки после железа с непривычки дрожали. Вдруг одна из женщин запела. Это было так странно в ночном городе, что Клава на секунду подумала — показалось. Нет. Женщина пела. Негромко, для своих. Мужчины и женщины слушали.

— Ой, летят утки и еще два гуся. Над быстриную пела Маруся. Пела, примяла травы руками. Ой, летят утки над берегами. Ой, летят утки по-над горою. Милый уехал с милой другою. Ой, летят утки, перья бросают. Любовь девичья не угасает. Ой, летят утки, перья бросают. Любовь девичья не угасает.

Пели уже на два голоса. Высокий и низкий.

— Любовь водою ты не потушишь. Ее бедою ты не засушишь. Ой, как посею я свою долю по суходолу по чисту полю. Ой, как посею я свою долю по суходолу по чисту полю...

Когда песня закончилась, Клава отряхнула крошки и встала.

— СПАСИБО, — сказала она. — И СПОКОЙНОЙ НОЧИ.

— А ЗАРПЛАТУ?

— МНЕ НЕ НАДО, Я НА ТРАМВАЕ РАБОТАЮ.

— СКОРО ОТМЕНЯТ, — посочувствовал ей самый молодой работник. Он говорил с людьми тихо, почти про себя, не поднимая глаз от телефона.

— ПОЧЕМУ? — не поверила Клава.

— УСТАРЕЛЫЙ МЕХАНИЗМ. РЕЛЬСЫ СНАЧАЛА ПО РАЙОНАМ РАЗБИРАЕМ, ПОТОМ В ЦЕНТРЕ ЛИКВИДИРУЕМ. — Экран перед ним все время светился, и буквы с картинками сменяли друг друга. — ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА УЖЕ ТРАМВАЕВ НЕ БУДЕТ.

— А ЧТО ЖЕ БУДЕТ? — удивилась Клава.

— МОНОРЕЛЬС. ИЛИ АВТОБУСЫ ЭКОЛОГИЧНЫЕ, — работник проводил рукой по телефону, и тот давал ему новые сведения обо всех людях и механизмах на земле. — НА ГАЗЕ И БЕЗ ВОДИТЕЛЕЙ.

— АВТОБУС БЕЗ ВОДИТЕЛЯ НЕ МОЖЕТ! — не согласилась Клава. — КТО Ж ЕГО ПОВОРАЧИВАТЬ БУДЕТ, КТО ОСТАНАВЛИВАТЬ?

— ЭЛЕКТРОНИКА. ТАК НАДЕЖНЕЙ. И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР ИСКЛЮЧЕН. ВСЕ ИЗ КОСМОСА УПРАВЛЯЕТСЯ. КОГДА ОСТАНОВИТЬСЯ, КОГДА ПОЕХАТЬ, — продолжал молодой работник.

— А ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК НА РЕЛЬСАХ? — оглядела всех Клава. — ТОГДА КАК?

Мужчины и женщины задумались. И даже самый молодой поднял взор от экрана.

— ТОГДА СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДАТЧИК НА АВТОБУСЕ ПОЛУЧАЕТ ТЕПЛОВОЙ СИГНАЛ ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА, НАПОДОБИЕ ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ, И АВТОБУС ПЛАВНО, НО РЕЗКО ТОРМОЗИТ, — он изучал вопрос, и его нельзя было поставить в тупик такой легкой задачей.

— ЗНАЧИТ, И ЛЮДИ БОЛЬШЕ НЕ НУЖНЫ БУДУТ ГОРОДУ? ТОЛЬКО МАШИНЫ? — совсем тихо спросила Клава.

— ТОЛЬКО МАШИНЫ, — подтвердил молодой человек. — ТАК НАДЕЖНЕЙ.

— ТАК НАДЕЖНЕЙ, — согласилась Клава, переступила через никому теперь не нужные рельсы и пошла прочь от жилетов и от расчищенной для будущего гладкой дороги.

Переполненный автобус нес Клавдию Васильевну по городу. Прижавшись к незнакомым спинам и плечам, не держась за поручни, Клавдия Васильевна чувствовала, что уже не совсем одна, что вот есть вокруг другие — молодые и старые — и, может быть, кто-то из них — случайно, сам того не желая, — тоже однажды убил человека и все-таки не стал жить по-другому, смог пережить это горе и так же, как она, Клава, едет домой по городу и мечтает о чае с медом и о просмотре телевизионного фильма. Мужчина с портфелем, невидимый для Клавды за чужими спинами, внимательно смотрел на нее и не сходил на остановках. Автобус к окраинам пустел, людей между ними становилось все меньше, а вскоре и вовсе никого не осталось. Только мужчина с портфелем и Клавдия Васильевна. Клава придвинулась к окну, чтобы смотреть на улицу и забыть о собственных мыслях. Она прижала лоб к холодному стеклу и так глядела на городские огни.

Мужчина с портфелем сел рядом.

— ПРОСТИТЕ, — сказал он. — ВАМ ПЛОХО?

— ОЧЕНЬ, — с готовностью ответила Клава. — А ВЫ ДОКТОР?

У него были белые красивые руки и внимательный взгляд.

— ВЫЗВАТЬ «СКОРУЮ»? — мужчина достал из кармана мобильный телефон, стал набирать «112». — ГДЕ БОЛИТ?

— ВОТ ЗДЕСЬ, — показала Клава.

— ЗНАЧИТ, СЕРДЦЕ, — сказал он и уже торопливо, но вдумчиво объяснял кому-то в телефон: — ПРОСПЕКТ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ... 42, НА ОСТАНОВКЕ БУДЕМ ЖДАТЬ. ОДЫШКА? ЕСТЬ. ГОВОРИТЬ МОЖЕТ. БОЛЬ ОСТРАЯ? — переспросил он у Клавды, отодвинув трубку ото рта.

Клава прислушалась к себе:

— ТУПАЯ.

— ТУПАЯ, — подтвердил он в телефон. — КОГДА НАЧАЛОСЬ? — снова обратился к Клаве.

— ЧАСОВ В ШЕСТЬ... Я ТРАМВАЙ ВЕЛА ПО ТРОИЦКОМУ, А ОНА ВЫШЛА. В ТЕМНОЙ ШЛЯПЕ, Я СНАЧАЛА ЕЕ ВСЮ НЕ ЗАМЕТИЛА. А ПОТОМ ТОРМОЖУ. И НЕ ВЫХОДИТ. КАК НАРОЧНО, СЦЕПЛЕНИЯ НЕТ И ВСЕ. ТАК БЫВАЕТ, ЕСЛИ НА СКОРОСТИ БРАТЬ МОСТ. МНЕ ВСЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ЭТО КАК СОН. ЧТО МОЖНО КУДА-ТО НАЖАТЬ ИЛИ СЛОВО СКАЗАТЬ — И ВСЕ НАЗАД ОТМОТАЕТСЯ. КАК В ФИЛЬМЕ, ЗНАЕТЕ. ВЕДЬ ЛЮДИ В КОСМОС ЛЕТАЮТ, АТОМНЫЕ КРЕЙСЕРЫ СТРОЯТ, ВЕДЬ МОГЛИ ОНИ ПРИДУМАТЬ ТАКОЕ УСТРОЙСТВО, ЧТОБЫ ВСЕГО ЛИШЬ НЕСКОЛЬКО СЕКУНД НАЗАД ПЕРЕМОТАТЬ...

— ПОДОЖДИТЕ МИНУТУ, — сказал мужчина в трубку. — ИЗВИНИТЕ, — обратился он к Клаве: — У ВАС СЕРДЦЕ БОЛИТ?

— ДУША.

— «СКОРУЮ» ВЫЗЫВАТЬ? — уточнил он еще раз, внимательно глядя Клаве в глаза. Она покачала головой, и он потушил экран телефона, спрятал в карман. — ТОГДА Я ВАС ПРОВОЖУ.

— НЕ НАДО, — попросила Клавдия Васильевна, — НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ, — и вышла на остановке, потому что автобус как раз остановился и открыл переднюю, самую ближнюю к ним обоим дверь. Клава осталась стоять на остановке, а мужчина прошел весь салон автобуса целиком, до самого заднего стекла, глядя на Клаву, желая удостовериться, что с сердцем у нее все в порядке и «скорая» действительно не нужна. Клава махнула ему рукой — все хорошо, справлюсь! — но мужчина, пожалуй, и впрямь был доктор. Он еще долго смотрел на Клаву, пока ее жилет с отражающими полосками не скрылся за поворотом, а потом остановил водителя, вышел на дорогу и, ускоря шаг, вернулся к ней.

— Я НЕ МОГУ ВАС ТАК ОСТАВИТЬ, — извинился он перед Клавой. — Я ПРИДУМАЛ, КАК ВАМ ПОМОЧЬ!

И дальше они пошли вместе.

Возле участка, где Клавдию Васильевну не стали арестовывать, а отпустили, она остановилась.

— ТУДА НЕ ПОЙДУ, ИДИТЕ САМИ, — и даже отвернулась от двери с единственным — но ярким — фонарем.

— Я НЕ МОГУ, Я НИКТО. А ВЫ — ФИГУРАНТ.

Протестовал доктор слабо, тоже как-то вдумчиво и даже — показалось Клаве — ласково.

Но она вспомнила записку, шляпу — «ВЕЩДОКИ», как надписал их молодой человек в форме — и упрямо повторила:

— ВЫ ПРИДУМАЛИ — ВЫ И ИДИТЕ.

И доктор подчинился. Он долго не возвращался. Клавдия Васильевна обошла сначала здание целиком, потом заглянула в окно, но за плотной шторой ничего не смогла разобрать, приоткрыла дверь с пустым коридором и уже решила войти внутрь, как показался доктор. Устройство его было таково, что все чувства тут же отражались на лице, в походке и — в руках. Он торжествующе нес над головой лист бумаги. И значилось на нем всего два слова и две цифры.

— ЛЕВАШОВСКИЙ ПРОСПЕКТ, СОРОК ДВА, ДВА! — огласил их доктор. — ЭТО БЛИЗКО. Я ПОКАЖУ, — и, взяв Клавдию Васильевну под руку, повел ее за собой.

Скоро Клавдия Васильевна устала. Она привыкла возить себя и людей в железной машине, а ходить не привыкла.

— ДАЛЕКО ЕЩЕ? — спросила она у доктора.

— ВЫ УСТАЛИ? СЕРДЦЕ? ТОГДА НА ТАКСИ.

— ЗАЧЕМ ЖЕ ВЫ СКАЗАЛИ, ЧТО БЛИЗКО? — спросила Клава, когда они сели в машину.

— МЕНЯ ДВА ЧАСА КАК ИЗ БОЛЬНИЦЫ ВЫПИСАЛИ. ХОТЕЛ ПРОГУЛЯТЬСЯ.

— ТАК ВЫ НЕ ДОКТОР, ВЫ БОЛЬНОЙ? — удивилась Клава. — ЧТО ЖЕ ВЫ ПУЛЬС У МЕНЯ ЩУПАЛИ?

— А Я В БОЛЬНИЦЕ ПРИВЫК. МЫ ДРУГ ДРУГУ ПОКАЗАТЕЛИ ПО УТРАМ СВЕРЯЛИ, ВОТ И У ВАС РЕШИЛ ПОМЕРИТЬ. ДА ВЫ НЕ БОЙТЕСЬ, МНЕ НЕ ТРУДНО. ГЛАВНОЕ — СОСЧИТАТЬ ПРАВИЛЬНО.

— МОЖЕТ, ВЫ МАНЬЯК?

— Я ИНЖЕНЕР. НА БАЛТИЙСКОМ ЗАВОДЕ РАБОТАЮ. С ИНФАРКТМ ЛЕЖАЛ ДВА МЕСЯЦА, ТЕПЕРЬ УЖЕ СПИСАЛИ, НАВЕРНОЕ. ПОЙДУ НА ПЕНСИЮ, БУДУ РАССАДУ ВЫРАЩИВАТЬ.

— У ВАС И ДАЧА ЕСТЬ?
— ЕСТЬ. ХОРОШАЯ ДАЧА. НА БЕРЕГУ ФИНСКОГО ЗАЛИВА, С ОКНАМИ В МОРЕ. ХОТИТЕ, ЛЕТОМ ВМЕСТЕ ПОЕДЕМ?

— ВОТ ТАК ДОКТОР, — захохотала Клавдия Васильевна. — ЧАС КАК ПОЗНАКОМИЛИСЬ, А ОН УЖЕ НА МОРЕ ВОЗИТ! ЖЕНАТ?

— РАЗВЕДЕН.

— ВСЕ ЯСНО. ЖЕНСКОЙ ЛАСКИ ЗАХОТЕЛОСЬ. НЕ ВЫЙДЕТ. НЕ НА ТУ НАПАЛИ.

И Клавдия Васильевна двинулась подальше от доктора, поближе к двери.

Когда машина встала, доктор вышел первым и для удобства подал Клавдии Васильевне руку.

— РАЗВЕДЕН Я УЖЕ ЛЕТ ДВАДЦАТЬ. С МОЛОДОСТИ. А ВЫ МНЕ ПРОСТО НРАВИТЕСЬ. — И он аккуратно, делая Клаву легкой для самой себя, помог ей выйти в город.

Светофор дал сигнал, и женский голос сообщил, что переход Чкаловского проспекта разрешен. С тротуара напротив покатила людская волна. Доктор все держал Клавдию Васильевну за руку, а когда волна достигла их обоих, притянул покрепче к себе, точно больше никогда не хотел отпускать.

— Я НЕ ПОЙДУ, — сказала ему Клава. — БОЮСЬ!

Доктор сильнее обнял ее — то ли, чтобы Клаву не забрали с собой идущие люди, то ли просто хотел утешить. Не задерживаясь на перекрестке, пешеходы разошлись по своим неотложным делам, и только Клавдия Васильевна с доктором никуда не спешили. Надо было отпускать друг друга, но никто не делал это первым. Тогда Клавдия Васильевна — уже тихо, только для доктора — повторила:

— БОЮСЬ ИДТИ...

Доктор разжал руки.

— ВЫ КОГДА ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ЕЛИ?

— НЕ ПОМНЮ... ДО ВАС ЕЩЕ.

Он выкладывал из портфеля вареные сосиски, огурец с помидором, хлеб. Клава отдыхала на скамейке под светящейся вывеской, смотрела на руки доктора, на его лицо. Кинотеатр был окружен домами, и люди в нем уже начали смотреть чужую историю любви, поэтому, кроме Клавдии Васильевны и доктора, никого в этом дворике не было.

— У МЕНЯ С ОБЕДА ОСТАЛОСЬ. ДУМАЛ — ВЫПИШУСЬ, А ДОМА ЕСТЬ НЕЧЕГО. ВОТ И ВЗЯЛ. ПОЕШЬТЕ. ТОГДА СИЛЫ ПОЯВЯТСЯ.

— МОЖЕТ, НЕ ХОДИТЬ? — спросила Клава, жуя огурец.

— СХОДИТЬ НАДО, — ответил доктор, откусывая хлеб. — ЛЕГЧЕ СТАНЕТ. КОГДА ДУША БОЛИТ, НАДО С ЛЮДЬМИ РАЗГОВАРИВАТЬ. У ВАС МУЖ ЕСТЬ?

Клава покачала головой.

— ДЕТИ?

— НЕТУ. НЕ ЗАВЕЛА.

— ЗНАЧИТ, СОВСЕМ ОДНА?

— ОДНА, — гордо сказала Клавдия Васильевна. — И НЕ ЖАЛУЮСЬ!

— ТОГДА ТЕМ БОЛЕЕ — ИДТИ НАДО. У МЕНЯ ИНФАРКТ ОТЧЕГО БЫЛ, ЗНАЕТЕ? ОТ ТОГО, ЧТО МОЛЧАЛ МНОГО. ВСЕ В СЕБЕ. ХОТИТЕ ИНФАРКТ?

— Я ЖИТЬ ХОЧУ И РАБОТАТЬ, — сказала Клава и первой встала, чтобы идти по нужному адресу.

Квартира номер два была на первом этаже, слева по площадке. Доктор стоял у подножия лестницы, в самом ее начале — чтобы Клавдия Васильевна сама дошла до квартиры и сама говорила с хозяевами. Она смело сделала несколько шагов до квартиры,

но у самого порога оглянулась на доктора. Он кивнул ободряюще, спокойно, и она, вздохнув глубоко, нажала на звонок. Дверь открыла женщина. За ее спиной угадывался длинный коридор со множеством дверей.

— ВАМ КОГО? — сказала женщина.

— КАТЯ ЗДЕСЬ ЖИВЕТ? ЖИЛА... — поправились Клавдия Васильевна.

Женщина всмотрелась в лицо Клавдии Васильевны, узнавая, обняла ее и ввела в комнату, третью от входа.

— ОНА ВАС ЖДАЛА, — сказала женщина. — ГОВОРИЛА: МАМА ПРИЕДЕТ, ЖИТЬ СТАНЕТ ЛУЧШЕ, ЖИТЬ СТАНЕТ ВЕСЕЛЕЙ. ОПОЗДАЛИ...

В комнате были низкий потолок и большое окно. Стол, занавеска, кровать и книги. Книг было так много, что они заменяли собой всю остальную мебель. Книги-тумбочки, книги-стулья, даже книги-подушки. Больше в комнате ничего не было.

— ВОТ ЕЕ ПОСУДА, ВОТ ДНЕВНИК, ВОТ УКРАШЕНИЯ, — выкладывала вещи на стол перед Клавдией Васильевной соседка. — КВИТАНЦИИ ЗА ГАЗ, ЗА ВОДУ, ЗА СВЕТ. ДОЛГ. ПЯТНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ.

— А ГДЕ КОЛЯ? — спросила Клавдия Васильевна.

— НА ФОНТАНКЕ ЖИВЕТ, НАПРОТИВ ЦИРКА, ДОМ СОРОК СЕМЬ, КВАРТИРА ВОСЕМЬ, — женщина отвечала скоро, точно ждала вопроса и была готова к нему — отыскала фотографию Коли среди квитанций и документов, подала Клавдии Васильевне. — ТОЛЬКО ВЫ К НЕМУ НЕ ХОДИТЕ. ОН ЖЕНАТ.

— А РОДСТВЕННИКИ У КАТИ ЕСТЬ?

Женщина перестала выкладывать вещи и посмотрела на Клавдию Васильевну как в первый раз — на ее жилет, руки, обувь.

— ВЫ ИЗ ЖЭКА?

— Я ОТ КАТИ. ЭТО Я ЕЕ УБИЛА. ХОТЯ В МИЛИЦИИ СЧИТАЮТ — ОНА САМА. НО ИЗ-ЗА КОЛИ.

— САША! — крикнула женщина в коридор. — ЗОВИ МИЛИЦИЮ!

— НЕ НАДО МИЛИЦИЮ, — попросила Клава. — Я ТОЛЬКО ЧТО ОТТУДА. МЕНЯ НЕ БЕРУТ.

— САША! — повторила женщина и, обойдя Клавдию Васильевну, закрыла дверь.

Клава слышала, как повернулся в замочной скважине ключ, как стали шептаться голоса за дверью, как мужской голос позвал в телефон «АЛЛО! МИЛИЦИЯ!». Тогда Клавдия Васильевна отошла от двери и вернулась к столу, квитанциям и прочим Катиным вещам. Дневник открывать не стала, заколку для волос подержала в руках и отложила, фотографию Коли поднесла к окну, на свет, чтобы внимательно рассмотреть. Он был молод и хорош собой — жизнь еще только начинала проступать на его лице морщинами и складками, и то незаметными — у губ — оттого что часто смеется, у переносицы — оттого что хмурится, но они не портили его, напротив. Клавдия Васильевна залюбовалась Колей. Хлопнула дверь, с размаху кем-то брошенная, и появился доктор.

— ВОТ ОНА, — подсказала женщина. — И ГЛАВНОЕ, ЗАШЛА НАГЛО КАК К СЕБЕ ДОМОЙ.

Доктор подошел к Клавдии Васильевне, крепко ухватил ее за локоть.

— ПОМОЧЬ? — подошел к другому локтю Саша.

— НЕ НАДО, — приказал доктор и вывел Клаву в коридор. — СВОЮ РАБОТУ ЗНАЕМ.

— КАК БЫСТРО ПРИБЫЛИ! — удивилась соседка. — СЛОВНО ПОД ДВЕРЬЮ ЖДАЛИ.

— ПО ВСЕМУ ГОРОДУ ИЩЕМ, ЗДЕСЬ ЗАСАДА БЫЛА, — объяснил доктор.

— А ДОЛГ? — уточнила соседка. — ЗА ГАЗ И ВОДУ, ЗА СВЕТ. ПЯТНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ!

— ДОЛГ ПРИДЕТСЯ ВАМ ЗАПЛАТИТЬ. ПОКА СЛЕДСТВИЕ, СУД, ЭТАП, НАЧИСЛЕНИЕ — У ВАС ТАКАЯ ПЕНЯ НАКАПАЕТ, ЧТО ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ОТРУБЯТ, ВОДУ ПЕРЕКРОЮТ И ГАЗ ОТРЕЖУТ.

— ЗНАЧИТ, ЗАПЛАТИМ, — вздохнула соседка. — БЕДНАЯ КАТЯ...

Доктор вывел Клавдию Васильевну на улицу и для порядка — все так же под локоть — отвел за угол.

— НАВЕРНОЕ, СИНЯК ОСТАНЕТСЯ — сказала Клава, потирая ухваченное доктором место.

— НАДО ХОЛОДНОЕ ПРИЛОЖИТЬ, — и, захватив с газона нападавший свежий снег, оголил Клавину руку, приложил холодное к локтю. Так они стояли, ожидая, пока снег растает окончательно.

— ВСЕ, — сказал доктор. — ПРОШЛО?

— НЕТ, — покачала головой Клава, прислушиваясь к себе. — БОЛИТ.

Доктор послушно зачерпнул еще снега, но Клава остановила его.

— У МЕНЯ ИЗ-ЗА КАТИ ДУША БОЛИТ. ИЗВИНИТЬСЯ ХОЧУ. ПОЙДЕМТЕ К КОЛЕ?

Теперь доктор шел первым.

Молодой человек с фотографии открыл ему дверь.

— КОЛЯ, ВЫХОДИ НА МИНУТУ, — позвал доктор.

— Я НЕ КОЛЯ, — сказал Коля и стал затворять дверь.

Но доктор поставил ногу на Колин порог и позвал за спину:

— КЛАВА!

Клавдия Васильевна поднялась на этаж.

— ЗДРАВСТВУЙТЕ, КОЛЯ, — сказала Клава.

— Я НЕ КОЛЯ! — снова отказался Коля.

Тогда доктор взял его за воротник и легко встряхнул.

— ЖЕНАТ?

— ЖЕНАТ! — доверчиво поникнув в руках доктора, ответил не Коля.

— И ДЕТИ ЕСТЬ? — укорил его доктор.

— ДВОЕ, — согласился он.

— ПОДЛЕЦ ТЫ, — сказал доктор и ударил не Колю по щеке.

— ЗА ЧТО? — спросил он, держась за лицо, растерянно глядя на доктора и на Клаву.

— ЗА КАТЮ! — сказал доктор и ударил еще раз.

— ЛЕВА! — позвал из-за двери женский голос. — КТО ТАМ?

На порог пришла девушка с грудным ребенком. Второй — годовалый мальчик — держал ее за платье и серьезно вглядывался во взрослых.

— ТАК ТЫ НЕ КОЛЯ? — удивился доктор.

— ЛЕВА!

— А ГДЕ КОЛЯ? — уточнила Клава.

— Я ПОКАЖУ, — сказала девушка. — ЗАХОДИТЕ.

Тогда доктор поставил Леву на порог и вместе с Клавдией Васильевной вошел в квартиру.

С экрана компьютера на них смотрел Коля — он был такой же, как Лева, только моложе — веселее, задорнее. Коля в зоопарке, Коля за рулем, Коля в магазине — фотографии сменяли одна другую под грустную мелодию, на одной из них появились вместе Коля и Лева.

Доктор нажал на паузу, девушка включила свет.

— ДАВНО ОН? — уточнил доктор.

— ПОЛГОДА НАЗАД. КОНДИЦИОНЕРЫ В ЦЕХУ НА ИЖОРСКОМ ЗАВОДЕ СТАВИЛ. ПО СТРЕМЯНКЕ ПОД ПОТОЛОК ЗАБРАЛСЯ, А ТАМ ПАРУСНОСТЬ КАКАЯ, ЗНАЕТЕ? ПОЛ БЕТОННЫЙ. МГНОВЕННАЯ СМЕРТЬ.

Заплакал грудной ребенок, и девушка пронесла его мимо Клавдии Васильевны в другую комнату. Годовалый мальчик ушел следом. Втроем они еще помолчали про Колю, и Клавдия Васильевна встала.

— ПРОСТИТЕ НАС. МЫ ПОЙДЕМ.

— А КАТЯ ДАВНО? — спросил Лева.

— СЕГОДНЯ, — за Клаву ответил доктор.

— ЗНАЧИТ, УЖЕ ВСТРЕТИЛИСЬ, — сам себе сказал Лева. — ОНИ ПОЖЕНИТЬСЯ ХОТЕЛИ. КАК ТАМ ГОВОРЯТ? БРАКИ НА НЕБЕСАХ?

Клавдия Васильевна спускалась по лестнице первой. Доктор шел следом, но вскоре отстал и, держась за сердце, тяжело опал на ступени. Клавдия Васильевна обернулась на звук. Он сидел, привалясь к перилам, выпустив кожаный портфель из рук.

— ЧТО ВЫ? — Клава бросилась к доктору, прижала ладонь к его лбу, заглянула в глаза, прислонилась к сердцу, послушала.

— ВАМ НЕЛЬЗЯ ВОЛНОВАТЬСЯ! ИНФАРКТ БЕРЕЧЬ НАДО!

— ЭТО НИЧЕГО, СКОРО ПРОЙДЕТ, — прошептал доктор побелевшими губами. — ПОЛЕЖАТЬ БЫ ПОЛЧАСИКА... В БОЛЬНИЦУ НЕ ВЕРНУСЬ. НА ВОЛЕ ХОЧУ. С ВАМИ... — доктор взял Клавину руку в свою, прижал к губам.

— ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ?

— ПАРНАС... — прошептал доктор.

— ЗНАЧИТ, КО МНЕ, — решила Клава и помогла доктору встать, перекинув его руку через свое плечо. Он задышал ровнее, кровь вновь прилила к щекам, взгляд повеселел. Вместе они спустились по ступеням и вышли на воздух.

Доктор лежал, а Клава готовила. Разбивала в сковородку яйца, резала лук, покрывала маслом хлеб. Негромко разговаривал телевизор. От тепла окна запотели, и было в квартире тесно и уютно. Работая над едой, Клавдия Васильевна иногда видела в темном стекле свой портрет, улыбалась ему, вскидывая голову. Доктор отражался с нею рядом, и Клавдия Васильевна раздвинула занавески — чтобы в окна напротив был виден мужчина в ее доме, и она сама — счастливая. Сев рядом, она поднесла доктору вилку с едой.

— ЧТО ВЫ КАК МАЛЕНЬКОМУ? — протестовал он слабо, но Клавдия Васильевна сдалась: ей хотелось, чтобы доктор чувствовал себя здоровым и сильным. Она послушно отдала ему приборы и стала смотреть, как он ест.

— А ВЫ? — спросил доктор.

— НЕ ХОЧЕТСЯ, — ответила Клавдия Васильевна, не отрывая взора от его лица. — ВЫ ЕЩЬТЕ. У МЕНЯ ДАВНО НИКТО НЕ ЕЛ, И Я ОТВЫКЛА.

Доктор повиновался и иногда глядел в ответ на Клаву и улыбался ей между приемами пищи. Потом они смотрели конкурс фокусников по телевизору, и Клава сидела на диване рядом с доктором и боялась пошевелиться, потому что он устроил свою руку на плюшевой спинке, над Клавиными плечами, и казалось, обнимал ее, так что двигаться Клаве не хотелось, а хотелось просто сидеть с ним рядом и смотреть на фокусы. Когда конкурс закончился и диктор стал рассказывать новости, доктор нажал кнопку на пульте, чтобы ушел звук, привлек Клаву к себе и поцеловал.

Если бы соседи смотрели в открытые занавески Клавиных окон, то увидели бы только ровное свечение телевизора, а не отдельных мужчину и женщину, потому что доктор и Клавдия Васильевна теперь были совсем вместе.

Когда они лежали на диване после всего, Клавдия Васильевна погладила доктора по волосам и сказала:

— Я ТЕПЕРЬ ЗНАЮ, ПОЧЕМУ КАТЯ УМЕРЛА. ЛУЧШЕ ПОД ТРАМВАЙ, ЧЕМ НИКОМУ НЕ НУЖНОЙ.

— ЖАЛКО ЕЕ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, — согласился доктор. — И ПОХОРОНИТЬ НЕКОМУ.

— Я ДЕНЕГ ДАМ! — Клавдия Васильевна села на диване, закутавшись в простыню. — У МЕНЯ ЕСТЬ!

И Клавдия Васильевна в простыне дошла до шкафа, выдвинула ящик и достала деревянную шкатулку.

— СТО ТЫСЯЧ! — показала она доктору плотную пачку.

— СТО ТЫСЯЧ ТОЛЬКО НА ГРОБ ХВАТИТ. НА ВЕНОК. И НА МЕСТО НА КЛАДБИЩЕ. ЧТОБ НЕ С БОМЖАМИ, — сказал доктор. — СЕБЕ ОСТАВЬ.

— ПОХОРОНЮ КАК РОДНУЮ, — решила Клава. — У МЕНЯ ЕЩЕ СЕРЕЖКИ ЕСТЬ. ЗОЛОТЫЕ. И ПЕРСТЕНЬ С РУБИНОМ. И КРЕСТИК — В НЕМ АЛМАЗНАЯ КРОШКА НАСЫПАНА, А ГЛАЗА ИЗ БРИЛЛИАНТОВ. МАЛЕНЬКИЕ, НО ОГРАНЕННЫЕ.

Клавдия Васильевна достала из другого шкафа хрустальную вазу с украшениями и сыпала их на диван, возле доктора.

— ЗОЛОТО В МОРГЕ НЕ ПРИМУТ, — отодвинув сережки, крестик и перстень, доктор отвернулся к стене. — А ВО ВСЕМ ГОРОДЕ ТОЛЬКО ОДИН ЛОМБАРД КРУГЛОСУТОЧНЫЙ, И ТОТ У МОЕГО ДОМА.

— ПОМЕНИЙТЕ! — попросила Клавдия Васильевна. — МНЕ С УТРА НА ТРАМВАЙ, Я НЕ УСПЕЮ. ЗАТО В ОБЕД И МЕСТО НА КЛАДБИЩЕ КУПЛЮ, И ЛЕВЕ НА ГРОБ ДЕНЕГ ДАМ, И СОСЕДКЕ ЗА ГАЗ ВЫПЛАЧУ. ПОМЕНИЙТЕ!

— ЧТО ТЫ МНЕ ВЫКАЕШЬ, — обиделся доктор, повертываясь к Клаве и прижимая ее к себе. — ВРОДЕ НЕ ЧУЖИЕ.

Клавдия Васильевна обняла его крепче, а потом отпустила и стала складывать золото сначала в целлофановый пакет, потом еще в один и во внутренний карман докторского пальто, застегнутый на молнию.

— А СТО ТЫСЯЧ КАК? В МОРГ ОДНУ СУММУ, ЛЕВЕ ДРУГУЮ, СОСЕДКЕ ТРЕТЬЮ, А У ТЕБЯ ДЕСЯТКИ ДА ПЯТЕРКИ.

— НАДО НА МЕЛКИЕ РАЗБИТЬ, — придумала Клавдия Васильевна и, свернув деньги, уложила их в бумажный конверт из-под коммунальных счетов, а потом в нагрудный карман докторской рубашки. — ПО ТЫСЯЧЕ И ПО ПЯТЬСОТ.

Клавдия Васильевна протянула доктору, уже одетому полностью и стоявшему на пороге, его портфель.

— НЕ НУЖНО, — он отодвинул портфель рукой. — ТАМ ПРОЕКТ ВАЖНЫЙ. МНЕ ЕГО ЗАВТРА НА ЗАВОДЕ ПРЕДСТАВЛЯТЬ. МОИ РАЗРАБОТКИ МИЛЛИОНОВ ПЯТЬСОТ СТОЯТ. В ОДНОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ. БОЮСЬ ПОТЕРЯТЬ.

— Я ПОБЕРЕГУ, — сказала Клава. — ВОЗВРАЩАЙСЯ СКОРЕЕ. БУДЕМ ЧАЙ ПИТЬ.

Доктор поцеловал ее в губы и спустился по лестнице. Она закрыла за ним дверь и прижала портфель к груди — чтобы еще некоторое время не расставаться с вещами своего мужчины. Портфель стыдливо скрипнул кожей и легко сжался в руках Клавы — он был тонким и гибким, будто не содержал внутри себя проект на пятьсот миллионов в одном экземпляре. Клавдия Васильевна отстегнула замок и заглянула внутрь. В портфеле лежали остатки бутерброда, и больше ничего. Клавдия Васильевна вытащила хлеб с вареной сосиской, отложила на тумбочку у вешалки и перевернула портфель. Только крошки посыпались из него. Она потрясла еще раз, но портфель был окончательно пуст. Клавдия Васильевна натянула одежду, ботинки и выбежала во двор. На свежавывающем снегу отчетливо виднелась цепочка темных следов, и Клава бежала по ним, пока не оказалась у перекрестка со множеством обувных отпечатков — люди встречались здесь, расходились, обгоняли друг друга.

— ДОКТОР! — закричала Клавдия Васильевна, но ей никто не ответил.

Только парень с собакой оглянулся на Клаву.

— ДОКТОР! — изо всех сил крикнула она еще раз.

— ВАМ ПОМОЧЬ? — спросил парень, а собака сочувственно наклонила голову.

Клавдия Васильевна молчала, вспоминая сегодняшний день, и людей в жилетах, и песню про любовь, и доктора, глядевшего ей вслед до тех пор, пока не повернул автобус, и живую Катю, и ее лицо, и старомодную шляпу, и хрустальную вазу, где лежали сережки.

— СЕРЕЖКИ УКРАЛИ, — объяснила она парню с собакой и задохнулась от жалости к себе. — И КРЕСТИК... — Клавдия Васильевна всхлипнула.

— ЭТО НЕ СТРАШНО, — успокоил ее парень. — ГЛАВНОЕ, ЧТО ВСЕ ЖИВЫ.

— ГЛАВНОЕ, ЧТО ВСЕ ЖИВЫ, — повторила Клавдия Васильевна и пошла прочь от его сочувственных слов, от сговорчивой собаки и от своего дома с распахнутыми занавесками — куда глаза глядят.

Шла она долго, соседнего района совсем не знала, потому брела наугад — через дворы и перекрестки, мимо супермаркетов и хозяйственных пристроек, вдоль домов и велосипедных дорожек, — пока не вышла на набережную. Снег прекратился, и река стояла перед Клавой темная, устойчивая, почти немая. Подойдя к перилам, Клавдия Васильевна посмотрела на черные водовороты, размахнулась и кинула портфель в реку. Потом еще постояла, глядя на отражения высотных домов в воде, на огни, окаймлявшие тот берег, на разведенный мост. Под ним пошли редкие баржи — первые в этом году. Корабли плыли мимо Клавы, но ни одной живой души не было видно с ее берега, и казалось — просто темные механизмы сами по себе, ведомые космосом, а не человеком, движутся вперед к невидимой цели. Клавдии Васильевне стало жутко, и она пошла на свет и звук человеческих голосов — это впереди, кварталах в двух от нее, гремел и выливался на набережную всем своим людским разнообразием ночной клуб.

Люди вокруг Клавы были совсем молодые. Красивые, веселые, пьяные. Девочка в белой блузке и бордовой юбке, напоминавшей фартук, поставила перед Клавдией Васильевной стакан с маленькой круглой ручкой и коричневым стручком, торчавшим над окаемкой.

— ПЕЙТЕ ГОРЯЧИМ, — перебивая музыку, попросила девушка. — ТАК ВКУСНЕЕ.

Клавдия Васильевна отпила — вино было обжигающим, вкусным — и быстро согрелась. Молодые люди по очереди пели в микрофон песни. Много было на английском языке, реже — на русском. Клавдия Васильевна читала вместе с певцами слова, появлявшиеся на экранах, висевших над столиками, и все глядела на молодые лица, шепча про себя:

— Я ВАС ЛЮБЛЮ. ХОРОШИЕ МОИ. РОДНЫЕ. ТОЛЬКО ЖИВИТЕ.

— ЧТО ВЫ СКАЗАЛИ? — наклонилась к ней девушка в фартуке.

— ТОЛЬКО ЖИВИТЕ, — повторила Клава.

— ХОРОШО, — улыбнулась девушка. — ВАМ ЕЩЕ ВИНА?

— НЕ НУЖНО, — сказала Клава.

Микрофон дали Клавдии Васильевне, но она не знала, какую песню ей хочется, и передала микрофон соседу. Он запел на английском — красиво и громко. Песню подхватили другие, и вот уже весь клуб подпевал незнакомый для Клавы мотив. Она встала, чтобы уйти, но юноша с микрофоном подхватил Клавдию Васильевну, прошел с ней в танце, передал другому, тот — третьему. Разгоряченные, юные лица — еще не мужчины, уже не мальчики — сменялись перед ее глазами, признавались в любви, молили о страсти. Один из них прижал Клаву к себе и твердо поцеловал прямо в губы.

Из ночного клуба гремящей толпой высыпались на тротуар. Продолжая петь, обнявшись, пошли прочь от шумливого места и, выпустив Клавдию Васильевну из своих объятий, оставили одну на сведенном мосту. Небо уже начинало светлеть. Она шла над Невой, думала о себе и о всех людях, которые жили и умерли, и пришла прямо к трамвайному парку. Железные ворота открылись, и первые трамваи пошли по городу к своим пассажирам. Клавдия Васильевна подошла к вагону. Трамвай стоял пустой, беззвучный. Она остановилась возле его фары, по привычке протерла ее рукой. Из кабины достала ведро с тряпкой, стала мыть трамвай изнутри и снаружи.

— ВОТ ТАК, — сказала она железной машине, вытирая ее морду, — НЕТУ КАТИ... ВЗЯЛА И УМЕРЛА... ВОТ ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ БЫЛА ДОЧКА... И УМЕРЛА... ВЕДЬ ЖАЛКО... — и Клавдия Васильевна заплакала, облокотясь о трамвайный фонарь.

Потом успокоилась, вытянула из-под трамвая железный башмак-тормоз, села в свой вагон, включила рычаг и вывела трамвай на проспект, где ее уже ждали первые пассажиры.

— БУДЬТЕ ВНИМАТЕЛЬНЫ ДРУГ К ДРУГУ, — просила их Клава по громкой связи «пассажир-машинист», — УСТУПАЙТЕ МЕСТА БЕРЕМЕННЫМ ЖЕНЩИНАМ, ПАССАЖИРАМ С ДЕТЬМИ И ИНВАЛИДАМ.

И пассажиры слушались Клавдию Васильевну, держались за поручни, оплачивали проезд и выходили на нужных остановках, потому что Клава не забывала сообщать им о том, что следующая — «Станция метро „Обводный канал“». И всем она была нужна в эту минуту, и все были нужны ей. Потому что в городе началось утро — самая рабочая пора для трамваев и людей, какими бы они ни были и куда бы ни ехали.

Наталья КРОФТС

* * *

Ни вины, ни войны, ни выстрелов —
одиночество, мир иной.
Я живу далеко на выселках,
я планету себе здесь выстрою
окрыленную тишиной.

Ни звонков, ни оков, ни зависти.
Телефон обесточен, глух.
Только зайцы на озимь зарятся,
только совы от солнца застынут
да кукушка кудесит вслух.

Мир затерянный, мир заснеженный,
запорошенный белизной.
Обезвращенный.
Обезвреженный.
И почти уже
не земной.

КУ-КА-РЕ-КУ

Когда мы ели петуха,
хрустели смачно потроха
с лучком из кладовой,
торчало крылышко горбом,
как парус в море голубом,
в кастрюле суповой.

Но мрачно хмурился мой дед,
и невеселым был обед,
и в горло суп не лез.
Мы ели друга. Потому,
что песни нравились ему,
но петь нельзя в большом доме —
здесь вам, друзья, не лес.

Наталья Крофцс родилась в 1976 году на Украине, в г. Херсоне. Окончила МГУ им. Ломоносова и Оксфордский университет. Публикации в журналах «Нева», «Новый журнал», «Новый берег», «Интерпоэзия», «Юность» и других. Английские стихи вошли в четыре британские поэтические антологии. Живет в Австралии.

А он плевал на палачей,
он петь хотел, не спал ночей —
и с часу или двух,
чтоб нам развеять грусть-тоску,
он радостным «ку-ка-ре-ку»,
приветливым «ку-ка-ре-ку»
ласкал и тешил слух.

Но вот явился управдом
и пенье обозвал вредом:
«В кастрюлю этих Петь!
Держите кошек и собак,
а петуха нельзя никак,
горластых нам нельзя никак —
нельзя ночами петь!»

Здесь можно спать, плясать гавот,
скандалить, ныть, растить живот,
собачиться до драк,
хамить и врать, хлестать вино,
быть с Чудом-Юдом заодно —
но петь у нас запрещено,
но петь нельзя никак!

...Сквозь слезы я гляжу на суп.
Мне три. Я Петю не спасу.
Не прыгать петушку.
Но слышу я — сквозь боль и страх —
молитвой звонкой на ветрах —
да это ж я сквозь боль и страх
пою: «Ку-ка-ре-ку».

ГИМН В ЧЕСТЬ КАПУЧИНО

Горланят: «Мир жесток и глуп,
Кругом — гнилье да мертвечина,
За око — око, зуб за зуб».
Друзья! Под звук зловещих труб
Утопим беды в капучино!

О, чаша, пенный дар небес,
Мы злу найдем первопричину,
Решим, кто ангел здесь, кто — бес,
Кто с миром праведным — вразрез,
Кому — ни капли капучино!

Прогоним сон, зажжем умы,
Отбросим тусклые личины,
Средь хищных дум и злобной тьмы
От Колымы до Колымы
Пусть грянет вновь: «Рабы не мы!»
И — «Полконя за капутино!»

* * *

Время съежилось.
Мрачно забилося в паркетную щель —
то ли стыдно ему,
то ли — мне.
И вообще,
больше не о чем —
незачем —
с ним разговаривать.
Полоумный старик —
время месит болотно-тягучее, жгучее варево
из нелепых обрядов, обетов, насытых утроб,
похорон и хвороб,
из ворованных мыслей, восторженных чувств и вороньего грая.
Может, просто играет.
Войнушки —
любимая с детства игра.
И стирается грань —
на экране —
то Звездные войны —
то — пылает Рейхстаг,
то — пылает над полем рассвет —
Куликовым, кровавым —
скажите, какой это век?..

* * *

Определение себя от обратного.
От оборотной своей стороны —
темной, изъеденной оспою,
словно изнанка луны.
Определение себя от противного —
чем больше противного, тем резче сжимается «я» —
будто края
опаленной бумаги.
И флаги —
подходишь поближе —
на ощупь — совсем не мои.
Все чаще бои —

но все реже я верю призывному граю —
тому, кто играет
— и с пафосом щеки надул —
трубачу-трюкачу.
Как надо — не знаю.
Но знаю, что так не хочу.

ПИСЬМО

Сквер завьюжила скверна
этих зябнущих дней.
Безысходность Инферно —
только здесь холодней.
В эти дни коронаций
и парадов-алле
жду тебя на Сенатской
у замерзших аллей.

В эти дни коронаций,
в этот век миражей
мы с тобой на Сенатской
не встречались уже.
Но я помню: у кручи,
возведенной Петру, —
сероглазый поручик
на декабрьском ветру.
И я помню метели
всех заснеженных дат.
Кто там — эти ли, те ли
победили тогда?

Память, как эмигрантам,
нам подбросит ломоть —
Анатолия Гранта
полыхающий мост,
сказки: «Шел по Шпалерной —
и домой не дошел»,
горечь дней и Фалерна,
леденящий крушон,
крохи, крахи, кровавый
петроградский восход,
днем — сияние славы,
ночью — крики «в расход».

Эра галлюцинаций.
Память шепчет: «Держи:
на застывшей Сенатской —
миражи, миражи».

Нам с тобой не угнаться
за безумием дней.
Жду тебя на Сенатской
у болотных огней,
в блеске иллюминаций,
у дворцов изо льда.

Жду тебя на Сенатской
в день — ты помнишь? — когда
наше дикое племя
бросит зло да ножи —
и раскрошится время,
и окончится жизнь.

Андрей НИКИТИН

РАССКАЗЫ

ОБОНЯНИЕ

(Из цикла «Человек по частям»)

Это был сомнительный брак, покрытый тонким слоем любви, словно натянутой пленкой, сквозь которую супруги смотрели в глаза друг другу, но все отношения были лишь на словах. Слой этот не был настолько тонким, чтобы позволить браку распасться, но и не делал его прочнее.

Тамара и Юра жили дружно, но не были счастливы. Чего-то не хватало. Юра думал, что им нужны дети, а Тамара откладывала этот вопрос, не вдаваясь в объяснения.

— Что это такое? — спросила однажды Тамара, найдя маленькую коробочку духов.

— Я не знаю, — сказал Юра, тем самым лишь укрепив сомнения жены.

— Это женские духи. Я почувствовала их запах еще из коридора. Ты мог бы хоть проветрить помещение, чтоб я не распознала аромат. Неужели ты настолько глуп?

Юра только усмехнулся, но ничего не ответил.

— Откуда они тут?

— Я же сказал, что не знаю. Они не мои. Ты женщина, ты должна знать.

— Я должна знать? А как ты объяснишь появление в квартире чужих женских духов?

— Понятия не имею, — сказал Юра. Его оправдания так и не были приняты, но странным было то, что Юра и не старался оправдаться, а будто проверял супругу, постоянно к ней приглядываясь. Они весь вечер ругались. Доказательств измены не было, но порой женщине они не нужны. Тамара ушла, оставив на лице мужа след от своей ладони.

Света была его лучшей подругой. Они с Юрой были одноклассниками и дружили крепкой дружбой, не обращая внимания на противоположность полов. Юра был в отчаянии после того, как Тамара бросила его. Он не смог примириться с тем, что все это простое совпадение. Его вины не было, но Тамара не хотела слушать.

— Я не могу тебе больше доверять, — сказала Тамара, — ты обманул меня.

— Но я клянусь, что не брал в руки эти духи.

— Не хочу слушать, — говорила она.

Юра оказался у черты, стоя на которой человек держит бритву у запястья. Он постоянно был угнетен одной мыслью. Краски мира померкли, их заслонило обидное ощущение ложного обвинения.

Когда к нему пришла Света и долго стучала в дверь, Юра не хотел открывать, но затем поддался на уговоры совести, ведь намерения его лучшей подруги всегда были

Андрей Никитин родился в 1986 году. Публиковался в журналах «Неман» (Минск), «Лава» (Харьков), «Зарубежные задворки», в интернет-изданиях «Международный культурный портал „Эксперимент“», журнал компьютерной литературы «Bigital», «Отчубучка», «Кругозор», «Новая литература», «Автограф». Живет в Одессе.

чисты. Юра открыл дверь. Света не сразу узнала его, настолько он изменился: лицо осунулось, он был небрит, от него воняло потом.

— Юра, господи! — сказала Света и протянула к нему руки. Они нежно обнялись, как делали каждый раз при встрече. Каждый раз, словно были братом и сестрой и не было иных мыслей, кроме приятной дружбы между ними.

— Я не могу забыть ее поступка, — сказал Юра, — пойми, мне тяжело. Скажу честно, Света, семья — это самое лучшее, что есть в жизни, это сама жизнь, это стимул продолжать тернистый путь и, споткнувшись, подняться с колен. Береги семью, Света.

Они пили чай. Юра прижал ее ладонь, протянув руку через стол.

— Тебе нужно подышать воздухом, Юра, — сказала Света, — пошли, погуляем.

— Я не хочу больше покидать этой комнаты, — сказал Юра, — тебе я могу в этом признаться. Прости меня и не суди строго, Света, но я думаю, что есть только один способ выйти из этой ситуации.

— Даже не думай об этом, Юра, — сказала Света, сжав его ладонь, — я помогу тебе. Я что-нибудь придумаю.

Юра усмехнулся. Он сомневался в возможности излечить черную хандру, разъедающую его душу, но был уверен, что если есть способ снова стать счастливым, Света найдет его.

— Послушайте меня, — говорил доктор, — средство, которое мы вам предлагаем, только вводится в практику, и вы будете его тестировать.

— Что вы мне введете, доктор? — спросил Юра. Рядом с ним сидела Света.

— Это новое вещество, секрет которого мы не можем вам открыть. В основе запаха, который будет делать вас счастливым, лежит естественный фермент. Вы можете сомневаться, что это именно запах поднимает вам настроение, но так и должно быть, ведь секретный состав я не могу разглашать, пока. Если все пройдет успешно, тогда мы с вами станем знаменитыми.

— Вряд ли мне поможет какой-то запах, доктор.

— Я уверен, что поможет.

Юра лишь усмехнулся. Он посмотрел на Свету, улыбнулся ей, она ответила улыбкой. Ее улыбка была для него лучшим лекарством.

Запах действовал странно. Сперва Юре вообще не хотелось пользоваться этим средством, так как он не верил в его эффективность, но после первого применения он понял, что ему становится легче. Он был бодр, доволен, весел. Больше его не посещали мысли о самоубийстве, теперь он думал только о том, как провести приятно время. Мысли о бывшей жене не донимали. Запах, смешанный с секретным ингредиентом, поразительно быстро ставил мужчину на ноги. Юра был счастлив. Вместе с ним радовалась и Света, которая часто была рядом и постоянно улыбалась, радуясь за друга. Юра смотрел на нее, и лишь иногда во взгляде мелькало что-то далекое, но яркое, то, что нельзя скрыть от женщины, когда смотрит мужчина. Разбрызгивая запах духов, Света радовалась вместе с ним и тоже ощущала себя счастливой.

Это было странно и необычно, будто легальный наркотик. Юра боялся, что зависимость станет слишком сильной и поглотит его целиком. Одновременно с этим он замечал, что его отношение к жизни улучшалось, когда рядом была Света.

Этот период жизни был коротким. Вскоре взлет души окончился падением. Через год Юра попал в аварию. Когда он ехал на работу, машина загорелась, Юра сильно обгорел. Кроме того, когда из-под капота показался огонь, Юра потерял управление и врезался в дерево. Машину исковеркало, а вместе с ней и водителя.

— У него серьезные ожоги, — сказал приятель Юры, — в полиции выяснили, что загорелась проводка. Не понимаю, как Юра не почувствовал, что в машине воняет

паленым. Я давно ему говорил, чтоб он заменил провод, но он все не спешил. И вот теперь уже можно не торопиться. Врачи говорят, что шанс выжить у него есть, но небольшой.

— Ему осталось жить недолго, — сказал врач, — внутреннее кровотечение приняло слишком большие масштабы. Если бы обратились чуть раньше, его можно было бы спасти, но теперь, увы. У него была сегодня мать. Ему нужен кто-то, кому он может довериться и излить душу.

Света заглядывала в приоткрытую дверь палаты, где в одиночестве лежал Юра. К его шее и руке были протянуты пластиковые трубки. Он лежал, накрытый до груди одеялом, и медленно дышал.

— Единственное, о чем он просил, — продолжал врач, — раскрыть ему состав запаха счастья, которым он пользуется. Я понимаю, что ситуация, возможно, требует некоторого сочувствия. И я могу сказать вам состав, так как доверяю. Вам можно доверять?

— Да, — сказала Света, думая о том, что умирает ее лучший друг, ее одноклассник, с которым она выросла, в общении с которым провела лучшую часть жизни. Даже с мужем она не могла обсуждать всех тем, которые обсуждала с Юрой. Одинокая слеза покатилась по ее щеке.

— Я вам советую говорить с ним о чем-то хорошем и приятном, — сказал врач, — если ему суждено сегодня умереть, пусть смерть его будет смягчена чем-то добрым. Скажите ему то, что он давно хотел услышать. Секрет запаха счастья довольно прост: мы берем его собственные ферменты и переделываем запах до неузнаваемости.

— Его собственный запах?

— Да. Человек привык к собственным запахам и не ощущает их, но подсознательно они вызывают у него наслаждение. Ему приятно ощущать частичку себя в воздухе. Звучит вульгарно и грубо, но мы воспользовались этим и создали запах настолько приятный, что человек обретает покой. Его мозг воспринимает все немного иначе. Насытить мозг проще, этим мы и пользуемся.

Врач похлопал Свету по плечу и ушел. Девушка, держа сумочку в руках, осторожно вошла в палату и села рядом с Юрой. Вид его был страшен: он отошал, был бледен, кожа натянулась, а глаза провалились.

— Привет, Света, — сказал он, — как дела?

— У меня все хорошо, — сказала она.

— Пришла попрощаться?

— Я пришла не только для этого, Юра, — сказала Света и взяла его за руку. — Юра, я пришла сказать тебе одну вещь. Прости, что долго держала это в себе, но я не решалась сказать тебе правду.

Она помолчала. Он ждал. Их пальцы гладили друг друга.

— Юра. Это может быть неуместно и поздно, но я хочу сказать тебе: я тебя всегда любила. И если бы я не была замужем, то спутником жизни хотела бы выбрать тебя.

— Спасибо, Света, — сказал он, — ты тоже мне всегда нравилась, и если бы не моя жена, я выбрал бы тебя раньше, чем твой муж. Жаль, что я так долго ждал.

— Я думаю, если бы твоя супруга не была такой дурой, она бы простила тебя из-за этих дурацких духов и не ушла. Тем более ты ведь не изменял ей, верно?

— Иногда женщине не нужен даже повод, — сказал Юра, — если она что-то решила, то ее не остановить. Это она подкинула мне духи. Она провоняла ими всю комнату. Она просто хотела уйти, но решила сделать это по-свински, подставив меня, а потом обвинив.

— Почему ты думаешь, что это она сделала?

— Я знаю, Света, знаю. Не думай об этом. Лучше не думай.

— Есть еще кое-что, — сказала Света, — это касается запаха счастья. Я скажу тебе, из чего его делают.

Юра напрягся, шире открыл глаза и молчал. Его сердце застучало быстрее. Он не отпускал руку Светы, и она ощутила напряжение в его теле.

— Юра, этот запах делают из составляющих человеческого тела. Тебе потому и приятен этот запах, что подсознательно он кажется тебе знакомым.

— Из запахов тела? — переспросил Юра. — Но чьего тела?

Света опустила глаза, будто смущаясь и решаясь сказать нечто очень важное, но маленький чертенок, сидящий на плече и дающий подсказки, просил не лгать лучшему другу. Света тихо прошептала:

— Из ферментов моего тела.

Юра молчал. Света подняла глаза. На лице мужчины было удивление, но постепенно его сменило довольство. Улыбка растянулась во все лицо. Юра был счастлив.

— Я всегда радовался, когда ты рядом, — сказал он, — подсознательно я подозревал это.

Света, не отпуская руки, поцеловала его в губы, после чего попрощалась и вышла из палаты. Он умер той же ночью. Умер, осознавая, что счастливым его делал запах, которым была пропитана лучшая подруга.

Мать Юры на похороны надела черный платок и черные перчатки. Во время погребения она плакала. Ей было больно смотреть, как опускают в могилу тело единственного сына. Присутствовали лишь некоторые знакомые, несколько друзей и, конечно, Света. Бывшей супруги не было.

— Он был хорошим человеком, — сказала Света, ведя мать Юры под руку к выходу.

— Да, девочка, он был хорошим, но слишком слабохарактерным. Все им крутили, как хотели, даже эта его Тамара, будь она неладна. Из-за нее он и погиб.

— Юра рассказал, что это она подбросила ему духи и потом его же обвинила в измене.

— Да? — удивилась старушка. — Возможно, все возможно. Его было легко обдурить, подбросив духи, он даже не смог бы этого понять.

— Почему вы так думаете?

— Почему я так думаю? — переспросила старушка. — Ведь я его мать. Я знаю, что говорю. Мой Юра в детстве всунул батарейки в ноздри, и их кислота обожгла ему все внутри. После этого он не ощущал запахов.

— Не ощущал запахов? — спросила Света.

— Да, девочка, абсолютно. Потому я и говорю, что его легко было подставить, подбросив духи.

Старушка ушла, а Света осталась стоять, глядя ей вслед. Она не могла понять, но затем сообразила, почему Юра не рассказал ей всю правду. Он не мог получать эффект от эликсира, но был счастлив. И теперь Света знала точно, почему это произошло. Ведь она постоянно была с ним. Юра был счастлив только тогда, когда с ним была Света. От этого становилось теплее и приятнее. Она вернулась к могиле и подождала, пока все уйдут, затем присела у надгробия, поцеловала пальцы и прикоснулась к фотографии Юры.

— Я тебя тоже люблю, — сказала она, — прости меня, я была глупой.

Света достала из сумочки духи, те самые, которые подбросила ему в квартиру, чтоб разлучить с супругой, и положила флакончик на надгробие. Немного постояв, она вздохнула, развернулась и скрылась. Идя с опущенной головой к воротам, она думала о том, почему так долго ждала и не развелась вовремя с мужем.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

(Из цикла «Человек по частям»)

Из кабинета вышел крупный мужчина в синем костюме. Его глаза пылали от гнева. Это был начальник полицейского отделения Богдан Степанович. Он вышел из кабинета подчиненного. Как всегда, на нем были коричневые перчатки. Арчибальд Витьененко как раз собирался войти в кабинет, когда оттуда вылетел этот шкаф в костюме. Арчибальд посмотрел ему вслед и вошел к приятелю. В кабинете сидел низенький человечек, который тотчас поднял голову и убрал руки от лица. Он был чем-то расстроен. Он посмотрел на приятеля и улыбнулся.

— Арчибальд, — сказал сидящий мужчина, — входи, приятель. Рад тебя видеть.

— Я просто шел мимо. Решил зайти, спросить, что ты делаешь в субботу.

— До субботы еще далеко, Арчи, а сейчас я занят. Я как раз собрался допросить свидетелей убийства, но меня посетил начальник. Меня отвлекают эти посещения и бесят его привычка носить перчатки. Он никогда не прикасается к тем, кого презирает.

Миша поднялся со стула. Стало ясно, что начальник не удостоил его рукопожатием.

— Ты же психолог, — сказал Миша, — можешь выслушать свидетелей, может, что-то уловишь в их словах. Дело в этот раз запутанное, и я не могу в нем разобраться.

— С удовольствием послушаю, — сказал Арчибальд, поправив сидящие на носу очки, — если это тебе необходимо.

— Дело интересное, — сказал Миша, — давай расскажу.

Они шли по коридорам, переходя из одного пятна света в другое.

— Нам позвонил некий Стас Дорошенко и сказал, что убил человека. Стас снимал квартиру на третьем этаже. Напротив снимают квартиру Игорь Бонза и его жена Рита. Молодая пара, живущая там три месяца. Когда звонил Стас, Риты дома не было, она позже пришла в полицию сама. Так вот, — продолжал Миша, — в квартире Стаса никого не оказалось. Нашли только окровавленный нож. Не было тела или самого убийцы. Буквально в тот момент, когда полиция ворвалась в квартиру, к нам в отделение пришла Рита и сказала, что на нее напал Стас.

— Его поймали? — спросил Арчибальд.

— Нет. Он словно исчез. Ни единого следа. Рита утверждала, что он ударил ее, когда она пыталась его задержать. Но и это не все. Сейчас ты все сам услышишь.

Они вошли в кабинет, где сидели три человека. Рита Бонза, ее соседка и мужчина, обнаруживший труп Игоря Бонзы. Миша и Арчибальд вошли в соседнее помещение и по одному вызывали свидетелей. Первым вошел эксперт, неся бумаги.

— Здравствуйте, — сказал он, — могу сообщить все, что я выяснил об убийстве. Игорь Бонза был убит примерно между двенадцатью и тремя часами дня. Удары нанесли со спины в область сердца. Удары слабые, но смертельные. Его тело нашли в пустынном переулке, он лежал на спине. В левом нагрудном кармане рубашки были документы, паспорт и проездной билет. На правом запястье светлая полоска, будто он носил там браслет. Умер от полученных ран через десять минут после их нанесения. Теперь Стас. В квартире Стаса Дорошенко, в одном из чемоданов, мы нашли парик и искусственную бороду. Возможно, Стас гримировался под кого-то. Следы крови на ноже принадлежат Игорю.

— Спасибо, — сказал Миша, когда молодой парень поднялся и вышел. Следующей вошла соседка, пожилая женщина Мария Травкина, сдававшая квартиру Стасу. Миша приступил к допросу:

— Что вы можете сообщить о погибшем Игоре Бонзе, его супруге и их соседе Стасе Дорошенко?

— Они жили несколько месяцев, — сказала женщина, — я имею в виду мужа и жену. Я заметила их взаимную отчужденность, будто две лодки расходились в стороны. Посторонний глаз этого не заметит, но я уловила. И могу сказать почему.

— И почему? — спросил Миша.

— Я несколько раз видела, как Рита заходила в квартиру к Стасу, когда ее мужа не было дома. Стас сам открывал ей. Думаю, они были любовниками.

— Скажите, Мария, это вы принимали оплату за проживание у Стаса?

— Да.

— Как давно он жил тут?

— Чуть больше двух месяцев.

— Опишите его.

— Высокий, с густой бородой и темными густыми волосами, ходил в кепке. Редко выходил из дому. Тихий, спокойный.

— Что, по-вашему, произошло?

— Я думаю, Игорь Бонза узнал об измене супруги и решил проучить Стаса, но тот оказался проворней и зарезал мужа любовницы, а потом скрылся.

— Почему в таком случае он позвонил в полицию и сообщил об убийстве?

Женщина пожала плечами.

— У вас есть фотография или документы Стаса?

— Ничего нет. Он казался странным мужчиной. Постоянно отворачивался, документов мне так и не показал, но платил вовремя.

— Что казалось в нем странным?

— Он был молчалив или постоянно простужен. Может быть, поэтому сидел дома.

— Он был женат?

Женщина задумалась, что-то вспоминая, прикоснулась пальцами к губам и потерла их, затем посмотрела на Мишу.

— Я не могу вспомнить, — сказала она, — было ли кольцо у него на руке. Меня постоянно что-то смущало, когда он расплачивался за квартиру. Я не могу вспомнить что. Он давал мне деньги, но не так, как все остальные.

— Что значит не так?

— Извините, я не могу сказать. Может, позже вспомню.

— Как вы думаете, отношения Риты и Стаса были серьезными?

— Я думаю, да. Ведь не будет женщина, пока муж на работе, бегать к соседу просто так.

— Спасибо, — сказал Миша, — если вы нам понадобится, мы вас вызовем.

Женщина вышла. Миша посмотрел на Арчибальда.

— Ну, как ситуация? Стандартная?

— Есть кое-что странное, но сперва допроси Риту, может, все прояснится.

В дверь вошла молодая девушка. Волосы свисали, прикрывая лицо, голова опущена. Медленно Рита подняла глаза, волосы разошлись в стороны, и мужчины увидели у нее синяк под правым глазом.

— Что с вами случилось? — спросил Миша.

— Это Стас, — сказала девушка, — я встретила его на улице, по дороге домой, и хотела остановить, так как знала, что они с мужем могут серьезно поругаться. Тогда я еще не знала, что Стас уже убил Игоря. Я схватила его за руку, хотела уговорить пойти со мной, но он гневно на меня посмотрел, ударил по лицу и убежал. Я сразу помчалась в полицию.

— Скажите, Рита, — продолжил допрос Миша, — вы состояли в интимной близости со Стасом, изменяя мужу?

Девушка опустила голову, и вновь волосы закрыли лицо.

— Да, — сказала она.

Миша ощутил неловкость. Он налил в стакан воды и поставил чашку на стол перед девушкой.

— Выпейте, — сказал он, — вам станет легче.

Рита подняла голову, потянулась к стакану. На ее правой руке, лежащей неподвижно, было кольцо, теперь единственное подтверждение того, что Игорь был ей близок.

— Я думаю, — сказал Арчибальд, подозрительно взглянув на девушку, — легче всего найти мужчину, если знать особенности его привычек и поведения.

В этот момент Рита прикоснулась к чашке, замерла, затем отдернула руку, с любопытством глядя на Арчибальда. Миша посмотрел на девушку, потом на приятеля.

— И эта характеристика, — продолжил Арчибальд, — как следы на песке, по которым можно отличить ногу человека от лапы медведя. Правда рано или поздно всплывет. Меня удивляет, что Стас позвонил, прежде чем исчезнуть. Думаю, это важно.

Рита отпила немного воды, не сводя глаз с Арчибальда, поставила чашку и опустила взгляд.

— Я могу идти? — спросила она.

— Да, конечно, — сказал Миша, проводил девушку до порога и вернулся. Сел за стол, вздохнул и посмотрел на лежащие бумаги.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Арчибальд, — ведь ты занят. Да и мне нужно подумать. Если что, звони.

Миша кивнул. В его глазах читалась обреченность.

— Он постоянно терзает себя, что стал плохо работать, — говорила Вика, жена Миши, — постоянно думает над проблемой, целиком отдается работе. Я знаю, что у него неприятности. Он стал медлителен, начальство на него наезжает. От этого он нервный, мы часто ругаемся.

Арчибальд кивнул, глядя на супругу приятеля, которая тоже была расстроена.

— Я поговорю с ним, — сказал Арчибальд, — но не обещаю, что смогу помочь.

— Его главная проблема, — сказала Вика, — в том, что, если ему помогают, он считает себя ничтожеством.

— Вот как?

— Представь, как трудно ему работать в коллективе.

Арчибальд кивнул, попрощался и ушел.

Миша стоял в кабинете Арчибальда перед картиной и разглядывал ее. На ней были изображены два пожилых человека. Слева пожилой мужчина, сидящий на стуле, справа пожилая женщина, сидящая в инвалидном кресле. Он на зеленом ворсистом ковре, она на желтом и узорчатом. Черта, где сходились ковры, была границей их маленьких миров. Казалось, что два мира были абсолютно несхожи, будто их соединили, убрав незримую стену. Мужчина и женщина сидели у самой «стены» и протягивали друг другу руки. Их пальцы сплелись. На лицах читалась целая гамма эмоций — от ужаса до радости, но преобладали удивление и непонимание, словно произошло чудо.

— Что это за картина? — спросил Миша, обратившись к Арчибальду.

— О! — воскликнул Арчибальд. — Я рад, что ты спросил.

Он поднялся и подошел к картине.

— Эта картина называется «Прикосновение». Это результат эксперимента, — сказал Арчибальд, поправляя рубашку, — ты не слышал об этом?

— Не слышал.

— Это не удивительно. Эксперимент проводился втайне, но произошла утечка, и его результаты всплыли. Официально его запретили, и будто бы всех зачинщиков сняли со своих постов, как кошек с крыши, но неофициально он цвел. Символическое его отображение ты можешь видеть на этой картине.

— И что тут изображено? — спросил Миша. — Два старика трогают друг друга пальцами?

— Я расскажу краткую версию этой истории, — сказал Арчибальд, — сорок лет назад выбрали мужчину и женщину, разведенных, когда у них уже были взрослые дети. Их поместили в специальную квартиру, где они должны были жить с условием минимум раз в день бывать в комнате, которую ты видишь на полотне. Там была стеклянная перегородка. Они могли видеть друг друга, говорить друг с другом, но не могли прикасаться друг к другу. Так шло время. Они могли покидать квартиру, но не одновременно. Могли бродить, где хотели, но обязательно час в день лицезреть друг друга. Оба завели любовников, новые семьи, друзей и поклонников, но не могли прикоснуться друг к другу. Все это длилось сорок лет и продлилось бы дольше, однако врачи установили, что женщина порядком не здорова и долго может не протянуть. На картине ей восемьдесят два года. Мужчина на год старше. На картине изображен момент, когда стеклянную перегородку убрали и позволили подопытным потрогать друг друга. Это был долгожданный момент. За сорок лет эксперимента собралась куча фанатов, масса людей, желавших увидеть результат. Этот короткий миг — касание пальцев — был заснят на фотоаппарат и видеокамеру. Впоследствии специалисты изучали спектр эмоций, отразившихся на лицах стариков. На основе одного из снимков и была создана эта картина.

— Но что они хотели узнать? — спросил Миша. — Каков результат столь жестокого эксперимента?

— Они хотели узнать, что будут чувствовать люди, лишённые одного из вложенных в них чувств, но с избытком владеющие другими. И они это узнали. В момент соприкосновения преобладал страх.

— Страх?

— Да, друг мой, именно страх. Именно он стал основным и первым мелькнувшим огоньком в глазах, когда убрали стекло, разрезавшее жизнь людей надвое. Сомнение, недоверие, удивление — все это было на лицах, но преобладал страх.

Арчибальд помолчал, затем принес две чашки чая.

— Я хотел сказать, что человеческий характер зачастую непредсказуем, но если ты распознал его, то сможешь понять, как человек себя ведет, как он реагирует на окружающих и как он к ним относится. Важно это или нет, решай сам.

— Это то, ради чего ты меня пригласил? — удивился Миша, надеясь услышать что-то важное о странном и необычном деле.

— Да, Миша. Это все. Не думай о проблемах. Иногда их нужно игнорировать, ставя цель, добиться успеха.

— Ты странный парень, Арчи, — сказал Миша, беря в руки чашку. Арчибальд потянулся к своей, но она была горячей. Он вскрикнул и отдернул руку.

— Еще не остыл, — сделал вывод Арчибальд, хоть чай и не был горячим.

Миша пил чай, смотрел на картину, и что-то странное мелькнуло у него в голове. Что-то связанное с темой разговора и тем, как Рита отдернула руку от чашки, когда говорили о привычках человека. Какая-то идея плыла, словно в тумане, постепенно обретая очертания. След от браслета на правой руке убитого, синяк под правым глазом Риты. Странность, как Стас расплачивался за квартиру.

Арчибальд молча наблюдал за приятелем, поднося чашку к губам. Он улыбался, глядя на задумавшегося друга. Внезапно Миша хлопнул себя по лбу.

— Ну, конечно, — сказал Миша, — прикосновение. Вот в чем дело. Мне нужно идти. Срочно. Я все понял. Мы говорили о привычках и поведении мужчины в тот момент, когда Рита сидела с нами и когда она отдернула руку. Она знала. Она все знала.

— Что знала? — спросил Арчибальд, делая удивленное лицо.

— Потом расскажу, — сказал Миша. Он схватил куртку со спинки стула и быстро выбежал из кабинета, пообещав позвонить позже.

Когда за Мишей захлопнулась дверь, Арчибальд спокойно достал из-за шкафа две картины и повесил их на прежние места, сняв картину со стариками, которую должен был вернуть приятелю.

Через день Миша вошел к Арчибальду и довольно улыбнулся.

— Арчи, ты навел меня на мысль и даже не представляешь, как помог.

— Я? — удивился Арчибальд. — Но как?

— Прикосновение, — сказал Миша, — эта картина подсказала, что в момент, когда Рита отдернула руку, мы как раз говорили о привычках людей. Если бы не ее реакция на наш разговор, я, может, и не догадался бы.

— И о чем ты догадался?

— Я подозревал, что со Стасом что-то не так, но, как оказалось, его и вовсе не было. Рита с мужем сговорились, и Игорь притворялся Стасом все это время. Это было несложно, ведь он практически не выходил из квартиры.

— Но для чего? — спросил Арчибальд.

— Она предложила Игорю изобразить Стаса, чтобы позже имитировать ограбление, подставив вымышленного персонажа, но на самом деле ей просто перепало наследство, и она не хотела делиться с мужем. Она убила его, подставив того же вымышленного персонажа. Хотя теперь она вряд ли получит деньги. Я подумал про след на правой руке от браслета у Игоря. Это был всего лишь след от часов. Игорь был левша и носил часы на правой руке, как следствие, у Риты синяк над правым глазом, так как последнее, что успел сделать супруг, когда она всадила в него нож, это ударить ее со всей силы по лицу. Рита сняла с него часы, чтобы никто не узнал, что он левша. Следы бороды, которую нашли в чемодане у Стаса, были у Игоря на одежде. Это и навело на мысль, что он гримировался под Стаса. А потом я подумал про странность, когда Стас расплачивался. Он протягивал деньги левой рукой, поэтому соседка не видела кольца на его руке и не могла понять, что не так в этом простом жесте. Вряд ли сразу двое соседей были левши, и это подтверждает, что Стаса не было.

— Как ты до этого додумался? — удивился Арчибальд.

Миша улыбнулся и смущенно отвернулся. Щеки его стали румяными.

— Догадался, — сказал он, — но ты навел меня на эту идею, когда отдернул руку, да еще и картина.

Несколько дней спустя Арчибальд вошел в кабинет к Мише. Они поздоровались. Настроение Миши было приподнятое.

— Как дела? — спросил Арчибальд, — я видел, что к тебе заходил начальник.

— Это верно, — сказал Миша, — и заходил он сегодня без перчаток. Он поздоровался со мной за руку. Представляешь? Он прикоснулся ко мне, впервые за последние полгода. Его очень удивило раскрытие этого запутанного дела. Теперь он предложил мне новое дело, которое принес лично. Представляешь?

— Поздравляю, — сказал Арчибальд, — что говорит жена?

Миша улыбнулся еще шире, наклонился к приятелю.

— Последние три дня мы занимались сексом каждую ночь. Это все твоя заслуга.

— Да ладно, — сказал Арчибальд, махнув рукой, — при чем тут я?

— Для начала с меня чай. Идет?

— Согласен.

Миша поднялся. Они вышли из кабинета и, весело болтая, направились в буфет.

СПАСАТЕЛЬНАЯ МИССИЯ

Темнота казалось странной. Генри вскочил на кровати и огляделся. Работу модуля поддерживало ядерное топливо, а потому даже при одновременной работе всего оборудования и освещения энергии осталось бы достаточно. В модуле было тепло, сухо и комфортно, как и полагалось для полета на Марс, но слишком темно. Генри встал с койки, включил свет. Дверь в каюту была открыта, доносилось мерное гудение из аппаратной. Он прошел к окну и глянул в темноту. Не было видно Солнца, только далекие звезды, тускло мерцающие круглые сутки. Генри вышел из каюты, прошел в рубку, оставляя повсюду свет. В рубке, лицом к приборам, стоял Павел и смотрел на лампочки и переключатели, думая о чем-то своем.

— Паша, что ты делаешь? — спросил Генри. — Почему ты отключил наружное освещение?

— А зачем оно? — спросил Павел. — Тут никого нет.

— Есть, — сказал Генри, — ты забыл о цели миссии?

Генри подошел к приборам, нажал несколько клавиш. Вокруг модуля вспыхнул свет. Затем Генри подошел к окошку.

— Посмотри, — сказал он, — насколько далеко видно теперь. Если астронавт вышел, он нас заметит.

— Ты в это веришь? — спросил Павел, повернув голову. — Подумай сам. Прошло два года. Ты веришь, что кто-то мог выжить тут, на Марсе, в одиночестве да еще и без припасов?

— А для чего, скажи, нас послали на Марс? Мы спасательная экспедиция.

Павел смотрел в окно. Повсюду был красного цвета песок. Не было ветра, не было следов. Все было мертво и безжизненно, но самое обидное, что не было никакого источника света, кроме искусственного.

— Подумай, Генри, что ты видишь, когда смотришь в окно?

— Я вижу Марс.

— Но почему тут так темно? Почему не наступает утро? Почему второй день на Марсе мы не видели Солнца?

— Потому что мы опустились на темную половину. Разве не ясно? Ученые что-то напутали. Как видишь, Марс не крутится вокруг оси или делает это очень медленно, или есть мертвая точка, как полюс на нашей планете.

— Мне еще на старте показалось странной эта экспедиция, — сказал Павел и повернулся. — Почему в аварийной капсуле нет окон? Я с подобным сталкиваюсь впервые. Тем более эти гиперсны слишком часто отрывают нас от жизни.

— Что тебе не нравится, Павел?

— Мне не нравится цель миссии. Спасти какого-то мужика, когда даже неизвестно, жив ли он вообще.

— Я командир, и я тебе приказываю отставить сомнения! Мы отправились как экстренная спасательная команда. Нас всего двое, чтобы брать меньше припасов, чтобы максимально увеличить скорость корабля. Мы долетели до Марса на два месяца раньше, чем предыдущая экспедиция, от которой остался один человек. И теперь мы должны его спасти.

— Прости, Генри, — сказал Павел, отойдя от окна, — просто я не знаю, что на меня нашло. Я согласен с тобой. Мы должны его спасти.

— Вот и хорошо.

— Модуль семь, ответьте! — послышался голос из рации. — Модуль семь, вы слышите?

— Это модуль семь. Говорит капитан корабля Генри Верховец. Что случилось?

— Модуль семь, доложите результаты поисков.

— Результаты малообещающие, — сказал Генри, держа рацию у рта и глядя на Павла, — вчера мы исследовали район Б2, возле большого кратера, нашли осколки модуля шесть. Несколько разбитых скафандров и разбросанные части корабля. Тел не было.

— Есть информация, что выживший мог отправиться на временную станцию в секторе Б4. Проследуйте туда. Вам нужно найти следы его пребывания. Или подтвердите, или опровергните его смерть. Вам ясно?

— Я вас понял, — сказал Генри, — следующая связь через двенадцать часов.

Павел стоял у иллюминатора и вглядывался в километры пустоты, застланные песком красного цвета.

— Тут невозможно выжить, — сказал Павел, — если он тут, значит, случилось чудо.

— Пошли. Нельзя терять время, — сказал Генри.

Через час они были готовы и стояли в скафандрах перед герметичной дверью корабля. Они посмотрели друг на друга, кивнули. Генри нажал кнопку. Дверь отворилась, и воздух из небольшого помещения вылетел наружу, колыхнув недвижимую массу почвы. Стало прохладно. Генри ощутил под ногами мягкую почву. Было тихо. Гудение двигателя на ядерных батареях не было слышно через толстые стены модуля.

— Тебе тоже холодно, Павел?

— Да, — ответил тот, — эти инженеры рассчитали толщину костюма как попало или просто не угадали с температурой.

Генри достал навигатор и махнул рукой в темную пустоту, где был нужный сектор.

— Я подсчитал расстояние до сектора Б4. Идти туда пять часов.

— Да уж, — сказал Павел, — кто ж знал, что марсоход забьет песком и он выйдет из строя в первый же день? На практике все не так, как в теории. На марсоходе мы доехали бы туда за полчаса.

— Я и сам не знал, что на Марсе песок забивает все поры и выводит из строя технику, ведь ветра тут нет.

— Странно. Я знаю, что в секторе Б4 есть временная станция, но думал, что она непригодна для жизни.

— Посмотрим, когда прибудем на место. Эта станция — его единственный шанс, — сказал Генри.

— Посмотри, — сказал Генри, указав рукой на темный бугорок, видневшийся в нескольких километрах от них. Прошло почти шесть часов пути. Свет модуля не попал сюда, и для наблюдения использовали фонарики, — там кто-то есть.

— Кто там может быть? — спросил Павел. — Только наш выживший или его труп.

Оба быстро пошли в сторону бесформенного камня, который по мере приближения превращался в небольшую станцию прямоугольной формы с примятой крышей. Со всех сторон на нее был наметен песок, будто ее хотели закопать. Генри включил рацию и пробовал говорить на разных частотах — никто ему не отвечал. Здание было маленьким, состоящим из двух помещений. Света не было. Было одно окошко, покрытое песком почти полностью. Генри подошел и протер окно, затем посветил внутрь. Там было грязно. На полу мусор, бумаги и одежда. Кровать у стены пуста. Внезапно перед

окошком возникло испуганное грязное лицо, обросшее бородой и щетиной. Волосы лезли в глаза, рот приоткрыт. Десны кровоточили.

— Открой нам двери, — сказал Генри, постучав в окошко пальцем, — надень костюм и открой нам двери.

Через минуту дверь открылась наполовину. Раздался скрежет. Немного воздуха, смешанного с песком, дуло под ноги астронавтам. Павел хотел просунуть руку, но дверь закрылась, он отошел. Несколько секунд — и дверь снова открылась больше чем наполовину, но не до конца. Оттуда на них глядел человек в скафандре и костюме, испачканный песком и чем-то коричневым. Он помахал рукой. Мужчины вошли.

Сперва астронавты не знали, что сказать, просто безмолвно смотрели на незнакомца, из-за которого они и проделали весь этот путь. Когда цель достигнута, тяжело сразу поверить в это. Мужчина снял костюм, отложил в сторону и пригласил гостей присесть.

Павел недоуменно глядел на астронавта, держа в руках скафандр. Дверь герметично закрылась, но песок был повсюду: на кровати, мебели, даже в чашках на столе. Едва сняв скафандр, Павел ощутил песчинки на языке. Все трое уселись. В углу едва заметно горела керосиновая лампа. Генри внимательно смотрел на мужчину с бородой, затем повернулся к окошку.

— Сколько вы тут?

— Уже два года, — сказал мужчина, глядя на них, — я потерял весь экипаж, осталось только немного еды и инструментов. Вся техника вышла из строя, я не мог связаться с вами.

— Как вы выжили в течение этого времени? — спросил Павел.

— У меня был запас кислорода, запас продуктов на длительный срок. Не забывайте, что я остался один и мне не нужно было столько же, как всей команде. Тут на станции были фильтры, искусственный кислород, еда и все остальное, необходимое для жизни. Тела погибших я похоронил давным-давно. Я даже сделал могилу для себя и планировал в нее попасть в скором времени. Ведь долго так продолжаться не могло.

Генри с грустью посмотрел на Стива, затем перевел взгляд на Павла.

— Вы хотите что-то забрать с собой? Мы будем отправляться как можно скорее. Тут время идет иначе. Дорога́ каждая секунда.

— Я сейчас соберусь.

Безмолвный выход в соседнее помещение. Оттуда слышатся возня и металлический звон. Генри наклонился к Павлу и прошептал на ухо:

— Что думаешь обо всем этом?

— Не знаю, что и думать, — ответил Павел, — просто чудо, что он выжил. В одиночестве, без ресурсов, без связи.

— Да уж, — сказал Генри, — но я представлял его несколько иначе. Дело в том, Паша, что этот парень как-то странно себя ведет. Я когда-то видел Стива близко, и вот что я скажу: думаю, что этот человек не Стив.

Павел удивленно повернулся к приятелю. Подобного он никак не ожидал.

— А кто же это, если не Стив?

— Не знаю, Паша, не знаю. Но что-то тут не так. Я почти уверен, что это не он.

— Думаешь, тут кто-то жил до прилета модуля шесть? Или сосед явился с другой планеты в гости?

— Это тоже вряд ли, однако в первые часы катастрофы поступил сигнал от Стива, затем пропал. Больше связи с модулем не было.

Ситуация и, в особенности, слова Генри сильно испугали Павла. Через десять минут Стив стоял в герметичном костюме и скафандре. В его руках были два специальных чемодана, за спиной рюкзак.

— Нам долго идти, Стив. Когда вы последний раз выходили из станции?

— Я часто выходил, — сказал Стив, — ходил изучать планету, насколько позволял запас кислорода.

— Это хорошо, — сказал Генри, — силы нужны, тренировка лишней не бывает. Скоро отправляемся.

Дверь со скрипом открылась, в помещение влетел песок. Мужчины вышли. В последний раз дверь опустилась, издав механический скрип. Мужчины долго шли молча. Фонарики освещали пустоту планеты и темноту космоса. Идти было легко, слабая гравитация не позволяла устать.

— Почему тут так темно? — спросил Павел. — Тут нет рассвета?

— Нет, — сказал Стив, — тут всегда темно. Только по звездам можно ориентироваться и получать хоть какой-то свет.

— Почему Солнце не поднимется?

— Откуда мне знать? — удивился Стив.

— Вон наш модуль, — сказал Генри. Мужчины заторопились, оставляя на неподвижном песке вмятины гофрированных следов. Они прошли внутрь модуля, дверь закрылась.

— Ну, теперь рассказывай, — сказал Генри, снимая костюм.

— Что рассказывать?

— Кто ты на самом деле?

Павел удивился вопросу не меньше Стива. Стив стоял с открытым ртом, будто не понял вопроса.

— Что значит — кто я? Что ты имеешь в виду?

— Ты не Стив Ишеми. Я помню его, ты на него не похож.

Стив замолчал и глядел попеременно на мужчин.

— Хорошо, — сказал Стив, — я расскажу вам правду, но вам она не понравится.

— А ты попробуй, — сказал Генри вызывающе.

— Почему ваше оборудование вышло из строя и марсоход был забит песком?

— Откуда ты знаешь? — удивился Павел.

— Почему в спасательной капсуле нет иллюминаторов, а гиперсон длится больше обычного? — спросил Стив, игнорируя заданный ему вопрос.

Павел и Генри переглянулись. Павел испытывал страх, Генри только решительность и радость, что предположения подтвердились. Он понял, что был прав, но не знал, что будет дальше. Генри смотрел в упор на Стива, а тот улыбался, затем покачал головой.

— Что тут происходит? — спросил Павел. — Кто ты?

— У меня для вас неожиданные новости, ребята, — сказал Стив, — никто из вас никуда не полетит.

Стив достал из кармана оружие, напоминавшее пластиковый пистолет, и быстро сделал два выстрела. В модуле прозвучали стон и звук от падения тел. Стив достал маленький передатчик и что-то в него прошептал.

— Земля, ответьте, — говорили по рации, — ответьте, это модуль семь.

— Это Земля, — сказал диспетчер, — вас нормально слышно. Докладывайте.

— Говорит астронавт Стив Ишеми. Мы готовы к посадке.

— Где остальные члены команды? — спросил диспетчер. Вся планета с замиранием слушала каждое слово. Если Стив Ишеми был на борту, значит, миссия удалась и астронавты вернутся героями.

— Они спят в гиперсне, — сказал Стив, — я проснулся первым, но не могу разбудить остальных. Они слишком крепко спят, что-то не то с их капсулами. Если что, буду сажать модуль в одиночку.

— Вас понял, модуль семь, готовьтесь.

Диспетчер положил трубку. В зале управления послышались голоса:

— Они прилетели! Ура! Молодцы!

Раздались аплодисменты. Все аплодировали стоя, скрипели отодвигаемые стулья, был слышен свист. Только двое мужчин, сидя в отдельном кабинете, довольно глядели на радующуюся публику, поражаясь ее наивности.

— Что тут происходит? — удивился Генри, протерев глаза. Он был в каюте, привстал на кровати, но в окне был тот же пейзаж Марса. Перед ним стояли три человека.

— Не волнуйтесь, — сказал Билл, — я вам все объясню, — Билл присел рядом на кровать, — два года назад, как вы знаете, произошла катастрофа. Разбился модуль шесть. В этой катастрофе выжил один человек. Он сумел послать несколько сигналов о том, что он нашел аварийную станцию. Сигналы с Марса шли несколько недель. Мы были уверены по последнему его сообщению, что он погиб. Больше от него сигналов не было. Это было большое горе для всего мира и Америки в частности. Есть организации, которые были готовы запретить полеты на другие планеты из-за этого случая. Вроде бы смерть в космосе — дело частое, но увы. Мы отправили вас на Марс, но затем вернули обратно, заставив думать, что вы достигли цели полета. Под предлогом срочности вас отправили вдвоем. На Земле, глубоко в недрах, мы построили специальный купол. Его размеры огромны. Этот купол не пропускает свет и абсолютно герметичный. Мы воссоздали примерную атмосферу Марса. Температура, гравитация при помощи магнитов и все остальное, чтоб запутать вас. Вы должны были поверить, что вы действительно спасаете Стива Ишеми. Именно это было важно для дальнейшего развития космонавтики. Мы выбрали добровольца, прооперировали и натаскали. Он похож на Стива, и этого достаточно на первое время. Теперь слушайте внимательно, Генри. Все это время вы были на Земле, но весь мир думает, что вы рисковали жизнью, спасая нашего астронавта. Я вам настоятельно рекомендую убедить в этом напарника и самому так думать до конца ваших дней. Вы ничем не рискуете, и никто ничего не узнает, а финансово вас обеспечат. Или же можно сделать, чтоб вернулся один Стив и два невменяемых парня, сошедших с ума. Решать вам. Подумайте. Скоро вас отвезут на место высадки и под водой доставят в модуль семь, который затонет, а потом мы его достанем.

— Зачем вся эта ложь? — спросил Генри, недоуменно глядя в окно. — Ведь Стив погиб.

— Затем, чтоб весь мир знал, что наши технологии и человеческая выносливость могут покорить всю вселенную. Нельзя отчаиваться из-за одной смерти.

Генри посмотрел на руки, качнул головой и поднял взгляд.

— Я не был на Марсе, — сказал Генри, — что я скажу детям?

— Скажешь правду, Генри. Ты герой, который спас человека. Считаю, что спас весь мир. Генри, ты спас цивилизацию!

Два дня спустя, когда весь мир был взбудоражен чудесным спасением, Генри уже был дома с семьей. Он включил телевизор. Ведущая говорила о чудесном спасении Стива Ишеми, который выжил на Марсе в течение двух долгих лет. Показали видео спасения астронавта, здание космической аварийной станции, а потом выступление главы космодрома.

— Космические технологии шагнули вперед по сравнению с первыми спутниками и ракетами ближней дальности. Человеку покорилась Луна, а теперь и Марс. Выжить в открытом космосе можно, это доказал астронавт Стив Ишеми, чье путешествие окончилось трагично для команды, но благополучно для него. Его спасение дока-

зало, что человек не так уязвим за пределами Земли. Человек готов покорить весь космос, и случайная трагедия с модулем шесть показала, что даже подобные трудности можно одолеть. Для человека нет ничего невозможного. Он покорит все и всегда добьется цели. Стив Ишеми доказал, что дух человечества не сломить и оно вскоре достигнет новых рубежей в покорении пространства.

Затем показали, как сам президент пожимает руку командиру главного космического центра страны. После этого президент на словах поздравил всех со спасением одного астронавта, ставшего героем, и сообщил, что финансирование космических полетов будет увеличено на двадцать процентов.

Генри встал и подошел к окну. По улице шли толпы людей с плакатами, где краской было написано имя главного астронавта. Все хлопали, кричали, маршировали. Генри постоял минуту, затем печально улыбнулся. Он дал всем этим людям надежду на космическое будущее, а где-то на Марсе лежит тело настоящего Стива Ишеми. Но об этом никто никогда не узнает.

СПЕШКА

— Глеб, давай скорей, — кричала Диана. Она стояла согнувшись, рукой держалась за стену, волосы спадали на лицо.

— Я уже бегу, Диана, — отозвался мужчина, спешно надевая штаны. Зазвенела пряжка ремня. Диана стояла, поддерживая рукой живот. У нее начинались схватки. Боль волнами шла по телу. Женщина вышла в прихожую, схватила ключ от калитки, лежащий на тумбочке, и, поддерживая живот, вышла во двор. Она прошла по освещенному луной двору к калитке, готовясь ее открыть, собирая по крупичкам сэкономленные секунды, но дверца была приоткрыта. Диана с облегчением поняла, что муж готовился к отъезду в роддом.

— Глеб! Скорее! — кричала женщина. Сумочка с черной розой, вышитой сбоку, болталась на плече. Диана бросила в нее ключ от калитки, в спешке подошла к машине и уперлась в капот, ожидая, пока муж откроет дверцу. Каждая секунда тянулась слишком долго, и женщина начала стонать, отдаваясь на растерзание блуждавшей боли. Муж все не шел.

— Глеб! — крикнула женщина, не понимая, почему муж до сих пор не появился. Через секунду послышались шаги во дворе, мужчина спешно вышел на улицу.

— Я не могу найти ключи, — сказал Глеб. Мужчина был взволнован, держа в руке кошелек и вытряхивая из него на пол мелочь. Рубашка вылезла из штанов, волосы растрепаны.

— Где ты их оставил, Глеб?

— Я не помню, — сказал мужчина, — приготовил и отложил, чтобы быстро выехать. Кажется, на тумбочке возле двери, но там их нет.

— Я не могу, Глеб, — сказала женщина, — давай звони в «Скорую».

Глеб набирал номер, приставив телефон к уху.

— Зря я уехала из роддома, — сказала Диана, держась за живот, — потерпи я еще денек, все было бы в порядке. Спокойно бы рожала там. Мог бы выходные провести в одиночестве.

— Не вини меня, — сказал Глеб.

— А кого винить?

Глеб быстро назвал адрес, положил трубку и обнял супругу, схватив ее за руку.

— Не трогай меня, — сказала Диана, вырвав руку, — из-за тебя я могу не успеть в роддом. Иди, ищи ключ.

«Скорая» приехала через десять минут. Женщина спешно шла на рев сирены в конце улицы. Глеб поддерживал супругу, ведя под руку. Машина подъехала и остановилась, вышли два санитар и акушер.

— Я сама, — сказала женщина, подойдя к машине и держась за живот.

— Я помогу тебе, — сказал Глеб, поддерживая жену. Диана схватилась за дверцу, но не удержалась и упала на пол. Она вскрикнула, ее подхватили и помогли зайти в машину, где аккуратно уложили на койку. Машина помчалась. Глеб наблюдал за поднятой пылью и торопливо шел к маршрутке.

Женщина родила девочку, ее назвали Мария. Диана рожала тяжело, но девочка при родах не пострадала.

— Мелкий синяк, но это пройдет, — сказал врач, глядя на ушиб от падения перед каретой «скорой».

— На ребенка не повлияло? — испуганно спрашивала женщина.

— Думаю, что нет. Все будет в порядке.

— Все из-за тебя, — кричала Диана, глядя на мужа, — ты виноват. Ты потерял ключи. Если бы не это, я бы не упала. Ты понимаешь, что Мария могла пострадать?

— Я же сказал, что не мог их найти, — говорил Глеб, — и до сих пор не нашел. Пришлось делать новые. Хватит меня во всем обвинять.

— Молодец, можешь засунуть их теперь себе в задницу. Врач сказал, что могут быть проблемы из-за того, что я упала перед родами.

— Но сейчас ведь все в порядке.

В палате на них стали обращать внимание. Глеб стыдливо оглядывался. Диана накричала на него, отвернулась и стояла, скрестив руки на груди. Глеб молчал и смотрел на супругу.

Шло время. Мария росла, впитывая постоянную ругань родителей. Ей было неясно, почему они постоянно ругаются, от этих криков у нее часто болела голова. Мария росла милой девочкой, хорошо училась, но настал момент, когда она уперлась в стену, обойти которую мешало любопытство.

— Мама, как появляются дети?

— Мария, спроси лучше папу. Он у тебя мастер объяснять подобное.

Ребенок с тем же вопросом пришел к отцу.

— Ко мне послала? — спросил отец, почесав затылок. — Знаешь что, Мария, когда станешь старше, я тебе расскажу.

— А почему у меня нет братика или сестрички? — спросил ребенок, и отец был озадачен еще больше. После этого он сам пошел к супруге.

— Мы ведь столько раз пробовали, — сказал он, — а ты все не беременеешь.

— Думаешь, я виновата? — спросила Диана, гневно крича на супруга. — Это от травмы перед родами. Если бы ты не потерял ключи, было бы все нормально.

— Значит, виноват я?

— Подумай сам, кто виноват, — сказала Диана. Разговор не возобновлялся.

— Мама, мне больно, — сказала Мария, держась за голову. Она стояла и тяжело дышала, затем присела на стул. Врач приехал через час. Оказалось, что головные боли не были редкостью, но родители не придавали этому значения. Марию увезла «скорая».

— Могу я с вами поговорить наедине? — спросил врач, обращаясь к родителям ребенка. Мария сидела в смотровой, опустив голову, прикусив нижнюю губу. По голосу и поведению врача стало понятно, что у девочки серьезные проблемы.

— Мне очень жаль, — говорил доктор, сняв очки, — но у нее опухоль в голове.

— Опухоль? То есть рак?

— Я сожалею, — сказал врач, — это могло произойти в результате травмы. Сейчас стадия ранняя, и есть много шансов полностью излечиться, но нужно поторопиться.

— Но как же так, доктор? — спросила Диана. — Ведь ей только восемнадцать.

— Я понимаю, но и вы меня поймите, болезнь не всегда проявляется сразу. Иногда могут пройти годы, прежде чем вы услышите стон пациента. Ее редкие мигрени были не из-за ваших с мужем ссор, как оказалось. Проблема была глубже. Советую вам сдать все анализы, на всякий случай. Возможно, потребуется донор крови. Но не нужно переживать, это простая предосторожность. Считайте это запасным парашютом.

Когда врач ушел, Диана бросилась в объятия мужа и расплакалась. Глеб ее успокоил. Они боялись об этом говорить при Марии, но понимали, что этого не избежать. Начались длительные осмотры у специалистов. Диана наехала на мужа еще сильнее, упомянув потерянный ключ. Глеб начал пить. Иногда подолгу бывал в барах. Диана вновь его ругала, но теперь за пьянство и собственное бесплодие.

Часто перед глазами Глеба плыл ключ, он мелькал, как надоедливая муха, а следом за ним, словно сосулька с крыши, в голову падал голос супруги:

— Это ты виноват, что дочь пострадала, это ты не нашел ключ, это ты стал причиной того, что она родилась такой.

— Но я ведь не хотел этого! — кричал Глеб, падая на колени. Он закрывал лицо руками и плакал, представляя, как испортил жизнь дочери и как его ненавидят два самых близких человека. Он думал о втором ребенке, но постепенно эта мысль отодвигалась, не найдя поддержки у супруги.

— Я хочу поговорить с вами, — сказал врач, когда Диана сидела перед ним на стуле, — вы знаете, что ваш муж бесплоден? Это установили достоверно, по результатам анализов. Кроме анализов, есть еще группа крови вашей дочери...

— Доктор, — резко перебила Диана, — пожалуйста, не продолжайте.

Врач молчал, поняв ситуацию.

— Я прошу вас, доктор, пусть эта информация останется между нами как можно дольше. Храня эту тайну, вы спасете семью. Мария действительно не его ребенок.

Диана молчала, опустив голову и кусая нижнюю губу.

— Спасибо, доктор, — сказала Диана. Перед тем как покинуть кабинет, она положила на стол перед врачом несколько крупных купюр.

Мария лежала в кровати. Ее лицо было бледным. Рядом сидел ее молодой человек и держал за руку. Диана наблюдала за ними, стоя у окна. Глеб ушел в бар. Диана за последнее время сильно постарела, а ее дочь будто начала засыхать. Ситуация была не из приятных. В воздухе висело напряжение. Но буквально через несколько дней словно кто-то открыл форточку, выветрив беду.

— У меня хорошая новость, — сказал врач, садясь перед девушкой на кровати, — есть метод лечения. Новая методика позволяет забыть об операциях. Это лучевой метод, или лазерная терапия.

— И каковы шансы? — спросила обнадёженная мать, держа дочь за руку. Мария лежала, полуприкрыв глаза, но напряженно слушая. Казалось, что она перестала дышать.

— Шанс полного выздоровления шестьдесят процентов, — сказал врач, — но главная новость в том, что процедура бесплатная. Вы попали в программу благотворительности и станете первой в нашей стране, кому будет проведена подобная терапия.

— А это не опасно? — спросила мать.

— Нет, не опасно, но требует осторожности и терпения со стороны как врачей, так и пациента. Весть процесс излечения может занять до года, но после этого человек будет жить полноценной жизнью.

Мария повернулась к матери и сжала ее руку.

— Мама, нужно сообщить отцу хорошую новость.

— Хорошо, доченька, я скажу ему, но ты не переживай. Тебе нельзя волноваться.

— Мама, сообщи ему как можно скорее. Ты знаешь, где он живет?

— Если не в баре, то в коммунальной квартире, у приятеля. Я его видела там.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал врач, — запаситесь терпением. На все нужно время.

— Зачем ты пришла? — спросил Глеб. Он лежал на кровати, в грязи, среди разбросанных вещей. Его дырявый носок вонял потом. В квартире пахло спиртом, мочой и дешевыми сигаретами. Через единственное, заляпанное грязью окно едва проникал свет. На полу валялись пустые бутылки.

— Я хотела сказать, что есть возможность вылечить нашу дочь, — сказала Диана, морщась от запаха, — ты рад? Если все пройдет хорошо, она поправится и ты сможешь больше себя не винить.

— А ты простишь меня? — спросил Глеб, приподнявшись на кровати. В свет попало небритое красное лицо. Женщина посмотрела на него и сомнительно покачала головой.

— Я не могу тебя простить, Глеб.

— Но ведь она выздоровеет.

— Ты испортил ей молодость, она слишком много страдала. Я могу сказать тебе слова прощения, но это будет как окно в сад, заложенное камнем.

— Я так и думал, — сказал Глеб, — передавай дочери привет. Скажи, что отец сам себя наказал.

Глеб накрылся одеялом. Диана постояла несколько секунд и вышла.

— Прошло семь месяцев, а вы теперь как новая, — сказал врач, глядя на рентгеновские снимки. На столе лежали результаты анализов и томограмма. За последнее время девушка помолодела: синяки под глазами пропали, щеки порозовели. Она сидела на стуле, мать держала ее за руку.

— Больше нет опасности?

— Нет, — сказал врач, — теперь ее жизни ничто не угрожает, но нужно быть осторожными. Организм еще слаб.

— Доктор, а когда мне можно будет рожать? — спросила Мария, слегка смутившись матери и покраснев.

— Уже можно, — сказал врач, — твой недуг не влиял на роды, так что не переживай.

— Мария, ты что, беременна? — спросила мать.

— Еще нет, — ответила девушка, не поднимая глаз, — но планирую стать мамой в ближайшее время.

— Как он? — спросили две женщины, стоящие у входа в палату. Мать и дочь давно простили Глеба, но внутри еще пылал огонь борьбы. Состояние мужчины и его

пьянство на фоне гнетущего чувства вины притушили гнев. А раздражение сменилось жалостью.

— Его состояние ухудшается, — сказал врач, — язва плюс постоянные алкогольные отравления, все это теперь сказалось. Мы не можем остановить внутреннее кровотечение. Я думаю, если вы войдете попроситься с ним, это будет нелишним, но не давайте ему понять, что скоро конец. Не стоит его расстраивать.

Мать и дочь вошли в палату. На белой простыне, укрытый до груди, лежал Глеб. Он был выбрит, вымыт, и только глаза делали его лицо похожим на лицо старика.

— Привет, папа, — сказала Мария, — как ты?

Глеб открыл глаза и улыбнулся, глядя на дочь. Он понял, что она простила его. Они обе его простили, но не осмеливались сказать об этом. Этого и не требовалось. Достаточно внутренне простить человека, и это всегда лучше, чем прилюдно извиняться, продолжая таить на него злобу.

— Я рад, что ты пришла, Мария, — сказал он, взяв дочь за руку, — я давно хотел извиниться перед тобой. Прости за утраченную молодость, прости за нервы, прости за слабость.

— Я не обижаюсь, папа. Ты ведь мой отец. Ты дал мне жизнь. Даже если ты отберешь ее, я тебя прошу, ведь без тебя я не познала бы и этого.

Диана после этих слов удивленно уставилась на дочь.

— Я хочу, чтоб ты запомнила, Мария, — говорил отец, — всегда нужно прощать. Держа обиду, ты заставляешь страдать человека вдвойне. Я надеялся, что ты простила меня, но не мог забыть своей вины. Она всегда будет ассоциироваться с тобой, как и у тебя со мной.

Дочь обняла отца. Оба плакали, и Диана, неспособная больше злиться на мужа, отвернулась, вытирая слезы, не забывая, однако, собственного подлого обмана.

После похорон прошло много времени. У Дианы выросли внуки. От болезни Марии не осталось и следа. Время шло, внуки пошли в школу, а Диана старалась разглядеть в зеркале молодое лицо, которым владела когда-то. Зять Дианы, взрослый мужчина, с трепетом ухаживающий за домом, любил собирать старые вещи, надеясь, что когда-то они пригодятся. Но на самом деле он просто сохранял их, чтоб возвращаться в прошлое, вспоминая то время, когда была положена на чердак какая-то старая, более ненужная, но такая ценная в прошлом вещь.

— Бабушка, — сказал высокий мальчик, спускаясь с чердака, — смотри, что я нашел.

Внук держал в руке старую сумку с черной розой сбоку. Роза давно облупилась, а сумка покрылась слоем пыли, но для Дианы эта сумка была памятью о молодости.

— Это моя сумка, — сказала она внуку, — с ней я ехала в роддом и долгое время ходила после того, как твоя мать научилась бегать.

Внук начал трясти сумку и исследовать ее содержимое, а старушка вспоминала радостный момент предвкушения рождения Марии, затем накатило воспоминание о пережитом несчастье. Тогда из-за банальной потери ключей с дочкой приключилась беда. Диана словно разбередила давно вогнанную занозу, ее сухой кулачок сжался, однако она успокоилась, вспомнив, что муж давно умер, а держать зло на покойников нельзя. Он осознал свою вину и давно наказал себя сам.

— Бабушка, тут есть что-то, — сказал внук.

Старушка безразлично посмотрела на находку, рассчитывая увидеть зеркальце или заколку, но как же она удивилась, увидя в ладони мальчика ключ от машины.

— Это ключ. Он был под подкладкой, на дне сумки была дырка.

— Я знаю, что это за ключ, — сказала Диана, ощущая дрожь в теле, — это ключ от автомобиля твоего деда. Он сделал новый, а этот ключ мы так и не нашли.

— Как он туда попал? — спросил внук.

— Я теперь понимаю как, — сказала Диана, держась за сердце, — я по ошибке схватила ключ от машины, лежащий на тумбочке, а не ключ от калитки. Было темно, я торопилась.

— Ничего, бабушка, бывает. Это всего лишь спешка, ничего больше.

— Да, Димка, ты прав. Это всего лишь спешка.

Диана долго глядела на ключ, понимая, что долгие годы напрасно обвиняла мужа. Что он сказал перед смертью? Нужно всегда прощать. Коротко и хорошо.

Диана думала, не рассказать ли дочери правду о настоящем отце? Она вышла в кухню, где Мария варила суп, а рядом у ее ног играл младший сын.

— Мария, — сказала Диана, — я хочу тебе сказать нечто важное.

— Говори, — сказала Мария, на секунду обернувшись. У нее был жизнерадостный вид, она улыбалась и была счастлива. Диана тоже улыбнулась, глядя на дочь.

— Твой отец... — начала женщина.

— Что мой отец? — спросила Мария и замерла с ложкой в руке. Она была в фартуке и напоминала Диану в молодости. Мать была для нее идеалом, примером и сильной, волевой натурой. Это мнение можно было легко испортить, сказав правду.

— Твой отец гордился бы тобой, — сказала Диана, — он всегда хотел еще одного ребенка, но из-за этой истории с ключом у нас ничего не вышло.

— Мама, я его давно простила.

— Я тоже его простила, доченька, — сказала Диана, — я тоже.

Анатолий ДОМАШЁВ

* * *

Пусть будет все в портрете,
как было — без прикрас,
пусть будут наши дети
красивей, лучше нас,
пусть ветры-годы свищут
с бессмертной высоты,
пусть дети в нас отыщут
прекрасные черты,
а мы — какими были,
такими и снимай,
снимай, фотограф, или —
мгновение, прощай!

БАЛЛАДА О КОРАБЛЯХ В ОКЕАНЕ

Когда поутру океан — как атласный
и солнце сквозь дымку восходит из скал,
я вижу: корабль невесомо-прекрасный
безмолвно скользит среди вод и зеркал.

Стальная громада, взметенная в небо
уступами палуб, надстроек, антенн,
ковшами радаров, нацеленных в недра,
невидимых высей, глубинных арен.

Безмолвно, безлюдно, воды не колыша,
как будто бы мертвый, по морю — металл.
Но в рубках, но в трюмах — и дышат, и слышат,
и знают, когда зарождается шквал.

Лишь только радары нащупают цели,
лишь только коснется ладонь рычагов,
и ожили рубки, турбины запели,
секунда — и к бою корабль готов!

Анатолий Филиппович Домашёв родился в 1938 году в пос. Синявино Ленинградской области. Окончил Ленинградский кораблестроительный институт (1970). Первые стихи опубликовал в студенческой многотиражке ЛКИ «За кадры верфям» (1957). Стихи, переводы (с грузинского, польского, сербскохорватского, финского), палиндромы и эссе печатались в различных журналах, альманахах, антологиях, сборниках, электронных изданиях России и зарубежья (Англия, Германия, Канада, США, Черногория). Автор семи поэтических книг. Член Союза писателей XXI века. Лауреат премии журнала «Зинзивер» (2011, 2016). Живет в Санкт-Петербурге.

По гулким, стальным по его коридорам,
каблуками ботинок об сталь грохоча,
в негнущихся робах — к постам и приборам
матросы бегут, на бегу клокоча.

И летчик красивый, как ангел небесный,
привычно захлопнув прозрачный «фонарь»,
поднимет над палубой тяжеловесный
свой ЯК, от восторга дрожа, как дикарь.

Расколется небо, расступится море,
сверкнет над водой раскаленный металл,
пульсируя огненным смерчем... И горе
на миг покачнется в глубинах зеркал.

* * *

Жизнь в кабале или быт в конуре,
не помереть бы слепыми.
Красными были мы все на заре,
стали к закату — седыми.

Может, успею, может, спою
я свою лучшую строчку.
Хором мы пели на съездах, в строю,
каяться всем — в одиночку.

* * *

На четверых по двести пятьдесят —
какая прелесть!
Кто говорит, что водка — яд?
Не верьте — ересь.

На четверых... Ведь это литр!
Да вам не много ль?
Но кто, скажите, тут арбитр,
как не алкоголь?

По дубнячку, по коньячку,
да хоть бы херес —
и пикничок под табачок —
какая прелесть!

Потом еще на посошок
по процедуре —
и сам с вершок, и шей горшок,
и все — в ажуре.

* * *

Мне жалко и красных, и белых,
стою между ними, как перст,
летят в меня пули и стрелы,
пронзают звезда или крест.
Вплотную бушуют пожары,
и рубится насмерть народ.
Добро б нападали татары —
на русского русский идет!
И битва все ближе и ближе,
нельзя мне стоять в стороне:
своих побивают свои же,
воюют не чуждые мне.
Бушует и мечется пламя,
и бьются, и гибнут бойцы,
и падают ниц под ногами
и честные, и подлецы.
И каждый и колет, и рубит,
и хочет, чтоб я с ними встал,
но сердце мое уже любит —
я Русскую землю избрал.

МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА О КОНЕ

За хулой или за славой
всадник птицей в бой летит.
Конь не знает, кто им правит,
кто на нем в седле сидит.

Конь летит за боем следом,
не умея предавать.
Страх в бою коню неведом —
побеждать ли, умирать.

Нет ни бедных, ни богатых,
ни своих и ни чужих...
Конь уже — почти крылатый
среди мертвых и живых.

Владимир АРРО

НА ПУТИ В СИНГАПУР

Лирико-драматическая история
в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А в е л ь, грузинский князь
Е л е н а, петербургская обывательница
М а й я, ее дочь
Г л е б Г а л е м б а, режиссер
С о н я, актриса
К и р ь я н о в, бизнесмен
К а с с а н д р а, пенсионерка
С о к о л ь н и к о в, пенсионер
П а ш а К у д е л и н, деятель
А н ю т а, его жена
Б а б у ш к а
Б у г о р

Действие происходит в Санкт-Петербурге на исходе XX века.

Действие первое

Большая квартира на последнем этаже старого петербургского дома с выходом на крышу, кое-как приспособленная под совместное проживание нескольких семей. Взаимное раздражение можно излить тут не только на кухне, но и в просторной прихожей-холле, куда выходит множество дверей. Частная жизнь, не уместяясь за ними, частично овладела прихожей. Благодаря этому она стала похожа на кладовую краеведческого музея. Здесь нет хлама, здесь скорее эмблемы воинствующего несогласия эпох, вещей и хозяев. Старый сундук с висячим замком соседствует с пластмассовыми бутылочными контейнерами, уложенными штабелем. Афиша спектакля «Гамлет» и множество одинаковых масок украшают простенок, напротив которого расположился диван-рекаме

Владимир Константинович Арро родился в 1932 году. Писатель, драматург. Автор 15 книг прозы. В 1976 году стал писать пьесы для театра. Первая — «Высшая мера» — была поставлена в Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина. Большой общественный резонанс в 1982 году вызвал спектакль Московского театра имени В. В. Маяковского по пьесе «Смотри-те, кто пришел!». Автор пьес «Коля», «Трагики и комедианты», «Сад», «Пять романсов в старом доме», «Синее небо, а в нем облака». С 1989-го по 1993 год возглавлял Ленинградскую писательскую организацию. Избирался депутатом Ленинградского — Санкт-Петербургского Совета (1990—1993), председателем Комиссии по гласности. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Член ПЕН-клуба.

под овальным зеркалом в потертой позолоченной раме. Небольшой кабинетный рояль под чехлом дожидается лучшей участи рядом с допотопной швейной машинкой фирмы «Зингер». На одной стене репродукция с картины «В. И. Ленин читает газету „Правда“». На другой — автомобильные фары, рулевое колесо и радиатор автомобиля «Фольксваген». Здесь много разнообразных осветительных приборов — от декадентского торшера и театральных софитов до аскетичной зарешеченной лампочки Ильича. Развешена и кем-то забыта елочная гирлянда. Есть и широкое многостворчатое окно с видом на крыши, небо и часть улицы — они, естественно, воображаемые, потому что вместо них — зрительный зал. Рядом выход на крышу — полоса старой железной кровли упирается в рампу. Здесь частное причудливо переплетено с общественным, а антиобщественное с коллективным. Жильцы часто путают эти понятия и забывают, что и кому принадлежит. То одна, то другая рука тянется не к своему выключателю. Именно поэтому каждый из них в какую-то минуту чувствует себя в прихожей как дома. Это дает возможность постановщику при необходимости раздвигать пространство частного жилья. Кроме того, можно не особенно церемониться с тем, кто где произнес ту или иную реплику, в прихожей или в комнате — она все равно будет услышана.

Вот и сейчас Елена, простоволосая и в халате, попивая свой утренний кофе, полужелжит на диванчике с сигаретой в зубах, листая иллюстрированный журнал, мягко освещенный торшером, и говорит негромко, как бы ни к кому не обращаясь.

Елена. Жажду-у... хочу-у посмотреть, кто выйдет из этой двери... Сгораю от любознательности... Выходите, не малодушничайте, Кассандра... Выходите и расскажите нам, кого вы там прячете... Что за джигит прискакал к нам на взмыленном жеребце прошлой ночью... Волоокый красавец с усами, да-а?.. С мощной шеей, да-а?.. О, сгораю от вожделения!.. (Садится, повывисив голос.) С газырями на широкой груди, да-а?.. (Отпивает кофе. Скандальным голосом.) Я спрашиваю, кого вы поселили без нашего ведома в нашей коммунальной квартире под покровом ночи, но не под покровом закона?.. С каким это человеком с Кавказа я должна делить кухню, ванну... уборную, между прочим!..

Из своей комнаты выходит К а с с а н д р а .

...И что ему нужно в моем доме, что он собирается делать под одной крышей со мной и с моей дочерью...

К а с с а н д р а (одновременно с ее голосом зажигается рабочий свет над машинкой «Зингер»). Тише, тише!.. Во-первых, не надо повышать голос. Во-вторых, не моя вина, что самолет из Тбилиси приземлился далеко за полночь...

Е л е н а (перебивает). Прошу вас, не надо про самолет! Самолет, вертолет или субмарина — меня в данный момент это не интересует.

Из своей комнаты выходит С о к о л ь н и к о в .

Вот Сокольников скажет. Господин Сокольников, вы среди ночи...

С о к о л ь н и к о в (резко перебивает). Товарищ!

Е л е н а . Да, товарищ... пардон. Вы среди ночи слышали гортанную кавказскую речь? Га-га-га-га!..

Выходит А н ю т а . Зажигается люстра фальшивого хрусталя.

Анюта, вы слышали?

А н ю т а . Что?

Е л е н а . Га-га-га-га.

А н ю т а . А, да. Будто бы гуси гоготали.

К а с с а н д р а . Это были пилоты!

Е л е н а . Что бы это значило, а, гражданин Сокольников, как вам подсказывает ваш опыт узника совести? Гуси — это к чему?

С о к о л ь н и к о в (*над его дверью зажигается зарешеченная лампочка Ильича*). Разгадкой ко многим тайнам мира по-прежнему служит Марксова формула «Товар-деньги-товар».

К а с с а н д р а . Это были пилоты с регулярного рейса!

Е л е н а . То есть вы хотите сказать, что ночью здесь поселился восточный купец?

С о к о л ь н и к о в . Да, вероятно.

Е л е н а . И за сколько процентов прибыли он перережет мне глотку?

С о к о л ь н и к о в . За сто.

К а с с а н д р а . Глупо, Елена, это неумно и глупо! И вы, пожилой человек... Я сейчас все расскажу...

Лязгает, проворачивается ключ, и с лестницы входит Кирьянов. Перед собой он толкает тележку с товаром. На стене загораются автомобильные фары.

Случилось так, что Великая отечественная война застала меня в Тбилиси...

Е л е н а . А вот про войну — не надо. Война в данном случае — прикрытие. Нынче многие на войне спекулируют. Все просто, вы сдали вашу вторую комнату контрабандисту с Кавказа, который проспится и пойдет на Кузнечный рынок. Между тем у нас уже есть Кирьянов.

К и р ь я н о в . Чего надо?

Е л е н а . Ларек цел? Не сожгли?

К и р ь я н о в . Не твое дело. (*Уходит в комнату, фары тухнут.*)

Е л е н а . Теперь у нас два купца.

С о к о л ь н и к о в . Два звена одной цепи.

Е л е н а . Три! Послушайте, у нас целая гильдия!

К а с с а н д р а . Но вы же не даёте сказать...

Е л е н а . У нас мафия!

А н ю т а (*в комнату*). Паша, вставай, у нас мафия.

Появляется Галемба, утираясь на ходу полотенцем, что-то мыча-напевая. Зажигаются два софита.

Г а л е м б а . Где мафия?

Е л е н а . Вот! У нас будет сбыточно-передаточный пункт!

Г а л е м б а . Чего?

Е л е н а . Мандаринов с лимонами.

А н ю т а . Хорошо, если не наркотиков.

Е л е н а . А кстати!.. Не исключено.

С о к о л ь н и к о в . Хорошо, если не для торговли оружием для продолжения братоубийственной войны.

Г а л е м б а . Кого с кем?

С о к о л ь н и к о в . Всех со всеми. Ну, сколько можно!..

Г а л е м б а . Я надеюсь, не ядерных и расщепляющихся материалов?

Пауза.

Елена. Откуда мы знаем?

Сокольников. Ну, так, может быть, напишем коллективное заявление?

Загорается зеленая лампа на письменном столе. Под общими взглядами Сокольников садится, обмакивает ручку в чернильницу. Из своей комнаты выходит Кирьянов. Фары снова зажигаются.

Сокольников. Доводим до вашего сведения...

Кирьянов *(на ходу)*. Кого на этот раз хочешь заложить, падла?

Сокольников *(вдогонку, на высокой ноте)*. Я по фене тоже ботаю, товарищ!..

Елена. Погодите! Не надо ничего писать. *(Встает и движется к двери.)*

Кассандра. Куда вы? *(Загораживает собою дверь.)* Я не пушу вас к нему!

Елена. По-че-му?

Кассандра. Не пушу. Он отдыхает. Он болен.

Елена *(нафосно)*. Я хочу видеть!.. этого человека!..

Анюта. Отдайте комнату.

Елена. Вот именно. Комнату отдайте.

Паша *(появляясь в майке)*. Лишнюю комнату отдайте.

Все. Комнату! Отдайте комнату! Лишнюю комнату! Сдайте комнату! Продайте комнату! Отдайте комнату! Комнату!

Мельтешение световых вспышек. Появляется Майя. Она в халатике, надетом на ночную рубашку. Зажигается елочная гирлянда цветных огней. Все затихают.

Майя. Мама, что происходит?

Елена *(на переднем плане)*. Это могла быть твоя комната, дочь!

Кассандра. Нет!

Елена. Это твоей судьбой приторговывают!

Кассандра. Ложь!

Все *(с новой энергией)*. Комнату! Отдайте комнату! Лишнюю комнату! Сдайте комнату! Продайте комнату! Отдайте комнату!

Майя *(обернувшись)*. Тихо! Я прошу вас — тише!

Все затихают. Слышно крещендо сливного бачка. Елена закрывает уши, Галемба нос. Из уборной шествует Кирьянов. Все провожают его осуждающим взглядом.

Объясни, мама, что происходит.

Елена. Пока ты спала, голубка, в этой комнате поселился толстый усатый грузин с Кузнечного рынка... вот такой...

Кассандра. Не слушайте, Майя!..

Елена. ...с безумными выпученными глазами... вот с таким пузом, ха-ха-ха!.. и вот в такой кэпке!..

Анюта. И вот с таким кошельком!

Галемба. Хоть будет у кого занять.

Кирьянов *(проходя мимо)*. Зарабатывать надо, а не побираться!..

Галемба. Пошел, пошел!.. Купчик...

Елена. Але, генацвале!..

Анюта. Выйди к людям, слюшай! Не будь редиской.

К а с с а н д р а . Слушайте, ну, это же безобразие!
А н ю т а . Выйди, что ты темнишь?
Е л е н а (поет). Снегопад, снегопад, если женщина просит...
К а с с а н д р а . Прекратите, прошу вас!
Г а л е м б а . А что такого, пусть выйдет. (У двери.) Кацо! Ты меня слышишь? Гамарджоба, кацо!..

Внезапно свет гаснет, створки двери распахиваются. В глубине комнаты, освещенный контражуром, появляется тонкий силуэт ю н о ш и . Он медленно движется при общем оцепенении, и когда достигает дверного проема, вспыхивают разом все источники освещения. Возникает хоть и театральная, но вполне жизнеподобная пауза.

А в е л ь (обходя всех). Здравствуйте. Меня зовут Авель. (Пожимает руки.) Здравствуйте. Авель. Авель...

С о к о л ь н и к о в (приставив ладонь к уху). Как?
В с е . Авель! Сказано — Авель.
Г а л е м б а . Хорошо, хоть не Каин.
А в е л ь . Меня зовут Авель. Я из Тбилиси.
В с е (Сокольникову). Он из Тбилиси. Это в Грузии.
С о к о л ь н и к о в . Не делайте из меня идиота. Я знаю, что Тбилиси — столица Грузинской эс-эс-эр.

К и р ь я н о в . Вот идиот.
Е л е н а . Вы все проспали, Сокольников. Нет такого государства. А еще газеты читаете.

Г а л е м б а . Вы хоть сами-то из какой страны, знаете?
А н ю т а . Слушайте, ну, не Сокольников же приехал! (Авелью.) Дальше, молодой человек!

В с е . Да, давайте дальше. Дальше!
К а с с а н д р а . А что дальше?
А н ю т а . Ну, из Тбилиси. Что дальше? Почему вам там не сидится, кацо? Вы ведь все рынки, все рынки захватили!..

М а й я . Перестаньте, Анята, это невежливо!
Г о л о с а . Невежливо!.. Ну, пусть скажет... Что им там не сидится?
А н ю т а . Ведь у вас теперь самодеятельность... или как там...

П а ш а . Суверенитет.
А н ю т а . Сувениритет!..
С о к о л ь н и к о в . Самоопределение вплоть до отделения!
К а с с а н д р а . Вы можете меня выслушать? Он болен!
Е л е н а . Ну, не надо давить на слезные железы.
К а с с а н д р а . Он болен, он приехал лечиться! Вы не хотите даже выслушать, а мальчик смертельно болен. Бесчувственные люди. У него угасает сердце, вы понимаете? Он приехал на операцию. И пока не подойдет очередь в академию, к профессору Чкония, он будет жить у меня!

Е л е н а . Чкония?.. Это светило!
А н ю т а (шепотом). У них все схвачено!..
К а с с а н д р а . Да, мы когда-то работали в одном госпитале... А потом приедет его бабушка, моя подруга Дарико! Слышите? Он никакой не торговец! Он вам не спекулянт и не мафия! Он — князь.

В с е . Князь?
С о к о л ь н и к о в . Кто он?

Елена. Князь?.. Князь?..
Анюта. Больной, а князь.
Сокольников. Ах, князь... Как это может быть?
Паша. Князь, а больной.
Анюта. Кому жаловаться, слушайте, кому жаловаться!
Сокольников. Князя нам еще не хватало.
Кирьянов. Князь, но больной.
Галемба. Зато — князь. А ты кто?
Кирьянов. Я не князь.
Галемба. Я тоже. И не комплекую.

Оглядываясь на Авеля, все расходятся по своим комнатам. Светильники по очереди гаснут. Горит лишь гирлянда: Майя задержалась неподалеку от Авеля. Некоторое время они молча изучают друг друга. Майя делает реверанс.

Майя. Простите, ваше сиятельство, я еще не причесывалась.
Авель. Ну, и что? У вас такие пышные волосы.
Майя. И не умывалась.
Авель. Пустяки. Я ведь тоже.
Майя. И не одевалась. Как выскочила из своей теплой постельки на шум, так и предстала перед вашими сиятельными очами. Меня зовут Майя.
Авель. Я рад познакомиться.
Сокольников *(в своей комнате)*. Довожу до вашего сведения...
Майя. Откуда ж мне было знать, что нашу трущобу осчастливит своим появлением такая значительная особа.
Кассандра *(из своей комнаты)*. Хотелось бы еще раз привлечь ваше внимание...
Майя. Даже во сне не могло присниться.
Елена *(у себя)*. Обращаюсь к вам с воплем отчаяния и надежды!..
Майя. Боюсь, что здесь вам часто придется сталкиваться с неряшливыми мужчинами и с дамами в неглиже...
Анюта *(диктует Паше)*. Прошу рассмотреть мои предложения по выселению... пиши, пиши!.. в учреждение социальной опеки...
Паша. Будет разъезд. Расселение...
Анюта. Когда?
Паша. Автандил Амиранович сказал: будет вскоре! Работаем...
Майя. А также вас будут донимать непривычные звуки и запахи.
Галемба *(у себя)*. Соблаговолите ответить, на каком основании...
Майя. Когда вам захочется спать, под ухом у вас врубят оглушительную музыку, а когда заблагорассудится выпить чаю, будут смердеть тухлой рыбой и скоблить кастрюлю. Так что судите сами, сиятельный князь, место ли вам в этом прибежище тоски и зловония.
Авель. Все это не имеет значения. Я очень рад, что попал сюда.
Майя. Да? Что ж здесь хорошего вы нашли?
Авель. Я нашел вас.
Майя. Прямо так сразу? Вы всегда так?..
Авель. Да. Я всегда говорю то, что думаю.
Майя. Любопытно.
Авель. Мы ведь будем дружить с вами?
Майя. Дружить?.. Дружить... Хорошо, я подумаю. *(Делает еще один реверанс и уходит.)*

Далее одновременно звучат несколько монологов. Каждый ведет свой монолог в забытьи, почти в сомнамбулическом состоянии, но в свойственной ему манере речи и темпераменте. Авель обходит всех, ненадолго задерживаясь возле каждого, внимательно взглядываясь в лицо говорящего. Голоса сливаются, стараются пересилить друг друга и наконец превращаются в общий вопль. Авель зажимает уши руками, зажмуривается.

Наступает миг тишины, гаснет свет.

Когда он загорается снова, в прихожей — Елена, Галемба и несколько поодаль от них Авель.

Галемба. Ну, что ж делать, князь так князь. Одним князем больше, одним меньше... Пусть живет.

Елена. Нет, ты не понимаешь, как нам повезло. О, князь, разберитесь с нами с позиций княжеской чести. Судите нас, правьте нами!

Галемба. Оставь его.

Елена. Укажите нам на бесчестных, бессовестных, подлых, вам поверят!

Галемба. Слушай, дай поговорить с человеком.

Елена (Авелью). Не тратьте на него время. На редкость бессодержательная личность.

Галемба. Иди займись чем-нибудь. Вымой посуду.

Елена. Он расскажет вам...

Галемба. Разложи пасьянс!

Елена. Он расскажет вам, как ставил «Три сестры» в народном театре города Жлобина. На кой черт им три сестры? Там и одной много.

Галемба. И хватит об этом.

Елена. Он им: в Москву, в Москву! А они — в Гомель, в Гомель!

Галемба трогает клавиши рояля, звучат несколько джазовых аккордов.

Оставь! (Закрывает крышку.)

Галемба (едва успевая отдернуть руки). Полегче!..

Елена. А ты не лезь! Инструмент не рассчитан на твои грабли.

Галемба. Ах-ах! Такая ценная реликвия. Кто же на нем играл, ты еще не сказала князю. Уж не Антон ли Григорьевич Рубинштейн? Да, да-а, конечно, он... Вы знаете, князь, мы не держим беспородных вещей, ну, что вы!... Исключительно из великосветских гостиных... Потому что мы сами благо-род-ней-шего происхождения. Мы приходим...

Елена. Заткнись!

Галемба. Мы приходи-им...

Елена. Еще одно слово!.. (Снимает тапку с ноги.)

Галемба. Ну, хорошо, вам позже будет доложено.

Елена. В гневе я страшна, ты же знаешь.

Галемба. Когда ты была страшна? Не помню. Ты была смешна и нелепа. Гнев — это не твоё ампула. Говорю тебе как режиссер: я не верю! (Подходит ближе.) Понимаешь, в уголках твоих гневно сомкнутых губ помимо твоей воли зарождается смех, гнездится улыбка...

Елена (смеется). Ладно, не твоё дело. Дай сигарету. (Закуривает.) Спасибо. Слушай, садись. У меня есть проект.

Галемба. Да? Весь внимание. *(Садится.)*

Елена. Мы с тобой набираем группу детей... дошкольного возраста... по тридцать долларов с носа.

Галемба. В месяц?

Елена. Ну, еще чего... В неделю!

Галемба. Ого!

Согласен. И что мы с ними делаем?

Елена. С долларами?

Галемба. С детьми!

Елена. Здравьете! Духовно-эстетическое развитие, что же еще. Ты — сценическое движение, этюды, речь, я не знаю, делай что хочешь... Я — основы стихосложения, образное мышление. Майка — чувство гармонии, музыкальный слух, ритмика. Понятие комильфо, наконец! Манеры.

Галемба. Кто манеры? Ты манеры?

Елена. Да, да, я! Просто ты меня плохо знаешь.

Галемба. А лицензия?

Елена. Ну, и что, лицензия? Купим. Слушай, но так нельзя жить, надо же что-то делать! Надо выбираться отсюда. Все же кругом что-то делают.

Галемба. Кирьянов?

Елена. Кирьянов мне не пример. Я покупать-продавать не умею. Надо делать лучшее, что мы умеем. Делать весело, элегантно, чтобы самим получать удовольствие. Ты что, совсем утратил чувство юмора? Мы будем играть. Мы будем с ними петь, играть, дурачиться, фантазировать!

Галемба. Утирать носы... Ах!.. *(Пауза.)* Я уже проигрывал всякие варианты: сельский дом, монастырь, эмиграция... Но до такого еще не дошел... Ах!.. Знаешь, посидеть бы напоследок в тихом ресторане, как в юности в «Севере»: оранжевый абажур... «старка»... салат с крабами. Кофе по-варшавски, помнишь?.. Инструментальный квинтет... Лу-на, твой свет дрожит в тумане, он вдаль лучами манит, жемчужная лу-на... Я даже лица их помню: скрипка, сакс, контрабас... У скрипки на смычке волос болтался. Их, может, уже нет в живых, а я помню... А мое лицо кто-нибудь запомнит?.. Сомневаюсь... Лу-на, твой свет дрожит в тумане... *(Внезапно вспыхнув.)* Я кладу на их деловитость! Я подохну, но деловым они меня не увидят! Я так и останусь раздолбаем! Вот им!.. *(Делает неприличный жест.)*

Елена. Ну, что ж... Каждый кует свое счастье сам, в одиночку. И тем, чем может...

Галемба. Ну, в общем, как хочешь... Я готов попробовать.

Елена. Принято. Но есть и другой способ заработка. Участие в радиоконкурсе: «Что ты знаешь о Греции?». На первую премию можно месяц жить.

Галемба. Слушай, я тебя умоляю!..

Елена. Поняла. Я пошла писать объявление. Кстати, как у тебя с деньгами?

Галемба. На нуле.

Елена. Семейный человек, называется. Когда Соня возвращается?

Галемба. Обещали на этой неделе.

Елена. Через два дня я получу алименты. К сожалению, последние. Как быстро летит время! Ей уже восемнадцать...

Галемба. Что дальше?

Елена. Дальше-дальше... Университет, разумеется! Для поступления нужны консультации. Так это сейчас называется... Сколько это стоит, пока неизвестно. Но, вероятно, немало. Кстати, ты не знаешь, что такое бизнес-эскорт?

Галемба. Бизнес-эскорт?.. Это кто-то куда-то чего-то... Погоди, а это не сопровождение бизнесмена?

Елена. Вот именно. Паша наш предлагает. Ну, он как посредник. Какого-то монстра надо сопровождать. Автандил Амиранович зовут, как тебе нравится?

Галемба. Куда?

Елена (*открывает рояль, трогает клавиши и напевает*). В бананово-лимонном Сингапуре, пуре...

Галемба. В Сингапур?

Елена. О, уес. За неделю тысяча баксов. Еще столько же на одежду. Деловой костюм и вечернее платье.

Галемба. Это еще что такое!.. Да ты что!.. Ты хоть понимаешь, что он предлагает?.. (*Срывается с места, стучит*). Куделин! Паша!

Анюта. А потише?..

Галемба. Где Куделин?

Анюта. Он отдыхает.

Галемба. Он отдыхает, видите ли...

Кирьянов. Мой совет — не связывайтесь!..

Елена. Он дрыхнет среди бела дня, наш благодетель.

Кирьянов. Этот эскорт знаешь, куда заведет? Не позволяйте!

Елена. Господи! Нам же туда не надо! Паша!..

Галемба. Он отдыхает. Чш-шшш... Послеполуденный отдых Фавна.

Елена. Он еще любит смотреть в бинокль.

Галемба. Он различает там наше лучшее будущее.

Кирьянов. Пусть выходит замуж за меня.

Елена. Не выдумывай!.. Она еще молода.

Кирьянов. А я люблю недоразвитых. (*Смеется*.) И сам такой.

Елена. Одолжи лучше сотню до понедельника, недоделок.

Кирьянов. Сотню?.. (*Вздыхает*).

Авель. У меня есть деньги — возьмите!

Елена. Да? Вы даете мне в долг?

Авель. Да-да, конечно! Возьмите, сколько вам надо.

Елена (*чопорно*). Ну, хорошо. Благодарю вас, князь. Вот как ведут себя благородные люди. А ты говоришь — манеры. (*Уходит*.)

Галемба. Ты всем будешь давать деньги, малыш?

Авель. Если кто-то очень нуждается...

Галемба. Послушай, ты на опасном пути, я тебя предупреждаю как друг. Как сосед. Жестче, жестче надо с людьми. Хватит миндальничать. Никакого гуманизма. Им надо протянуть не рыбку, но удочку, понимаешь?.. Впрочем, так все теперь говорят. И все знают: рыбка лучше. Время сейчас такое. Знаешь, можешь дать и мне немного рыбки. (*Берет одну кутюру*.) Вот эту. Хватит. Я говорю — хватит! Ну, ладно, еще вот эту. Остальное — спрячь! Да подальше!..

Авель. Хорошо.

Галемба. Когда-нибудь мы погуляем, я покажу тебе город. Кстати, с нашего пентхауса, кроме крыш, можно увидеть любопытные уголки. (*Подводит его к рампе*.) Вон, скажем, за рекой... зеленый фасад... видишь?.. Лучший театр. Мастер пригласил меня туда вторым номером. Ты понимаешь — вторым!.. Ну, и так далее... Это было, было! Я работал на малой сцене... А там, вот смотри, в куще деревьев... это очень хорошая больница. Первоклассная. Там моя Офелия. Гениальная актриса. Она так и не вышла из роли... Я думал, это талант, а это наследственность... Ну, что поделаешь. Она мне жена.

Авель. Я помолюсь за нее.

Галемба. Да?.. Ну, пожалуй... Софья ее зовут.

А в е л ь . София.

Г а л е м б а . Да... Там вон, за сквером, временно проживает мой черный терьер... на передержке... У моего ассистента. В ту сторону не хожу, боюсь встретить... Мы оба умрем... От инфаркта. Говорят, у собак тоже бывает инфаркт... А тут вот, за этим углом, очень неплохая рюмочная... бутерброды с яйцом и килькой... мы можем хоть сейчас спуститься... А, понимаю — тебе нельзя. Ничего, что я на «ты»?.. Скажу честно: располагаешь...

Затемнение.

На краю крыши стоят Авель и Майя.

М а й я . Видите? Это мой город!..

А в е л ь . Боже мой!.. Дух захватывает... Сколько огромных домов... и все под цветными крышами!.. Сколько куполов, шпилей!.. И парят птицы!..

М а й я . Это чайки. Мы же обитаем у моря!.. Вон, видите портовые краны?.. Там залив.

А в е л ь . Какое, должно быть, счастье — видеть это в любую минуту, когда душа пожелает...

М а й я . Да. Я выхожу сюда по несколько раз в день и просто сижу... (*Садится.*) Просто сижу... И ни о чем не думаю. Здесь надо дать волю чувствам. Особенно когда закат и небо меняет цвет. В эти минуты что-то в душе происходит... Не знаю, как назвать...

А в е л ь . Откровение?..

М а й я . Может быть. Хорошее слово.

А в е л ь . Я это увижу?

М а й я . Конечно! Я вас позову.

А в е л ь . Вы счастливые люди!

М а й я . Мы?.. Это вряд ли... Хотя да!.. Кто хочет. Сядьте рядом со мной.

Авель садится.

Вот смотрите, тут я всегда сажаю цветок. Вот семечко, которое я посажу. Это календула, или попросту ноготок. Надо посадить и задумать желание. Вы тоже можете посадить!.. Хотите, посадим вместе?..

А в е л ь . О, да!

Втыкают семена в горшок.

М а й я . Задумали?

А в е л ь . Да, задумал!

М а й я . Но кто-нибудь, конечно, сорвет... Мне еще кое-что захотелось вам рассказать. Знаете, вы так располагаете к откровению... Но насчет дружбы я еще не решила. Вы не сердитесь?

А в е л ь . Я не сержусь. Скажите, а кто такой Автандил Амиранович?

М а й я . О, это большой начальник!.. Он президент чего-то там... какой-то ассоциации...

А в е л ь . Ваш знакомый?

М а й я . Да. А почему вы спрашиваете?

А в е л ь . Так... Известное грузинское имя. Шота Руставели его прославил...

М а й я . У него много заслуг, и он всюду известен... Вот сейчас он летит в Сингапур. Можете себе представить?.. Там в аэропорту растут пальмы и летают бабочки!

А в е л ь . И берет вас с собой?

М а й я . Ну, не знаю... Он предложил мне небольшую работу... Ему понравился мой английский... Паша Куделин меня с ним познакомил, наш сосед... Позвольте, князь, а в чем дело?

А в е л ь . Извините... Я не должен...

М а й я . Разве в этом есть что-то... предосудительное?..

А в е л ь . Нет...

М а й я . И потом, я уже взрослая!

А в е л ь . Я знаю!..

М а й я . И должна зарабатывать! Помогать маме.

А в е л ь (*горячо*). Да, конечно!.. Скажите, а что это за храм?.. Такой огромный, с золотым куполом...

М а й я . Это Исаакий. Ну, то есть собор Святого Исаакия Далматского. С его галереи видно еще больше чудесного, чем с нашей крыши. Вам надо туда сходить.

А в е л ь . Обязательно. Но наверх, наверное, ведет крутая лестница...

М а й я . Лестница? Ах да, винтовая. Очень крутая. Я не подумала: вам нельзя туда.

А в е л ь . Да? Вы не советуете?..

М а й я . Лучше не надо.

А в е л ь . Спасибо... Можно я тоже дам вам совет?..

М а й я . Ну, конечно.

А в е л ь . Вам тоже не надо туда.

М а й я . Куда?

А в е л ь . Где пальмы и бабочки.

М а й я . Ну, знает!.. (*Встает.*) Я благодарю вас за прогулку, ваше сиятельство... За советы... Дальше я справлюсь сама. (*Уходит.*)

Затемнение.

Кирьянов со своей тележкой останавливается возле комнаты Авеля.

К и р ь я н о в . Але!.. Генацвале!..

А в е л ь . Заходите, открыто.

К и р ь я н о в . Вот и плохо, что открыто.

А в е л ь . Вас что-то беспокоит?

К и р ь я н о в . Да, беспокоит. Все гады. Все сволочи. Эгоисты. Никому не верь. Никому не давай!..

А в е л ь . А вам я могу верить?

К и р ь я н о в . Мне верь! Натурально! И я тебе верю. Вот позволь у тебя поставить?

А в е л ь . Вот это?

К и р ь я н о в . Да. Только на ночь. Утром возьму.

А в е л ь . Да-да, конечно!..

Кирьянов вкатывает тележку в комнату Авеля.

К и р ь я н о в . А это положи в шкаф. (*Снимает с тележки и отдает ему кейс.*) Хороший вид от тебя. (*Глядит в окно.*)

А в е л ь . С той стороны мне больше нравится.

К и р ь я н о в . Ну, нет, там крыши и крыши. А тут жизнь идет. Магазины, мастерские... Народ туда-сюда... Вон мой ларек, видишь?.. Третий с краю. Иногда ведь выглядываешь. Если чего увидишь — приди скажи.

А в е л ь . А что я могу увидеть?

К и р ь я н о в . Ну, взламывают, например... А то, не дай бог, пожар!

А в е л ь . Да, конечно!..

К и р ь я н о в . Мой совет — закрывайся. Люди тут живут всякие.

А в е л ь . Добрые люди. Хорошие люди.

К и р ь я н о в . Чудак ты, генацвале. От такой жизни люди не могут быть добрыми. Тут живут злые. Подозрительные. Завистливые тоже живут. Всех ненавидят.

А в е л ь . За что?

К и р ь я н о в . За свою несчастную долю. За свое убожество.

А в е л ь . Ненавидят только рабы. Вы тоже такой?

К и р ь я н о в . Нет! Я не раб. Я хозяин.

А в е л ь . А где ваше хозяйство?

К и р ь я н о в . Вот и вот!.. И там! И там тоже!.. Со временем это все будет мое. Перегородки рухнут, стены снова увидят друг друга. Скажите, а вы правда — князь?

А в е л ь . Да, мы из старого рода.

К и р ь я н о в . Светлый князь, тогда вы поймете меня! Я хочу по-старинному. Это ведь зала! Тут полонез можно танцевать. Нет?.. А там анфилада. Там — камин! Там зимний сад!.. И здесь надо жить по-другому. Тут будет много света, сияющего стекла, хрусталя, промытого до синевы. Тут будет бронза и запах березовых дров из камина.

А в е л ь . Вы уверены?

К и р ь я н о в . Да! Вы увидите. Я приглашу вас в гости... вместе с княгиней. Вы, пожалуй, к тому времени женитесь.

А в е л ь . Вы — максималист?

К и р ь я н о в . Именно! Вы угадали. Кой черт тратить жизнь на миниатюрные цели? Если уж изобретать двигатель — то вечный! А?.. *(Смеется.)* Вы не считаете? Если зарабатывать — то миллион! Правильно я говорю? Один раз у меня почти получилось. *(Подходит к останкам гоночного автомобиля, висящим на стене, гладит их.)*

Из своей комнаты выходит Кассандра.

А если любить, то до смерти...

К а с с а н д р а . Авель, голубчик, ты не спустишься за почтой?

А в е л ь . Да, сейчас!..

К и р ь я н о в . Тебе надо идти. А жаль. Я бы тебе кое-что рассказал. Нет, не про них, ну их к черту! Про себя. Никому не рассказывал.

А в е л ь . К вашим услугам. *(Идет к выходу.)* Заходите в любой час дня.

К и р ь я н о в . Погоди!.. Мой совет — закрывайся. Запирай дверь и с той, и с этой стороны.

А в е л ь . Хорошо. Спасибо. *(Хочет уйти.)*

К и р ь я н о в . Стой! *(Подзывает Авеля. Тихо.)* Парень! Я эту девчонку люблю. Для нее и стараюсь. Самому мне миллиона много, я и на сто рублей проживу. Мне ей не доказать, скажи ей, что я все для нее сделаю. Она тебе поверит. И пусть в Сингапур не ездит! Нечего ей там делать. Когда-нибудь я сам ее отвезу.

Расходятся.

Галемба (*выходя из уборной, читает*). Коллективизм — это коренной смыслообразующий признак нашего социалистического общежития... его духовное завоевание, пришедшее на смену затхлому буржуазному индивидуализму. Гениально! Давно такой белиберды не читал.

Сокольников. Где вы это взяли?

Галемба. Там, в ящике для бумаги.

Сокольников. Как он туда попал?

Галемба. А где ему быть?

Сокольников. Это документ из моего архива. (*Отнимает листок.*)

Расходятся.

Галемба. Сумасшедший дом, князь. Какие-то архивы в отхожих местах... Тележки с товаром... Может, так надо? А просто я утратил ощущение нормы... Скажи, если я сейчас пушусь в пляс? Это будет норма?

Авель. Танец — это нормально. И если люди вдруг хотят запеть, то это тоже в порядке вещей. Это естественно! Разве нет?

Галемба. Да?..

Авель. Да-да! Мы так считаем.

Галемба. Ну, так... запоем?..

Авель запекает «Сулико» по-грузински. Галемба удивленно смотрит на него и вдруг начинает подпевать вторым голосом по-русски. Елена выходит из комнаты и садится за рояль. Все жильцы оказываются на пороге своих жилищ.

Голоса. Bravo, bravo!..

Галемба. Bravo. Это было духоподъемно. Будем петь по несколько раз в день. А может, и по ночам.

Затемнение.

Возле комнаты Авеля появляется Сокольников с фибровым чемоданчиком в руке.

Сокольников. К вам запись или живая очередь? (*Посмеивается.*)

Авель. Ко мне? Извините, но я ничего про это не знаю. Очередь за чем?

Сокольников. Не за чем, а к кому. Говорят, у вас тут исповедальня...

Авель. Ну, что вы!..

Сокольников (*горячо*). Нет-нет, не надо этого стесняться! Мы так все в этом нуждаемся! Двадцать четыре часа в сутки... Глаза в глаза... Локоть в локоть... Как в пересыльной тюрьме... Устаешь, согласитесь... Вы свежий человек, чистый, искренний...

Авель. Я прошу вас... Не оправдывайтесь! Будьте со мной откровенны. Если я что-то могу для вас сделать...

Сокольников (*Авелью*). Да, можете. Но имейте в виду, перегородки тут исключительно символические. Многие даже не заслуживают названия стен. Так, какие-то ширмы. Соответственная и слышимость. А посему только и слышишь: а вот я князю скажу! Ну, пошли к князю, пошли!.. Или еще: нет, это не моего ума дело, это вопрос княжеский. Что вы на это скажете?

Авель. Но как же я могу оценивать то, чего сам не слышал?..

Сокольников (*смотрит в окно*). Какой вид от вас!.. Панорама!.. Взглянешь — и перед тобою вся твоя жизнь. Вот Большой дом. Видите, доминирует... Вот «Кресты».

А в е л ь . Церковь?

Сокольников . Э, нет, тюрьма!.. Кстати, хорошо раньше строили. Учитывая права и потребности, так сказать, потребителя... Площадь, кубатура... Но я не об этом! Я пришел вам сказать, что ишу наследника.

Пауза.

Да-да, у меня есть наследство.

А в е л ь (*тревожно*). Ценное?..

Сокольников . Весьма ценное... Мне нужен наследник, которому я могу передать... Я подумал, что им могли бы стать вы.

А в е л ь . Я?..

Сокольников . Да-да!.. Мы оба люди верующие.

А в е л ь . Вы верующий?..

Сокольников . Да-да!

А в е л ь . Но вы не перекрестились на образ.

Сокольников . Нет-нет!.. Я верую в другое учение... То самое, которое всесильно, потому что верно. А наследство мое вот... (*Открывает чемоданчик. В нем — кипа газетных вырезок.*) Видите?.. Это свидетельство злодеяний, прозрений, раскаяний... и новых злодеяний!.. Видите?.. Вы посмотрите... Стоит их внимательно прочитать, сопоставить, и откроется истина!..

Пауза. Авель перебирает бумаги.

А в е л ь . Боюсь, что нет. Откроется пропасть, в которую упал человек...

Сокольников (*в растерянности*). Вы думаете?..

А в е л ь . Но и это нужно знать!

Сокольников . Может быть, вы и правы... Но важно сохранить... Уже растаскивают... (*Смотрит с надеждой.*)

Пауза.

Пожалуйста, князь...

А в е л ь (*подчеркнуто церемонно*). Я соглашаюсь принять ваше наследство и вступить в права наследника. Нужны какие-нибудь формальности? Нотариальные заверения?

Сокольников . Нет-нет, благодарю вас!.. (*Передает чемоданчик. Авель принимает двумя руками.*) Теперь я спокоен. (*Уходит, оглядываясь.*)

Авель молится перед иконой. Входит Елена.

Е л е н а . Милый князь!.. Добрый князь! Помолись за меня! Помолимся вместе! (*Бухается рядом с ним на колени, закатывает глаза.*) Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас.

А в е л ь . Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас.

В м е с т е . Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас.

А в е л ь . Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Осеняют себя знаменем.

А в е л ь . Встаньте, прошу вас. *(Поднимает Елену.)* Что случилось?

Е л е н а . Личная жизнь, понимаете, князь, загублена.

А в е л ь . Да, но вы еще молоды...

Е л е н а . Нет-нет, не утешайте меня, все напрасно, мы обе погибли.

А в е л ь . Кто еще?

Е л е н а . Дочь! Моя бедная дочь...

А в е л ь . Майя?

Е л е н а . Да. Я плачу, князь, я плачу, но тихо. А хочу кричать белым криком!

А в е л ь . Кричите, вам будет легче.

Е л е н а *(раздумывает)*. Да?.. Соседи вызовут санитаров. У нас не принято. А то бы крик стоял в двадцать глоток. Мы терпим. И плачем... Такая у нас страна. Такова наша ментальность!.. *(Рыдает. Кричит в сторону двери Паши Куделина.)* Эй, вы, слышите?.. Она не поедет!.. Она не будет никого экскортировать! Я против! Это не для нее! У нее другая судьба!..

И тут ее монолог подхватывает А в е л ь . Он делает это с помощью грузинского языка и жестикюляции так выразительно, что послушать его выходят все, кто оказался дома. Он заканчивает свою страстную речь по-русски, фразой, известной каждому жителю Тбилиси.

А в е л ь . Клянусь мамой!

Звучат аплодисменты.

Е л е н а *(меняет тон)*. И передай своему вонючему бизнесмену, что в нашем курятнике ему не обломится! Пусть поищет в модельных салонах! Или на кастингах! Или... сам знаешь где.

Звучат аплодисменты.

П а ш а *(появляясь в дверях)*. Ну, и правильно. Я все понял. Но зачем так кричать? Найдется другая, дело большое. Сингапур, конечно, сказочный город. Но всему свое время.

Е л е н а . Будет и на нашей улице Сингапур! Правильно, Авель?

А в е л ь . Я думаю, будет. Успокойтесь.

П а ш а . Осталась мелочь. Вернуть деньги.

А в е л ь . Какие деньги?..

П а ш а . Которые были выданы на одежду. Тысяча баксов. Было такое?

Е л е н а *(в растерянности)*. Тысячу долларов?.. Но вы не предупредили... *(Бурно.)* Да, конечно!.. Да-да, мы вернем!

А в е л ь . Они вернут.

Е л е н а . Конечно, вернем. Авель, спасибо! Как вы мне помогли! С меня будто тяжесть упала! Авель, дорогой, позвольте вас поцеловать... *(Целует его.)* Авель, друг мой, если б вы знали, как я одинока... Не бросайте меня. Как я одинока... *(Уходит к себе.)* Боже мой, как я одинока...

К а с с а н д р а *(входя в комнату Авеля)*. Это что?

А в е л ь . Это Кирьянов попросил поддержать, у него тесно, должно быть. Он заберет.

К а с с а н д р а . Будь осторожен, Авель. За этим Кирьяновым числятся какие-то темные дела и темные люди. И если однажды сюда явятся с обыском, я не удивлюсь. У те-

бя надо проветрить. (Отворяет окно.) Съезди пока на лифте к почтовому ящику. Елена имеет обыкновение вынимать мои газеты и читать их за завтраком. А зачитанные газеты в жирных пятнах мне не нужны.

Авель уходит. Кассандра внимательно осматривает поклажу, оставленную Кирьяновым. Открывает шкаф, пробует открыть кейс, но он заперт на два замка. Кассандра качает головой.

Затемнение.

Следующая сцена вопреки театральным канонам совсем не имеет действия и весьма бедна на диалоги. Главным ее событием станет закат: яркий, насыщенный, быстро меняющий краски и очертания, — видимый во всю широту окоема. Поскольку сценически он происходит где-то поверх зрительного зала, то игра света отражается на лицах жильцов, когда они, сменяя друг друга, подходят к панорамному окну и зачарованно смотрят вдаль. Несменяемый здесь лишь один — Авель. Он затаился на краю окна почти что в оцепенении перед открывшимся зрелищем.

В холле звучат в исполнении Галембы элегические мелодии то ли из симфоджазовых композиций времен Рэя Кониффа, то ли из не успевших еще устареть импровизаций Джона Леннона. В своем обычном стиле, который ненавязчиво диктует диван-рекамье, полувозлежит умиротворенная Елена.

Елена. А сейчас будет белая ночь.

Автор был бы чрезвычайно благодарен тому режиссеру, который не пожалел бы времени на эту бессобытийную и бессловесную сцену.

Бурный закат угасает. Город и небо над ним готовятся к приходу белой ночи.

В холле зажигают торшер. Елена вяжет на спицах, курит. К ней приближается Авель. Музыка уходит на второй план, а потом и вовсе утихает.

Елена. А, это вы... Вы что-то хотели сказать?

Авель. Я... Да, я хотел сказать...

Елена. Внимательно слушаю.

Авель. Вам нехорошо.

Елена. Та-ак... Дальше.

Авель. Можете располагать мною.

Елена. Да? В каком смысле?

Авель. Вы говорили, что вам так одиноко.

Елена. Я? Когда? Разве я так говорила?..

Авель. Мы вместе молились...

Елена. Да?

Авель. За вас. За вашу дочь...

Елена. А что с ней?

Авель. Какие-то люди...

Елена. А-а, нет-нет, Авель, вы что-то напутали. Дочь всегда была при мне и в полном — вы слышите — в полном порядке! Я для нее ничего не жалела. Мое одиночество — это лишь видимость, Авель! Мой каприз. (Встает. Подходит, берет его за руки.) Прихоть!.. Ах, Авель!.. Милый вы человек. Понимаете, мне так угодно сегодня —

быть одинокой. И жалость к себе доставляет мне удовольствие... Иногда надо себя пожалеть. Кто там пришел?

Подходит Галемба.

Вы такой неземной, такой нездешний, да, Галемба?

Галемба. Это его дело..

Елена. Инфернальный!.. Да, Галемба?

Галемба. Что ты к нему пристала!..

Елена. Вы такой чуткий, спасибо. Давайте выпьем вина.

Авель. Мне нельзя.

Елена. Пейте, пейте, мне тоже нельзя! Вы такой пылкий, отзывчивый к чужому горю. Сыграй нам, Галемба, что-нибудь меланхоличное, мы потанцуем.

Галемба снова садится за рояль. Звучит танго.

Пойдемте, Авель, я вас умоляю!..

Елена и Авель танцуют.

А вы что подумали, Авель? Вам захотелось утешить меня, да? Ах, дурачок, бедный мой Авель. Я сильная женщина. Предприимчивая. Волевая. Как раз вровень эпохе...

В холле, у своей двери, появляется Кассандра. Пытается понять, что происходит.

Кассандра. Елена, не делайте этого!.. Я вам запрещаю!..

Елена. А что я такого делаю?

Кассандра. Это, если хотите, преступление!

Из своей комнаты выходят Паша с Анютой, тоже принимаются танцевать. Возле своей двери топчется Сокольников.

Кассандра. Вы погубите мальчика!

Елена. Здесь не люди живут, а гиеноподобные твари. Я вынуждена подчиниться, князь. С Кассандрой лучше не связываться. *(Отпускает его.)*

Галемба *(завершая игру)*. Чем необычней, чем абсурдней, малыш, тем больше гарантии, что это реальная жизнь. Чем хуже, тем лучше, пойми!

Авель. Лучше, когда хорошо.

Галемба. Боюсь, что я утратил критерии. Я не знаю, где мне хорошо, а где плохо... Где я могу находиться, а откуда должен бежать со всех ног... И на всякий случай, у меня развилась мания уходить отовсюду. Не успею войти, а уже тянет к выходу. От всех приятелей ушел... нет, без скандала... Исчез... Снять телефонную трубку для меня мука. Одеться, пойти куда-нибудь — катастрофа! Ты веришь, нет?.. И постоянно над мою жизнью звенящая струна несчастья!

Елена. Дзынь!..

Галемба. Иди к черту!

Елена. А что? Звук лопнувшей струны. Вполне театрально.

Входит Майя. Она в деловом костюмчике. В руках у нее фирменная сумка с покупками. Наступает долгая пауза. Галемба идет к роялю и берет несколько торжественных аккордов. Елена сидит в оцепенении, не сводя с нее глаз.

Елена. Тебе к лицу... Все так и норовят тронуть рояль. Кто что, каждый свое... Чижик-пыжик, полонез Огиньского... Мурка... *(Бурно.)* Это мой рояль! Захочу, буду играть Шумана, захочу, оставлю его в чехле! И не дотрагиваться! Он и так расстроен... *(Уходит в комнату.)*

Занавес.

Действие второе

На следующий день ничего здесь не изменилось.

Елена на своем «рекамье» полулежит, вяжет на спицах. У двери, ведущей на крышу, Галемба кого-то высматривает. Это Авель сидит на кровле, согнувшись в три погибели.

Галемба *(в окно, тихо, ласково)*. Авель!.. А-вель...

Авель не реагирует.

(Елене.) Так и не выходил?

Елена. Нет. Засел крепко.

Галемба. А она что?

Елена. Майка?.. Ревет. У нее голодовка.

Галемба. А у этого молчанка. Вот публика...

Елена. Я было вскипела поначалу.

Галемба. Вчера? Да я видел.

Елена. А потом думаю: а я б устояла?.. Фирменный прикид. Чуть устарелый, должно быть... ну, что ж...

Галемба *(в окно)*. Авель!.. Ты смотри там поаккуратней... Все проржавело... перила шатаются. Сто лет им... *(Елене.)* Я не выхожу, боюсь. Один раз попробовал, куда-то нога провалилась... Слышишь меня, Авель?.. Ты подальше от края. Подальше!.. *(После паузы отходит.)* Да-а, кажется, их заклинило. А костюмчик хорош. Бизнес-леди.

Елена. Там еще платье.

Пауза.

Галемба. Да я понимаю. Ну, и что решили?

Елена. А что ни решишь, все — кирдык. Не знаю, где денег взять.

Появляется Кассандра. Она проходит к окну, ни на кого не реагируя, кладет на подоконник куртку Авеля.

Кассандра *(в окно)*. Наденешь. У нас тут не Авлабар... *(Кладет рядом сверток.)* Тут еда. *(Ворчит.)* За почтой сходить некому... *(Идет обратно.)* Нашли себе забаву...

Елена. Я съезжу.

Кassandra. Кстати, когда вынимаете из ящика почту, будьте предельно внимательны. Мы ждем уведомления. Оно может выпасть!.. *(Уходит, ворча.)* Ищи потом... Ничего не докажешь...

Галемба. Она права. *(Отходит к окну.)* Авель, малыш, мне скучно без тебя. Я остался без собеседника... Не хочешь выходить — и правильно делаешь. Смотреть здесь не на что... *(Пауза.)* А главное — не на кого. Вот сидит, как всегда, с сигаретой и чашкой кофе... сам знаешь кто. Типа, змея...

Елена бросает в него свою тапку, он едва уворачивается.

От нее весь змеюшник... Ты это понял уже?..

Елена *(миролюбиво)*. Неправда, я человек искренний! Меня любят. Люди тянутся ко мне.

Пауза. Из своей комнаты выходит Сокольников. Направляется в уборную.

Галемба. Вот вышел Сокольников... Глаза бы мои его не видели. Уж как надоел со своим социалистическим выбором. Тут, понимаешь, тектонические пласты гудят, скрежещут... Континенты ворочаются... А у него все буби козыри.

Сокольников. А что изменилось? Раньше меня грабили одни, теперь другие... А меня как раньше, так и теперь не ограбишь. Потому что у меня ничего нет. *(Уходит.)*

Галемба. Понимаешь, малыш, все здесь и должно быть отвратительно... Ты не поверишь, но здесь цветы вянут.

Елена. Вранье. У меня столетник стоит уже...

Галемба. Сто лет?

Елена. ...Лет пятнадцать.

Сокольников *(появляясь из дверей уборной)*. Вы думаете, что я ел до войны? Пайку! А после войны? Пайку! А теперь? То же самое. Рацион!.. Разница только в нормах выдачи.

Галемба. Этот все о желудке. Конченный человек. Анальная личность.

Елена. А тебе о чем ни заговори, все не по-твоему.

Пауза.

Галемба *(в окно)*. Вот только той, кого бы ты хотел видеть, здесь нет... Говорят, плачет. Горючими слезами... Голодовка у нее. Говорят, сухая... Ах, Авель-Авель... не успел приехать... *(Качает головой.)*

Авель. Скажите ей: я найду деньги. Ей нельзя ехать в Сингапур.

Галемба. Найдет он деньги...

Возле своей двери топчется Паша.

А вот еще один господин! Стервятник! Ждет, когда овечка отобьется от стада. Понимаешь, этот подлый тунеядец ухитрился никогда не работать: ни до, ни после. Ни при социализме, ни при этом... катаклизме. И ничего, жив! Смотрите, какая ряха. А главное — никаких комплексов... Сейчас он снова пойдет отдохнуть.

Паша. Вали, вали. *(Елене.)* А ехать я бы советовал. Что характерно, Автандил Амиранович обаятельнейший человек. И порядочный! *(Уходит.)*

Галемба. Надо вернуть наряды.

Елена. Куда?! Это не магазин. Это блатная депутатская точка. По-моему, чей-то переполненный гардероб. Чека нет... Хорошо, если возьмут обратно за полцены...

Галемба. Я знаю. Костюмерная театра иногда у них покупает.

Елена. А вообще такие вещи не возвращают. Сугубая фирма. Эксклюзив!

Галемба. Вот бабы... Вечно во что-то влезут... Чем я могу помочь?

Пауза.

Нет, кроме шуток.

Елена. Ну, спасибо. *(Пауза.)* Что ты знаешь о Греции?

Галемба. Ах, так?.. Ну, вообще много. Во-первых, это родина демократии. Во-вторых, там все есть...

Елена. Достаточно. Примешь участие в радиоконкурсе.

Галемба. Почему я, а не ты?

Елена. Уже приняла. Я эти вопросы составляла. И свое уже получила. Пошлешь ответы, которые я тебе дам. Первую премию гарантирую.

Галемба. О, мать божья!.. Но это же, наверное, не деньги, а слезы...

Елена. Кот заплакал. Предложу им второй конкурс. «Что ты знаешь о Сингапуре?» Снова победишь.

Трезвон звонков входной двери. Особенно яростно надрывается звонок Кирьянова. Галемба идет открывать. В холл выходят и другие жильцы. Входит Бугор со свитой.

Бугор. Так, мужик... Ты кто?

Галемба *(опешив, после паузы)*. По-вашему, так входят в чужую квартиру?..

Бугор *(проходит)*. Не зуди. Мне с тобой говорить не о чем. Кирьянов где?

Галемба. Прямо. *(Отходит.)*

Бугор дергает дверь Кирьянова, стучит.

Бугор. Кирьянов! Кирьянов!..

Кассандра. Значит, его нет.

Бугор. Нет, так будет. Появится, скажите: счетчик включен.

Кассандра. Что?

Бугор. Счетчик, мол, включен. Вот так и скажите.

Кассандра. Вы по электросчетчикам?

Бугор. Я?.. Нет. По электропаяльникам. *(Усмехается.)* Также по электроутюгам...

Визитеры, переглядываясь, смеются.

Но сначала по счетчикам. *(Двигается к выходу.)* Тик-так!.. тик-так!.. *(Хочет.)*

Кассандра. Ничего не понимаю...

Визитеры весело уходят.

Кто это?

Анюта. Волки!

Галемба. Неправда. Шакалы.

Паша. Санитары леса. Кто долги вовремя не отдает.

Все расходятся по комнатам.

Галемба присаживается возле Елены.

Елена. Ну, что там?

Галемба. Ничего. Разберутся. Похоже, что Кирьянов попал в задницу.

Елена. А он оттуда и не выходил.

Открывается дверь Кирьянова.

Легок на помине.

Озираясь, Кирьянов потихоньку выходит из комнаты и на цыпочках направляется к выходу на крышу. В руках у него рюкзак. Проходя мимо Елены и Галембы, он прикладывает палец к губам.

Его ни там нет, ни тут.

Галемба. Не возражаю. *(Отворачивается.)*

Кирьянов, оглядываясь, выходит на крышу, затворяет за собой дверь. Садится рядом с Авелем. Долго молчат.

Кирьянов. Ну, что, соперниками стали?

Авель. Я никому не могу быть соперником.

Кирьянов. Что так?

Авель. А ты не знаешь, что мне предстоит?

Пауза.

Кирьянов. Ну, это от медицины зависит. К кому попадешь. У тебя, я знаю, профессор... А я вот, считай, не жилец. За мной приходили.

Авель. Кто?

Кирьянов. А те, что в аду у котлов стоят. Помешивают... Дровец прибавляют.

Пауза.

Авель. Не надо так. На все Его воля.

Кирьянов. Ну, а ты что же своевольничаешь? Заранее себя...

Авель. Я смиряюсь.

Кирьянов. И ей советовал?

Авель. Нет.

Кирьянов. А как же? Нужны деньги.

Авель. У меня есть.

Кирьянов. Откуда?

Пауза.

Авель. На операцию.

Пауза.

Кирьянов. Много?
Авель. Три тысячи.

Пауза.

Кирьянов. Небогатое у тебя княжество?..
Авель. Небогатое.

Пауза.

Кирьянов. Хороший ты человек... Никому так не верил... Я плохой. Жадный... Там, в твоём шкафу, кейс. В нём десять тысяч... По-разному собраны... Не скажу, что все праведным способом... Но не воровал, нет!.. И не убивал!..

Авель. Я знаю.

Кирьянов. Слушай, у меня все в жизни было. Вот гляди! Мужская победа! Слава победителя. *(Не видя на лице Авеля одобрения.)* Ну, все-таки третье место в областном авторалли...

Авель. Да. Ты прав.

Кирьянов. Богатство! Хотя и несправедное...

Авель. Да, конечно.

Кирьянов. Жадничал!.. Я на этом и попался. Не люблю отдавать!..

Авель. Ну, а еще?..

Кирьянов. Еще?.. *(Собравшись с духом.)* Любость!..

Авель. Да.

Кирьянов. Это неважно, что безответная?.. Мне зачтется?

Авель. Бескорыстная еще дороже.

Кирьянов. Была любовь, была!..

Авель. Почему была? Есть.

Кирьянов. Чего не хватало в моей жизни? Скажи! Ты должен знать...

Авель. Чего не хватало?.. Веры.

Кирьянов. Это как?.. Поверить безоглядно, чтоб тебя кинули, да?.. А потом еще посмеялись?.. Да у меня вся жизнь прошла с этим припевом: обманули дурака на четыре кулака! Обманули дурака... Хрен вам! Вот вам! Вот!.. *(Неприличные жесты.)*

Пауза.

Авель. Остынь... Как же ты мне поверил?

Кирьянов. Не знаю. Ты не отсюда.

Авель. Я из Грузии.

Кирьянов. Нет, нет!.. Не знаю, как это назвать.

Авель. Ты боишься назвать имя, которое все объясняет.

Кирьянов. Бог, что ли?.. А его нет.

Авель. Кто же тебя научил так любить?

Пауза.

Кирьянов. Само получилось.

Пауза.

А в е л ь . Куда ты собрался? (*Пристально глядит Кирьянову в глаза.*)

К и р ь я н о в (*беспокойно посмеивается*). А что, видно, да? Налицо приметы побега?.. Куда мне собираться... Вот достали меня... Они всюду найдут. Раз я на счетчике... Беги не беги. Либо все отберут, что накопил... Либо жизнь отберут... да еще замучают... Попробую...

Пауза.

Я ей все хочу отдать... Раз любовь... Ну, а для чего они?.. У меня никого больше нет. Ты отдашь. Вот ключ.

А в е л ь . А сам?

К и р ь я н о в . Нет. Боюсь... Будет спрашивать... отчего да откуда... Еще откажется. Она ведь чистая.

А в е л ь . Когда ты хочешь, чтобы я передал? Сейчас?

К и р ь я н о в . Нет. Тут, понимаешь, какое дело... Мне нельзя им в руки попасть... Я не выдержу. Наведу...

А в е л ь . И на меня?

К и р ь я н о в . Да...

А в е л ь . А если придут?

К и р ь я н о в . Отдай сразу... Слаб человек... Не такие, как я, не выдерживали... Дай время уйти. Дам сигнал, когда буду недосыгаем.

А в е л ь . А тебе с собой разве не надо?

К и р ь я н о в . Сколько надо, у меня есть.

Пауза.

А в е л ь . Все сделаю, как ты сказал.

К и р ь я н о в . И никому об этом, ты понял?

А в е л ь . Да.

К и р ь я н о в . Спасибо тебе. Прощай.

А в е л ь . Храни тебя Бог!.. Прощай.

Кирьянов уходит в глубину чердака.

Затемнение.

Увлеченный своими размышлениями, по холлу бредет Сокольников.

С о к о л ь н и к о в (*останавливается возле двери Елены*). Зачем порочить нашу жизнь? Зачем? Мы хорошо жили, дружно и справедливо. (*Двигается по кругу, останавливаясь то у одной двери, то у другой.*) Друзья, друзья, согласитесь, все у нас хорошо, все есть — тепло, свет, пища. Мы вместе, а это главное. А вы хотите разбрестись по одиночным камерам? Я говорю вам — это страшно! Я заклинаю вас — это гибель! Умоляю вас, не надо!.. Давайте жить вместе! Все есть — тепло, свет, пища.

Г а л е м б а . Параша. Представляю, сколько отсюда дерьма растечется по другим домам и квартирам! Сколько зла!..

С о к о л ь н и к о в . Нет, не параша!.. Уборная. Унитаз. Все хорошо. Все друг за друга. Хотите, я буду полы мыть? Курить брошу?.. Не оставляйте меня. Вы — мои сокамерники. Моя семья.

Е л е н а . Ну, не знаю!.. Не знаю, Сокольников, что вы здесь нашли... Надо бежать друг от друга, не оглядываясь! (*Галембе.*) А меня, между прочим, ты бы мог сохранить.

Галемба. Как? Каким образом?

Елена. Делаешь вид, что не понимаешь... А если б вовремя, у нас могло бы образоваться нечто оригинальное...

Галемба. Ну, полно, полно фантазировать!..

Елена. Галемба, а ведь могло бы!.. Могло!..

Галемба. Ну, не знаю...

Елена. Могло-о!.. Галемба, ты был тогда так игрив!.. И так жовиален!.. И я тебе нравилась.

Галемба. Не помню.

Елена. Не помнишь? Он делает вид, что не помнит. Ну, это нечестно, Галемба, нечестно!..

Галемба. На мне всегда была Соня.

Елена. А это еще до Сони!.. Ждешь?

Галемба. Жду.

Елена. А если в глаза?..

Галемба. Вопрос сложный...

Елена. С такими разводят без разговоров.

Галемба. Соня — мой крест! И точка. И моя любовь... *(Отходит.)*

Елена *(закатывает глаза)*. Ах, любовь!.. *(Напевает из «Кармен».)*

Галемба. Сокольников, успокойтесь!.. Найдете себе другую коммуналку. На худой конец общежитие...

Анютя. Он по ночам выходит сюда и скулит.

Елена. И дверь не закрывает. Вы думаете, приятно слышать ваш храп?..

Галемба. А что хорошего-то было, папаша?

Сокольников. А пятерочка?

Галемба. Я обронил, вы вернули? Эка невидаль.

Сокольников. И еще, и еще!

Галемба. Ну, чайник выключили. Что еще-то?

Сокольников. Ну, многое, многое... А взгляды?

Галемба. Добрые, что ли?

Сокольников. Да!

Галемба. А завистливые?

Сокольников. А ободряющие?

Галемба. А испепеляющие?

Сокольников. А виноватые?

Галемба. А бесноватые?

Сокольников. А... а добрые?

Галемба. Нет, Сокольников, на весах нет баланса: там тяжело, тут пусто. Будем разъезжаться.

Сокольников. Нет-нет-нет!..

Галемба. Да-да-да!..

Сокольников. Что скажет юноша?

Галемба. Это князь, как можно!..

Сокольников. Ну, да. Пусть будет князь. Хотя князей мы всех прогнали...

Авель. В Тбилиси мы живем в доме, где много квартир. И все они связаны галереей.

Сокольников. Это как?.. Снаружи или внутри?

Авель. Внутри двора. По фасаду мы все по отдельности. А внутри — мы одна семья.

Сокольников. Вот!.. Принцип социалистического общежития! И если вы посмотрите проекты Корбюзье...

Елена. К черту Корбюзье! Это прохвост и фальсификатор!
Галемба. Это гениальный новатор!
Елена. Это ничтожный провокатор!
Галемба. Да!
Елена. Нет!
Галемба. Да!
Елена. Никогда!
Галемба. Всегда!
Елена. Ни в жизнь! Никогда! Во веки веков! *(Истово крестится.)*
Галемба *(после паузы)*. Мать, успокойся. Пусть будет по-твоему.
Елена. Галемба, я тебя обожаю!..

Звонки входной двери. Все осветительные приборы приходят в движение. Голоса в прихожей, появляются люди.

Женский голос. Мы с первого этажа! Кто-то с крыши упал!..
Мужской голос. Вот сию минуту брякнулся!
Женский голос. Спуститесь, посмотрите, ваш, не ваш?!.
Мужской голос. Вызвали! «Скорую» вызвали!.. Да что толку...

Шум голосов. Мельтешение огней. Постепенно они гаснут. Дольше всех пульсируют автомобильные фары. Но и они угасают. Ревет сирена «скорой помощи».
Затемнение.

В комнате у Галембы сидит Авель. Играет музыка, поет Пласидо Доминго, что-то из «Тоски» или «Богемы». Какое-то время молча слушают. Галемба снимает пластинку. Допивает вино из стакана.

Галемба. Вот мы и помянули. Я даже не знаю, как его звали..
Авель. Максимом. Все доводил до максимы.
Галемба. Что был за человек? Чем жил?..
Авель. Страстями.
Галемба. Ты что-нибудь о нем знаешь?
Авель. Много.
Галемба. Когда успел..
Авель. Успел. Помолимся за него.
Галемба. Как?.. Я не знаю...

Авель. Само придет. *(Встает, вполголоса.)* Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Максима и прости ему все согрешения вольные или невольные, даруй ему Царствие и причастие вечных Твоих благ и Твоей бесконечной и блаженной жизни наслаждение. Аминь. *(Крестится с поклоном.)*

В продолжение молитвы Галемба встал, по окончании, не крестясь, кланяется. Долго молчит.

Галемба. Спасибо тебе, мой драгоценный. Как легко стало.
Авель. Я знаю.

Сидят молча какое-то время.

Галемба Если честно, мне тут хорошо. Я не знаю, лучше ли мне будет без них... (Наливает вино.) Жизнь прожита! Я банкрот, князь. (Приветственно поднимает стакан, выпивает.) Начинать все сначала?.. По секрету?.. (Как бы доверительно.) Силы есть, но так неохота!.. А чтобы не было мучительно больно... Нет, путь Кирьянова мне не подходит!.. Нужен допинг. Это либо вино, либо любовь. Ничего лучше человечество пока не изобрело. А вообще, князь, не бери в голову. Что тебе, своих проблем мало?.. Господи, как мне все ясно! Какая кристально чистая видимость! Вижду! Князь, я вижду!

Авель. Что?

Галемба. Решительно все! Про себя, про них.

Авель. А про меня?..

Пауза.

Галемба. Вот тут я умолкаю. Прости, князь, но тебя ведет Господь Бог. За тебя! (Пьет.) И знаешь, малыш, к чему я прихожу, общаясь с тобой? К простым и обычным вещам. В режиссерской методологии. Не хрена выдумывать. Надо просто говорить с людьми о том, что их волнует. Вот как я с тобой говорю... и как ты говоришь со всеми нами... Зачем входить в образ? Маску натягивать... Молчи, молчи!.. Ты мой театр, я тебе верю, весел ты или хмур... Словом общаешься или молчанием. О, какая сила в тебе, князь! (Прислушиваясь.) Кто-то пришел там... Это не к нам?..

Входит Соня.

Боже мой, это же Соня! (Бросается к ней, обнимает.) Как это?.. Почему не предупредила? Я бы пришел за тобой!.. (Авелью.) Это моя жена! София!

Авель и Соня здороваются.

А это — Авель, познакомься. Он князь!

Соня. Ах, это очень приятно. Это по какому произведению?

Галемба. Нет-нет, это по жизни! Ты все поймешь...

Авель. Простите меня, но я должен идти.

Галемба. Да-да, конечно...

Авель. Мадам!.. (Поклонившись, уходит.)

Галемба. Это удивительный юноша... Голубка моя, как я рад! Ведь вчера еще не было ничего определенного!..

Соня. О, какое счастье вернуться сюда! Милый мой! Я не хочу больше разлучаться!..

Они обнимаются.

Затемнение.

Авель и Майя сидят на крыше поодаль друг от друга. Майя, по обыкновению, в джинсах, майке, в стиле «свой парень».

Майя. Простите меня за те слезы!.. Я не поеду, это же ясно, неужели вы не понимаете? Мне стыдно, что я допустила слабость. И знаете, это очень мило было с вашей стороны мне запретить.

А в е л ь . Я запретил?.. Как я мог?

М а й я . Я не знаю. Пришла мама и сказала: князь запрещает. Правда, она еще кое-что добавила из области фантастики, но это она умеет.

А в е л ь . А, да... А вы простите меня... Может быть, я и сказал что-то похожее, но мне нестерпима была мысль, что кто-то распоряжается вашей волей...

В своем будуаре в одиночестве сидит Елена, как всегда, за одним из своих занятий — чтением, вязанием, пасьянсом, чаепитием, отгадыванием кроссвордов, игрой в «скрэббл» — или за всеми занятиями сразу.

Е л е н а (завидев Соню, машет приветственно). Со-оня!..

С о н я . О, здравствуй, Елена!.. *(Идет к ней.)*

Е л е н а . Офелия! В твоих молитвах, нимфа... *(Умолкает, увидев яростные знаки Галембы.)* С возвращением. *(Салонные объятия и поцелуи.)* Ты на побывку? Нет? Насовсем?..

С о н я . О, да!

Е л е н а . Без макияжа ты скорее похожа на Гертруду, чем на Офелию.

С о н я . Боже мой, мне же теперь все равно!

Е л е н а . Как я рада, что ты избавилась от своей фобии.

Г а л е м б а . Соня-а!.. *(Отчаянно жестикулирует. Выходит из комнаты.)*

Е л е н а . Что ему надо?..

Г а л е м б а . Соня!.. Иди помоги мне!..

Уводит Соню. За спиной показывает Елене кулак.

С о н я . Да, милый?

Г а л е м б а . Имей в виду, я буду скучать и ревновать тебя ко всем.

С о н я . О, нет, я не дам тебе повода!.. Я буду примерной женой и домохозяйкой.

Г а л е м б а . Я буду счастлив.

С о н я . И я буду счастлива! Мы оба будем счастливы!.. И всех, кто вокруг нас будем делать счастливыми!..

Г а л е м б а . Да, успокойся... Все будет по-твоему.

С о н я . И я не хочу, не хочу, не хочу, не хочу, не хочу!..

Г а л е м б а . Нет-нет!.. *(Прижимает ее к себе.)*

С о н яНе хочу быть Офелией!.. Хочу быть собой.

Г а л е м б а . Успокойся, родная моя... Так все и будет... Ты уже моя Соня!.. И нам больше никто не нужен.

На крыше, тесно прижавшись друг к другу, сидят Авель и Майя.

М а й я . Знаете, Авель, я вам скажу то, что обычно девушки первыми не говорят. А я возьму и скажу. Я влюблена.

Пауза.

А в е л ь . В меня нельзя влюбляться.

М а й я . Почему?

А в е л ь . Потому что я могу не вернуться из академии.

М а й я . Вот еще!.. Прекрасно вернетесь. И я вас буду звать не князем, а академиком.

А в е л ь . Это большая проблема. Трудно себе представить ее исполнение... Они должны открыть мое сердце и что-то там изъять, а что-то вставить...

М а й я . Пусть лучше вставят меня!

А в е л ь . Вы уже там! (*Берет ее руку.*)

Галемба держит Соню в объятиях.

С о н я (*освободившись*). Знаешь, я буду создавать вещи, которые приносят абсолютную радость, причем моментально! Знаешь, что я сейчас исполню?..

Галемба в страхе ждет.

Сварю тебе борщ! Ты хочешь борща?

Г а л е м б а . О, господи!.. Обожаю!..

С о н я .. По-моему, в холодильнике у меня была свекла...

Г а л е м б а . Я не съел ее, клянусь!

С о н я . Все найдется! Чего не будет хватать, попрошу у соседней. Я сварю борща на всех, и пусть угощается, кто пожелает. Ты не возражаешь?

Г а л е м б а . Прекрасная идея!

С о н я . Вот такую кастрюлю!.. С нами чудные люди живут, не так ли, милый?

Г а л е м б а . Да, конечно!.. Этот князь, Авель... тоже так считает.

С о н я . Он чудный! Он тоже будет с нами жить?

Г а л е м б а . Нет, он вылетит и улетит к себе в княжество...

С о н я . А, ну да!..

Г а л е м б а . Так, кажется... Это где-то в Грузии. Он молился о тебе!

С о н я . Я знаю!.. Ведь не просто же так произошло улучшение...

Авель и Майя сидят, взявшись за руки.

А в е л ь . Он любил вас.

М а й я . Я знаю... Но он не умел.

А в е л ь . Он умел. Но не так, как вам надо.

М а й я . А как?

А в е л ь (*после паузы*). На разрыв аорты. Кажется, так называется.

М а й я . Скажите... я должна быть благодарна ему?

А в е л ь . Да! И вы должны заказать по нему панихиду. Я вам помогу. А пока зайдите ко мне и примите то, что он вам оставил.

М а й я . Что это?..

А в е л ь . Я не знаю. (*Отворачивается.*) Какой-то кейс.. Вот ключ к нему. Но никто не должен об этом знать.

Затемнение.

Кастрюля дымящегося борща возвышается на столе, за которым хозяйничает Соня, ловко управляясь с половником. Все жильцы вышли из своих комнат.

С о н я (*разливая борщ в керамические плошки, из которых можно есть стоя*). Друзья, подходите!.. Всем хватит! Попробуйте и оцените то, что я наварила. По совести говоря, я давно не хозяйничала. Если чего-то не хватает — вот перец, вот соль!..

С о к о л ь н и к о в . А чеснок вы положили?

Соня. Да-да!..
Сокольников. Когда-то я ел борщ с чесноком. Это было на раскулачивании...
Галемба. Свят, свят, свят! Этого нам еще не хватает!..
Сокольников. Хозяева уехали, а борщ оставили...
Галемба. Не оставили, а вы у них отобрали!
Сокольников (*пожимает плечами*). Может быть...
Кассандра. Господи, как хорошо, что я вас не пускала!..
Соня. Вам погуще или пожиже?
Кассандра. Пожиже и полпорции.
Паша. А мне бы погуще! А мясо покрошили?
Соня. А как же!
Анюта. Паша, ну, как не совестно! Сварю я тебе с крошевом...
Елена (*Галембе, в стороне*). Господи, что за спектакль... Твоя режиссура?
Галемба (*вполголоса*). Я тебя умоляю... Не надо!.. Об Офелии ни слова, ни звука!..
Елена. Да ради бога!
Соня. Лена, позволь я тебе налью!..
Елена. Я сыта. Разве что полповарешки... Для пробы. Все-все!..
Сокольников. Очень вкусно! Я бы от добавки не отказался.
Соня. С удовольствием, пожалуйста!
Анюта (*Соне*). А вас с выздоровлением!..
Соня. Спасибо!
Сокольников (*Галембе*). А говорили — ничего хорошего!
Анюта. А ведь одного не хватает!
Паша (*смущенно*). Да-да... Отряд, как говорится, не заметил потери бойца...
Сокольников. Да! Был человек, и нет человека.
Анюта. А комната-то осталась.

И вот покатилося из конца в конец: комната!.. кому комната!.. нужна комната!.. лишняя комната!.. отдайте комнату!..

Анюта. Куделину полагается кабинет!
Елена. Взрослой девушке полагается спальня!
Кассандра. Всем нормальным людям полагается отдельная квартира!
Елена. Куделин, доколе?
Паша. Вопрос решается! Впереди расселение! Все под контролем!
Сокольников. Ну, вот снова. Зачем?..
Все. Комната!.. Квартира!.. Комната!.. Расселение!.. Квартира!.. Комната!..

Резкие звонки от входной двери заставляют всех замолчать. Кассандра открывает. Входит Бугор. Отстраняя Кассандру, по-хозяйски проходит к двери Кирьянова. Дергает ее, дверь не поддается.

Бугор. У кого ключ?
Кассандра. А вы кем ему приходились?
Бугор. Двоюродный кисель на троюродной воде. Открывай!
Кассандра. Почему вы мне «тыкаете»? Что это значит?
Бугор. Мое вам с кисточкой!.. (*Расшаркивается*.) Задолжал он мне, что, непонятно?
Галемба. Да-да-да!.. Все понятно. Предъявите расписку.
Бугор. Какую расписку? У нас дела были без бумаг. По понятиям... На слово. Деньги — товар.

Сокольников (*радостно*). Товар — деньги!
Галемба. Но дальше без формальностей не обойтись, я вас уверяю.
Бугор. Вот я и говорю! Надо составить опись. Поискать... Ведь с кем-то же он делился. Кому он доверял?
Сокольников. Мы все тут доверяем одному человеку — князю.
Бугор. Какому князю?
Елена. Что вы несете, старый идиот!..
Сокольников. Но мне же вы не доверяли?
Анюта. Вот князь!
Бугор. Ты князь? Это что, кликуха?..
Кассандра. Оставьте его в покое! Мальчик болен! Ему предстоит операция!
Елена. Уж князя-то вы не получите!
Галемба. Приходите с милицией. А сейчас — адье!
Бугор. Погоди, погоди! Ты кто тут?..
Галемба. Ты уже спрашивал! Два раза повторять не намерен!
Бугор. Ну, я не могу!.. Кто это?..
Галемба. Конь в пальто!
Бугор. Ну, погоди у меня!.. Князь! В твоих же интересах!.. Лучше дома! Скажи им!.. А то ведь придется на хате!..
Галемба. Что ты сказал?..
Бугор. Легче, легче!..
Галемба. Ты что, угрожаешь?.. Ему?..

Полукруг жильцов понемногу смыкается, Бугор оказывается прижатым к двери Кирьянова.

Елена (*выходя вперед*). А ты знаешь, что сейчас будет?.. Вот баллончик... Здесь нервно-паралитическое... Пахнет черемухой... Любишь черемуху?.. Одно твоё движение, и ты обвалишься на пол, как мешок отрубей... Потом мы тебя свяжем. Бельевой веревкой. А когда ты будешь лежать связанный, знаешь, что мы с тобой сделаем?.. Я, например, если все отвернутся, помочусь на тебя... (*С усмешкой оглядывает соседей.*) Я такая... Отчаянная! За князя на все готова...

Вперед выходит Соня. В руках у нее миска с борщом, которую она протягивает Бугру. Тот принимает. Лицо ее одухотворено, глаза горят.

Соня.
О, что за гордый ум сражен! Вельможи,
Бойца, ученого — взор, меч, язык;
Цвет и надежда радостной державы,
Чекан изящества, зеркало вкуса,
Пример примерных — пал, пал до конца!
А я, всех женщин жалче и злосчастней,
Вкусившая от меда лирных клятв,
Смотрю, как этот мощный ум скрежещет,
Подобно треснувшим колоколам,
Как этот облик юности цветущей
Растерзан бредом; о, как сердцу снесть:
Видав былое, видеть то, что есть.

Бугор в продолжение монолога ведет себя все более и более беспокойно, нервно ест борщ, переводя глаза с одного лица на другое, ища разгадки, сочувствия и, наконец, выхода. Не найдя ничего, охваченный страхом, он прорывает плотный заслон из жильцов и опрометью бежит к выходу.

Бугор (от двери). Я вернусь еще! Клянусь! Век свободы не видать! Князь, готовься!.. Вернусь не один!.. Поедешь на хату! (У двери жадно доедает борщ, ставит миску на пол и исчезает.)

Все стоят полуколячом, будто парализованные. Галемба обнимает Соню и гладит ее голову, лежащую у него на плече.

Галемба (негромко). Бедная моя... Как ты себя чувствуешь?

Соня. Хорошо.

Галемба. А ему твой борщ понравился.

Соня. Только, я думаю, он уже остыл.

Галемба (оставляя Соню). Братья и сестры... (Пауза.)

Сокольников (просветленно, вполголоса). К вам обращаюсь я...

Кассандра. Чш-шш!..

Галемба. К вам обращаюсь я, друзья мои... (Почти шепотом.) На баррикады!..

Все. На баррикады!.. На баррикады!.. На баррикады!..

Елена. Руки прочь от князя!

Все. Прочь! Руки прочь! Бугор не пройдет!..

Все расходятся по своим комнатам.

Галемба (Авеля). Понимаешь, свобода — свойство или коренное, или благоприобретенное. По природе и воспитанию я не свободен. Да чего там, я трус!.. Моя свобода наигранная. Я годами могу дремать в состоянии полусвободы. Вялого оживления. Но меня, понимаешь ли, можно разгоношить, растормошить, разозлить до состояния свободы! О-о, тут я страшен! Тут я неукротим! Князь — ты моя свобода! Я ставлю на твое сердце! Я тебе обещаю! Ты выживешь — и я буду жить!

Елена садится к роялю и играет финал фортепьянного концерта Чайковского. Или что-то иное. В холле начинается движение мебели. Жильцы тащат из своих комнат все, что попало под руку, и ставят возле входной двери.

Затемнение.

Так выглядит лагерь беженцев, или городская площадь в ночь землетрясения, или платформы метро, ставшего бомбоубежищем. Вот во что превратился холл в этот поздний час в результате призывов к сопротивлению. Кресла и раскладушки, диванчики и шезлонги так или иначе, с разной степенью комфортности служат жильцам, устроившимся здесь на ночь. Майя спит, свернувшись калачиком на диванчике-рекаме, положив голову на колени Авеля. Елена полулежит в кресле. Супруги Куделины, Паша и Анюта, устроились на узкой тахте валетом. Ну, и так далее. Почти все в своей дневной одежде. Лишь Паша Куделин облачился в халат с кистями.

Миг — и вся эта куча мебели, взгромодившаяся друг на друга, превратится в грозные баррикады, в непроходимый заслон.

А пока звучит меланхолическая, тихая музыка из репертуара ночных радиопередач. Предпочтительней — джаз. Впрочем, уже близко утро, а кое-кто еще не сомкнул глаз.

Галемба (Соне). Как я тобой любовался, как ты была прекрасна в роли повелительницы борща!..

Соня (сонно). А я и не чувствовала, что я в роли. Зачем ты так говоришь?.. Мне было легко и приятно.

Галемба. Вот так и нужно жить!.. Без фальши, без натуги. Вы посмотрите на Авеля. Он абсолютно равен себе самому. Князь и князь...

Елена (любуясь). Хорошая пара.

Галемба. Потому что от сердца.

Пауза. Джаз.

Елена (вздыхает). Не у всех получается.

Галемба. Да! Этому надо учить! Я понял, чем я буду заниматься, ты знаешь. Вот достойное дело! Помогать людям освобождаться от не свойственной им роли. От надуманного поведения. От заблуждений. Мы откроем студию! Мы учредим ООО!

Елена. О-о!.. Это что-то новенькое... Спер? Или ноу-хау?

Галемба. Да! Мое!.. Выстраданное... Раньше я как режиссер создавал, воплощал, собирал, надувал образ! Теперь я протыкаю пузыри! Пш-шик!... И пусто! Мы движемся в обратном направлении! К натуре!.. К естеству, а значит, и к правде естественного поведения! К черту роли!.. Долой маски!.. И называется это... знаешь как?

Елена. Как?

Галемба. Раз-во-пло-щение!..

Анюта. Дадут поспать?

Галемба Чш-шши!.. (Елене, вполголоса.) Пиши рекламу! Психологический тренинг. Развоплошаю! Освобождаю от роли!.. Снимаю маски...

Елена. И личины! Да?

Галемба. Правильно. Снимаю наигрыш. Корректирую поведение.

Пауза. Джаз.

Елена. Уроки искренности. Это я буду давать.

Галемба. Ты тоже хочешь?

Елена. Да, у меня есть наработки...

Галемба. Это тебе не носы вытирать!.. Вывод из заблуждения.

Елена (после паузы). Выход из блуда?

Галемба. Только без пошлости!.. Указываю выход из тупика. Из ловушки. Из заблуждения. Поняла?

Елена. Поняла. О, сколько людей будет нами осчастливлено!.. Начинать нужно с ближнего круга. Вот Сокольников.

Пауза. Джаз.

Галемба. Тяжелый случай... Ведь он вбил себе в голову, что он революционер. (Пауза.) Сокольников!..

Сокольников (пробудившись от сна). Да!.. Они пришли?

Галемба. Нет еще. Сокольников, общество справедливости и полного равенства возможно?

Сокольников. Да! И мы его строили!..

Галемба. В одной отдельно взятой стране?
Сокольников. В авангарде всего прогрессивного человечества!.. Неведомыми тропами... Неожженными путями...Пока не пришел этот... *(Изображает.)*
Галемба. Ну вот видишь?.. Отдыхайте, Сокольников.
Елена. Глубокий обморок сирени.
Сокольников *(устраиваясь поудобней)*. А сейчас я мечтаю о счастье и процветании в отдельно взятой квартире. *(Засыпает.)*

Пауза. Джаз.

Галемба. Жизнь соткана из сплошных заблуждений. Люди живут в ирреальном, вымышленном мире. Один мнит, что он политик, другой — что он полководец..
Анюта. Слушайте, только заснула!
Галемба. Да, извините! Мы забыли, что Павел Петрович отдыхает.
Елена *(шепотом)*. Третий — что он режиссер!..
Галемба. Ну ты не можешь без под... начки.
Елена. Прости, сорвалось.

Пауза. Джаз.

Это мечта.

Галемба. Что?
Елена. То, что ты хочешь у них отобрать. Мечта... Крылья воображения... Это опасно. Ты когда-нибудь видел крылья без бабочек... тьфу!.. Бабочку без крыльев?.. Мерзейшее существо! Страшней таракана..
Анюта *(приподымаясь)*. Пузо на тонких ножках!.. *(Фыркает.)*
Кассандра. Бабочка рождается с крыльями.
Паша *(спросонья)* Что?..
Анюта. Спи, дорогой.
Галемба. Закрой крылышки...

Пауза. Джаз.

Елена. Мечта присуща мыслящему существу от рождения! Светлая греза!.. А некоторые ее обрывают.
Галемба. Это ты, мерзкая девчонка, в детстве обрывала бабочкам крылья!..
Елена. Не было этого! Врешь!..
Галемба. Тогда почему ты знаешь, как они выглядят!
Елена. Вообразила! Бабочки, вы хотите остаться без крыльев?
Анюта. Нет! Только не это!..
Кассандра. Нет-нет, лучше, как есть!..
Елена. Теперь ты понимаешь, что ты хочешь отобрать у человека с помощью своего тренинга? Нет, Галемба, это дохлая идея. Люди к тебе не пойдут. Кто ж захочет стать тараканом!.. Люди, вы хотите жить без мечты?..
Кассандра. Никто на это не пойдет.
Галемба. Мы с Соней будем жить правдой. *(Обнимает ее.)*
Сокольников. Без мечты невозможно. Владимира Ильича называли «кремлевский мечтатель».
Галемба. Дороговато эта мечта нам обошлась, дороговато!.. Эта его греза...

Е л е н а . Господа, если к правде святой
Мир дороги найти не умеет,
Честь безумцу, который навевает
Человечеству сон золотой.

С о н я . Это Беранже?

Г а л е м б а . Да, моя дорогая... Соню не трогайте... *(Заслоняет Соню.)*

С о н я *(спросонья)*. Все-таки я была в полете... Да, милый?..

Г а л е м б а . Да, моя прекрасная. Спи.

Е л е н а . Муха тоже была в полете.

Г а л е м б а . Она нам завидует. Она сама играет одну и ту же роль и не может из нее
выйти.

Е л е н а . Это какую же?

Г а л е м б а . Благонравной respectable дамы. А на самом деле...

Е л е н а . А на самом деле?..

Г а л е м б а . А на самом деле...

Елена снимает тапку. Галемба со смехом убеждает от нее. С тапкой в руке она гонится за ним.

А н ю т а . Ну, вы уж совсем!..

Е л е н а . Убью!..

П а ш а . Что такое?.. Тревога?

А н ю т а . Интеллигенция разыгралась...

Раздается звонок. Все переглядываются. Звонки повторяются. Все встают и, подхватив свою мебель, несут или двигают ее к входной двери.

Г а л е м б а . Тяжелые вещи вниз, легкие наверх!..

Звонки сменяются стуком, стук — снова звонками.

Г о л о с а . Выше! Выше!.. Дайте я помогу!.. Подержите, пожалуйста с краю!..

Е л е н а . Баллончики — к бою!

А н ю т а . Швабры — к бою!

С о к о л ь н и к о в . На мне, как договаривались, огнетушитель. *(Достает из-под раскладушки.)* В порядке самообороны...

Г а л е м б а . Тише, тише!.. Применять по команде!..

Напряжение нарастает, грозя перейти в панику, и когда наступает общий гвалт, Авель вдруг скидывает руки.

А в е л ь . Тише!.. Прошу тишины!.. *(Прислушивается.)*

Из-за двери слышна женская речь.

Это бабушка!..

К а с с а н д р а . Дарико!

Авель принимается отодвигать вещи от двери. Все приходят ему на помощь. И вот в открытую дверь входит Бабушка. В руках у нее две сумки.

Бабушка. Мальчик мой!..
Авель. Бабушка!

Она роняет сумки и горячо обнимает Авеля. Под руку подворачивается и Кассандра, подруги обнимают друг друга, целуются. Авель усаживает Бабушку на диван, садится рядом с ней. Далее они на короткое время переходят на грузинскую речь, богато украшенную пламенными восклицаниями, жгучими междометиями, пылкими жестами и сиянием глаз. Случается и так, что Бабушка к Авелю обращается по-русски, а по-грузински — к Кассандре.

Бабушка. Ты получил приглашение профессора Чкония?
Авель. Нет!..
Бабушка (Кассандре). Вах!.. Он не получил приглашение профессора Чкония! У тебя с ним завтра встреча!..
Кассандра. Как!.. Кто брал почту?..
Бабушка. Что за почта у вас!.. Междугородная телеграмма пришла скорее.
Галемба. Международная!.. А у нас сарафанная! (Елене.) Посмотри у себя в сарафане.
Елена. Что за дела!.. Ничего я не видела... Но, конечно же, посмотрю. (Уходит.)

Тем временем по инициативе и под руководством Анюты в холле накрывается стол. Она вносит электросамовар. Расставляются чашки с блюдами. Каждый бежит к своему холодильнику и приносит что-нибудь из еды.

Соня. Это — сыр! Названия я не знаю. Продавался просто как «Сыр»!
Сокольников. Дырочки есть?
Соня. Есть.
Сокольников. Ну, значит, без обмана.
Елена. Да, вот конверт! (Отдает Кассандре.) Я очень сожалею. Но я не виновата. Прошу меня простить. Но я ни при чем. (Оборачиваясь к столу. Торжествующе.) Зато у меня — пирожки с ливером!
Сокольников. У меня имеется «Завтрак туриста», восхитительное питание, если намазать на хлеб. И с горячим чаем!.. (Закатывает глаза.)
Анюта. А мы, так уж и быть, ставим банку из набора. Да, Паша?.. Вот: икра лосося! Это у Паши в ассоциации наборы бывают. А он там вице-президент.
Елена. Сто раз слышали.
Бабушка. Вот лаваш... Передай, Авель. Вот брынза... Вот зелень. Это тебе, мой дорогой!.. (Передает Авелю полиэтиленовый пакет с мандаринами.) Угости всех!..

Анюта разливает чай.

Как я вам благодарна! Какие вы прекрасные люди!..

Авель обходит всех и каждому дает мандарин. Последний достается Майе. И как-то само собой в застольный шум, в гул голосов вплетается тихое пение — грузинское многоголосье.

Через короткое затемнение это же песнопение крепнет, овладевает пространством. Все стоят живописной группой посреди холла — в центре Авель в кресле. Рядом с ним в вечернем, почти свадебном платье Майя. Она даже в белых перчатках, в руках у нее —

мандарин. Постепенно он рдеет — внутри него загорается свет. Можно даже подумать, что это сердце.

Сверху доносится голос, и тогда пение стихает, но не прекращается.

Г о л о с .

Если ты брат мне, то спой мне за чашею,
И перед тобой на колени я грянусь.
Здравствуй же, здравствуй, о жизнь сладчайшая,
Твой я вовек и с тобой не расстанусь...

Дальше стихи Тициана Табидзе читаются по-грузински. Мужчины поднимают кресло с Авелем и медленно несут его к авансцене. Голос звучит, и песня звучит. Они тоже поют.

Г о л о с .

Где виноградникам счет, не ответишь ли?
Кто насадил столько разом лозины?
Лучше безродным родиться, чем детищем
Этой вот родины неотразимой.

С ней мне и место, рабу, волочащему
Цепью на шее за несказанность.
Здравствуй же, здравствуй, о жизнь сладчайшая,
Твой я вовек и с тобой не расстанусь.

(Перевод Бориса Пастернака)

Занавес.

Татьяна БЕРЕЗЮК

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

Повесть

1. Морозная ночь

Зима 1886 года выдалась снежная и морозная. Небольшую деревеньку Проскудинку засыпало чуть ли не до самых крыш. Стоит она, утопая в снегу, лишь натоптаны от дома к дому узкие тропинки, да широкой полосой лежит наезженный санный путь. Иной вечер глянешь: кажется, вымерла деревня. Приглядишься, ан нет. Тянутся над избами высоко вверх тонкие струйки дыма, да мерцают за заиндевелыми окошками тусклые огоньки зажженных лучин. Месяц плывет по небу и с любопытством заглядывает в окна домов.

Первой в деревне стоит ладная изба, с фигурным коньком на крыше. В углу сидит сам хозяин, починая лапти и напеваает незамысловатую песенку. На полатах, высунув босые пятки из-под тулупа, лежат мальчишки-погодки.

— Видал! — достает младший Егорка из подклада одежды старую дедову блесну, обтянутую рыбьей кожей. — На нее по весне такая рыба клюнет, ты и во сне такой не видывал.

— Где взял? — завистливо тянет старший Витька, рассматривая находку брата.

— Где взял — там нет! — бережно прячет Егорка свое сокровище.

— А я вот завтра на ярмарку сбегу! — тычет его кулаком в бок Витька, пытаясь отобрать блесенку. — А там Петрушка, кони с бубенцами, орехи и сбитень медовый, — говорит он, причмокивая губами от удовольствия.

— А я? — куксится младший, ловко уворачиваясь от брата и больно щипнув его.

— Мал еще! — шипит Витька, потирая руку, и отвечает Егорке хорошую затрещину.

— Я все тятке расскажу, — заливается тот слезами и лупит со всей мочи его ногами.

Они еще долго возятся, щедро раздавая друг другу тычки и затрещины, пока строгий отцовский окрик не останавливает их.

Ребята вмиг смиреют и, отвернувшись друг от дружки, обиженно сопят, пока не уснут.

В следующей избе усталая женщина качает деревянную люльку, поет колыбельную да прядет кудель. Рядом с ней, подогнув под себя босые ноги, сидит на лавке Маришка, девчушка лет восьми. Она водит по замерзшему окну пальцем. И когда на стекле появляется небольшой оттаявший кругляш, девочка, прильнув к нему, долго глядит на заснеженный двор, залитый голубым лунным светом.

— Муки всего пуд остался, — вздыхает мать. — Того и гляди, по людям придется идти кусочки просить, — смотрит она на хозяина, вяжущего из лозы корзины.

— Не мели попусту, — обрывает тот ее. — На ярмарке корзины продам, глядишь, и перетопчемся.

Татьяна Петровна Березюк родилась в 1984 году. По профессии экономист. Автор трех книг прозы для детей. Живет в Мурманске.

Не пропустил месяц и дом с красивыми резными наличниками на окнах. Там за столом сидит пышная, дородная купчиха, в народе прозванная Пузаниха. На плечи ее накинут цветастый платок, на шею поблескивает тугая жемчужная нить. На столе стоит блестящий самовар с висящей на нем связкой баранок и тут же рядом изящная вазочка с вареньем. Купчиха аккуратно набирает варенье маленькой серебряной ложечкой и кладет в рот, щурясь от удовольствия. Наливает в блюдце чай, долго дует на него и лишь потом пьет.

Напротив нее сидит рыжий щекастый мальчишка, уплетающий большой кусок ситного пирога.

— Ты бы, Петенька, книжку какую почитал, — обращается к нему отец, сидящий тут же с ворохом бумаг и деревянными счетами.

— Неохота! — потягивается мальчик и засовывает розовые пальцы в сахарницу.

Так и плывет месяц по небу — заглядывая то в один дом, то в другой.

Заглянул он и в избу Афанасия Васильевича, где возле окна склонилась над прялкой древняя старуха Акулина. Лицо ее изрезано глубокими морщинами. Волосы белым облаком окаймляют маленькую головку с острым подбородком. А глаза — ничуть не выцветшие. Они ярко-голубые, словно чистое весеннее небо.

— Опять холодает, — бормочет она и, зябко кутаясь в телогрейку, прислушивается к завыванию ветра за окном. — Уж скоро зима на лето переломится, а холодам конца не видать, — ворчит она. — Дожить бы до тепла.

— Доживешь, бабушка! — вскакивает с лавки мальчишка лет десяти и крепко обнимает старуху.

— Даст бог, и поживу еще, — смеется та.

В избе все уже давно спят, лишь они одни полуночируют, но вскоре и они сдаются.

— Смотри деда не потревожь, — ворчит старуха, заползая вслед за внуком на печь.

Изба Афанасия Васильевича погружается в тишину, лишь едва слышно, как в углу тихонько скребется мышь да потрескивают стены от мороза.

Вдруг сквозь сон до мальчика донесся скрип шагов под окнами. Открыв глаза, он долго прислушивался к пугающим звукам.

— Бабушка! — наконец позвал он Акулину.

Та, повернувшись на другой бок, пробормотала:

— Спи ты, окаянный!

Иван перелез через нее и соскользнул на пол. Сунув ноги в дедовы валенки, схватил тяжелый хват и выскочил во двор.

То ли от морозного воздуха, то ли от таинства ночи у него перехватило дыхание.

Звезды, рассыпавшиеся по небосклону, мерцали в ночной тишине. Снег серебрился в лунном свете, а заиндевелые деревья стояли словно хрустальные.

За баней мелькнула белая рубаха его матушки. Она накладывала снег в кадуюшку да приговаривала:

— Месяц ты, месяц, золотые твои рожки! Взгляни в окошко, подуй на опару.

Иван облегчено вздохнул и вернулся в избу. Он знал, что чуть позже мать поставит на снежной воде опару. Ведь завтра широкая Масленица! Издревле полагается встречать ее блинами.

2. Масленица

Иван проснулся рано. Вместе с сытным запахом блинов в воздухе витало ощущение праздника. Оно чувствовалось в вычищенных до блеска стенах, вымытых окнах, разноцветных половиках, устилающих пол, и особой суеде, наполняющей дом. Акулина с матерью бегали из избы в сени то за сыром, то за сметаной, то за медом.

Громко хлопнув дверью, вошел с мороза румяный отец.

— Блинцы, блинчики, блины, — пробормотал он, с удовольствием разглядывая аппетитную горку, высящуюся на столе.

Увидев сына, щелкнул его легонько по носу.

— Ныне, Ванюша, не поедем на ярмарку. Сани поломались.

Внутри мальчика все перевернулось. Ведь еще с прошлого года упрашивал он отца. Очень уж хотелось поглядеть на Петрушку да на ученого медведя. Скатиться с высокой ледяной горки, попробовать горячий сбитень, каленые орехи и медовые пряники...

— На всякое хотенье должно иметь терпенье, — сказал отец, усаживаясь за стол.

А Ивану страсть как хотелось поехать! Так сильно, что все вдруг перестало радовать его. И солнце потускнело вмиг, и снег перестал серебриться.

Съев блин, он вышел на улицу. Там их сосед Трифон сани ладил.

— Хочу своим подарков прикупить, — подмигнул он мальчику.

От этого настроение у него испортилось еще больше, зато прибавилось решимости любым способом попасть на ярмарку. Улучив момент, когда Трифон отошел, он лихо запрыгнул в розвальни и зарылся в душистое сено.

— Куда лезешь! — зашипел кто-то на него и больно лягнул ногой.

— Тише ты! — прошептал Иван, с досадой потирая ушибленную ногу. — Тебе ж тятка запретил на ярмарку ездить! — узнал он соседского Витьку.

— А мы сами с усами! — огрызнулся тот.

В школе Витька слыл первым хулиганом. Он очень гордился тем, что меж зубов у него была щель и в плевках ему не было равных. Частенько задирали он Ваню, бывало, и дрались, но сейчас они вынуждены были лежать смиренхонько, чтоб не выдать себя.

Подошедший крестьянин не заметил их и ловко взнуздal лошадь.

— Но, хорошая!

Заскрипели полозья по снегу, зазвенели колокольчики на сбруе, запрыгали сани на ухабах. Чем быстрее мчалась лошадь, тем радостнее становилось на душе у Ивана. Все ближе медведи, пряники и крутые ледяные горки. Он крепко сжимал в кулаке блестящий пятак, который прошлой осенью нашел на дороге. Тятка разрешил себе оставить, и Ваня пуще прежнего берег его и не раз перепрятывал.

Наконец сани остановились. Ребята высунули из сена кудлатые головы. Атмосфера праздника тут же захватила их, и они, позабыв о прежних обидах, влились в пеструю, гудящую толпу.

Отовсюду раздавались оживленные разговоры и смех. Куда ни глянь, дымились блестящие самовары, стояли лотки, возле которых продавались горячий сбитень, сласти, орехи, пряники, а блины выпекали прямо на улице. То и дело проносились разукрашенные лентами сани, в которых сидели румяные бабы и веселые мужики. Невдалеке показывали настоящего медведя.

— Народ честной, подходи, на медведя ученого погляди, — кричал сергач, приглашая публику на представление. — Медведь наш непростой, с королевской отметиной, — усердствовал он.

Мальчишки подошли ближе. На груди у мохнатого зверя и вправду виднелось белое пятно, формой напоминающее корону.

— Ишь ты! — подивился Витька. — И правду царская метка.

— Ну что, Михайло Иваныч, родом знатный боярыч, потешим честную публику, — весело крикнул сергач косолапому. — А ну-ка покажи нам, как девица блины пекла да возле печки угорела и у нее головушка заболела.

Тот нехотя начал показывать, как он переворачивает блины с одной стороны на другую. А потом, схватившись за голову, заревел да на бок повалился.

— Ай да Михайло Иваныч! Ай да молодец! — хвалил его мужик. — А теперь покажи нам, как ребята репу воруют.

Косолапый валялся на снегу и не торопился вставать.

— Что ж ты, господин Топтыгин, меня перед публикой честной срамишь, — рассердился хозяин и с силой дернул за цепь, крепившуюся к железному кольцу, продетому в нос зверя.

Медведь взревел, ухватившись лапами за морду.

— То-то же! — довольно сказал он. — У меня не забалуешь!

Собравшиеся хохотали, держась за животы.

Один лишь Иван отчего-то хмурился.

— Пошли отсюда, — потянул он Витьку за рукав.

— Погодь ты, тут самое веселье началось, — отдернул тот руку.

Иван отошел в сторонку.

А медведь еще долго кривлялся. То показывал, как старухи на богомолье идут, то как девки молодые в зеркало смотрятся, то как бабы в бане парятся. И каждое новое действие вызывало бурный взрыв смеха.

После того как представление окончилось, Витька подошел к Ивану.

— Ты чего ушел-то? — спросил он его.

— Ничего! — буркнул мальчик, не желая признаваться в том, что он пожалел животное.

— Давай лучше по прянику, — предложил он, нащупывая в кармане заветный пятак.

— У меня грошей нет, — мотнул головой Витька.

Иван вздохнул и купил у лоточника два медовых.

Теперь у него осталось две копейки — как раз, чтоб скатиться по разу с горки.

Возле крутого спуска уже вовсю шла потеха. Счастливицы неслись вниз под одобрительное улюлюканье собравшихся.

Когда подошла их очередь, Иван засунул руку в карман и, к ужасу своему, обнаружил всего одну монетку. Пока он искал вторую, их оттеснил стоявший за ними щекастый мальчишка.

— А ну посторонись! — оттолкнул он их и высыпал в ладонь собирающему деньги мужику целую горсть звонких монет.

— На все! — важно сказал он и, плюхнувшись на расписные санки, со свистом помчался вниз.

— Дяденька, а двоим за одну копейку можно скатиться? — жалобно спросил Витька.

— Иди отсюда, мальчик! — ответил ему тот, недобро посмотрев.

Они еще долго с тоской смотрели на других ребят.

Иван так и не смог решить, кто из них покатится с горы, и обрадовался, когда увидел в толпе знакомую девочку из деревни.

— Маришка! — помахал он ей.

Ребята пробрались к ней.

— Держи, — протянул ей Иван копейку.

Девочку не пришлось упрашивать. И вот она уже летит с громким визгом вниз.

— А вы с кем приехали? — спросила она, отдышавшись. Ванька неопределенно махнул куда-то в сторону и тут же с испугом посмотрел на Витьку.

Только сейчас он сообразил, что на улице начало смеркаться и Трофим, скорее всего, уже дома, на печи греется. Не попрощавшись с девочкой, они бросились туда, где стояли его сани. Там никого не было, только, усталые лоточники собирали товар и подсчитывали прибыль.

— А все равно хорошо! — неожиданно рассмеялся Витька.

Иван тоже захохотал.

Мимо проехала Маришка с отцом. Увидев ребят, она шепнула что-то отцу.

— Ну что, подвезти вас, хлопцы? — остановил он возле них лошадь.

Замерзшие мальчишки охотно залезли в сани. Пока они ехали, Маришка угощала их засахаренными орехами. На душе у Ивана было хорошо, лишь неизбежное объяснение с отцом омрачало радость.

В деревню они въехали, когда на небе зажглась первая звезда.

Иван с опаской вошел в избу. Тятка был в благодушном настроении и лишь ответил ему легкую затрещину, за слушание. Ваня, довольный, что избежал более сурового наказания, попил теплого молока, поел блинов и залез греться на печь.

От тепла его быстро разморило, но он еще долго боролся со сном. Хотелось хоть ненадолго продлить ощущение праздника.

А уж на следующий день Иван с друзьями накатался с горки от души. И пусть она была не такая высокая, как на ярмарке, но радости, пожалуй, было не меньше.

После он с мальчишками по дворам собирал дрова для большого масленичного костра. Кто старый плетень даст, кто испорченный бочонок, кто колесо сломанное — глядишь, и насобирали. А как за вечерело — запалили огромный костер да проводжали Масленицу, сжигая соломенное чучело. Просили друг у друга прощения и готовились к Великому посту.

3. Жаворонок

В начале марта ударили сильные морозы. Синицы, прилетевшие из леса, забились под стреху и носа оттуда не казали. Только и раздавалось их жалобное попискивание — мол, и здесь тепла нет.

После одной особенно морозной ночи обнаружил Иван во дворе жаворонка.

Тот сидел на земле и, даже когда мальчик подошел совсем близко, никуда не улетел.

Осторожно взяв птицу в ладони, он согрел ее своим дыханием. Та, негромко пискнув, приоткрыла черный глаз.

— Жива! — обрадовался Иван и помчался домой.

Дед, лежавший на печи, увидев птаху, заворчал:

— Чего удумал! Птицу в избу притащил. Да еще и не путнюю.

— Отчего же, деда, она не путняя? — удивился Ваня.

— Коли в холода, до Сорок, прилетела, значит, не путняя! — сердито сказал он.

— Все бы тебе, старый, ворчать, — взяла Акулина жаворонка в руки. — Следенел малый, — покачала она головой. — Но ничего! Бог даст — полетает еще!

— Он как запоет, как засвистит — сразу все холода разгонит, — воскликнул мальчишка.

— Так уж и разгонит? — улыбнулся дед. — Смотри вон, какая вьюга поднялась.

За окном, где только что светило солнце, теперь кружила белая поземка, и ветер завывал сердито в печной трубе.

А жаворонок вдруг неожиданно вывел длинную трель.

— Вот шельмец! — высунул голову с печи дед.

Иван рассмеялся, глянул в окно, а там опять голубое небо сквозь облака проглядывает.

— Деда, ведь он зиму-то прогоняет!

— Раз такое дело, пушай тогда живет до тепла! — разрешил старик.

Жаворонок в избе быстро освоился. Дразнил кота, гонялся за первыми мухами, выпрашивал хлебные крошки у Ивана. А к середине марта настолько окреп, что его

уже можно было выпустить на волю. Сделать это решили на Сороки. Акулина верила, что в этот день весна с зимой встречается и возвращаются домой все жаворонки.

С утра она напекла печений в виде птиц и, по старому поверью, в одно из них положила монетку. Кому она попадет — тот может загадывать желание, обязательно оно сбудется. Ивану очень хотелось, чтоб птичка с монеткой досталась именно ему.

— Да ты погодь, — легонько ударила она его по рукам, когда тот потянулся за печеньем.

— Дело у нас одно важное осталось, — сказала она и распахнула окно.

Жаворонок, почувствовав свежий воздух, слетел из-под матицы и сел на створку.

Пропел свою звонкую песню, поклонился, как будто на прощание, и взмыл ввысь.

— Ишь, как колокольчиком, звенит-заливается! — улыбнулся отец, щурясь на солнце.

День выдался по-настоящему весенний, и Акулина после обеда отправила Ваню в лес — за брусничным листом. В деревне она слыла травницей — любую хворь могла выгнать. И стар и млад к ней за советом шли.

В лесу было свежо и пахло настоящей весной. Иван пробирался сквозь деревья, прислушиваясь к весенним звукам. Среди веток ругались синицы, сновали по стволам любопытные белки, роняя шишки ему под ноги, где-то в глубине леса трещал глухарь.

Увидев нагретый солнцем сухой пригорок, мальчишка скинул тулуп. Закинув руки за голову, он лежал на нем, рассматривая, как белые барашки облаков медленно плывут в синеве неба. На душе было радостно. Он и сам не знал отчего. Может, оттого, что в воздухе ощущался тонкий весенний аромат, который ни с чем не спутаешь. А быть может, оттого, что именно ему сегодня досталось печенье с монеткой.

Позади него хрустнула ветка. Обернувшись, Иван увидел Маришку. Они не виделись с Масленицы. Иногда вспоминались ему ее смешливые глаза, но он тут же кривился:

— Да ну этих девчонок! Буду я еще думать о них!

— Тебе чего? — вместо приветствия буркнул он, рассматривая ее исподлобья.

Золотистые прядки волос выбились у нее из-под платка. А голубые глаза смотрели на него внимательно и немного насмешливо.

Вместо ответа девочка достала из кармана печенье в виде птички.

— В прошлом году сестрице моей досталась монетка, а в позапрошлом братцу. В этот раз точно мне попадет, — сказала она и, закрыв глаза, слегка надломила его. — Ну что, есть? — спросила Маришка с надеждой, не открывая глаз.

Птичка оказалась внутри пустой. Немного помедлив, Иван достал свою счастливую копейку и быстро положил ее в образовавшийся разлом.

— Есть! — сказал он.

— Неужто есть? — не веря, переспросила его девочка.

— Да, есть! Есть! — пробурчал он и, не попрощавшись, накинув тулуп, побрел домой.

«И зачем я это сделал?» — ругал он себя по дороге.

Вдруг, как это обычно бывает ранней весной, налетел злой, колючий ветер. Разогнал белые барашки облаков и пригнал серую тяжелую тучу. Морозящий холодный дождик посыпал с неба, и Ваня скорее помчался домой, перепрыгивая с одной освобожденной от снега прогалины на другую.

А уже вечером, когда Иван задавал корм скотине, во двор вошла Маришка.

— Держи! — протянула она ему монетку.

— Зачем это? — удивился мальчик.

— Представляешь, — затараторила она. — Мне сегодня в печенье попало две копейки. А мамка сказала, что она две не клала. Не иначе, чудеса какие. Я решила одну тебе подарить. Бери, — положила она в его руку монетку.

Та лежала на ладони мальчика и как будто посмеивалась над ним, тускло поблескивая знакомой выщербинкой, которую он оставил на ней утром зубами.

4. Весенние заботы

В апреле все отчетливее ощущается весна. Ночью еще прихватывает морозец, но к утру начинается оттепель. Местами уже распушилась верба, а на полях зазеленела озимь.

Снега уже не осталось, и по земле, наполненной влагой, похаживают черные грачи, прилетевшие домой еще в марте. Рядом с ними, тоненько посвистывая, всегда вьются галки. С каждым днем все больше птиц возвращается в окрестные леса.

— Слышишь? — бывало, прислушается отец к громким трелям.

«Тивт-тивт, твирь-твирь».

— Зяблики прилетели! — узнает он их песню. — Громко поют. Знать, лето погожее будет.

А в другой день различит:

«Цири-цири, цель-цель», — признает он дрозда.

Через неделю лес станет еще оживленнее:

«Чертек-чертек-тек», — щелкает горихвостка.

«Варак-варак», — ворчит варакушка.

А как только услышит тоненькое «Цирли-цирли, цити-цити» — сразу определит песню трясогузки. Выйдет к реке, а она там по льду скачет, хвостиком трясет.

— Ишь, разбегалась! Знать, скоро ледоход жди, — улыбнется он.

И все подмечает отец крестьянским глазом, любую перемену в природе.

С приходом весны забот у него прибавилось — то оборвавшуюся конскую сбрую подшивает, то борону чинит, то соху ладит. Готовит хозяйство к посевной.

А бывает, в полдень, когда солнце греет почти по-летнему, сядет на крылечке, сорвет сухую былинку и долго ее жует, о чем-то задумавшись.

Крестьянские думы просты и безыскусны — взойдет ли озимое зерно, хватит ли хлеба до нового урожая, поднимется ли лен, не подтопит ли паводок...

Да и как тут не думать? Хозяйство у них большое, справное. Дом крепкий, изба просторная. В хлеву корова Машка стоит с телком, пять овец да десяток кур с горластым петухом во главе. В сарае кобыла Метелица.

В прошлом году отяжелела она и ныне одним погожим весенним утром разродилась жеребенком. Назвали его Прошкой.

Прошка быстро окреп и на второй день уже бегал возле мамки — длинноногий, любопытный и озорной. Нрава он был веселого и игривого.

— Ты погоду его гладить-то. Погодь, — учил отец Ивана, когда он пришел в первый раз глянуть на него. — Пусть пообвыкнется покамест.

Жеребенок настороженно посмотрел на мальчика и спрятался за мать.

Ваня протянул ей черствую корку. Та радостно мотнула головой и ткнула губами в его руку. А Прошка, прильнув к вымени, долго сосал молоко, искоса поглядывая на незнакомца. Ваня наблюдал за ними, и что-то доброе рождалось у него в груди.

В следующий раз, когда он пришел подкинуть сена Метелице, жеребенок смотрел уже не так настороженно, только прядал ушами и ближе жался к матери. В этот раз мальчику удалось незаметно провести рукой по его теплому боку. Жеребенок вздрогнул и тихонько заржал.

— Бери, — протянул он Метелице сухую корку черного хлеба.

В третий раз, когда он угостил ее кусочком сахара, Прошка, подражая матери, тоже ткнулся губами в его ладонь. Улыбнувшись, Иван потрепал его по загривку. С тех пор и началась их крепкая дружба.

Как завидит он мальчишку, так и прыгает радостно вокруг него, смешно выкидывая в сторону тонкие коленца.

5. Чем человек не птица

Однажды забрел к ним в избу коробейник — странствующий торговец.

— Ленты, платки, лубки, игрушки, сласти, — нараспев предлагал он товар, выкладывая его на лавку.

Акулина выменяла на лукошко яиц книгу — жития святых.

А Ивашка, среди прочего добра, заметил лубочную картинку, на которой мужик с привязанными к нему деревянными крыльями прыгал с колокольни.

— Это Никитка, боярский холоп, — пояснил торговец, заметив интерес мальчика. — Хотел, как птица, в небе летать, — рассмеялся он.

— И получилось? — спросил Иван.

— А пес его знает! — ответил он. — Если брать будешь — за три копейки отдам.

Мальчишка покачал головой — у него не было таких денег.

— Ну, на нет и суда нет, — пожал тот плечами, убирая картинку в короб.

— Неужто полетел этот Никитка? — все допытывался он у Акулины, когда коробейник ушел.

— С чего бы это человеку, как птице, летать? — подивилась та. — С высоты такой сверзишься — косточки потом не соберешь. Лучше почитай мне, Ванюша, — придвинула она к нему книжку.

Сама она не умела, но очень любила, когда Иван читал ей вслух.

Мальчик послушно открыл книгу, но мыслями он был далеко.

«А может, и мне крылья смастерить?» — мелькнула у него мысль.

И так она его захватила, что не мог он уже ни о чем другом думать.

На следующий день, наскоро управившись с делами, задумался он, из чего же ему крылья изготовить.

— Деревянные тяжелые будут, перьев не напасешься, холста матушка не даст. Может, из старых мешков попробовать? — рассуждал он, рисуя веточкой на подсохшей земле.

— Верно! — обрадовался он этой идее и поскакал в глубь двора, распугивая бродивших кур.

Возле сарая нос к носу столкнулся с отцом. Тот ладил телегу к лету.

— Чего курей пугаешь? — нахмурился он. — Сходи-ка лучше лыка надери для лаптей. А то смотрю, без дела маешься.

Вздохнув, Иван побрел в сарай за корзиной.

По дороге в лес повстречался ему Витька.

— Айда на реку, — предложил он. — Тятка сказывал, что скоро уж лед тронется.

— А у тебя мешки найдутся? — задумчиво спросил его Иван, разглядывая летящего в небе жаворонка.

— Нет. А зачем?

— Крылья хочу смастерить. Чтоб летать.

— Прямо в небо? — недоверчиво посмотрел на него Витя.

— Ага! Вчерась коробейник заходил, так я у него картинку высмотрел, на которой холоп Никитка смастерил крылья, к себе привязал их и с колокольни прыгнул, — выдохнул он.

— И полетел?

— Не знаю, — пожал плечами Иван. — Может, и полетел.

— А давай у Петьки спросим, — кивнул Витька в сторону толстого рыжего мальчика, идущего к ним. — У его папеньки точно есть.

Петя — единственный сын купца Ермолая и купчихи Пузанихи. В деревне была у них лавка, в которой торговали они добром разным и слыли людьми зажиточными: чай пили из самовара, спали на перинах и в доме имели настоящую керосинку.

Ребята не особо жаловали мальчика за то, что был он малость скуповат да ябедничать любил. Бывало, попросишь его: «Петенька, поделись куском пирога», а Петенька лишь нос сморщит.

— А ты мне что? — только и услышишь от него в ответ.

Славился он еще и тем, что любил вкусно поесть. Особенно уважал расстегаи — пирожки печеные, с отверстием сверху, и всегда в кармане у него один да лежал.

За любовь его к этим пирогам и прозвали его Расстегаем.

— На ледоход идете глядеть? — поравнялся он с ними. — А я с вами пойду! — тут же добавил он. — Одному боязно! Да и тятка не велел. Сказывал, в том году одного бедолагу на льдине утащило. Нашли в пятидесяти верстах от дома озябшего да испуганного.

— Вот если достанешь пару мешков, мы и тебя с собой возьмем, — переглянулись мальчишки.

— Зачем это? — удивился Расстегай.

— Для дела важного! — подыграл Витя. — И кусок пирога с собой прихвати, — добавил он. — А то дело уж больно важное, перекусить не помешает.

Петенька недоверчиво смотрел на ребят, но любопытство все же взяло верх.

— Ждите здесь, — буркнул он и, неуклюже переваливаясь с боку на бок, побежал домой.

— И пеньку не забудь, — крикнул ему вдогонку Ваня.

Мысль о крыльях захватила его полностью, заставив позабыть про указ отца.

Вскоре появился Петенька с парой крепких холщовых мешков, мотком веревки и большим куском пирога.

— Держите, — отдал он им все, кроме пирога.

— Его сам делить буду! А то знаю я вас!

Ребята взобрались на высокий берег реки, уже оттаявший от снега.

Иван в задумчивости разглядывал песчаный склон, усыпанный сухими ветками.

Еще утром у него все так хорошо складывалось в голове, а сейчас он никак не мог сообразить, с чего же начать.

Витя с Петей шутили толкались и кидали вниз камешки — кто дальше докинёт.

— Ну, где там твое дело? — нетерпеливо спрашивал его Расстегай.

— Сейчас будет! — воскликнул мальчик и, спрыгнув с угора, помчался вниз.

Наломав тонких ивовых прутков, он вернулся к ребятам.

— И что это будет? — спросил Петя, разглядывая гибкие ветки.

— Да ты погодь любопытничать — скоро все сам увидишь, — ответил Иван.

Этими прутками мальчишки сначала укрепили боковины мешков. Потом прикрепили их к самому полотну, расположив по диагонали, придав конструкции жесткость. Из веревок скрутили крепления для рук.

Когда работа была закончена, Расстегай задумчиво почесал голову

— На крылья, что ли, похоже? Так ты что, как птица, летать надумал? — наконец сообразил он. — Ну, насмешил! Ой, не могу! — хохотал он.

— Живот не надорви, — буркнул Иван. — Помоги лучше надеть.

— А ну-ка помаши, Ванюша, крыльями, — уже вдвоем смеялись над ним ребята, когда он стоял, на краю склона, расставив руки в стороны, весь обвязанный веревками, перепачканный глиной, со всклокоченными волосами.

— Неужто получится? — думал он, не обращая на них внимания.

Улучив момент, когда подул ветер, Иван отошел от края и, разбежавшись, прыгнул вниз, крепко зажмурив глаза.

На мгновение ему показалась, что он взлетает, но сильный порыв ветра тут же закрутил его в воздухе, и, упав, мальчишка покатился прямо в оттаявшую полынью.

Подошедшие ребята помогли выбраться ему из реки.

— Все-то ты, Ивашка, выдумашь! — сказал Петька, поддев ногой поломанные крылья, валявшиеся на берегу. — Я думал, дело стоящее, а тут... — разочарованно протянул он.

— А ты небось пирог пожалел, — встал на сторону Ивана Витька.

— И пожалел! — заголосил тот. — Если бы на дело, то не жалко было бы, а тут... — сплюнул он на землю и побрел в сторону деревни.

Мальчишки тоже разошлись по домам.

В избе Ваню уже поджидал рассерженный отец.

— Что ты опять учудил? — схватил он его за ухо. — Уж вся деревня знает, как ты летать удумал.

— Да ты погодь! — убрала его руку Акулина. — Повинить всегда успеешь, а мальцу обсушиться надо, а то лихоманку подхватит, возись потом с ним, — ласково говорила она, стягивая с внука сырую рубаху и портки. — И как не убился-то? — качала она головой.

— Зачем крылья-то нацепил? — спросил его дед, когда он хлебал густые щи.

Иван пожал плечами. Что он мог ответить ему? Вот кабы получилось взлететь выше облаков, он бы им рассказал, а коли не вышло, о чем уж тут говорить, вздохнул он.

— Знамо, человек не птица! Где уж ему в воздух подняться. Теперича вся деревня над тобой потешаться будет, — продолжил дед.

— А ты, Ванюша, ни на кого внимания не обращай, — влезла Акулина в разговор. — Если бы не попробовал, то и не узнал бы, каково это, — сказала она ему.

— Ты, старая, воду-то не мути своими сказками-присказками, — заворчал дед.

— Оплошал наш Иван ныне. Пусть теперь в полной мере за все и отвечает.

Мальчик залез на печь и долго еще слушал, как перебранивается Акулина с дедом, и вспоминал тот самый первый миг, когда показалось ему, что он летит.

— А ведь почти получилось, — вздохнул он.

— Ну и чего вздыхаешь, — забралась на печь старуха. — Не спится, поди? Давай я лучше тебе сказку расскажу, мигом и уснешь. Раньше, помню, и до середины не дослушаешь — уже сопишь.

— Расскажи, — согласился Иван, глубже зарываясь в отцовский тулуп.

— А что ж тебе рассказать? — задумалась старуха. — Ты уж все сказки мои давно переслушал. Пстой-ка, одну-то я тебе еще не сказывала.

Под размеренное ее бормотание Иван задремал.

— Да ты уж спишь! — рассмеялась она.

— Не сплю, бабушка, — зевая, ответил мальчишка.

— Ну, слухай тогда. Высоко-высоко, куда птице не долететь, далеко-далеко, куда буланому коню не доскакать, там, где золотой рассвет встречается с закатом, стоит изба, — донесся до него сквозь пелену сна монотонный говор старухи.

Веки его отяжелели, и он почувствовал, как медленно уплывает сознание. Но сказка уж больно интересна — мотнул он головой, пытаясь стряхнуть навалившуюся дремоту. Открыв глаза, увидел Акулину, уронившую голову на грудь и тихо посапывающую.

А в углу избы мерцает огонек зажженной лучины, и по стенам от нее прыгают горбатые тени.

— Что это такое? — удивился мальчик, перелезая через спящую Акулину.

В углу, склонившись над рукоделием, сидела матушка.

— Чего это она за прялку взялась? — пробормотал он, вспоминая, что еще после Масленицы перенесли они из сарая ткацкий станок.

— Да и сарафан совсем не мамкин, и фигура не ее, — пригляделся он. — И изба на нашу не похожа. Да и не изба это вовсе, а высокий расписной терем с большим полукруглым окном, из которого льется мягкий свет. Возле него сидит женщина, тонкий стан которой обвивает платье, усыпанное жемчугами да яхонтами, а на голове кичка, расшитая золотыми и серебряными нитями.

На прялку вместо кудели намотан пучок солнечного света, падающий узкой полосой в окно. Тянет она из него светлую нить и наматывает на веретенце. Смотав клубок, она сняла его с веретена и кинула мальчику. Иван едва успел поймать его. Моток был совсем невесомым, и от него исходило едва заметное золотое сияние.

Женщина трянула широкими рукавами, и из них выкатились еще два клубка — голубого и серебряного цветов. Пересев за ткацкий станок и все так же ни слова не говоря, она принялась ткать из этих нитей полотно, искусно вплетая в него причудливые узоры. Вскоре в ее умелых руках полотно превратилось в два легких крыла.

— Держи, — протянула она их Ивану. — Но помни, не каждый может накинуть их себе на плечи.

Иван приладил крылья, и точно впору они пришлись ему. Взмахнув ими, он поднялся высоко в небо. Что-то торжественное наполнило его душу, сделало легким и невесомым. Долго летал он над полями и лугами, пока не услышал тихий голос Акулины:

— Ивашка.

Руки-крылья его вмиг налились тяжестью, и он камнем упал вниз.

Открыв глаза, увидел склонившуюся над ним бабушку.

— Ты чего это руками размахался? — улыбнулась она.

— Я летал, — прошептал он, все еще находясь под впечатлением от чудесного сна. — А наша земля сверху словно полотно узорчатое среди зеленых островков леса, темнеют синие пятна озер. А за ними ровными полосами желтеет поспевающая рожь, краснеет гречиха и голубой каемкой лежат поля, засеянные льном. То тут, то там виднеются серые крыши деревенских домов. Тонкими ниточками среди них выются дороги, и петляет змейкой голубая река. А над всем этим широким косяком летят белые гуси. И чем выше я поднимался, тем интереснее становился этот узор. Вот бы увидеть его весь целиком, — подумал я и замахал что есть сил. Но упал. Так и не смог целиком разглядеть, — с сожалением пробормотал Иван.

— Все еще будет, ягодка моя, — погладила его по голове Акулина.

6. Ледоход

Как-то утром Иван проснулся раньше обычного.

— Мне давеча всю ночь чудилось, что лед на реке трещит, так тонехонько-тонехонько! — услышал он разговор деда с отцом. — День-два, и уж тронется милый! Ох как тронется! — и, помолчав, добавил: — Помнится, по молодости я вот такого леща поймал в это время, — сказал дед и широко развел руки.

— Ну, ты мастер привирать, — усмехнулся отец в усы.

— Ей-богу, так и было! Я еще маленько и приуменьшил, — усмехнулся дед. — В другое время такую рыбу захочешь — а не поймает! Ох и билась она, ох и сопротивлялась. А как вытащил ее — так лед и пошел. Как на берегу оказался — не помню, видать, Бог миловал, — вздохнул дед.

Иван опять задремал, а когда вновь проснулся, услышал негромкое ворчанье деда.

— Я вам покажу, как деду не верить, — пробормотал он и, сердито нахлобучив шапку, вышел из избы.

Мальчишка соскочил с печи и, быстро натянув одежду, бросился за дедом. Очень уж ему хотелось посмотреть, как тот будет вытягивать огромную рыбину.

Старик сидел возле лунки и сосредоточенно смотрел на удочку.

— А тебя, окаянный, какие черти принесли? — заворчал он, увидев внука. — Вишь, как трещит! Ух, как трещит! — забеспокоился он.

Вдруг кончик удочки стремительно изогнулся. Дед мгновенно переменялся в лице. Глаза его загорелись азартным блеском.

— Не уйдешь! — задорно выкрикнул он, с усилием вытягивая тонкую лесу.

Рыба долго не хотела сдаваться, и старику пришлось изрядно с ней повозиться.

— Только не упусти! — ходил вокруг него Иван.

Наконец в лунке появилась большая голова леща с выпученными глазами, а еще через мгновение показался его серебристый бок, покрытой крупной чешуей.

— Вот так лапоть! — радовался старик. — Вот так удача!

Крупное тело леща извивалось на рыхлом льду. Размером он был с руку мальчика, а по весу тянул так на полпуда точно.

— Ну, пошли тятюку твоего удивлять, — сказал довольный дед и ловко закинул рыбу за спину.

Не успели они сделать и шага, как внизу что-то ухнуло, и лед под ними с протяжным гулом просел.

— Надо поторапливаться! Ох как надо! — закричал старик. — Сейчас уж тронется, — испуганно пробормотал он, ускорив шаг. — Поспевай! — кричал он Ивану. — Поспевай!

Тот еле шел, постоянно проваливаясь по щиколотку в выступившую воду. Вдруг раздался грохот, как будто рядом кто-то пальнул из пушки. Дед от неожиданности присел. А там, где они только что ловили, потянулась огромная трещина. По льду побежала вода. Сначала небольшими струйками, а потом и целыми ручьями.

— Тронулся, родимый! Тронулся! — радостно закричал дед. — Эх, чутка рано, чуть позже бы! — испуганно добавил он, осматриваясь вокруг.

Берег медленно проплывал мимо них. А далеко впереди с оглушительным треском начал ломаться лед. Оцепенев, Иван смотрел, как дыбятся впереди сизые льдины, всем своим существом ощущая мощь реки, несущейся сейчас под его ногами.

— Беги, Ваня! Беги! — донесся до него голос.

Одному Богу известно, как удалось им невредимыми добраться до берега.

Уже стоя на берегу, они смотрели, как наскакивают льдины друг на друга, с гулом уходят под воду, а через мгновение выныривают с громким протяжным звуком, словно огромные животные.

— Испугался, поди? — спросил дед внука.

Иван кивнул.

— Река — дело такое, — промолвил старик. — Ты смотри, матери не проговорись, — строго наказал он Ивану. — Скажем, что леща в полынье поймали.

Ледоход шел еще пять дней. После река очистилась, оставив на берегу поломанные деревья и мусор, оставшийся с зимы. Засновали по руслу баржи и пароходы. Еще явственнее повеяло в воздухе весной.

7. Как Ваня помогал хлеб сажать

Май пришел теплым, легким ветерком, ароматом цветущих яблонь и черемухи. Ночи стали короче, дни длиннее. Земля на полях уже давно освободилась от снега, и под теплыми лучами весеннего солнца совсем просохла.

Отец с Иваном каждый день выходили в поле.

— Видишь, земля в горсти рассыпается, знать, поспела уже. А если комком падет — знать, не время еще, — учил он его. — Нежели поторопишься, бросишь зерно в сырую землю — зародится в хлебе сорная трава. А это, считай, пойдешь по осени в люди — кусочки просить. Нынче все в меру, завтра и начнем!

Следующим утром Иван встал затемно. Еще не рассеялись ночные сумерки, и последняя звезда не ушла с небосклона. Усевшись на лавку, напротив печи, он долго смотрел, как языки пламени лижут сухие дрова.

Мать уже давно хлопотала по хозяйству. Замесив тесто, она слепила округлые хлеба и заложила их в устье печи. И вскоре по избе поплыл запах свежего хлеба.

Вышел отец, умылся студеной водой из колодца. Настал новый день, полный забот и открытий.

— Все в жизни зависит от труда. Что посеешь, то и пожнешь. Что пожнешь, то и смолотишь. Что смолотишь, то и смелешь. Что смелешь, то и съешь, — учил отец Ивана простой крестьянской мудрости.

Позавтракав, они отправились в поле.

Сначала вспахали землю тяжелой сохой. Потом землю навозом удобрили. Еще раз вспахали. И только тогда за дело взялся Иван.

Ездит он по полю на лошади с легкой бороной — разбивает она комья в мягкий пух, чтоб вызрело зерно на славу. В радость ему такая работа. Чувствует он себя совсем взрослым.

— Вот увидишь, тятка, придет такое время, когда будет по полю железный конь ездить. Сам сеять будет, сам пахать и боронить. А человеку и заботы не будет. Знай только управляй им.

— Ну, что удумал, — засмеялся отец. — Никому лошадку не заменить. Она и друг крестьянина, и первый помощник. Нет, братец, это ты погорячился, — не согласился он с ним.

— А вот Петька сказывал, что в городе видал железную машину. Гудит, дымит, что твоя печка, когда ты заслонку забудешь убрать. А за ней коробка с окнами, в ряд тянутся. А в них народу — и не сосчитать, сколько будет.

— Ты это, братец, борони давай, — покачал головой отец. — Русского мужика из века в век кормили руки сильные, лошадь верная да смекалка, — постучал он по голове мальчишки. — Без смекалки и конь твой железный — пустое будет! А от мечтаний в брюхе пусто да звонко. Каравай-то из печи горячий есть просто, а хлеб растить — тут сноровка нужна да божья благодать.

8. Ночное

Иван с друзьями сидел на обрывистом берегу возле костра.

Солнце садилось в тучу, окрашивая горизонт розовым. Луговые травы, примятые дневной жарой, распрямлялись. В воздухе пахло свежестью, полынью и мятой.

Кони, которых мальчишки привели на ночной выпас, разбрелись по полю. Низко опустив головы, щипали они сочную траву, наслаждаясь прохладой.

Мальчишки подбросили в костер сухих веток, и тот вспыхнул, весело затрещав.

Вдалеке раздался тихий звон бубенцов.

— Слыхали? — насторожился Егорка.

— Это старый атаман на своем коне по дорогам рышет, — припугнул его Витька. — Пастухи часто этот звук здесь слышат, — зловеще продолжил он.

— Врешь ты все! — рассмеялся мальчик, но на всякий случай придвинулся ближе к брату.

— Нет, правду он говорит, — поворочил Иван палкой угли.

Костер разгорелся с неистовой силой, брызнув яркими искрами в ночное небо.

— Акулина сказывала, что лет сто назад в здешних местах промышляли разбойники. Атаманом у них был Гришка Одноглазый. И будто бы дружбу он водил с черным вороном. Кликал его Яшкой. Ворон этот был обучен словам некоторым и помогал Гришке в его разбойном промысле — предупреждал об опасности. Долго они разбойничали, много добра нажили, и никак их изловить не могли, — сказал он, прислушиваясь к звону, доносившемуся до них все отчетливее.

И как-то вмиг ребятам стало неудобно. Скучившись вместе, они напряженно вглядывались в заросли шиповника.

— А если и правда сам атаман к нам скачет? — прошептал Егорка.

— А мы его прогоним! — схватил Иван толстую палку и побил невидимого врага.

— Ты и пискнуть не успеешь, он тебя в два счета со света белого сживет, — возразил ему Витька.

И вот когда они уже готовы были броситься врассыпную, из-за кустов показалась кибитка, которой управлял цыган в красной рубахе и разноцветных шароварах.

— Тпррру, — остановился он возле них.

— Далеко ли до города будет? — спросил он, потягиваясь.

— Верст девяносто, — пожал плечами Витька.

Цыган зевнул и легонько подстегнул лошадь.

— Но! — крикнул он, подгоняя ее.

Ребята, обрадованные тем, что их минула страшная встреча, опять уселись подле костра. Иван достал пяток картох и, веткой подтолкнув их в костер, засыпал углями.

— А что там дальше с разбойниками случилось? — нетерпеливо спросил Егорка.

— Поймали их царские солдаты да повесили в назидание другим. А богатство, схироненное Гришкой, так никто по сей день и не нашел! Говорят, на старой мельнице те сокровища зарыты.

— На старой мельнице, говоришь? — почесал Витька голову.

— Айда завтра вечером туда? — предложил он.

— Боязно как-то, — протянул Егорка. — Старуха Анисья сказывала, что слыхала, ночью выл там кто-то.

Иван молчал, не то чтоб он боялся, скорее, опасался немножко.

— Эх вы, курицы! Вам бы только на насестах сидеть, — воскликнул Витька и сплюнул сквозь щель в зубах.

— Можно и сходить, — неуверенно протянул Иван, доставая из углей картоху.

Обжигая пальцы, он принялся снимать с нее кожуру.

— То-то же, — хлопнул Витька его по плечу и тоже взял картоху. Разломил ее пополам, посыпал солью и, усердно дуя на нее, принялся есть прямо с обгоревшей кожицей.

— И я тогда с вами, — сказал Егорка.

Темнота стала уже совсем непроглядной. Лошади разбрелись по лугу, и о том, что они здесь, напоминало лишь редкое их всхрапывание.

Мальчишки, поев, улеглись возле костра.

Вдруг где-то неподалеку хрустнула сухая ветка.

— Легок на помине! — зевнул Витька и перекрестился.

— Кто легок? — испугался Егорка.

— Знамо кто. Сам лешак к нам пожаловал.

— Лл-л-лешак? — прошептал мальчик.

— Он самый! — с видом знатока ответил Витька. — Вот в прошлом году ходил я с пастухами на дальние поля, — продолжил он. — Стоял июль, и туман разлился такой, что

вытянутой руки не видеть. Сидим мы так же возле костра, я смотрю — заячьи уши торчат из-за спины Ваньки Косого. Подумал, шуткует кто. Глянул еще раз, а заяц сидит и так сердито поглядывает на меня. Протер я глаза, смотрю, а в тумане только хвост его мелькает. Не иначе, тогда лешак к нашему костру приходил греться. Вот и опять заглянул на огонек, — зевнул Витька, кутаясь в старый зипун.

Через мгновение было уже слышно его тревожное посапывание. Вскоре уснул и Егорка. Лишь Ваня еще долго лежал в тишине, слушая спокойное дыхание ребят.

Лишь когда на небе заалел рассвет, провалился он в сон.

Снились ему и заячий хвост, мелькающий среди травы, и лешак, выглядывающий из-за деревьев, и Прошка, задумчиво смотрящий в небо.

— Отчего, маменька, звезды так ярко светят? — спрашивал он у Метелицы, тихо перебирая губами.

— Оттого, что ночи темные, сынок, — отвечала она ему.

9. Клад

Следующим вечером, как и договаривались, собрались мальчишки за деревней. Каждый был вооружен — кто палкой, кто вилами, кто рогатиной.

— До темноты управиться бы, — почесал голову Витька, поглядывая в сторону мельницы.

Она стояла в отдалении от деревни, на небольшой возвышенности. В дни, когда дули особенно сильные ветра, можно было слышать жалобное поскрипывание ее обветшалых крыльев.

Когда-то давно пользовалась спросом она у крестьян, а как построили мельницу побольше да поближе, так и заросла к ней тропинка. Со временем часть крыши обвалилась, трещины в стенах заросли чертополохом, а большие каменные жернова валялись за ненадобностью в высокой траве.

— Если клад найдем — я себе ружье настоящее выправлю, — важно сказал Витька.

— А я бы от сапог новых не отказался, — протянул Егорка, поглядывая на свои босые ноги.

— Мал ты еще для сапог! — возразил ему брат. — Тебе и в лаптях неплохо. А вот мне бы сапоги не помешали.

Егорка насупился, но спорить с Витькой не стал. Тот был старше, и если что, мог дать хорошую затрещину.

— Ладно! Валенки тебе купим, — смиростивился он.

Вдруг сзади них послышались чьи-то тяжелые шаги.

— Куда это вы собрались? — запыхавшись, прокричал им Петька, нагоняя их.

Он был одет в красную косоворотку, а на ногах у него поскрипывали новенькие сапоги.

— Да еще и с рогатинами! — воскликнул он, разглядывая их. — Небось дело какое худое задумали? Я вот тятке все расскажу!

— А мы клад пошли искать! Самого атамана Гришки! — гордо сказал Егорка.

Витька больно ткнул брата в бок, но было уже поздно

— Клад? И без меня? — заголосил Расстегай, выпучив глаза.

— Так тебе, Петенька, клад-то зачем, — усмехнулся Витька. — Вон у тебя рожка от пирогов и так лоснится.

— И сапоги новые у тебя, со скрипом, — завистливо протянул Егорка.

— Я все равно с вами пойду! — бесцеремонно заявил мальчик. — А коли не возьмете — хуже будет! — скрестил он руки на груди.

Зная прескверный характер Расстегая, ребята решили взять его с собой, а то и впрямь разболтает.

— Если клад найдем — делить будем поровну, — пропыхтел довольный мальчик.

— Ага, — буркнул Иван, — всем по пуду, а тебе шиш.

Ребята захохотали и пошли дальше. Петя обиженно сопел, но от ребят не отставал.

Вскоре из-за угора показались лопасти старой мельницы.

Крадучись, мальчишки подошли ближе. С трудом отворили покосившуюся дверь и пробрались внутрь. В нос ударил застарелый запах дегтя, перемешанный с едва уловимым хлебным духом, навсегда въевшимся в деревянные стены.

Поднявшись по лестнице, ребята забрались наверх. Было тихо, лишь под крышей свистел ветер да жалобно поскрипывали гнилые половицы.

Мальчишки жались ближе друг к дружке и настороженно оглядывались. В лучах заходящего солнца все казалось им недобрым.

Вдруг откуда-то сверху раздался скрипучий голос:

— Поди сюда, Петруша.

Ребята замерли.

— Это тебе, что ли? — посмотрели на Петю ребята.

— Это не мне! — заикаясь, пробормотал мальчик и попятился назад.

— Стой, холоп! — опять послышался тот же голос, и раздался громкий, надрывистый хохот.

Мальчишки, толкая друг друга, скатывались с лестницы, убегая прочь от неведанного. Иван же, споткнувшись о старую бочку, упал на дощатый пол. Над его головой промелькнула тень. Он принялся неистово креститься, вспоминая всех святых, которым Акулина молилась в красном углу. Но тут из-за тучи выглянула луна и, заглянув в окно старой мельницы, осветила огромного черного ворона, сидевшего на упавшей жердине.

Ваня неистово засмеялся.

— Ка-а-ар, — крикнул ворон в ответ.

— Знакомые все лица!

Нашупав в кармане заваливавшиеся хлебные крошки, Ваня протянул их птице.

— Бери, Яшка, — тихонько сказал он, вспомнив про ворона атамана.

Тот не отказался и, склевав все до одной, громко хлопнув крыльями, вылетел в окно.

Иван, облокотившись о стену, выдохнул. Внутри него еще ворочался страх.

Перебирая в памяти недавние события, он взглянул туда, где только что сидела птица. Там, среди пыли и редких соломинок, поблескивала монетка. Подняв ее, он понял, что это старинный золотой рубль.

— Ваня! Иван! — раздалось крики друзей. Выглянув в окно, он увидел мальчишек, вооружившихся дубьем и осторожно пробирающихся к мельнице.

Когда он вышел, они обступили его со всех сторон — обнимали, хлопали по спине и с завистью рассматривали золотую монету.

— Настоящий! — с видом знатока сказал Петька, пробуя его на зуб.

Иван бережно запрятал его в потайной карман рубахи.

А Витька задумчиво сказал:

— Получается, есть клад-то! Вот бы его отыскать.

Домой Иван вернулся уже затемно. Все уже давно спали, лишь Акулина ждала его, дремав возле окна.

— Куда ж ты, милый, запропастился, — охала она. — Ей! Промок весь до нитки, — ворчала она, протягивая ему горячее питье, пахнувшее медовыми травами. Сунула краюху хлеба и отправила на печь отогреться.

10. Волшебная сила земли

Однажды Акулина разбудила Ивана, когда первые лучи солнца едва позолотили коньки соседних крыш.

— Надобно, Ванюша, тебе мне пособить, — сказала она. — Самая маковка лета сегодня. Травы в этот день набирают силу особую. Я уж тебе вон бехтерь приготовила, а себе корзинку.

Пошли они по лугам да по полям. Пробирались нехожеными тропами, бродили по заросшим речным берегам, спускались в темные овраги и выходили на светлые полянки с высокой травой, среди которой выискивала Акулина нужные ей растения.

— Трава травой, — ворчал уставший и вспотевший Иван, наблюдая, как Акулина складывает в корзинку то один корешок, то другой.

— Эгей, внучек, — покачала она головой. — Каждая травинка особенная. Вот смотри, — опустила она на колени. — Это травка снытью зовется. Для батюшки твоего, от ревматизма. А чуть поодаль душица — ей буду тебя зимой поить, — улыбнулась она.

Неброские цветки бессмертника бережно положила Акулина в отдельный мешочек.

— От многих болезней помогает, — поведала она Ивану.

Не обошла стороной и ромашку полевую. Растерла золотую серединку между пальцами, понюхала и положила охапку в бехтерь.

— Растения, ягодка моя, любую хворобу победить могут.

К обеду вышли они к глубокому лесному озеру, заросшему по краям осокой и какими-то чудными цветами. Было тихо, лишь стрекозы шуршали крыльями, перелетая с одной травинки на другую. Уставшие путники расположились в тени раскидистой сосны. Акулина достала краюху хлеба, разломилась пополам и дала Ивану. Молча съели они свой нехитрый обед и запили студеной водой.

— А что это у тебя, ягодка моя? — вдруг всплеснула она руками, рассматривая глубокую царапину на руке мальчика.

Видно, когда пробирались они сквозь бурелом, поцарапался Иван сухой веткой. От усталости он сразу и не заметил, а сейчас рана стала саднить. Акулина покачала головой и, увидев на стволе дерева янтарную капельку смолы, обрадовалась.

Взяла ее на палец и ловким движением замазала ранку.

— Теперь все хорошо будет, — улыбнулась она. — В этой капельке ведь все! И солнце ясное, и дожди проливные, а сила земли в ней знаешь какая!

Рана еще немного пощипала и вскоре успокоилась.

— Бабушка, а как огненный цветок сыскать? — спросил Иван, рассматривая большого ворона, сидевшего на березе и надрывно каркающего.

— Так разве его отыщешь, — удивилась она. — Говорят, если посчастливится его найти, то все клады в округе твои будут. Да вот тока никому еще не удалось этого. Ведь цветок этот нечисть лесная охраняет. А ты что это — клад удумал искать?

Иван в задумчивости пожал плечами.

— Так не в богатстве же счастье, ягодка моя, — тихо сказала Акулина.

— А в чем же? — спросил Иван

— Так кто же его знает, — вытерла она платком вспотевший лоб. Солнце висело высоко и палило нещадно. — У каждого оно, видать, свое. Я, бывало, встану до рассвета. Выйду на крыльцо. Вдохну свежего воздуха, умоюсь росной травой — и как молодая опять. Взгляну на небо. А оно, необъятное, раскинулось над головой, смотрит на меня россыпью звезд. И весь мир хочется мне тогда обнять, и понимаю я, что никакие богатства не променяла бы я на возможность вот так стоять наедине с собой, чувство-

вать необъятность нашей земли. А вот возьми Пузаниху. Нет для нее счастья большего, чем сладко до обеда поспать, да вкусно поесть, да в сарафане нарядном по деревне пройтись. И ейна ведь правда тоже. Вот ты и поди разберись, в чем счастье, — сказала Акулина, внимательно посмотрев на Ивана.

Несмотря на то что была она уже глубокой старухой, глаза ее нисколько не выцвели, а были пронзительно-голубыми. И когда она так смотрела, так сейчас что-то замирало внутри у него. Он и сам не знал отчего.

Посидев еще немного возле озера, они побрели дальше и домой вернулись с полными корзинами целебных трав.

11. Чародейственный цветок

Вечером постучали в окно Витька с Егоркой.

— Айда в лапту играть, — позвали они Ивана.

Но тот отмахнулся от них:

— Пойдемте лучше сегодня ночью чародейственный цветок папоротника искать, — предложил он. — Акулина сказывала, что в двенадцать часов ночи распускается на нем золотой цвет. Если сорвать успеешь, то все клады в округе твои будут. С ним мы живо найдем сокровища старого атамана.

Ребята оживленно загалдели.

— Но папоротник в это время охраняет нечистая сила. Она всячески мешает поискам: хохочет, вопит, ужас наводит. И может в болото завести, — добавил зловеще Иван.

— Не пойду-у! — заныл Егорка. — И так в прошлый раз страху натерпелся. А тут еще ночью по лесу шастать.

— Чего развылся? — отвесил ему оплеуху Витька. — Сапоги новые хочешь?

— Хочу! — размазывая слезы по щекам, промямлил Егорка.

— Ну так и не реви! — строго поправил его брат.

— Я еще пряник медовый хочу! — всхлипывая, пробормотал тот.

— Будет тебе и пряник, и сапоги новые, — уверил его мальчишка. — Ты только смотри отцу не проболтайся.

Вдруг неожиданно из-за угла дома выскочил Расстегай.

— Ага! Попались! — закричал он. — Опять собрались куда-то? И опять без меня! — надул он губы и сощурил и без того узкие глазки.

— Мы, Петенька, и тебя с собой возьмем, если керосинку у папеньки своего одолжишь, — сказал Иван, поглядев на друзей.

— Да, да, — закивали те головами.

— Это для какой же надобности? — важно спросил мальчишка, приосанившись и сделав грудь колесом.

— Сокровища старого атамана пойдем добывать, — шепнул ему Витька.

— Опять? — испуганно перекрестился мальчишка.

— Теперь уж наверняка получится, — уверил его Иван. — Впрочем, уговаривать не будем. Нам больше достанется, — сделал он равнодушное лицо.

— Ладно, ладно. С вами пойду! — торопливо согласился Петя. — Только, чур, сокровища делим поровну.

Ближе к ночи, когда в избе все уже крепко спали, Иван перелез через Акулину и выскочил во двор. Мальчишки его уже ждали за плетнем.

Лугом они дошли до леса, вымокнув по пояс в росе. Теплая июньская ночь была наполнена треском кузнечиков и различными шорохами. Петя зажег керосинку, и тусклый огонек осветил бледные лица друзей. Они в нерешительности стояли перед темной стеной деревьев.

— Боязно как-то, — переступая с ноги на ногу, пробормотал Витька, но все же, пересилив страх, ребята вошли в лес.

Сучковатые ветки цеплялись за полы одежды, а ноги то и дело путались в корнях деревьев. В лесу темнота казалась еще непроглядней, а тусклый свет лампы превращал привычные глазу переплетенные ветки в оборотней и лешаков.

Ребята не раз уже пожалели об этом их сомнительном приключении. А когда завязли в болоте, так и вовсе у них настроение испортилось.

— Да ну тебя с твоим кладом, — ворчал Витька, размазывая по лицу зеленую тину. — Жил без него спокойно и еще сто лет проживу.

— А как же сапоги новые? А пряник медовый? — скуксился Егорка.

— Я тебе покажу пряник! — пригрозил ему брат. — Ты вот мамке завтра объясни, где рубаху порвал да лапти потерял.

Из-за тучи выглянула луна, осветив чумазых ребятишек, стоявших возле зарослей папоротника. Изыщные листья его были покрыты серебряными капельками росы, в которых отражался голубоватый лунный свет. Обрадованные ребята бросились к нему, забыв о недавно пережитых несчастьях.

— Тсссс, — вдруг приложил Иван палец к губам. — Слышите?

Ребята прислушались. Из-за деревьев, с треском ломая сучья, кто-то пробирался в их сторону. Не сговариваясь, мальчишки бросились прочь от проклятого места, спотыкаясь о корни и цепляясь за ветки деревьев. Когда сил уже совсем не было, оставились перевести дух. Прислушались. Тихо вокруг. Вдруг керосинка затрещала, быстро моргнула несколько раз и погасла. Ребята оказались в кромешной тьме. Вдалеке несколько раз глухо ухнул филин.

А Витька вдруг как подпрыгнет да как заорет не своим голосом.

Мальчишки бросились бежать.

— Да ну его, твой цветок, — сплюнул он, когда они, исцарапанные, грязные, с всклокоченными волосами выбежали к озеру. — Страху столько натерпелся — на всю жисть хватит. Нечисть лесная меня прям за сердце схватила, аж вспомнить страшно.

— И керосинку потеряли, — уныло добавил Петя.

Ребята залезли в теплую реку, смыли всю грязь и поплелись домой злые, уставшие и голодные.

Дома Иван тут же провалился в сон, а с утра разбудил его голос Васьки Хромого, их соседа, любопытного старика, везде совавшего свой нос. Он махал большими руками и оживленно что-то рассказывал отцу. Мальчик прислушался.

— Вчерась, значить, вышел я до ветру. Ночь уж на дворе стояла глубокая. Темна-а-а-я. Гляжу, средь ветвей огонечек мелькает. Я перекрестился три раза, а он все мелькает, как бабочка порхает меж деревьями. Вспомнил тут я, что сегодня день Ивана Купалы. И тут мне шальная мысль в голову взбрела, что это сам огненный цветок. Надел я шапку, перекрестился и в лес пошел. Чем, думаю, черт не шутит.

А Ивашка, как про огненный цветок услышал, чуть с печи не свалился. Подался вперед и слушает затаив дыхание. Неужель Ваське Хромому посчастливилось отыскать его?

— Пробираюсь я, значить, меж кустов, — продолжает старик. — Огонечек этот пляшущий все ближе. Смотрю — замер он и поскакал от меня. Я за ним. Чем быстрее бегу, тем быстрее он скачет. Я остановился. Гляжу — и он остановился. Ну, думаю, тут хитрость какая нужна. Ваську Хромого еще никто не провел. Решил стороной его обойти. Пошел тихонешко так в обход. Огонек на месте стоит. Ну, думаю, хитрость моя сработала. Подхожу ближе, а огонек не шелохнется, а потом раз — и погас. Здесь страх меня одолел, иду и крест на себя накладываю ежеминутно. И тут лоб в лоб столкнулся с чертями.

Ивашку от этих слова аж в пот бросило. Неужто и он чертей видал? Выходит, не соврал Витька, — по спине мальчика пробежали мурашки, и он глубже зарылся в лежащий на печи тулуп.

— Да тебе привиделось все! — махнул рукой отец Ивана.

Васька Хромой аж взвился от такой несправедливости.

— Ей-богу, все так и было. Вот те крест! — стукнул он кулаком по столу.

— Штуки три было, если не больше. А ростом все ну что твой Ивашка будет. Чумазы, всклокоченные, лохмотья на них болтаются, и запах болотной тины на версту. Черти эти что есть мочи заорали. У меня сердце в пятки так и ухнуло! До дому бежал без остановки. Еле отдышался потом. Да ну его, этот папоротник. Видать, человеку от него проку нет. Одна морока, — вздохнул он.

— Ты бы, Василий, лучше женке помог, — покачала головой Акулина. — Она вон с утра спину ломает. А ты все языком чешешь.

Старик вскочил со скамьи.

— Ну, знаете ли, — оправил он сермяжку. — Я к вам по-человечески, а вы... — потряс он кулаком и, хлопнув дверью, выскочил вон.

Иван свесил ноги с печи.

— Тятка, а может, он и вправду тех чертей видал? — спросил он отца.

— Каких чертей? — усмехнулся отец. — Не тех ли, которые домой за полночь возвращаются, — подмигнул он ему.

Тут дверь со стуком отворилась, и в проеме показалась лохматая голова Васьки:

— Так эти черти еще и в озере потом купались. Давно я говорил: поганое это озеро! — сплюнул он и исчез так же быстро, как и появился.

Иван прыснул со смеху. Так вот, оказывается, какую нечисть лесную они вчера в лесу видели!

12. Сенокос

Еще в начале весны отец договорился с Афанасием Коробовым и Михаилом Копейкиным взять в аренду для покоса барский луг. В этом году сена скотине еле-еле до весны хватило.

— Мужики луг-то, поди, скосили уже, — торопила мать Ивана и складывала в корзину нехитрый обед.

— Ну, с богом! — перекрестила их Акулина. — Глядишь, до дождя управитесь, — тихо сказала она, глядя на безоблачный горизонт.

Они вышли из деревни и зашагали по тропинке, змейкой убегавшей в поля, заросшие ромашкой, клевером и душицей. Капельки росы висели на травинках, словно бусы. Прохладная земля, не согретая еще солнцем, приятно холодила босые пятки. Легкий ветерок трепал волосы, развеивал полы одежды. А в оврагах, зацепившись за низкие кустарники, еще стоял туман. Пройдя лесной тропинкой, они наконец вышли на займище.

Мужики стояли по пояс в высокой траве, косы их дружно взлетали в воздух с едва слышным свистом.

Мать с Иваном, не мешкая, тут же принялись за дело. Вместе с другими бабами и детьми они ловко переворачивали недавно скошенную траву.

Белые домотканые одежды женщин трепал ветер, обнажая крепкие икры. Работа спорилась.

— Ветер нынче в помощь будет, — сказала мать Ивана и затянула веселую песню, ее подхватила круглолицая Авдотья. Так, одна за другой, запели все крестьянки. Пока-

тилась звонкая песня по лугам да по полям. А с песней время незаметно бежит, глядишь — солнце уже высоко, и подошло время обеда.

Женщины расстелили белые платки, достали из своих корзинок нехитрую снедь: кашу, пироги, картошку да яйца. Мужики улеглись в тени вековой березы, разговоры про хозяйство ведут да холодный квас попивают. Мальчишки, перекусив, убежали к быстрой речке. А Иван задержался, невольно залюбовавшись дочкой Афанасия Коробова — Маришкой.

Разрумянившаяся от жары, с сухими былинками в волосах, она была чудо как хороша. Делая вид, что доедает пирог с капустой, он нет-нет да поглядывал на нее. Не-высокая, шустрая, с тяжелой русой косой, изредка бросала она на него насмешливый взгляд зеленых глаз.

— Хорошая невеста будет, — улыбнулся отец.

— Обычная девчонка, — буркнул Иван и, вскочив с места, стремглав помчался к ребятам, которые уже всюду ловили пескариков и карасей.

Речка была неглубокая, вода в ней прозрачная и холодная, а дно — каменистое. Там, под гладкими гольшами, прятались шустрые рыбешки. Мальчишки галдели, толкались, щипали друг друга украдкой и мочили в студеной воде босые ноги. В другой раз он с удовольствием бы веселился с ними, но сегодня мысли его отчего-то постоянно возвращались к Маришке.

День пролетел незаметно, и к вечеру подсушенную траву начали сгребать в валы, а потом сметывать в большие копны. Завтра, после того, как роса сойдет, вновь копну эту разбросают и будут опять сушить целый день, а к вечеру повезут домой.

Скошенное же вчера сено уже высохло, и его, закинув на телегу, повезли в деревню, чтоб там разделить поровну и положить на сеновал до зимы.

Домой они вернулись уже к концу дня. Отец обеспокоенно посмотрел вдаль.

— Кажись, гроза приближается, — пробормотал он, разглядывая огромную черную тучу, медленно ползущую с востока.

Бабы заохали, мужики, хмурясь, цепляли на вилы большие снопы сена и перекидывали его под навес. Ветер, играючи выдергивал из них сухие травинки и разносил по округе.

— Не надорвались бы, голубчики, — причитала Акулина, подбирая граблями упавшие клочки.

Сейчас самым важным было, чтоб высохшую траву не замочил дождь. Иначе зимой корова будет нехотя ее жевать, а сухую, пахнущую погожими летними деньками будет есть с удовольствием и давать вкусное молоко, так необходимое крестьянину в зимнюю стужу.

Когда отец закинул последнюю копну на сеновал, с неба упала первая капля.

— Успели! — радостно выдохнул он.

Ударил гром, и яркая молния разрежала пополам потемневшее небо. Сначала робко, а потом все сильнее забарабанил дождь по крыше.

Иван выскочил из избы и забрался в сено, посмотреть на грозу. Тут громыхнуло так, что показалось: вот-вот — и небо расколется пополам. Рядом кто-то тихо ойкнул. Оглянувшись, мальчик увидел Маришку. Она тоже решила поглядеть на грозу.

— Не бойся, — выдернул он из травы высохшую землянику и протянул ей.

Девочка робко взяла ягоду, и румянец залил ее щеки.

Гром продолжал греметь, но уже не так сильно. Гроза уходила куда-то на север.

Вдруг на сеновал влетел серый комок. Отряхнувшись, он вытянул длинные уши, и стало понятно, что это заяц. Ребята, боясь его спугнуть, не дышали. А тот, не замечая их, почистил шерстку, понюхал воздух и, как только капли перестали барабанить по крыше, дал стрекоча.

13. Ходики

Всю свою жизнь Акулина узнавала время по природным ориентирам: закричит первый петух в час ночи — охнет она во сне да перевернется на другой бок. В два часа ночи прокричит второй петух, слезет старуха с печи, прошаркает босыми ногами — водицы испить. А с третьими петухами Акулина уж на ногах — печь растапливает да делами хозяйскими занимается. Поэтому-то ходики, которые отец однажды принес в избу, не пришлись ей по душе.

— Не по-божески это, — говорила она и каждый раз крестилась, проходя мимо них.

Всю свою жизнь она жила по одному и тому же установленному порядку: коли солнце высоко над головой, значит, полдень на дворе, покатилося книзу — вечер уж близок, загорелась на небе первая звезда — пора ко сну готовиться. Так и жила. Так и дед ее жил, и прадед. Оттого и чужды были ей часы, заменившие в один миг и солнце, и луну, и петухов.

А ходики эти были не простые — с боем. Каждый час теперь раздавалось в избе звучное: «Бом-м-м-м».

Целую неделю провисели они на стене. Иван все поглядывал на них искоса. Очень уж хотелось ему поглядеть, как они внутри устроены.

В воскресенье, когда отец с матерью уехали на базар, он едва дождался, как за ними захлопнется дверь. Вскочив на лавку, он дотянулся до ходиков, снял их с гвоздя и как можно осторожнее открыл корпус. Завороженно разглядывал он механизм: молоточек, стальную пластину, зубчатые колеса и множество мелких деталей, работающих в едином ритме.

Вдруг внутри что-то затрещало, и большая стрелка, щелкнув, перепрыгнула деление. Молоточек ударил по медной пластине. Протяжный звук разнесся по избе. От неожиданности мальчик вздрогнул, и часы выскользнули из его рук. Ударившись о скамейку, они с противным дребезжаньем рассыпались по полу колесиками, шестеренками и пружинками. Маятник и тяжелые гири с молоточком закатились под лавку и теперь сиротливо выглядывали оттуда.

«Чтоб ходики целыми у меня были. Если что не так будет — высеку!» — вспомнились ему слова тятки.

В избу вошла Акулина с охапкой дров.

— Батюшки мои! — воскликнула она, разглядывая рассыпавшиеся по полу детали часов. — Так и пропади они пропадом эти ходики, ягодка моя, — успокаивала она его чуть позже. — Толку от них никакого. А из-за ерунды стоит ли печалиться?

Иван молчал. Он знал, что отец слово свое сдержит.

Целый день он слонялся по двору, и ничто его не радовало. Прощка тыкался ему мохнатой мордой в ладони, звал поиграть, но Иван отмахивался от него.

— Убегу! — твердо решил он. — Устроюсь в городе подмастерьем, накоплю денег и куплю часы лучше прежних.

А вечером, услышав, как зазвенели колокольчики на сбруе Метелицы, мальчик выскочил за околицу и побежал прочь от неприятного разговора с отцом и неизбежного наказания.

— Ванюша-а-а! Ягодка моя-я-я, — донесся до него крик Акулины, но он бежал, не оглядываясь, и остановился лишь возле реки.

Взгляд его упал на плот, спрятанный в кустах мальчишками из соседней деревни.

Торопясь, как будто боясь передумать, он отвязал его и, лишь когда оказался на середине реки, перевел дух.

Ветра не было, и плот неслышно скользил по течению, оставляя позади берега, заросшие шиповником и дикой малиной. Солнце медленно скатывалось за горизонт,

подкрашивая розовым облака, похожие на перышки. Изредка высывалась из воды щука, гоняя карасей. Шурша прозрачными крыльями, присаживались на бревна любопытные стрекозы. Природа дышала спокойствием и умиротворением.

Иван лежал, закинув руки за голову, и смотрел, как ночь медленно опускается на землю. В высоком темнеющем небе зажигались одна за одной звезды.

Плот покачивался на волнах, и мальчик, убаюканный его плавным ходом, ощутил себя совсем маленьким по сравнению с этим бездонным небом. Беды его показались ему незначительными, и на мгновение ему вдруг почудилось, что время куда-то исчезло, что нет никого времени. Он сам и есть время.

Отчего-то стало радостно и спокойно. Обида, недавно терзавшая его, ушла вместе с остатками дня. Он больше не боялся наказания отца, а, наоборот, хотел ответить за свой проступок. Иван твердо решил вернуться домой, но шест, которым он отталкивался, потерялся по пути, и он, свернувшись калачиком, забылся тревожным сном.

Ему снилась Метелица.

— Все реки, рано или поздно, впадают в море, — говорила она Прошке.

— Море, — шевелил тот губами, — как будто пробуя на вкус новое слово.

Разбудил мальчика громкий гудок. Оказалось, что за ночь его плот вышел в судоходное русло реки, и прямо сейчас на него полным ходом двигалось огромное судно. Когда они почти поравнялись, первая волна сначала подняла плот, а следующая накрыла его с головой. Иван оказался в воде. Кто-то из команды кинул ему спасательный круг, и вскоре он уже сидел в рубке капитана, укрытый пледом, ипил обжигающий горячий чай.

14. Встреча с капитаном

— Как же это тебя угораздило? — спрашивал капитан, ощупывая Ивана.

Лицо его было обветренным и изборождено глубокими морщинами. Аккуратные черные усики придавали ему щеголеватый вид, а из-под капитанской фуражки глядели веселые глаза.

— Убиться же мог! Вот оголтелый, — покачал он головой.

— Шалопай, что с него взять, — махнул рукой его помощник, высокий, как жердь, мужчина с сухим, строгим лицом.

— Вашего брата Аким Трофимович недолюбливает, — усмехнулся капитан. — За свою службу скольких таких мы перевидели.

— Сбежал, поди, от мамки с тятькой? — спросил он, рассматривая в подозрную трубу противоположный берег.

— А почто убежал-то? — не дождавшись ответа, вновь задал он ему вопрос.

— Ходики разбил, с боем, — буркнул мальчик. — Отец бы высек, вот и улег.

— Так за дело бы высек, — заметил капитан.

— За дело, — вздохнул он.

— Говоришь, всю ночь на плоту плыл? — задумчиво потер он подбородок.

— Из Проскудинки, что ли, будешь? — спустя немного времени спросил он.

— Оттуда! — удивился мальчик. — А как вы это определили?

— Это не трудно. Мне достаточно было знать, с какой скоростью двигался твой плот, — улыбнулся капитан. — Ветра нынче не было. Значит, за ночь ты верст пятнадцать прошел. Ученье, братец, свет, а неученье — тьма! — поднял он вверх палец. — Так еще Суворов сто лет назад сказывал. Слышал о таком?

— Нет, — покачал Иван головой.

— А в школу ходишь?

— Хожу.

— Это правильно, — обрадовался вдруг мужчина. — Прогресс ведь не стоит на месте. Научился человек использовать силу пара, и теперь по морям и рекам ходят пароходы. Все подвластно человеческому разуму, уже и небо пытаемся обуздать.

— Аким Трофимович, слышали, что давеча на воздушном шаре поднялся один чу-дак? — обратился капитан к своему помощнику и потряс в воздухе журналом.

— «Воздухоплаватель», — прочитал Иван название.

— Так скоро мы и до звезд долетим! — показал он мальчику разворот, на котором можно было в подробностях рассмотреть этот таинственный шар, гордо именуемый монгольфьер.

Капитан высадил Ивана на ближайшей пристани, в пятнадцати верстах от его деревни.

— Ну, братец, прощай! Будешь в Москве, заходи! Капитана Огорелова все знают! — сказал он и протянул ему журнал. — Изучай! Может, из этого выйдет толк.

Дорога в его деревню проходила мимо села Лещаново, славившегося богатым имением графа Яблоневского. Иван шел, погруженный в свои мысли, и не замечал, что за ним наблюдает сын графа — Константин.

Еще в начале лета мальчик соорудил в ветках старого клена небольшой навес с дощатым полом, откуда были видны все окрестности. Свое укрытие он называл не иначе как командным пунктом и частенько с завистью смотрел оттуда на деревенских ребят, бегущих на речку. Две его гувернантки, приставленные к нему матушкой, запрещали общаться с местными ребятами, а уж о том, чтоб купаться в реке, и речи быть не могло:

— Там пиявки — еще присосутся. Там холодные родники — не дай бог, простудишься, — находили они каждый раз все новые отговорки.

Когда Иван поравнялся с деревом, Костя подвинулся в глубь своего укрытия. Неловким движением он задел книгу, которую до этого увлеченно читал. Та полетела вниз и с громким хлопком ударилась о землю. Иван вздрогнул от неожиданности и, подняв голову, увидел мальчишку, но больше его заинтересовала книга, на развороте которой был нарисован монгольфьер.

— «Пять недель на воздушном шаре», — прочитал он название и ловко перелез через забор.

— Не трожь! — раздался сверху звонкий голос.

— А то что? — вызывающе спросил Иван, разглядывая вытянутое лицо мальчика, усыпанное веснушками.

Костя тем временем слез с дерева и, подбежав к нему, выхватил из рук книгу.

— Испачкаешь еще! — сказал он, глядя на его грязные руки с обкусанными ногтями.

— Пф, — фыркнул Иван. — Больно нужно! Я такой монгольфьер сам построю! — достал он из-за пазухи журнал, подаренный капитаном, и покрутил им перед мальчиком.

— Видал! Тут все подробно описано.

На самом деле он не собирался ничего строить. Ляпнул просто так, чтоб утереть нос этому выскочке.

— Угу! — промычал Костя, пытаясь разглядеть картинку, мелькающую у него перед глазами. — А из чего ты шар будешь шить? Из порток своих? — рассмеялся он.

— Хотя бы и из порток, — нахмурился Иван.

— А я знаю, где столько ткани отыскать! — вдруг серьезно сказал Костя.

— И где же?

— Скажу, если, воздушный шар мы будем вместе строить.

Позабыв о недавней ссоре, они принялись горячо обсуждать дальнейшие действия.

— Костенька, mon cher, идите есть грушу, — прервал их беседу тонкий, надрывный голос.

— Это моя гувернантка, — поморщился мальчик. — Она француженка и вечно появляется не вовремя. Завтра после обеда приходи! — тихо прошептал он.

За всеми этими событиями Иван совсем позабыл о скором объяснении с отцом. Чем ближе он подходил к дому, тем тягостнее становилось у него на душе.

15. Рассказ деда

Когда мальчик вошел в избу, отец чинил сбрую.

— Вернулся? — хмуро посмотрел он на него.

— Вернулся, — ответил Иван, виновато опустив голову.

— Ну, не ругай мальчика, — ласково сказал дед. — Энто он в меня пошел. В его возрасте я и не такое чудил. С самим Кутузовым однажды повстречался!

— Ты, старый, совсем из ума выжил, — рассмеялась Акулина. — Тебя, поди, и на свете в ту пору еще не было.

— Это твоя, Акулинушка, история тогда еще не писалась, а моя уж давно написана была.

— Сколько ж годков тебе будет? — удивился отец.

— Дак, поди, много. Еще деда царя нашего помню. Это ж сколько тогда?

— Считай, за девяносто перевалило, — прикинул в уме тятка.

Морщинки на его суровом лице разгладились. Взгляд посветлел.

— Батюшки светы, — ударил старик себя по коленям. — Энто я зажился здесь! Зажился. По такому поводу, так и быть, расскажу вам эту историю! Но только после щей! — строго сказал он, усаживаясь под образами.

Акулина вздохнула и тихонько перекрестилась, довольная тем, что отцовская буря миновала внука.

Иван подошел к отцу.

— Ты, тятка, прости меня! Не со зла я — по глупости убег, — повинился он.

— Знамо, что по глупости, — вздохнул отец.

Мать загромыхала заслоном печи, доставая ароматные щи. Поставила кринку свежего молока, достала пышный каравай, хоть и испеченный утром, но к вечеру не потерявший свежести. И только когда все были сыты, дед важно разгладил усы и неторопливо начал свой рассказ.

— Был я тогда еще мальцом неразумным. Время было беспокойное, французы уж к Москве подбирались. Отец мой в партизаны ушел, а мне наказал за главного в доме быть. По первой я тятку-то послушал, а как слухи поползли, что Наполеон к Москве подошел, тут я не выдержал. Стащил у матери мешок сухарей. В сенях взял вилы и с дружкой своим Федькой убег.

Партизанов мы не нашли, зато в лесах заплутали. Питались ягодами, корой, травой да водицей из ручья запивали. А как загромыхали вдалеке глухие раскаты орудийных залпов, пошли на тот звук. Ух, как нам не терпелось французов побить за то, что они на землю родную позарились.

Выбравшись из леса, мы увидели страшную картину. Отовсюду подымались черные клубы дыма, сквозь которые проглядывали языки огня. Стоял оглушительный грохот от пушечных залпов. Повсюду лежали мертвые и раненые. Раздавались их стоны и выкрики. От увиденного у меня задрожали коленки, но поворачивать назад было поздно.

Мы с Федькой, не сговариваясь, вскинули сабли, которые подобрали тут же, у мертвых, и ринулись в бой. Оказавшись в самой гуще рукопашной схватки, потерял я из виду своего дружка и более уж никогда его не видел. Убит ли он был шальной пулей или

конем затоптан, сейчас не разберешь. Все смешалось тогда вокруг. Я бросился бежать, сам не зная куда. Вдруг кто-то схватил меня за воротник и приподнял над землей.

«Ну, все, пропал голубчик!» — пронеслось в голове, и я отчаянно замахал саблей.

— Тише, тише, братец! Развоевался-то! — раздался низкий голос.

Меня, как котенка, держал за шкуру какой-то солдат. Оглядевшись, я увидел, что нахожусь среди наших офицеров. Один из них, невысокого роста, слегка полноватый, подошел ко мне. Сложив руки за спиной, он внимательно посмотрел на меня.

— Рано, братец, тебе еще умирать! Рано! Помереть-то дело нехитрое будет. Это ты всегда успеешь! — сказал он и более на меня внимания не обращал.

Спустя много времени, когда попалась мне на глаза картинка с полководцем Кутузовым, понял я, перед кем тогда стоял.

— Эх, и повезло же тебе! — воскликнул Иван, впечатленный рассказом.

— Как знать! — вздохнул старик. — Война, Ивашка, дело ведь неблагоприятное. Она только забирает и ничего не дает взамен. В ней нет победителей, а есть только проигравшие. Вот и тятка мой сгинул в той войне.

16. Как легко обмануть гувернантку

На следующий день Иван прибежал в Лещаново. Не успел он поздороваться с Костей, как раздался нервный голос его гувернантки:

— Константин! Говорила я матушке, что сидение на этом дереве не доведет до добра, — сказала она, неприязненно разглядывая босого мальчика.

— Ступай отсюда! — махнула она на него рукой и, взяв Константина за плечи, повела к усадьбе. Тот обернулся, скривив лицо, полное муки.

За время отсутствия Кости Иван придумал хитрый план. И когда тот появился через полчаса, бледный, с красными пятнами на лице, он тут же поделился с ним своей идеей.

— Выйдет ли? — неуверенно пробормотал Костя, выслушав его.

— Выйдет! — уверил Иван, и мальчишки принялись за дело.

Сначала они набили соломой его брюки и китель. Из обычного мешка соорудили голову, также ее наполнили соломой, а сверху, для пущей убедительности, надели фуражку.

Костя залез на дерево и разместил чучело так, как будто это он лежит на животе под навесом и, уткнув руки в подбородок, читает книгу.

В густых ветвях оно действительно походило на мальчика. Осталось лишь убедиться, что их план сработает.

Вскоре, шурша накрахмаленными юбками, выплыла гувернантка. Прищурившись, она долго смотрела сквозь листву, пока не убедилась, что ее мальчик на месте. Когда она чинно удалилась, ребята, сидящие в кустах, прыснули со смеха.

— Айда на речку, — крикнул Иван.

Они бежали по узкой тропке, пролегающей среди высоких луговых трав. Белые причудливые облака тянулись до горизонта, а воздух благоухал ароматами полевых цветов и звенел от жужжания пчел.

По дороге им повстречались друзья Вани.

— А это что за франт? — удивился Витя.

— Это Костя, сын графа Яблоневского.

— Ну, ничего себе! — присвистнул мальчик. — Сам граф к нам пожаловал! — съязвил он и сделал неловкий реверанс.

— Да ладно, — махнул Иван рукой. — Я его от гувернантки спас. «Костенька, мон шер, идите есть грушу», — передразнил он учительницу.

— Хороша жисть, ничего не скажешь — завистливо протянул Егорка. — А меня отец только так зовет: «Гришка, поди сюда, сейчас тебе оплеуху дам».

Ребята загоготали.

— А хотите, я вас грушами угошу? — вдруг предложил Костя.

— Вот это другой разговор! — обрадовался Витька и что есть сил засвистел в дырку меж зубов.

Егорка от избытка чувств сделал колесо и прошелся на руках.

Наперегонки ребята побежали к реке, обрывистые берега которой заросли кустами красной и черной смородины. Мальчишки с удовольствием срывали сочные гроздья ягод и с наслаждением засовывали в рот, набивая на зубах оскомину. А потом с разбега ныряли в быструю речку, которая извивалась широкой голубой лентой, блестела на солнце и призывно манила к себе.

Первым, с громким воплем, прыгнул в воду Витька, взметнув вокруг себя сноп голубых брызг. Следом за ним, как горох из стручка, посыпались остальные. Они без устали прыгали в воду — и с разбега, и с поворотом и перекувыркнувшись. Поднимали со дна зеленые комки тины и огромные коряги. Плавали на спине, насакивали друг на друга и веселились, как могли. А после валялись на берегу, засовывая руки и ноги в горячий песок, слушали, как теплый ветер шелестит в склонившихся от жары ивах, смотрели, как проплывают кудрявые облака в синеве неба.

— Это был лучший день в моей жизни! — сказал Костя своим новым друзьям, когда они уже подошли к его усадьбе. — Ждите здесь! — крикнул он и перелез через забор. Спустя некоторое время он вернулся с полными карманами спелых, ароматных груш.

Ребята еле успели разобрать их, как появилась гувернантка.

— Где это, Константин, ты так загорел? — удивилась она.

17. Воздушный шар

Строить монгольфьер Костя с Иваном уговорились в лесочке неподалеку от усадьбы. Там, в окружении густых елей, стояла ветхая избушка. Кто в ней раньше жил, они не знали. Изредка останавливались в ней пастухи, пережидая непогоду.

— А из чего мы будем шар шить? — спросил Иван, вновь повстречавшись с Костей.

Тот хитро посмотрел на него и кивнул в сторону избушки.

Заглянув туда, Ваня увидел сложенные аккуратными стопками рулоны льняной ткани.

— Откуда? — изумился он.

— Так батюшка мой ткацкой мануфактурой владеет, — пояснил мальчик. — С давних пор ткань эта хранилась в чулане. А что ей без дела лежать, пусть лучше нам службу добрую сослужит, подумал я.

— Ну ты и прохвост, — восхитился Иван. — Вот матушка тебя выдерет, когда узнает, что ты все ее запасы пустил на ветер.

— Зато теперь у нас есть все для того, чтоб смастерить настоящий монгольфьер, — махнул рукой Костя. — А у папеньки в кабинете имеются старые бланки, ими мы обклеим шар изнутри, — добавил он. Ему не терпелось скорее взяться за дело.

— Всего-то, вырезать лепестки одинакового размера и сшить их вместе, — пренебрежительно сказал он. — Мы легко с этим справимся!

Но, раскрыв журнал, подаренный капитаном Огореловым, ребята поняли, что перед ними стоит непростая задача.

Сначала по специальной формуле они высчитали количество лепестков, которое им понадобится для постройки шара. Оказалось, что их должно быть ровно шест-

надцать и каждый из них должен быть длиной чуть больше семи сажень, а шириной в одну сажень.

— Справимся ли? — присвистнул Костя, прикидывая в уме, что один лепесток должен получиться аккурат с поляну. Его пыл заметно поубавился.

— Не попробовав, не узнаем, — ответил Иван.

На их счастье, один рулон подходил размерами как раз для одного лепестка.

— Значит, необходимо вырезать их шестнадцать штук, — черкал Костя на листке. — У нас имеется двадцать. Должно хватить, — обрадовался он.

Они размотали ткань на всю поляну и дружно взялись за ножницы. Один вырезал с одного края, другой — с другого. Закончив, мальчишки придирчиво осмотрели работу друг друга

— Ты криво вырезал! — закричал Костя.

— И ничего не криво! — ответил Иван, разглаживая полотно руками. — Смотри, как ровненько. — А вот у тебя край словно корова пожевала, — осмотрел он его сторону.

— Врешь ты все! — разозлился Костя и толкнул друга

Если бы не пошел дождь, они наверняка бы подрались. А так, спрятавшись в ветхую избушку, они признались, что никто из них не умеет ни шить, ни кроить, и сошлись на том, что надо звать того, кто сможет сделать это лучше них. Выбор пал на Маришку, девчонку из деревни Ивана.

— Неужто полетит? — удивилась она, разглядывая картинку воздушного шара в журнале.

— Еще как полетит, — уверили ее мальчишки. — Только сначала эту гору ткани надо превратить в шар.

Они растянули на земле второй рулон, и Маришка, взяв уголек, расчертила на полотне тонкие линии.

— По ним и будем резать, — сказала она и выкроила первый лепесток.

— Ловко у тебя выходит, — похвалили ее мальчишки.

— Из каких только кусочков у меня матушка рубахи не шила! А тут что угодно можно сшить.

К вечеру у них было вырезано пять лепестков. А через два дня все шестнадцать, и они принялись их сшивать вместе. Тяжелая ткань то и дело норовила выскользнуть из рук, съехать с колен, но ребята не сдавались, шили, искалывая острыми иглами неловкие пальцы.

Вскоре они приловчились к этому занятию и к концу третьей недели сшили все лепестки вместе и даже обклеили их изнутри старыми бланками.

Вечерами Иван мастерил корзину из ивовых прутьев.

— Для чего тебе такая громадина? — удивлялась Акулина.

— Пригодится, — только и отвечал ей мальчик.

18. Монгольфьер подымается в небо

День, на который ребята запланировали полет, с самого утра был солнечный. Мальчишки выкопали большую яму, сложили в нее старые доски, солому, сухие ветки, залили все дегтем и подожгли.

Когда повалил густой черный дым, они решили подтащить шар ближе, но не смогли даже сдвинуть его с места. Ребята немного приуныли.

— Чего это вы пригорюнились? — вдруг раздался насмешливый голос, и из-за деревьев выглянул высокий, худощавый мужчина.

— Отец? — воскликнул Костя. — Как ты догадался?

— Ты этим своим чучелом только подслеповатую гувернантку и смог обмануть, — расхохотался он. — Но об этом поговорим позже. А сейчас давайте закончим то, ради чего вы здесь собрались. Ведь начатое дело всегда надо доводить до конца, — подмигнул он Маришке с Иваном.

— Михайло! Гришка! — позвал он работников. — Сами-то мы, пожалуй, и не справимся, — поддел он ногой лежащую на земле тяжелую грудку ткани.

Крепкие мужики в два счета расправили отверстие шара над ямой, и он начал наполняться горячим воздухом.

— Смотрите не сожгите! — покрикивал на них отец Кости, пока сам вместе с мальчишками привязывал его с двух сторон к стволам, чтоб тот не улетел раньше времени.

Вскоре монгольфьер, сшитый из разноцветных полос, округлился и горделиво покачивался среди верхушек деревьев.

— Удивительно, что вы сумели справиться с этой задачей, — воскликнул граф, разглядывая шар. — Я до последнего думал, что у вас ничего не выйдет.

— Получается, ты давно обо всем знал? — спросил Костя.

— С самого начала! Но я решил не вмешиваться, так как мне стало любопытно, чем все закончится, — ответил отец, затягивая отверстие так, чтобы из него не выходил воздух.

Когда мужики привязали корзину к шару, граф первый запрыгнул в нее.

— Залезайте, братцы, если не передумали.

Лишь Маришка отказалась.

— Боязно мне, — попятилась она.

Мужики обрезали веревки, удерживающие монгольфьер, и тот медленно поднялся над землей. Его пассажиры с восторгом смотрели вниз. Перед ними расстился знакомый луг, а чуть дальше лес до горизонта, за которым виднелись крыши домов соседней деревни. Изумленные крестьяне что-то кричали им и махали руками. Слов было не разобрать, но лица у многих были испуганные. Некоторые из них с вилами наперевес пустились вдогонку за шаром.

— Вот темнота, — хохотал граф.

Вскоре воздух в шаре стал остывать, и они начали плавно снижаться.

Маришка бежала за ними следом и махала ребятам.

— Это что за пузырь, деточка? — остановила ее беззубая старуха.

— Монгольфьер, бабуля! — радостно прокричала девочка.

— Чего удумали-то! — перекрестилась она и заспешила прочь.

Вслед за Маришкой бежали гувернантка Кости и его матушка.

— Костенька, вернись! — кричала гувернантка, заламывая руки. Ее чепчик с розовыми рюшками дрожал на ветру.

— У нас все хорошо! — кричал им мальчик.

— Спускайся скорей! — умоляла его матушка, хватаясь за сердце.

Вскоре шар опустился на лугу.

— Как ты мог! — всхлипывала графиня, ощупывая сына. — А ты? Как допустил это? — рассерженно смотрела она на мужа.

— Все же хорошо, — успокаивал он ее, слегка обнимая за плечи.

— И хорошо, что хорошо! А если нехорошо вышло бы?

— Что уж теперь об этом говорить, — вытер он ей слезы и приказал убрать воздушный шар подальше, чтоб больше он не тревожил неокрепшие умы ребят.

— Иди попрощайся. Завтра в Москву едешь, — подтолкнул он сына к друзьям. — Воздухоплаватели! — сказал он, подняв вверх палец, и деликатно отвел любопытствующих дам в сторонку.

Когда их бричка скрылась из виду, Иван с Маришкой побрели домой.

— Как там, наверху? — поинтересовалась девочка у него.
— Красиво. Все как на ладони видать: и соседние деревни, и речку, и поля, и луга. Жаль, что не повторить, — вздохнул он.

Родители Ивана вернулись к вечеру. Целый день они были на дальних покосах, но и до них долетел слух о том, что опять учудил их сын.

— А кабы убился? — причитали мать с Акулиной
— И как такое в голову взбрело, — устало качал головой отец.

19. Встреча с царем

— Ивашка, пойди лошадь запряги, — сказал как-то отец в конце лета. — Поедем в Москву, лен продавать.

Мальчишка вскочил с печи. Ему страсть как Москву хотелось посмотреть.

Город встретил их морозящим дождем, густым утренним туманом и прелым запахом яблок. Опавшие листья кружили по мостовой, выложенной брусчаткой.

— Вот бы так у нас в деревне улицы выложить, — вздохнул мальчик, вспоминая непролазную осеннюю грязь в деревне.

Отец улыбнулся:

— Говорят, раньше каждый приезжий должен был по три камня с собой привезти. И размером чтоб не меньше гусиного яйца. Так и вымостили, да и то не все. Москва ведь большая. Камней не напасть.

Действительно, Москва удивляла размерами. Во все стороны расходились улицы и улочки, некоторые из них выходили на широкие площади, а другие оканчивались грязными задворками. По ним спешил разный люд. Сидя на облучках, пролетали бордатые извозчики, шли в лавки булочники и мясники. Подводы везли на рынки товар. Тут же сновали шустрые разносчики:

— Сайки, ситные пироги, моченый горох, — выкрикивали они.
— Тягька, а давай опосля на чугунку съездим, — предложил Иван.
— Эка невидаль, чугунка! — заворчал тот. — Вот лен продадим, а там посмотрим.
Но мальчик знал, что, продав товар, отец сразу отправится домой.

— Я тогда хоть окрест поброжу, — уныло сказал он, пиная пыльную мостовую.

Разглядывая витрины, мальчишка не заметил, как вышел к большому зданию, увенчанному часовой башней.

«А вокзал-то с башенкой, и экипажи каждый момент останавливаются, только успевай поворачиваться, чтоб не задели», — вспомнил он слова Витьки.

И действительно, площадь была запружена колясками. Из них выходили дамы в шуршащих платьях и изящных шляпках, мужчины в строгих сюртуках и цилиндрах. К ним подскакивали услужливые носильщики.

Послышался надрывный гудок, и мальчишка сообразил, что это как раз и есть тот самый паровоз. А значит, и он теперь может хоть одним глазком глянуть на него.

Протиснувшись сквозь толпу, он вошел в здание. Оттуда пробрался на перрон с высоким сводчатым навесом и с восторгом огляделся.

Ему нравилось здесь все: и острый запах паровозной гари, и нарядные пассажиры, степенно прогуливающиеся вдоль перрона, и кондуктор в фуражке с кожаной сумкой через плечо. Но более всего его занимала сама машина, стоявшая перед ним на расстоянии вытянутой руки.

— Вот чего удумали, — пробормотала стоявшая рядом с ним старуха. — Бесовскую силу в котел посадили, и толкает она энтот самовар, старается, и выходу ей нет, — откусила она пирог с капустой.

— Так это, бабуся, пар машину толкает, — возразил Иван.

— Так разве разберешь, как этих чертей звать. Ты хоть как его назови, мне все равно, — махнула она рукой.

Тут раздался звонок, и пассажиры ринулись в вагоны. Старушка ловко подхватила свой узел и устремилась за всеми.

Когда кондуктор хотел было уже свистнуть в медный свисток, висевший у него на груди, на опустевший перрон выскочил мужчина с густыми черными усами, топорщившимися в разные стороны. Широкие штаны, заправленные в высокие, начищенные до блеска сапоги, белая холщовая рубаша с вышитым узором по вороту и лихо заломленная фуражка с красным околышем выдавали в нем помещика. Следом за ним семенила супруга, которая была под стать ему: дородная, в длинном платье, с цветастой шалью, накинутой на пышные плечи. За ней гуськом тянулась вереница детей. Последним, погромыхивая тележкой, неся взмыленный носильщик. С трудом толкал он нагруженную тачку, на которой высилась гора чемоданов, мешков и коробок.

Пока глава семейства укладывал чемоданы в багажный вагон, кондуктор помогал его большому семейству рассаживаться.

— Поторапливайтесь! — подгонял он неторопливых пассажиров.

Иван стоял рядышком и с завистью поглядывал на них.

«Вот бы разок прокатиться», — думал он, пытаясь заглянуть внутрь вагона.

Но самый дешевый билет стоил аж целых три рубля. Таких денег у него отродясь не бывало.

— А ты чего мух считаешь? — сердито глянул на него кондуктор и, подхватив под мышки, подтолкнул в вагон.

Мальчик попытался вывернуться из его цепких рук, но в ответ получил легкую затрепину.

— Не балуй! — погрозил ему он.

А дородная помещица, пересчитывающая своих детей, потеснила его еще дальше в глубь вагона.

К выходу он смог пробраться, когда паровоз уже набрал ход.

— Куда? — закричал кондуктор, схватив его за воротник. — А ну кажи билет!

Мальчишка вжал голову в плечи. Но, на его счастье, тот не стал сдавать его солдатам, а просто высадил на следующей станции.

— Только попадись еще! — крикнул он ему напоследок.

Иван, вздохнув, побрел назад. Сколько ему еще идти? Ох, и выпорот его тятка за это! — невесело размышлял он, бредя по железнодорожным путям.

— Эй! — вдруг раздался тонкий мальчишеский голосок.

Обернувшись, Иван увидел чумазого пацаненка, сидевшего на насыпи.

— Вот чудак, — хохотал тот, услышав его историю. — Что в этих паровозах интересного? Кажинный день ходят туда-сюда. Мой тятка обходчиком работает. Я этих машин вот так насмотрелся. Меня Яков зовут.

— А я Ивашка, — представился он новому знакомому.

— Я думал, ты на царя захотел поглядеть, — сказал Яков, таинственно понизив голос.

— Какого царя?

— Знамо какого! Нашего. Тятка сказывал, ныне он здесь проезжать будет.

— Врешь! — не поверил Иван

— Ей-богу! — перекрестился Яков. — Поговаривают, у него целый поезд в распоряжении имеется. А там, говорят, все стены бархатом обиты, а стулья каждый из золота.

— Стулья, говоришь, из золота? — прервал их беседу высокий дядька с окладистой бородой.

Мальчишки, увлеченные разговором, не заметили, как он подошел к ним.

Не заметили они и того, что невдалеке от них из-за неисправности остановился поезд. А уж о том, что это и есть тот самый царский поезд, они и подумать не могли.

— Так сказывают! — заикаясь, пробормотал Яков, сползая вниз по насыпи. — Я сам не видел. Так сказывают, — кричал он, убегая.

Иван растерянно смотрел на его удаляющуюся фигуру. Что делать? Тоже бежать? — пронеслись у него в голове мысли. А куда?

— Чего здесь сидели-то? — спросил дядька.

— На царя хотели поглядеть.

— Ну, гляди — коли не шутишь!

Мальчик недоверчиво поднял глаза вверх. Раньше ему доводилось видеть царя лишь на лубочной картинке, которую Акулина прикупила по случаю у коробейника.

Изображение его висело в красном углу, наравне с иконами.

— Царь ведь после Бога первым будет. Кто ж за него помолится, как не простой крестьянин, — говорила она и творила молитву — сперва Богу, а потом царю.

Мужчина же, который стоял напротив, совсем не походил на царя.

Не было ни короны, ни прочих царских признаков. Да и одет он был слишком просто: штаны, заправленные в солдатские сапоги, простая рубаха и сверху накинутая поддевка.

— Откуда ты, мальчик, будешь? — нарушил царь тишину.

— Из Проскудинки. Восемьдесят верст отсюда, — ответил Иван.

— Ты что ж это, специально издалека приехал, чтоб на царя посмотреть? — удивился тот.

— Нет, — мотнул головой он и поведал о своих злоключениях.

— Вот чудак! — рассмеялся дядька и посмотрел в сторону, откуда, в клубах сизого дыма, двигался, блестя железными боками, поезд.

Когда состав поравнялся с ними, царь заскочил в вагон и помахал мальчику.

— Ну, прощай, братец! — крикнул он.

Иван долго еще смотрел вслед, не веря в происходящее.

До вокзала он дошел за два часа. Отец был уже там.

— Где тебя, сорванца, еще искать было? Сказал же, не поедем на чугунку. Нет, он сам убег. Вот я тебя за уши дома оттаскаю.

— Тятка, а я царя видал.

— Какого еще царя?

— Знамо какого. Нашего. Другого у нас нет, — протянул он ему новенький серебряный рубль, который ему подарил сам император Александр Третий.

— Прямо самого царя? — взял монету отец. — И каков он будет?

— Большой, как шкаф. Ручища как молоты в кузнице. А глаза добрые.

Разговоров об этом происшествии хватило им на всю дорогу.

Уже подъезжая к дому, Иван спросил отца:

— Вот Акулина сказывала, что царь первый после Бога будет. А он ведь мне совсем другое молвил: «Россия — это прежде всего ее народ, и народ этот — самая главная опора царя». Так кто же прав?

— Так правильно. Коли не было бы нас, кем тогда бы царь правил? Вот и получается, что служит он нам и перед Богом за нас отвечает.

20. Последний подарок Акулины

Осень пришла на землю тихим шорохом сухой листвы, первыми звонкими заморозками и тонкими, невесомыми паутинками, разлетающимися по лугам.

Убранные поля стояли черными, мокнувшими под холодными осенними дождями. А полные закрома доверху были набиты золотистым зерном.

— Подойди ко мне, ягодка моя, — подозвала Акулина Ивана в один ненастный вечер.

— Держи, — протянула она ему ключ от своего большого кованого сундука, стоявшего в углу.

— Зачем это? — удивился мальчик.

Ведь никому раньше она не разрешала даже заглядывать туда и ключ от него всегда носила с собой.

— Подарок там для тебя. Хотела сама отдать, да, видно, уж не придется. Часики-то тикают, — кивнула она в сторону ходиков, — да только ничего они не знают. Время-то оно здесь, — прижала старуха ладонь к своей груди. — Чувствую я, Ванюша, немного мне осталось.

Ушла Акулина тихо — во сне, никому не причинив неудобств, как и всегда жила.

Иван не сразу решился открыть ее сундук. Все казалось ему, что уйдет тогда что-то безвозвратно. А когда открыл — пахло на него жаркими летними днями. Долго перебирал он в руках мешочки с травами, которые собирал с Акулиной летом.

«Это сныть — для батюшки твоего от ревматизма. А это душица — ею буду тебя зимой поить», — зазвучали в его голове слова бабушки.

Вздохнув, он достал лежащий в самом углу тугой сверток. Развернув его, понял, что это одеяло, собранное из множества узорчатых лоскутов. Любуясь им, мальчик заметил зеленый лоскуток, который в паре с желтым квадратом и тонким голубым отрезом образовывали занятный узор. И что-то знакомое ему в этом почудилось. Силится он вспомнить, где видел его, и никак не может. Уж и все дела в доме переделал, а узор из головы не выходит. Вышел из избы, уселся рядом с дедом на крыльцо. Долго смотрел, как медленно уходит день, превращая голубое небо сначала в фиолетовое, потом в темно-синее, и, заалев яркой полосой у горизонта, исчезает до завтра.

Вдруг в вышине послышался печальный крик гусей. Дед поднял голову. В гаснущем небе четко выделялись силуэты птичьей стаи, летящей ровным клином.

— Гуси летят. На хвосте зимушку ташат, — промолвил он, провожая их взглядом.

Иван смотрел на удаляющийся белесый косяк.

— А ведь и на одеяле есть такой же маленький светлый треугольничек, — мелькнула у него мысль. — Вот оно что! — закричал он, обрадованный своей догадкой, и, вскочив с крыльца, бросился в избу.

Развернув одеяло, он внимательно посмотрел на узоры. Зеленые лоскутки — словно островки леса, среди которых виднеются синие пятна озер. А темные лоскуты — как бочажки с застывшей водой, те самые, которые Иван так отчетливо видел во сне. За ними идут желтые и красные полосы — будто отрезки полей, засеянные рожью и гречихой, а по краям голубой лентой стелется полоска созревшего льна. А вот и белый треугольник, клином врезался в ткань — будто косяк гусей летит.

— Это же то самое узорчатое полотно из моего сна, которое так хотелось мне тогда рассмотреть, но не удалось! — воскликнул мальчик. — И как Акулина так сумела?

Забарабанили по окну тяжелые капли осеннего дождя. Забрался Иван на теплую печку, укутался с головой в бабушкино одеяло. И повеяло вдруг медовыми травами, словно сама Акулина укрыла его.

Евгений БЕРКОВИЧ

ГРАНИЦЫ ПОНИМАНИЯ И БЕЗГРАНИЧНОСТЬ НЕПОНИМАНИЯ

Полемика Томаса Манна с Якобом
Вассерманом по еврейскому вопросу

Отношение Томаса Манна к еврейскому миру стало предметом исследований лишь в XXI веке — спустя пятьдесят лет после смерти писателя. То, что в советское время эта тема замалчивалась, неудивительно. Тогда даже упоминание слова «еврей» в печати было событием. В превосходной биографии Томаса Манна, написанной переводчиком и крупным знатоком его творчества Соломоном Аптом, изданной в серии «Жизнь замечательных людей» в 1972 году, это слово встречается на всех 352 страницах всего четыре раза [Апт, 1972]. Конечно, составить представление об отношении Манна к острому еврейскому вопросу, волновавшему писателя всю сознательную жизнь, по такой монографии невозможно.

О двойственном отношении писателя к еврейскому вопросу начали серьезно говорить только в XXI веке (см., например, мои недавние работы в журналах «Нева» и «Вопросы литературы»: [Беркович, 2016], [Беркович, 2018], [Беркович, 2018a]).

Томас Манн разделял распространенные в его время предрассудки в отношении евреев, недооценивал опасность немецкого антисемитизма, верил в существование если не «еврейской расы», то мифического «еврейского элемента», сплывавшего всех потомков Авраама в единый род.

Наиболее отчетливо эти стереотипы в отношении евреев проявились во время не продолжительной, но очень многозначительной полемики Томаса Манна с его коллегой Якобом Вассерманом в 1921 году.

* * *

Имя писателя Якоба Вассермана мало что говорит современному читателю, хотя роман «*Каспар Хаузер*» и некоторые другие его книги до сих пор издаются и в Германии,

Евгений Михайлович Беркович — публицист, историк науки и литературы, издатель. Окончил физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат физико-математических наук, доктор естественных наук (Германия). Создатель и главный редактор журнала «Семь искусств» и ряда других сетевых изданий. Автор книг «Заметки по еврейской истории» (М., 2000), «Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории холокоста» (М., 2003), «Революция в физике и судьбы ее героев. Томас Манн и физики XX века» (М., 2017), «Революция в физике и судьбы ее героев. Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века» (М., 2018) и др. Публиковался в журналах «Нева», «Новый мир», «Знамя», «Иностранная литература», «Вопросы литературы», «Человек» и многих других изданиях.

и в России. В конце XIX и начале XX века книги Вассермана выходили огромными тиражами в разных странах, это был один из самых известных писателей того времени. Достаточно сказать, что в 1921 году количество опубликованных его книг достигло пятнадцати, при этом «*Каспар Хаузер*» вышел уже двадцать четвертым изданием, «*Человечек с гусьями*» («*Das Gänsemännchen*») — семьдесят вторым, «*Кристиан Ваншаффе*» — сорок шестым [Mann, 2002d, с. 241]. Эрих Мария Ремарк, обсуждая в очерке 1925 года читательский успех различных писателей, приводит такие тиражи книг Вассермана: «*Человечек с гусьями*» — 280 тысяч, «*Кристиан Ваншаффе*» — 51 тысяча экземпляров [Ремарк, 2014]. Для того времени это немалые тиражи!

В большом очерке «*Парижский отчет*» («*Pariser Rechenschaft*»), опубликованном в 1926 году, Томас Манн пишет:

Популярность Вассермана в Америке чрезвычайно велика; он обязан ей прежде всего социал-религиозными сюжетами в своей «фабрике грез» и еще больше тем, что его творения безусловно и точно соответствуют жанру романа, писатель обладает даром сочинительства, которым он нас всех поражает [Mann, 1960b, с. 97].

Дружеские отношения между писателями установились давно, еще в пору первых литературных опытов Томаса Манна. В «*Застольной речи в честь Вассермана*» («*Tischrede auf Wassermann*»), произнесенной и опубликованной в 1929 году, Томас вспоминал, как в 1896 году именно Якоб вручил ему первый писательский гонорар — за новеллу «*Воля к счастью*», напечатанную в недавно созданном журнале «*Simplicissimus*», куда Вассермана незадолго до этого взяли сотрудником [Mann, 1984, с. 400]. Работа в журнале буквально спасла будущего автора «*Каспара Хаузера*»: Вассерман в прямом смысле слова погибал от голода. От той поры нищеты у писателя на всю жизнь остался диабет — болезнь, связанная с нарушением обмена вещества и приведшая его к смерти в шестьдесят лет. С бедностью связан и его очень мелкий почерк, который он приобрел, чтобы записывать тексты на полях бесплатных газет — на нормальную писчую бумагу у него не было денег.

В 1898 году Вассерман женился на Юлии Шпайер (Julie Speyer), дочери богатого венского предпринимателя. С этого момента писателю больше не нужно было думать о деньгах для хлеба насущного, и он полностью отдал себя литературе. Большею частью Вассерман жил в Вене, где подружился с ведущими австрийскими писателями. Особенно популярным он стал в Веймарской республике, читателям того времени были по душе блеск, изощренность и виртуозность писательского стиля Вассермана.

Его успех у немецкой публики был бы еще грандиознее, если бы он отказался от своего происхождения, перестал бы подчеркивать, что он еврей. Сделать это было бы нетрудно: внешне Вассерман не был похож на того карикатурного еврея, изображения которого потом заполняют нацистскую газету «*Stürmer*». Люди, которым он признавался в своих еврейских корнях, часто удивлялись — настолько его поведение и облик не совпадали с их представлением о том, как должен был поступать и выглядеть еврей.

Для антисемитов Вассерман представлял собой необъяснимый феномен. Ходили даже слухи, что у него есть предки христиане, так что в смысле расы он не вполне еврей.

И в своем творчестве Вассерман оставался загадкой для тех, кто был уверен в особенностях «еврейского стиля» в литературе. Еще со времен Рихарда Вагнера у антисемитов считалось, что еврей — не творец, а подражатель, не патриот, а космополит, он пишет язвительно и желчно, стараясь не укрепить, а разрушить общество, в котором живет. Ничего этого у Вассермана не было, что вводило в заблуждение даже таких откровенно расистски настроенных критиков, как Адольф Бартельс, которого упоминал Томас Манн в эссе «*Решение еврейского вопроса*» (1907). Бартельс вынужден был

похвалить Вассермана и признать за его романами высокое художественное достоинство, хотя это и не соответствовало пропагандируемой им теории о неразрывной связи литературы с «кровью и почвой».

Путь Вассермана к славе одного из самых читаемых немецких авторов был долгим и трудным. Писатель прошел его, не пытаясь сделать путь короче и легче. Добиться этого было бы просто: нужно было креститься и согласиться с мнением, что среди его предков были чистокровные арийцы. Это быстро добавило бы ему новых восторженных почитателей. Но Вассерман не сделал ни того, ни другого. Он пошел на трудности сознательно, добиваясь для себя ответа на мучивший его вопрос: можно ли быть одновременно и немцем, и евреем? Он как бы поставил над собой эксперимент длиной в жизнь и тщательно фиксировал все свои попытки стать, «как все», и ответы общества, вновь и вновь напоминавшего ему, что он «другой».

Итогом эксперимента стала книга *«Мой путь как немца и еврея»* («*Mein Weg als Deutscher und Jude*») [Wassermann, 1987 (erste Ausgabe 1921)], вышедшая в свет в 1921 году и через два года переведенная на русский. Основной вывод автора книги: немецкая публика никогда не принимала его как своего, так как всегда видела в нем еврея, а не немецкого писателя. В конце книги Вассерман формулирует десять горьких утверждений о немцах, каждое из которых начинается со слова «бесполезно». Вот только несколько примеров:

Бесполезно подставлять правую щеку, если ударили по левой. Это их нисколько не озадачит, не обеспокоит, не обезоружит: они ударят и по правой.

Бесполезно вести себя примерно. Они скажут, мы ничего не знаем, ничего не видели, ничего не слышали.

Бесполезно идти среди них и предлагать им свою руку. Они скажут: что он со своим еврейским нахальством хочет с них что-то получить.

Бесполезно жить и умереть за них. Все равно они скажут: он еврей [Wassermann, 1987 (erste Ausgabe 1921), с. 129].

Отношения Томаса Манна и Якоба Вассермана всегда оставались дружескими, бывая в Мюнхене, Якоб обязательно навещал Томаса и Катю в их вилле на Пошингерштрассе. Новую книгу Вассермана Томас прочитал буквально через несколько дней после выхода ее из типографии — издатель Самуил Фишер прислал экземпляр своему постоянному автору. В дневнике за 30 марта 1921 года Манн помечает: *«Читал автобиографический текст Вассермана»* [Mann, 1979, с. 497].

Книга задела Манна за живое. Выводы Вассермана не соответствовали его взглядам «на еврейский вопрос», поэтому в дневнике от 3 апреля появилась запись, что он вчера после обеда *«начал обширное письмо Вассерману, прервав работу над романом, сегодня утром письмо закончил»* [Mann, 1979, с. 498].

Это письмо вначале носило частный характер, но после смерти Вассермана было опубликовано в 1935 году его вдовой Мартой Карлвайс (Marta Karlweis) в книге-биографии ее мужа, вышедшей с предисловием Томаса Манна [Karlweis, 1935]. С позиций 1935 года Томас Манн так оценивал свое письмо Вассерману, написанное четырнадцать лет назад: *«длинное, хорошо написанное в 21-м году в духе „Размышлений [аполитичного]“ письмо от меня Якобу, непозволительно легковое в том, что касается Германии»* [Mann, 1978, с. 186].

Действительно, в письме 1921 года Томас Манн легкомысленно оценивает немецкий антисемитизм как вполне невинное явление, слабо влиявшее на жизнь писателя-еврея. Прежде всего Томас Манн убеждает своего друга, что причина его трудностей во все не в еврействе:

Я не хотел бы Вас обидеть, мое желание как раз противоположное, но порыв Вам возразить столь силен, что я в данный момент не могу себя сдерживать. Я с высоким уважением и с симпатией отношусь к Вашим субъективным переживаниям, но все ли действительно так? Не играет ли тут большую роль писательская ипохондрия? Некоторые Ваши жалобы относятся вообще к общенемецким обстоятельствам, и каждый нееврейский немецкий романист мог бы их выдвинуть [Mann, 1988, с. 475—476].

Далее автор письма подчеркивает успешность Вассермана-писателя:

Ваши природные дарования, характер и талант высоко вознесли Вас как духовно, так и социально. История, как у Вас гостил Ваш старый отец, достойна быть описанной в романе [Mann, 1988, с. 476].

Томас Манн имеет в виду трогательный рассказ Якоба об отце, бедном торговце и неудачном предпринимателе, так и не добившемся богатства, несмотря на то, что всю жизнь упорно трудился. Когда тридцатилетний Якоб пригласил отца на недельку погостить у себя, тот все время тихо удивлялся, а на прощание сказал: «*Это был первый отпуск в моей жизни*». Через восемь дней после возвращения домой он умер. Ему было пятьдесят шесть лет [Wassermann, 1987 (erste Ausgabe 1921), с. 11].

Продолжая письмо 1921 года, Манн напоминает, что имя Вассермана сияет на небосклоне немецкой литературы, его романы заслуженно имеют громадный успех у публики. Так на что же жаловаться писателю? Томас убежден, что с такими же трудностями и проблемами, с которыми Вассерману приходится сталкиваться, знаком каждый художник, каждый писатель. Творческая личность поневоле ощущает одиночество, поэтому ссылаться на еврейство как причину отчужденности от общества необоснованно. Более того, еврейскому писателю еще повезло, так как еврейские читатели в своей массе более чувствительны, лучше понимают юмор и романтические переживания, описанные автором, чем медлительные и менее сообразительные коренные немцы [Mann, 1988, с. 477].

Конец письма содержит ту самую «непозволительно легковерную» оценку Германии, о которой Томас Манн сожалел в 1935 году:

Существует ли вообще эта национальная жизнь, из которой еврея якобы пытаются вытеснить, в отношении которой ему могли бы выказывать недоверие? Может ли Германия, такая космополитичная, какой она является, все принимающая, все пытающаяся переработать, имеющая национальный характер, в котором вечно борются северное язычество и южная страстность, смешиваются западное гражданственность и восточная мистика, — может ли она быть почвой, в которой ростки антисемитизма могли бы пустить глубокие корни? [Mann, 1988, с. 475—476].

Очевидно, Томас Манн, как и многие его современники, не принимал немецкий антисемитизм всерьез. Хотя к Вассерману он относился дружески, но его автобиографическую книгу прочитал как сборник необоснованных жалоб и эгоистических сетований, вызванных «*писательской ипохондрией*». «Еврейский вопрос», по Томасу Манну, решается просто. Евреи должны полностью ассимилироваться, а если на этом пути и возникают трудности, то нужно просто запастись терпением, они скоро будут преодолены.

Подобные упрощенные взгляды и неверные оценки были распространены в опустошенной войной и революциями Европе. Для простых людей на первом месте стоял вопрос собственного выживания, а скорби и обиды какого-то национального меньшинства мало кого интересовали. Именно это настроение и отразилось в письме

Томаса Манна. Неудивительно, что оно вызвало возмущение Якоба Вассермана, на своей шкуре испытавшего все «прелести» якобы не существующего в Германии антисемитизма.

За ответное письмо Якоб взялся сразу, как только получил послание Томаса Манна [Wassermann, 1988]. Безучастность к страданиям евреев Вассерман расценивал как возмутительное, поэтому промолчать не мог.

Свои успехи, на которые ссылается Манн, Вассерман рассматривает как результат *«тридцатилетней работы, непрерывной работы над собой, над человеком, над произведениями»* [Wassermann, 1988, с. 478]. Но главное в его письме не это. Автор книги *«Мой путь как немца и еврея»* подчеркивает, что ему важны не факты своей биографии, не собственный путь к славе и признанию. Он хотел показать типичную судьбу «чужака», стремящегося стать «своим» в стране, которая его таким не считает. Вассерман с горечью признается, что из письма своего друга он понял, что человек такого типа, происхождения, воспитания, внутренней конституции, как Томас Манн, не в состоянии понять описанный конфликт человека и общества. Разница судеб еврейского и немецкого художника, которую отрицает Томас Манн, Вассерман видит в следующем:

Вы не можете сослаться на общую долю художника, потому что трудностей на моей стороне было вдвое больше, чем на Вашей. Если Вы были под давлением десяти атмосфер, то на меня давило двадцать; если Вы должны были сражаться с дюжиной призраков, то я с двумя дюжинами [Wassermann, 1988, с. 478].

Вассерман ставит в упрек автору *«Тонио Крёгера»* полное непонимание драмы еврейского населения Германии. Герой этой новеллы раздвоен между миром отца, *«высокого, изящно одетого господина, с умными голубыми глазами»*, и миром *«черноволосой красавицы матери»*, привезенной когда-то *«из далеких краев, расположенных в самом низу карты»* [Манн, 2011d, с. 270—271].

Но что значит эта раздвоенность по сравнению с той пропастью, которую еврей должен преодолевать изо дня в день? Пропастью между тем миром, из которого он родом, но ему уже не принадлежит, и другим миром, признания которого он хотел бы добиться, но тот его упорно не признает и постоянно в чем-то подозревает. Полностью быть принятым в этот новый мир еврею не удастся никогда.

Ссылаясь на слова Томаса Манна об успехах евреев, об их господстве во многих областях жизни современной Европы, Вассерман подчеркивает, что этот успех и это господство сопровождаются неизбежной ненавистью масс, постоянными подозрениями со стороны коренного населения. Он пишет:

Только представьте себе, какую чудовищную энергию, волю, самообладание нужно было проявить человеку, чтобы чего-то достичь. Только представьте себе, что добивается положения в обществе лишь узкий слой, в то время как 8—9 миллионов прозябает в галуте. Нужно самому помучиться в галуте, чтобы узнать, что это значит, вкусить стыд, унижение, издевательство, чтобы понять, что это такое. Иначе давать оценку было бы опрометчиво [Wassermann, 1988, с. 479].

Якоб Вассерман напоминает Томасу Манну, что уже шесть-восемь десятилетий немецкие студенты не принимают в свои союзы еврейских товарищей по обучению, объявляя их неполноценными и недостойными даже вызова на дуэль. Конечно, это можно объявить не заслуживающей внимания мелочью, пустяком, но эта «мелочь» отравляет жизнь тысячам молодых людей. Несмотря на формальное равенство в правах, общество, за редким исключением, не допускает евреев-военных до получения

офицерских званий, евреев-юристов до назначения судьями, евреев-ученых до получения профессорских кафедр [Wassermann, 1988, с. 480].

Не видеть этой несправедливости, этого ежедневного унижения, этого явного нарушения общепринятых прав гражданина может только человек, далекий от этих проблем, не испытавший их на себе, у кого нет сострадания к «униженным и оскорбленным».

Заканчивая письмо, Вассерман подчеркивает, что он описывал в своей книге многочисленные случаи дискриминации евреев «не жалуясь, а обвиняя» [Wassermann, 1988, с. 480].

Неизвестно, ответил ли Томас Манн на письмо Вассермана, но и эта короткая дискуссия четко показала, что автор новеллы «Кровь Вельзунгов» и эссе «Решение еврейского вопроса» недооценивал антисемитизм в Германии, не видел опасности, нависающей над евреями всей Европы. Аргументы Вассермана на Томаса Манна не действовали. Он и дальше продолжал считать, что антисемитизм — маргинальное явление, нехарактерное для якобы «космополитичной Германии». В полемике с Вассерманом Томас Манн показал себя недаленовидным пророком.

Учитывая мнение Томаса Манна о юдофобии в Германии, неудивительно, что в его художественных произведениях часто встречаются евреи, но практически не показаны антисемиты. Только в конце романа «Волшебная гора» на короткое время возникает комический персонаж торговца Видемана, которого читатель вряд ли принимает всерьез. Имя Видемана в романе не названо, про него только сказано:

Он носил фамилию Видеман, христианская фамилия, не какая-нибудь нечистая [Манн, 1959, с. 484].

Воинственный антисемитизм Видемана при этом всерьез не слишком осуждается, рассматривается как занятие нездорового человека:

Владеющая им навязчивая идея постепенно довела его до какого-то зудящего недоверия, до маниакальной жадности преследовать, и как только ему казалось, будто подле него таится или прячется под личиной что-то нечистое, он сейчас же выволакивал это на свет и поносил. Где только мог, он язвил, порочил, злопыхательствовал. Словом, единственным содержанием его жизни стало клеймить всех тех, кто не обладал его единственным преимуществом [Манн, 1959, с. 484].

Но и еврей Зонненшейн, возненавидевший Видемана за его колкости, показан тоже с изрядной долей издевки. Сцена драки, когда Видеман и Зонненшейн «самым самым и зверским образом вцепились друг другу в волосы», подана как жестокая детская игра:

Они колотили друг друга как мальчишки, но с отчаянием взрослых, которые дошли до драки. Они царапали друг другу лицо, нанося удары, хватали друг друга за нос или за горло, обнявшись, со свирепой серьезностью катались по полу, плевались, пинали, толкали, лупили друг друга и кипели бешенством [Манн, 1959, с. 484].

По логике автора, единственный антисемит в романе заслуживает, конечно, порицания за свое дурное поведение, но и еврей, ему противостоящий, показан ребячливым и несерьезным. Весь конфликт глазами взрослого человека заслуживает лишь иронической усмешки.

В марте 1937 года, когда гитлеровский режим уже всю раскрутил маховик антисемитской пропаганды и дело вплотную подошло к Всегерманскому погрому, вошед-

шему в историю под названием Хрустальная ночь, Томас Манн выступал в Цюрихе в клубе «Кадима». Речь называлась «К проблеме антисемитизма» («Zum Problem des Antisemitismus») и содержала чеканные формулировки, по сути, однако, не сильно отличавшиеся от тезисов в письме Вассерману, написанном в 1921 году, на заре Веймарской республики. В Цюрихе Томас говорил:

Кто-то не без основания назвал фашизм социализмом дураков. Так вот, антисемитизм — это аристократизм черни. Он сводится к простой формуле: «Я ничто, но я не еврей». Простак верит, что он действительно что-то собой представляет [Mann, 1974c, с. 481].

Писатель уверен, что антисемитизм в Германии практически отсутствует. Даже в 1943 году, когда гитлеровский режим полным ходом уничтожал евреев Европы, Томас Манн утверждал:

Никогда интеллигентный, образованный, европейски ориентированный человек в Германии не может быть антисемитом... Абсолютно неверно приписывать антисемитизм подавляющему большинству немецкого народа, что могло бы выдаваться за народную основу преступлений нацистов против евреев [Mann, 1974d, с. 496].

При таких взглядах неудивительно, что даже в позднем романе «Доктор Фаустус», вышедшем в свет в 1947 году и показывающем в художественной форме трагический путь Германии к катастрофе нацистского господства, почти ничего не говорится про преследование евреев. Германия показана практически без антисемитизма, а евреи — без Холокоста.

В отличие от художественных произведений, в публичных выступлениях и высказываниях Томас Манн безоговорочно стоял на стороне преследуемых евреев. Во время пятидесяти пяти радиорепортажей «Немецкий слушатель!», которые писатель вел в годы войны из Америки, он находил точные и безжалостные слова, осуждающие преступления немцев, в том числе и против евреев. Многие немцы до конца жизни не могли простить Томасу Манну ту правду, глаза на которую он им тогда открыл. Вот фрагмент выступления 14 января 1945 года, за несколько месяцев до окончания Второй мировой войны:

Для примирения с миром есть одно предварительное условие, с выполнением которого связано любое моральное взаимопонимание с другими народами, без выполнения этого условия вы, немцы, никогда не поймете, что с вами произошло. Это ясное понимание неискупимости того, что сделал с человечеством один из постыдных учителей, обучивший Германию зверствам; это полное и безоговорочное признание ужасающих преступлений, о которых вы сегодня почти ничего не знаете, частично потому, что вас изолируют от информации, насильственно держат в невежестве, а частично потому, что вы из инстинкта самосохранения сами знание этих ужасов не допускаете до своей совести. Но это должно проникнуть в вашу совесть, если вы хотите понять и жить, и принудительная работа по просвещению, которую не надо ошибочно смешивать с пропагандой, является абсолютно необходимой, чтобы сделать вас знающими [Mann, 1996, с. 257—258].

И далее писатель показывает свою полную информированность о трагической судьбе европейских евреев:

Знаешь ли ты, кто меня сейчас слушает, о Майданеке под Люблином в Польше, гитлеровском лагере уничтожения? Это был не концентрационный лагерь, а ги-

гантская фабрика смерти. Там стояло огромное здание из камня с фабричной трубой, самый большой крематорий в мире. Когда пришли русские, ваши люди хотели его быстро разрушить, но значительные части еще стоят как памятник Третьему рейху. Более полумиллиона европейцев, мужчин, женщин и детей, были там в газовых камерах отравлены хлором и сожжены, 1400 ежедневно. Фабрика работала и днем и ночью, ее печи дымили постоянно. Уже начали строить новое здание... Швейцарской службе помощи беженцам известно еще больше. Ее доверенные люди видели лагеря в Аушвице и Биркенау. Они видели то, во что ни один нормальный человек не мог бы поверить, если бы не видел это собственными глазами: человеческие кости, бочки с известью, газовые баллоны с хлором и крематории, при этом горы одежды и обуви, которые снимали с жертв, много маленьких ботиночек, детской обуви, если ты, земляк, ты, немецкая женщина, можешь это слушать. С 15 апреля 1942 до 15 апреля 1944 только в этих двух немецких лагерях было убито 1 750 000 евреев. Откуда это число? Ваши люди вели книги учета с немецкой аккуратностью! [Mann, 1996, с. 257–258].

Как и положено мастеру, Томас Манн нашел подходящие до сердца слова о Катастрофе европейского еврейства, о преступлениях гитлеровцев и ответственности всех немцев. Поразительно, но все события Второй мировой войны не поколебали у писателя веру в то, что евреи представляют собой единый сплоченный коллектив, что существует некий общий для всех «еврейский дух».

В этом он очень напоминал антисемитов, которые тоже верили в некий «еврейский элемент», присущий каждому еврею. Только в отличие от них, считавших этот «элемент» вредоносным, Томас Манн допускал его позитивную силу и считал полезным дополнением к немецкому духу.

Подобные заблуждения высмеивал Лион Фейхтвангер еще в 1920 году, написав про антисемитов, выделявших «еврейскую литературу», как Ленард выделял «еврейскую физику», а Бибербах — «еврейскую математику»:

Само собой разумеется, что из этого получается Вавилонская башня, произвольное, лишнее смысла образование. С тем же успехом можно было бы обсуждать литературу брюнетов или близоруких [Feuchtwanger, 1956, с. 483].

Но такие аргументы не меняли ни мнений антисемитов, ни мнения Томаса Манна. В дневнике от 27 октября 1945 года писатель признается, что до сих пор не понимает, чем евреи отличаются от других людей:

Читал по вечерам о еврейском вопросе в одной рассудительной, вероятно, даже слишком рассудительной антисионистской книге рабби Бергера. Отрицает, что евреи представляют собой народ. Термин «раса» полностью скомпрометирован. Как же их называть? Ведь что-то другое есть же в них, кроме средиземноморности? Является ли это впечатление антисемитским? Гейне, Керр, Харден, Краус, вплоть до фашистского типа Гольдберга — это все один род. Могли бы Гёльдерлин или Эйхендорф быть евреями? И Лессинг не мог бы, несмотря на Мендельсона [Mann, 1986, с. 269].

Из этого высказывания уже немолодого Томаса Манна видно, что вере в особый «еврейский дух», соединяющий евреев в единый род, он не изменял никогда.

Эти две фундаментальные психологические установки — недооценка опасности антисемитизма в Германии и вера в особый «еврейский дух», соединяющий евреев в единый род — сопутствовали писателю всю его жизнь и во многом определили изображение евреев в его произведениях.

Литература

Feuchtwanger, Lion. Die Verudung der abendländischen Literatur. Centum Opuscula. Eine Auswahl, S. 483–488. Rudolstadt : Greifenverlag, 1956.

Karlweis, Marta. Jakob Wassermann. Mit einem Geleitwort von Thomas Mann. Amsterdam : Querido, 1935.

Mann, Thomas. An Jakob Wassermann, München, 2./3.4.1921. Briefwechsel mit Autoren, S. 475–478. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1988.

Mann, Thomas. Deutsche Hörer! 14. Januar 1945. Essays. Band 5: Deutschland und die Deutschen. 1938–1945. S. 257–259. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1996.

Mann, Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Werke – Briefe – Tagebücher. Band 15.2. Essays II. Kommentar. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 2002d.

Mann, Thomas. Pariser Rechenschaft. Gesammelte Werke in zwölf Bänden, Band XI, Reden und Aufsätze 3, S. 9–97. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1960b.

Mann, Thomas. Tagebücher. 1918–1921. Herausgegeben von Peter de Mendelssohn. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1979.

Mann, Thomas. Tagebücher. 1935–1936. Herausgegeben von Peter de Mendelssohn. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1978.

Mann, Thomas. Tagebücher. 1944–1.4.1946. Herausgegeben von Inge Jens. Frankfurt a. M.: Frankfurt a. M., 1986.

Mann, Thomas. The Fall of the European Jews. Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. Band XIII, 494–498. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1974d.

Mann, Thomas. Tischrede auf Wassermann. Rede und Antwort. Gesammelte Werke in einzelbänden. Frankfurter Ausgabe. Herausgegeben von Peter de Mendelssohn, S. 399–404. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1984.

Mann, Thomas. Zum Problem des Antisemitismus. Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. Band XIII, Nachträge, S. 479–490. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1974c.

Wassermann, Jakob. An Thomas Mann [zwischen 4. und 14.4.1921]. [авт. книги] Thomas Mann. Briefwechsel mit Autoren. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1988.

Wassermann, Jakob. Mein Weg als Deutscher und Jude. Berlin: Dirk Nishen Verlag, 1987 (erste Ausgabe 1921).

Апт С. К. Томас Манн. Серия «Жизнь замечательных людей». М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1972.

Беркович Евгений. Братья Манн в «Двадцатом веке». Вопросы литературы. 2018, № 2.

Беркович Евгений. Двудесятилетний Волшебник. Ранние новеллы Томаса Манна и вопросы литературного антисемитизма. Нева. 2018а, № 5.

Беркович Евгений. Новелла Томаса Манна «Кровь Вельзунгов» и проблемы литературного антисемитизма. Нева. 2016, № 5.

Манн Томас. Тонио Крегер. Ранние новеллы, с. 267–334. М.: АСТ: Астрель, 2011d.

Манн Томас. Собрание сочинений в десяти томах. Том четвертый. Волшебная гора: Роман. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.

Ремарк Эрих-Мария. От полудня до полуночи (сборник). М.: АСТ, Neoclassic, 2014.

Татьяна ЛАНИНА

БЛИЗИТСЯ СТОЛЕТИЕ

1. Даты или сроки

Драматург Александр Володин не скрывал своего отношения к датам, в частности к юбилеям. В последнем по времени интервью ответил на слова журналистки: «Ваши попытки жить незаметно все равно не удались. Вас знает вся страна» — «Я очень часто себя чувствую человеком вне времени. Никогда не отмечал не только юбилеев, но и дней рождения. Сначала потому, что жил у чужих людей. Потом служил в армии. Потом война. Потом мучительная семейная жизнь, еле дотягивали до зарплаты. Помню, однажды жена принесла чекушку на день рождения. Так в семейном бюджете образовалась дырка. Так и жили. Чувствую себя человеком из очереди».

Что касается дат написания своих пьес и киносценариев, то он ими пренебрегал, не считал их необходимыми. Возможно, потому, что цифры, регистрирующие текст, никак не вязались со «странствием чувств», как он выражался, только что законченной рукописи. Но наступили перестроечные годы, оживились издательства, редакторы просили точной датировки. Володин звонил и просил помочь.

Мы познакомились в 1959 году на обсуждении в Доме актера спектакля БДТ «Пять вечеров». Я защищала пьесу от обвинений в «мелкотемье», «вечернем настроении», «искажении советской действительности». В середине 80-х, на волне гласности ленинградское издательство «Советский писатель» предложило мне написать книгу о Володине. Невозможное становилось возможным. Даты мне тоже были необходимы. Трудность заключалась в том, что Володин менял тексты. «Моя старшая сестра» — три варианта финала, в «Назначении» два варианта финальных реплик главного героя, «Фабричную девчонку» в 80-е годы существенно переписал, осовременив лексику пьесы. Присутствуя на театральных репетициях своих пьес, сокращал текст, считал, что не столько важно слово, сколько индивидуальный образ, созданный актером на сцене. Актеры, незнакомые с такими авторами, часто оставались в растерянности. На съемках фильма «Пять вечеров» Володин сказал Михалкову: «Давай сделаем так, чтобы Ильин не возвращался». Кинорежиссер согласился, но потом добавил: «Пусть уезжает, — и через паузу: — Но потом пусть вернется».

В этих реальных условиях остановиться на одной дате, сделать ее канонической было бы ошибкой.

27 апреля 1987 года по почте пришло письмо от Володина. В конверте лежал машинописный листок с адресованным мне стихотворением:

Татьяна Валентиновна Ланина родилась в Ленинграде в 1929 году. Филолог, историк театра, критик. Кандидат филологических наук. Работала в Институте истории искусств (1958–1977). Публикации и статьи в сб. «Советский театр. Документы и материалы». Автор книг «Александр Володин. Очерк жизни и творчества» (Л., 1989), «Мейерхольд в русской театральной критике» (составление вступительных статей к разделам, комментарии), «Артист. Режиссер. Театр» (М., 2000), «Павел Луспекаев» (СПб.: Левша, 2003). Печаталась в журналах «Театр», «Театральная жизнь», «Аврора», «Талион». Живет в Санкт-Петербурге.

Т. Ланиной

Мне к семидесяти, когда уже загнаны кони,
был назначен подарок. Похвальная книжка. Но ведь
тут важны были даты. А я их не ставил. Не помню.
Я не думал, что даты значение будут иметь.

Что-то помнится, правда... Лето. В Астрахани холера.
Шла на север она. И народ от холеры бежал.
Ходят слухи — все жечь будут. Запрещены полумеры.
Пусть горит, думал, все. Только пьесу одну было жаль.

А в каком это было году?.. Столько дат. Вот посадки.
В тридцатых начало?
Вот семнадцатый съезд. Смерть вождя. Съезд двадцатый.
Вот новый смещен.
Вот Черненко. Назначен когда-то и вскоре скончался.
Вот период застоя. Когда начался этот сон?

Механизмы, подходы, структуры, ура! — перестройка.
Победит ли она? Или сникнет? Кто знает, когда?
И холера — забыл... Я не ставил под пьесами сроки.
От холеры каспийской уже не осталось следа.

Разобраться с астраханской холерой было несложно. Эпидемия началась летом 1970 года, быстро распространялась, дошла до Одессы, угрожала Северо-Западу. Володин этим летом снимал дачу на Карельском перешейке в поселке Комарово. Судя по свидетельству автора — «Ходят слухи — все жечь будут. Запрещены полумеры». Тревожные настроения дачников не обошли и Володина. «Пусть горит, думал, все. Только пьесу одну было жаль». Из последовавшего разговора выяснилось, что речь идет об антиутопии «Кастручча, или Дневники королевы Оливии». В то лето Володин ее спрятал, закопал на дачном участке. Оказалось, что пьеса писалась после «Назначения» и киносценария «Звонят, откройте дверь», произведения с трудной цензурной историей. Володин дал мне прочитать «Каструччу», пьесу необычную, совершенно новую по стилистике, открывающую экзистенциальный мир человека, пораженного страхом.

В дискуссии о датах Володин остался верен себе, но сделал существенную поправку: «Я не ставил под пьесами СРОКИ». Словарь толкует срок как отрезок времени. В христианской традиции: «Срок — отрезок времени, который дан человеку в его земной жизни». Очевидно, что Володин разделял этот взгляд. Не случайно он опубликовал подборку своих стихов под общим названием «Срок жизни».

Сто лет — цифра ответственная. Драматурга Леонида Зорина как-то спросили: «Кто из советских драматургов будет востребован в двадцать первом веке?» Зорин ответил: «Розов — вряд ли, у Арбузова одна пьеса — „Таня“, только Володина будут ставить, его интересовал чувственный мир человека». Пока пьесы Александра Володина играют на театральных сценах, пока в который раз мы смотрим фильмы по его киносценариям, пока жив интерес читателей к его необычной прозе («Одноместный трамвай», «Записки несерьезного человека»), пока ждут публикаций его стихов, сроки будут только прирастать. Прав поэт Александр Кушнер, сказавший о своем старшем современнике: «Он сам все сказал о себе в каждой своей вещи».

2. Непоправная жизнь. Театр

Александр Моисеевич Володин родился в Минске. Рано потерял мать и младшего брата. Отец — кустарь, частник, лишенный избирательного права. Детские и юношеские годы прошли в семье московских родственников, частнопрактикующих врачей. Сиротство переживал долго:

Спасительные ночлеги,
Как рано они начались.
Запомнилась мне навеки
Непоправная жизнь.

Главным человеком своей юности считал старшего двоюродного брата Шуру-большого. Он жил своей, независимой жизнью, играл в театральной студии известного режиссера Алексея Дикого. Из его комнаты доносились голоса спорящих о театре, о Шопенгауэре, о вечности. Там шла недоступная и потому особенно манившая непохожестью жизнь. В щель двери виднелась картина углем на стене — что-то из доисторической жизни: под баобабамы ходили первобытные люди, полуобнаженные женщины. С братом связан ранний интерес Володина к поэзии, знакомство со стихами Бориса Пастернака, Павла Васильева, Ярослава Смолькова, увлечение театром. Школьником увидел спектакль Малого театра «Без вины виноватые» и был потрясен исповедью сироты Незнамова, не мог сдержать слез. Приходил смотреть его во второй и в третий раз. Кроме Островского, ничего не хотел смотреть. Позже открыл для себя Театр имени Евг. Вахтангова, видел легендарную «Принцессу Турандот» с юной Мансуровой, «Егора Булычева и других» с Щукиным, «Коварство и любовь» в необычном оформлении художника Николая Акимова. Для себя решил: «В театре жизнь должна быть показана с болью, жалостью, но просветленная театральной игрой, чтобы потрясала — помогала жить».

3. Учитель. Армия. Фронт

В 1936 году, после окончания школы, поступил в Авиационный институт, с прицелом на общежитие, хотел жить самостоятельно. Проучился семестр и ушел разнорабочим на завод. За компанию с одноклассником уехал в Серпухов на краткосрочные учительские курсы. Получил направление в деревню Вешки под Смоленском. Преподавал русский язык и литературу, по вечерам его комната в деревенской избе набивалась до отказа. Володин читал любимые стихи, книги своего детства, рассказывал ребятам о московских спектаклях. За чтение полузапрещенных стихов Есенина был уволен. Год жизни в Вешках открыл Володину природный мир деревни.

Осенью 1939 года Володина призвали в армию. Служил под Полоцком в артиллерийской разведке, учился разбирать и собирать оружие, ходить строевым шагом, чистить лошадей в конюшне. В первые месяцы войны его полк попадал из окружения в окружение. Володин вспоминал: «Тяготы войны я переносил терпеливо. Я стыдился быть хуже кого-нибудь другого, оживление войны и готовность к победам даже немного дольше, чем у товарищей, держались во мне. Я все время вперед лез, как интеллигент и еврей, меня ругнули, и я притих». В 1943 году Володина наградили солдатской медалью «За отвагу». Это ему надлежало восстанавливать на передовой иссеченные телефонные провода. В 1944-м во время атаки Володина тяжело ранило осколком мины. В рассказе «Пятнадцать лет жизни» он описал свое состояние: «Дышать он мог мучи-

тельно крохотными порциями: чуть-чуть вверх — вдох, столько же вниз — выдох». В госпитале хотели оперировать, но отказались, боялись задеть жизненно важный сосуд.

4. ВГИК. Ситуация. Сценарии. «Не буду писать никогда»

После войны поступил на сценарный факультет Института кинематографии, мастерская Евгения Габриловича. Важнейшие уроки получил у преподавателя Сазонова — мастерство сюжета, у Юнаковского, объяснявшего построение драматургической ситуации. Володин считал эти уроки главными. Время обучения (1945—1949) вспоминал как трудное для творчества: «Мы решали конкретные технические проблемы — способы проведения трассы, метод выполнения плана». Диплом ВГИКа защищал сценарием о лесорубах. Распределение получил в числе семи человек разных выпусков в сценарную мастерскую, за большую зарплату. От места отказался, думал: «Писать сценарии не могу и не буду никогда». Уехал в Ленинград на Киностудию научно-популярных фильмов. В памяти осталось необычное собеседование с начальником сценарного отдела: «Долгим оно было не за счет разговоров, а за счет пауз [...] наконец он произнес единственную и тем особенно значительную фразу: „Я сентиментален [...] Я могу прослезиться в кино. Но я могу в упор убить человека, — немигающий взгляд. — Может быть, по Ницше — это сверхчеловек — не знаю“. Из инородцев он прощал только Маркса и Свердлова. Меня там не стояло». Как фронтовик, он стал редактором короткометражек для солдат: как обращаться с винтовкой, как обматывать портянки, как заниматься строевой подготовкой. Несколько лет читал и редактировал чужие сценарии. Тогда же стал публиковать первые рассказы.

5. Как Лифшиц стал Володиным

В 1954 году вышла посланная самотеком в издательство «Советский писатель» книга «Рассказы» — под псевдонимом Александр Володин. История псевдонима обычная для того времени. Когда у него взяли рассказ для альманаха «Молодой Ленинград», произошел судьбоносный разговор. Редактор сказал: «У вас такая фамилия, что вас будут путать». — «Что же делать?» — спросил автор рассказа. «Это кто? — продолжал редактор и показал на мальчика. — Ваш сын? Как его зовут?» — «Володя». — «Вот и будете Володиным». Драматических проблем с псевдонимом не возникло. В публикациях этого разговора, в уже в перестроечные годы, Володин охотно добавлял: «И горжусь этим». Однако в стол легло стихотворение тех лет:

Я не хозяин в доме этом,
Я только гость. Я угол снял.
У столяров, товароведов,
Вождей, ученых доставал...
Как только мне судьба подарит
Дорогу, зимнюю зарю —
Я ей — еврей-гуманитарий —
Благодарю Вас, говорю.

Володин-драматург начинался в прозе. К середине 50-х сложилось правило писать о молодых романтиках, уезжавших на край земли, чтобы сразиться со всякого рода бюрократами и непременно победить. Их сменили «розовские мальчишки», бунтующие под родительской крышей против мещанства за право свободного выбора — как

им жить и какими быть. Володину не был близок пафос домашних революций, самоутверждения у всех на виду. В. тоже писал о молодых, с рядовыми профессиями, невысокими должностями, скромными заработками. Как тогда говорили — о «простых людях». Их жизненный опыт невелик, помыслы чисты, они доверяют жизни и не ждут от нее подвоха. Рядом старшие, «люди опыта», готовые помочь, посоветовать, как продвинуться по службе, как достичь материального благополучия и даже «как прекратить знакомство первой, чтобы не страдать». Ожидаемого конфликта «отцов и детей» нет. Вместо авторских описаний героев, неизбежно тяготеющих к морали, есть различные драматические ситуации, в которых герои раскрываются, причем часто неожиданно даже для них самих. Это ситуации нравственного выбора, когда известные правила не помогают и опорой становится личный чувственный опыт. Для 50-х такой тип коллизий был новым. В «Рассказах» появились наброски «волевых людей», к которым Володин будет испытывать впоследствии глубокую антипатию. Сюжетные линии рассказов «Пятнадцать лет жизни» и «Инженер Володя Новиков» получают развитие в пьесах «Пять вечеров» и «Назначение». Там же присутствуют обмолвки личной биографии, и эта особенность творчества Володина станет художественным принципом. Он признавался: «Я начинаю видеть героев, потом — что в этих героях, в этих лицах от меня самого» («Записки»).

В 1955 году Володина приняли в Союз писателей СССР. Когда Веру Панову и Юрия Германа попросили назвать молодых литераторов, способных к драматургии, они не сговариваясь, сошлись на имени Александра Володина.

6. Первая пьеса. Женька Шульженко — персонаж или реальный человек?

Первая пьеса «Фабричная девчонка» совпала с литературной весной 1956 года. Для драматургии, зажатой теорией бесконфликтности и темами, спускаемыми как промышленный ассортимент, пьеса была прорывом и воспринималась как опыт социальной критики. Только в театральном сезоне 1956—1957 годов ее поставили тридцать семь театров страны. Открытием стал характер главной героини. Эдвард Радзинский вспоминал: «Женька Шульженко — роль, которая дала язык целому поколению новых актрис. Их ярость, ненависть к показухе, все, что они знали, но не умели сказать, они смогли прокричать словами володинской героини». В ленинградском Театре имени Ленинского комсомола этой ролью дебютировала Татьяна Доронина.

Толчком для пьесы стала реальная история на встрече Володина с работницами «Красного треугольника» рассказ одной из них о случившемся с ней на танцплощадке. Лирическая мелодия, рвущаяся раздвинуть принятые рамки в изображении «простых людей», стала в пьесе формообразующей и отличала «Фабричную девчонку» от производственных пьес 50-х годов, где герой чаще всего был придатком к какой-нибудь технической проблеме. Володинская Женька — личность, она самостоятельна, ее поступками движут не внешние силы, а ее свободный характер. Она способна к импровизации, в них моментально открывается ее состояние души. Выгнанная из-за ерунды с танцплощадки, опозоренная на всю страну в газете, уволенная с фабрики, неудобная из-за своего правдоискательства и самая открытая жизни, с высоким настроением на справедливость и человеческую общность. В неопознанный человек своим временем — главная мысль автора.

Накал споров вокруг «Фабричной девчонки» был так велик, что авторы забывали — речь идет о литературном персонаже, а не о реальном человеке. Поддерживавшие пьесу соглашались с насмешливой репликой главной героини: «А что если у меня критическое направление ума». Противники использовали те же слова для тяжелых

обвинений: «Сеет среди нашей молодежи семена нигилизма и сомнения». Анатолий Софронов в статье «Во сне и наяву» посвятил Володину раздел «Куда шло направление главного удара» и подвел итог полемики: «Скажем прямо, пьеса эта довольно тонко (и в этом не откажешь автору) возводит напраслину на наш строй». Пьеса была поставлена в ряд с романом В. Дудинцева «Не хлебом единым» и рассказом А. Яшина «Рычаги»: «в поисках так называемой „свободы творчества“ они делали все для того, чтобы опорочить наше советское общество, советское время, время социализма». Открыто поддержал пьесу драматург Алексей Арбузов.

В перспективе творческого пути Володина пьеса более чем полувековой давности важна художественными открытиями. Действие в ней развивается от «мероприятия» к «мероприятию», под руководством комсомольского секретаря Бибичева. Но представлен он автором всего лишь послушным исполнителем указаний «сверху», к тому же примитивен и глуповат. Четыре «мероприятия» — структурная основа пьесы, последовательно раскрывающая смысл и связи сюжета.

В общежитие приезжает киногруппа, чтобы снять сюжет о советских ткачихах. Кинооператор бойко организует нужную ему «картинку»: «эта кровать мешает... хорошо бы книжек на этажерку... клипсы снимите... возьмите бумагу... пишите родным... вы постарше, будете разливать чай»; «так, начинаем со слоников, потом пойдут книжки». Чтобы не перепутать девчонок, запишет их по приметам: «клетчатое платье, блондинка», «коса вокруг головы, брошь», «желтая кофточка, клипсы». Кончится «мероприятие», и сквозь бытовую скороговорку, вспыхнувший спор о любви, обсуждение предстоящего отъезда одной из них к жениху за границу, в Болгарию, начнут проступать живые лица и характеры. Для Володина эта обыкновенная жизнь и есть подлинная, у нее есть свои внутренние силы, есть будущее, она способна к саморазвитию. Володин предлагал общежитие, пространство — койка и тумбочка с инвентарными номерками — и поселял фабричных девчонок со своими заботами, своими привычками, вкусами, своим миром ценностей. Сюжет отнюдь не бытовой, говорящий, что за пределами «мероприятий» течет другая жизнь. Кто-то покинет общежитие, его место займет новенькая, Леля (кстати, первая одинокая женщина в советской драматургии), четыре года скрывавшая свою дочку на дальнем разъезде у тетки, скажет комсомольскому секретарю: «Хватит!» Вернется Женька, и мир снова обретет свою целостность.

7. «Пять вечеров» — пьеса без начальства

В «Пяти вечерах» (1959) снова житейская история, и она может показаться близкой к мелодраме. Володин помнил обвинения в «очернительстве», решил для себя, что это будет «маленькая пьеса на шестерых актеров и вообще — без начальства. Герои несчастливы по своим причинам, да и счастливы по-своему». В пьесе «Пять вечеров» генеральный мотив — возвращение и встреча двоих после многих лет разлуки. Встречаются мужчина и женщина, в их прошлом любовь, война и еще семнадцать лет жизни врозь. Мужчина хочет воссоединить прошлое с настоящим, ему кажется, что отношения могут начаться сызнова и с прежней истории любви. Женщина задета неясностью причин, из-за которых запоздало свидание. Она остро чувствует невозможность вернуть ушедшее время. Движение навстречу друг другу — действие пьесы. Драматизм в том, что движение это трудное, с разрывами и примирениями, борьбой принципов, пересмотром ценностей и прозрением сердца. Не годы сближаются, как надеялся Ильин, и не реальность отдельно прожитых лет отвергается, а идет освобождение от омертвевших наслоений времени, испытание на душу живую, свободную в своем выборе. Тамара в плену инвектив, заемных, утвержденных неизвестно кем, они мешают ей отдаться чувству. Оно прикрито образом успешной производственницы, ролью вос-

питательницы племянника и другими приметам внешней жизни. И Тамара, и Ильин ведут диалог в стиле деловой анкеты — общественный престиж, положение на социальной лестнице успеха. Требуется доказать, что годы не растрчены попусту, каждый достиг положения и живет «полной жизнью». Шофер Ильин поднял планку выше некуда: «Работаю инженером... если интересуется табель о рангах — главным инженером». У Тамары планка ниже: «Работаю мастером. [...] За все отвечать приходится. [...] Ну, конечно, я член партии. [...] Словом, живу полной жизнью, не жалею». Ильин спрашивает напрямик: «Одна живешь?» Тамара понимает причину мужского вопроса, но не отказывается от деловой анкеты. Еще в «Фабричной девчонке» Володин для характеристики комсомольского секретаря использовал газетные штампы и новояз. В «Пяти вечерах» безликий, деловой язык не дает прорваться живому неутраченному чувству. Для героев это самозащита, но и своего рода «искалеченность», несвобода от превратно усвоенных мерок состоятельности человека. Начиная с «Фабричной девчонки» и «Пяти вечеров» в литературу пришел писатель, наделенный чуткостью, драматическим конфликтом современности, имевшим прямое воздействие на жизнь человека. Коллизии его пьес сущностные, напряженные, за частными ситуациями угадывается противостояние естественного человека всякого рода регламентациям, искажающим нормальное течение жизни. Он доверял героям, сохраняющим в себе нечто живое, неделимое, не поддающееся разрушению. Так в «Пяти вечерах» перемена в настроении Тамары связана с эпизодом, когда она берет гитару и поет дорожную ей и Ильину по довоенному времени песенку: «Миленький ты мой, возьми меня с собой...» Сцена не знала таких тихих минут подлинного катарсиса для зрителей. Исчезали условности, спадала пелена, преображался человек. Признанию Тамары предпослана ремарка автора «вдруг очень просто»: «Какой был бы ужас, если бы я за кого-нибудь вышла замуж». На спектакль Г. Товстоногова в БДТ зрители приезжали из разных городов. Охранительная критика писала о «мелкотемье», «неустроенных судьбах», «приземленности», «вечернем настроении».

В 1979 году Никита Михалков снял фильм «Пять вечеров». Для него Володин дописал новый эпизод, где Ильин пытается найти в привокзальном ресторане кого-нибудь, кто помнит песню «Не для меня придет весна...». Эпизод автобиографический, так сам Володин надеялся встретить в Осташкове, где во время войны проходил фронт и стояла его воинская часть, людей, помнивших эту дорожную сердцу песню.

После «Пяти вечеров» критика заговорила о володинских подтекстах, то есть о несовпадении высказываний и их смыслов. Володину была чужда игра в потайные смыслы, он всегда писал текст. В 1967 году в «Оптимистических записках» высказался по этому поводу с лукавой насмешкой. Рассказал об эпизоде на творческом экзамене во ВГИКе, когда надо было написать рассказ, а он сдал только одну страницу. Пришел забирать документы и услышал о себе: «Какой-то парень, солдат, написал потрясающий рассказ — всего одна страница, все в подтексте». Тут же объяснил ситуацию: «Перед экзаменом по специальности я досыта наелся хлеба, какой-то поддельный, сладкий. Я почти сразу почувствовал, что меня тошнит».

8. «Моя старшая сестра» — талант и здравый смысл

Начиная с пьес «Моя старшая сестра» (1961) и «Назначение» (1964), а также в киносценариях «Похождения зубного врача» (1966) и «Загадочный индус» (1968) сквозной темой стала коллизия между талантом и доводами «здорового смысла». Героиня «Моей старшей сестры» Надежда, учетчица на стройке, чьи дни проходят в «фанерной конторке», за подсчетами рабочей выработки и выпиской нарядов, привела на экза-

мен в театральную студию свою младшую сестру Лиду, а получила признание своего артистического дарования. У сестер есть дядюшка Ухов, который разыскивал их по всем детским домам и, как он выражается, вложил в них «несколько лет жизни и кусок своей души». К Надиному триумфу относится с насмешкой. Образ главной героини отразил дисгармонию времени, она не может совместить в себе доверие к своим чувствам и признание правомерности дядюшкиного житейского опыта. Она зажата внутренней драмой, которая приобретает к финалу пьесы черты трагические. Рядом с Надиным «чудом», поступлением в театр, теплится и другой огонек — первая любовь сестры. И тут Надя оказывается рядом с дядюшкой. Чувства старшей сестры не совмещаются с ролью воспитательницы. Ее ждет бунт младшей сестры, объединившей ее и дядюшку: «Я пробовала жить по-вашему, у меня не получилось». Жизнь наступает на уховский «здоровый смысл», теснит его. Бунтует не только младшая сестра, но и сама Надежда, когда сталкивается с уховской опекой. Дико и смешно это проявляется в эпизоде с доставкой жениха «на дом». Ее танец — импровизация на тему «знакомства с молодым человеком, имеющим серьезные намерения» — полон взрывным женским темпераментом, издевкой и обаянием: такой ее никто не видел. Подобные «взрывы» характерны для всех володинских героев. У пьесы было несколько финалов. В первом варианте победа Надежды было безусловна, она играла в театре пушкинскую Лауру. В другом — реплика Лауры «Слушай, Карлос! Я требую, чтоб улыбнулся ты!» — произносилось в домашней бытовой обстановке и адресовалось младшей сестре шутливо, чтобы поднять ее настроение. И только в третьей редакции, ставшей киносценарием, тема получила окончательное трагическое разрешение. Надежда признавалась сестре: «Я стала как наш дядя Митя, у меня его слова, у меня его мысли... Может случиться, что я однажды проснусь, а я уже не я, а — он». Сестра не слышит ее исповеди и с криком «Пусти!» уходит из дому. Надежда остается на пепелище и не понимает, как ей жить дальше. Пьеса неизмеримо выросла в нравственном итоге — Володин говорил об ответственности человека за свою судьбу, свой талант и о том, что насилие, даже совершаемое в благих побуждениях, разрушительно для человека. В ленинградском БДТ и в фильме «Старшая сестра» Надежду играла Татьяна Доронина.

9. «Наш человек» инженер Лямин

В начале 60-х в драматургии Володина произошла «смена вех». Он предложил в пьесе «Назначение» необычного героя. Главная коллизия пьесы позволила высказаться в пользу близкого ему героя — интеллигента, наделенного талантом, умеющего работать, но по целому ряду лишних качеств не попадающего в стереотип начальника, человека системы. В характере главного героя отразились социальные надежды «шестидесятников», сродни тем, о которых позже скажет Булат Окуджава в стихотворении «Кабинеты» («Скоро все мои друзья выбьются в начальство...»). «Назначение» — пьеса социальных предчувствий, надежд на перемены, беспокойство за полнокровность жизни, ну и выбора, которым человек может реализовать свои способности. Комедийный ход, юмор, ирония не заслонили серьезность авторского замысла. Открытием стал в пьесе тип энергичного, жизнедеятельного начальника Куропеева, чудовищно привязанного к таланту Лямина, чьи мысли обеспечивают ему служебную карьеру. Неожиданность авторского приема заключалась в том, что когда Лямин отказывался от должности, надеясь вырваться из цепкой хватки Куропеева, появлялся его клон, сменивший лишь фамилию — Муровеев. Для театральной сцены это был брехтовский ход, прием парности неминуемо вел к сатирическому обобщению. Лямин встретился с тиражированным типом начальника, еще одним из бесконечного

ряда, несущим все признаки предыдущего образа. Обе роли должен был играть один и тот же актер. Пьеса, запрещенная к постановке в ленинградском Театре комедии и в Театре драмы им. А. С. Пушкина в порядке исключения была поставлена в московском «Современнике». Лямина играл Олег Ефремов, Куропеева-Муровеева — Евгений Евстигнеев.

10. Киносценарии и фильмы

В середине 60-х, после ряда неприятностей в театре, запретов на постановки пьес, Володин пришел в кино. Он заявлял: «Мы научились говорить от имени молодежи, от имени народа, но разучились говорить от своего собственного имени. [...] Я решил писать от первого лица. Кому-нибудь понадобится — берите». В аморфную стихию самовыражения Володин внес структурную четкость театральной драматургии. Она ему не мешала, он принимал ее, как поэт принимает законы стихосложения. Постановщик фильма «Звонят, откройте дверь!» (1964) Александр Митта рассказывал: «Я не сразу понял, что в сценарии есть железная структура, но прикрытая талантом большого драматурга и очень тонкого исследователя человеческих характеров. Он умеет эту конструкцию облечь якобы в свободные диалоги, как будто создающие настроение. А на самом деле непрерывающееся действие, чередование драматических ситуаций». Сюжет сценария «Звонят, откройте дверь!» из школьной жизни. Но уже в исходном его повороте заложена необычная коллизия. Пионерке-пятикласснице поручают найти к сбору отряда первых пионеров района. «Все ищут, а ты не ищешь», — упрекнет ее школьный пионервожатый Петя. Заметив странный взгляд девочки и решив, что она его боится, погладил ее по голове. Так у Володина возникает другой параллельный сюжет, опрокидывающий казенное мероприятие. Где и как искать постаревших пионеров, девочка уже не услышит, пораженная ударом сильнеешего женского чувства. С этого момента ее «общественная деятельность» окрасится глубоко личным отношением, давней влюбленностью в десятиклассника Петю. Искать пионеров она будет неумоимо, но именно для Пети, озабоченного проведением мероприятия. Весь ход авторского замысла направлен на размывание границ, заполонивших все и вся «мероприятий». Изобразительный ряд — жизнь большого города, людской поток на улицах, разнообразие человеческих историй, часто непростых, горьких, увеличивают разрыв между жизнью и пионерским поручением. Понятие «пионер» и «не пионер» теряют смысл. Пионервожатый выкрикивает речевку: «Раз-два-три-четыре-пять! Будь готов! Как Гагарин и Титов!» Таня приводит на пионерский сбор трубача Колпакова и слышит вопрос: «В качестве кого он будет выступать?» — «В качестве хорошего человека», — ответит девочка, но увидит, как с трубача снимают пионерский галстук, повязанный по ошибке. Отстраненный от мероприятия Колпаков не вытерпит хриплых звуков горна, сотрясающих зал, выбежит на сцену, возьмет горн и пропоеет звонко, нежно и возвышенно пионерскую зорю. Так, что собравшиеся ребята замрут в необычном для них волнении. Чистый звук горна выплеснется на улицу, вернет людей в их детство, напоминая о высоте духовных идеалов. Трубач сыграл Ролан Быков.

Киносценарии «Похождения зубного врача» (1964) и «Загадочный индус» («Фокусник») (1965) отмечены чертами личности самого автора. Их можно рассматривать как дневник, трансформированный в сюжетную форму сценария. Мера автобиографичности в них велика: надежда порушить одиночество, встретить близких себе людей, взаимоотношения с «общественным мнением» и с той частью «прогрессивной» интеллигенцией, которая знает, о чем надо писать, а в противном случае заявляет: «Значит, вы капитулировали? Значит, они вас все-таки скрутили?» Лирическая тема

в сценариях окрашена в юмористические тона, но автопсихологизм драматических ситуаций сохраняется. Однако не только личные и творческие обстоятельства Володина, но и многочисленные кампании 60-х — «проработки» в литературе, погромы на художественных выставках, запрещение готовых фильмов, снятие спектаклей — контекст времени, в который вписался сценарий «Похождения зубного врача», при всей сказочности этой притчи. Главный герой, зубной врач Чесноков, наделен чудесной способностью безболезненно удалять зубы. Доктор был «веселым, открытым, счастливым человеком». Пациенты присаживались на минуту в его кресло и уходили здоровыми, очередь желающих испробовать его мастерство все росла и росла. Коллеги остались без работы, в маленьком провинциальном городке пошатнулась их репутация, один уехал, другая хочет сделать то же. Талант хотят поставить в рамки, появляются комиссии, заглядывают через плечо, проверяют и подозревают, грозят. И человек не выдерживает насилия, талант пропал, он сломался. Все дело в том, что у доктора, освобождавшего людей от боли и заново дарившего им радость жизни, пропало хорошее настроение! Радости от работы больше нет! Есть скучная обязанность, профессиональная ляжка, служба от звонка до звонка. К тому же он стал ошибаться, уклоняться от сложных случаев. Друзья пытаются взбодрить Чеснокова стаканом спиртного, его приглашают прогуляться, забыть о неприятностях, уверяют, что нельзя быть таким впечатлительным, зовут преодолевать трудности. А он твердит свое: «Мне нужно, чтобы у меня было хорошее настроение, иначе у меня вообще ничего не получится». Трудной была судьба сценария. Картину кинорежиссера Элема Климова с Андреем Мягковым в главной роли положили на полку. Позже напечатали три копии на всю страну. Сняли запрет в конце 80-х.

Сходной была и судьба фильма Петра Тодоровского «Фокусник» с Зиновием Гердтом в главной роли. Уходило в прошлое время надежд. Володин писал: «Хотелось жить совершенно по-своему. Почему, думал, нельзя, как в прежние далекие времена, ездить вместе с бродячей труппой по городам и селам, писать для нее пьесы, переделывать роли для этого актера, для этой актрисы». «Загадочный индус» — о человеке, который хотел отстоять себя перед начальством, перед любимой женщиной, перед всеми, кто подранивал его под себя, и нашел свое призвание среди людей малознакомых, но доброжелательных, простых, непосредственных, ставших для него самыми близкими. Там, где фокуснику Кукушкину доверяют, он расцветает как художник и человек. Счастье таких встреч бывает коротким. Его профессия — творить чудеса, а не выполнять «нормы» Госконцерта. Критика писала: «Володин спорит с веком, стремится преодолеть сухость, трезвость, бессердечие так называемого интеллектуального стиля» (В. Гаевский). У начальства странный, не очень уверенный в себе герой вызывал раздражение, так же как интеллигент Лямин, талантливый и неуправляемый доктор Чесноков.

11. «Оптимистические записки»

В 1967 году В. опубликовал сборник пьес и киносценариев «Для театра и кино», поместив туда «Оптимистические записки». Записки оказались на редкость откровенными, касалось ли это биографии, рассказанной серьезно и с юмором, или взгляда на профессию драматурга, высказанного так, как он ее выстрадал. Резонанс записок был огромен. Позже они частично вошли в книжку «Одноместный трамвай» («Записки несерьезного человека», в других публикациях — «Записки нетрезвого человека»). В конце 70-х можно было увидеть необычный спектакль. Актер Александр Хочинский, сидя за роялем, читал «Оптимистические записки», пел свои песни на стихи Володина, где-то в середине его выступления из зала на сцену поднимался автор. Оба поль-

зовались одним и тем же текстом, но актер оставался рассказчиком, интерпретатором, а Володин дарил зрителям свою исповедь. Между автором и актером возникал редкий по эмоциональной наполненности диалог людей разных поколений, жизненного опыта, но объединенных общими идеалами и ценностями. В застойные годы спектакль звучал как ностальгическое эхо из времени «шестидесятников», для нового поколения демократизм и эмоциональное доверие, свобода сознания от заданных стереотипов воспринимались как пример самостояния личности.

В конце 60-х — начале 70-х картина жизни у Володина распалась на голоса. Целостный мир исчез, герои замкнулись, каждый — на свою проблему. Исповедуются персонажи литературные и современные. Агафья Тихоновна после того, как жених Подколесин выпрыгнул в окно; Офелия, озабоченная своей судьбой; молодая современная женщина о том, как после многих лет одиночества стала матерью; пожилая о том, как бытовая проблема с комнатной перегородкой обернулась одиночеством. Повседневность накрыла героев, как волной, семейные отношения превратились в фарс. Дети не находят понимания у родителей, комплексы заслоняют живого человека. Актеры расхватывали володинские монологи, написанные с тонким знанием характеров, точные по языку, оставлявшие простор для сценической импровизации.

В 1972 году режиссер Г. Опорков попросил Володина написать инсценировку его рассказа «Стыдно быть несчастливым». Появилась пьеса-предложение для театра, названная по строчке стихотворения А. Кочеткова «С любимыми не расставайтесь». Там были почти документально записанные суды, история молодых супругов, расстающихся из-за нелепой ссоры, и жизнь толпы — массовые игры и танцы под руководством массовика-затейника. Пьеса — притча с простой нравственной моралью, выраженной в названии. Для Володина она в значительной степени — осознание трагической быстротечности жизни, признание одиночества как наихудшего, что может случиться. Новым в пьесе стал монтаж эпизодов. Тема разрыва человеческих отношений многократно повторена в сценах судов частными историями. На первый взгляд пьеса бытовая, но ставить ее как череду психологических историй не получалось. Автор надеялся на сотрудничество с театрами: пространственное и пластическое решение, актерские импровизации. Широкое и свободное течение жизни обрублено казенщиной судопроизводства, сцены «игр и танцев» в Доме отдыха переведены в надбытовой план. Главная героиня Катя вовлечена в аттракцион «безбилетный пассажир», где участников больше, чем стульев. С «повязкой на глазах она пытается кого-нибудь поймать, так и бродит, ловит раскинутыми руками пустое, глухое...» Ничто не обещало в характере героини сильного трагического взрыва. Человек сдержанный, она копит в себе боль расставания с любимым, пока не выплеснет ее в отчаянном шепоте-крике: «Я скучаю по тебе, Митя! Я скучаю по тебе, Митя! Скучаю, скучаю по тебе, скучаю по тебе!» Трагедия разрешалась катарсисом, с этим криком приходило к зрителю чувство очищения. Пьеса звучала как предупреждение об опасности утрат, распаде чувств, угрозе одиночества.

Володина не раз пытались прописать по какому-нибудь литературному «ведомству», а он то и дело уходил — от психологических драм к метафорическим пьесам-притчам, от современности — в другие далекие исторические времена. От пьес — в кино, и сценарии были тоже разные, со своей володинской метой. От кино — к стихам и снова в театр, но новый. Эти метания далеко не всеми были поняты, а постановщикам его пьес и сценариев затрудняли работу. Казалось, что способность преломлять время в психологических пьесах настолько притягательна для зрителей, что проторенный путь может обеспечить успех на долгие годы. А Володин предлагал интеллектуальную драму с другой поэтикой. Он менялся, уходил от себя и возвращался, обогащенный новым жизненным опытом, смотрел поверх написанного в будущее, менял финалы

пьес. Но, переходя из одной художественной системы в другие, оставался самым собой. Это тот же писатель и тот же освещенный надеждой мир. Со времени войны он знал, что нет ценности выше человеческой жизни.

Володин обращал внимание на взаимопроникновение реального и фантастического: «Была фантазия научная, социальная, теперь фантазия эмоциональная, нравственная, духовная, какая угодно, это один из современных способов сюжетного мышления».

12. «Достаточно того, что я похож на самого себя»¹

Опытной новой стилистики стала пьеса «Дульсинея Тобосская». Обратившись к сюжету «Дон-Кихота и Дульсинеи», Володин говорил о современном обществе, предпочитающем поклонение «идолу» и «образу», но равнодушного к смыслу донкихотства. Завязка проста и даже абсурдна, но ее последствия разворачивают главную содержательную интригу. В Тобосо, в дом зажиточного крестьянина, пришел Санчо Пансо. Он в печали после ухода своего господина, но в то же время чувствует себя единственным, кто может рассказать, каким был незабвенный рыцарь. «Привычно проговорил» — так сказано в авторской ремарке — и неожиданно добавил: «Он был влюблен в никого». Слушатели не поняли и потребовали объяснения: «Он не был влюблен или был влюблен?», «В кого же?» Дотошнее остальных оказался жених хозяйской дочери: «Значит, она как бы и была? Значит, она живет в Тобосо? Вы упомянули здесь презренную крестьянку, в которую ваши недруги превратили Дульсинею?» У каждого из этой компании свои резоны признать, что Дульсинея не может быть крестьянской девушкой Альдонсой. Наконец Санчо, понуро сидевший над пирогом и порядком захмелевший, поднимает голову, осторожно искоса смотрит на Альдонсу и говорит: «Она». В жанровом эпизоде, начинающем пьесу, показано, с какой легкостью может происходить подмена личности, даже если для этого используют высокие образы Дон-Кихота и Дульсинеи. Простодушие персонажей, логические перепады, природные особенности не отменяют ответственности за совершенную подмену. Зато в изображении поклонников Альдонсы-Дульсинеи Володин использует сатирический гротеск, уподобляя их массовидной неразличимой толпе, оглашающей «горы и доли» своими стенаниями: «О, Дульсине... О несравнен... О бессердеч...» С такой же страстью толпа переключается на «тяжкие вздохи и скорбные песни по Дон-Кихоту: «О несравнен... О прекрас... Нет, его. Умер великий сын Ламанчи, погребен».

Авторский ракурс меняется, когда речь заходит об Альдонсе и Луисе. Они даны в чувственных переживаниях, индивидуальных поступках, свободном выборе своей судьбы. Деревенская девушка Альдонса приходит к убеждению, что не может «ради чьего-то удовольствия изображать Дульсинею». А Луис, внешне похожий на Дон-Кихота, заявляет, что «не принадлежит ни к его поклонникам, ни к его приверженцам»: «С меня довольно, что я похож на самого себя». Свобода от конформизма во имя верности себе, а в результате высоких идеалов донкихотства — генеральная тема пьесы. Луис не новый герой в драматургии Володина. Черты его характера можно заметить у Чеснокова в сценарии «Похождения зубного врача», у фокусника Кукушкина в сценарии «Загадочный индус», у инженера Лямина в «Назначении». В условном пространстве пьесы «Дульсинея Тобосская» Луис освобожден от привычной для советской драматургии матрицы социума — он одинок в поисках своего духовного предназначения. В пьесе «Мать Иисуса» Володин назовет этот тип героя — «человек с нервным лицом». Луис собирается стать священником, он стоит перед выбором, но как чело-

¹ Реплика главного героя из пьесы «Дульсинея Тобосская».

век рефлексирующий сделать его не может. Ему проще отказаться от обрядовых поклонений Дон-Кихоту, но рациональное толкование веры, вопросы, которые он задает сам себе и сам же на них отвечает, порождают тревогу. Как говорит о нем Санчо Пансо: «Парень запутался в собственных подтяжках». Это уже не прежние герои, Ильин или Лямин, — это человек «подполья», он «всегда один», нуждающийся в исповеди. Выслушает и безоглядно поверит ему не бесплотная Дульсинея, а живая Альдонса. Тут проявляется «володинская женщина» в самом глубоком ее воплощении: «Бедный мой. Так мучается. Не надо, зачем это. Хотите я буду вас успокаивать? Только ничего не надо стыдиться. Говорите мне все, и тогда можно все уладить. Мне почему-то кажется, что со мной вам было бы хорошо». Володин не щадит своего героя. Он не обозначает проблемы Луиса, а погружает в его мир. Своих героев В. испытывает в поступках. Альдонса «положила ему руки на плечи, приблизила лицо». Луис успевает сказать: «Но...» Автор лишает героев слов, договаривает в ремарке сам: «Когда ж они оторвались друг друга, то не сразу могли заговорить». Альдонса начала первая: «Кто как умеет — тот так и верует. Я верующая в любовь и ласку». Для Володина Альдонса — надежда на сохранение всех токов жизни, на ее нравственное призвание помогать ближнему, защищать обиженного, свободно выбирать свою судьбу, любить, нести в себе дух донкихотства. На сцене и на экране Дульсинея Тобосская чаще всего решалась в жанре мюзикла.

13. Новый жанр — «детектив каменного века»

После литературной стилизации Володин обратился к временам доисторическим — каменный век, эпоха младенчества человеческого рода. Пьесы «Выхухоль», «Ящерица», «Две стрелы» составили трилогию, написанную в жанре «каменного детектива». Работа шла с конца 60-х до начала 70-х годов. Впоследствии первые две пьесы были объединены и получили название «Ящерица». Пьеса о том, как все начиналось, как изобрели лук, как впервые прозвучало слово «милый», как появился самый первый интеллигент, который не решился на убийство. Еще эмигранты, вынужденные покинуть свой род. Коллизия выбора — главная в трилогии. Она рассмотрена как нравственная, у нее судьбоносное значение для человеческого рода. Так Ушастому предстоит решить — сказать правду или прикрыться «установкой одного из руководителей рода, для которого правда сама по себе неинтересна и даже вредна, если мешает его авторитарной власти». Перед выбором стоит Ящерица, самая красивая женщина рода, посланная к врагам Скорпионам для «технического шпионажа», — почему их стрелы летят дальше, чем у рода Зубров. Доисторическое общество понадобилось Володину не для иронического осмеяния, это брехтовская «провокация», благодаря которой зрителю предлагают задуматься о проблемах современных. Пьесы требовали широкого использования пантомимы, актерской пластической импровизации. Движение значит в них не меньше, чем слово, и оно должно возникать изнутри характеров. Наиболее выразителен образ Ящерицы, хитроумной обольстительницы, дерзкой и смелой шпионки, сразу оценившей достоинства лука, из-за чего их стрелы летят дальше. Володинский детектив хотел снять в кино Михаил Ромм.

В середине 70-х Володин написал несколько киносценариев: «Портрет с дождем», «Смятение чувств», «Дочки-матери». Кинорежиссер Сергей Герасимов заинтересовался характером детдомовской девочки, волею случая попавшей в московскую интеллигентную семью, в другую социальную среду, и в 1974 году снял фильм «Дочки-матери». Историю героини он видел по-своему: «Есть рабочий класс, а есть интеллигенция, которая вечно ноет, вечно хнычет». Автор категорически не соглашался. Оль-

га в сценарии Володина самостоятельный человек, она надежна, на нее можно положиться, она убеждена в своей правоте, но оказавшись в новой для себя обстановке, то и дело попадает в ситуации, где ее принципиальность не к месту и приносит боль окружающим. Ей не хватает широты взгляда, душевной деликатности, она чувствует, что люди, с которыми она познакомилась, живут по каким-то другим законам, но понять их не может. Прощаясь, она оставляет за собой развалины, ее собственная открытость гаснет. Живая волевая натура Ольги получила психологическую глубину в исполнении молодой актрисы Любви Полехиной.

14. Библейский сюжет

Две пьесы — «Мать Иисуса» и «Кастручча» («Дневники королевы Оливии») — более двадцати лет оставались в столе автора. Пьесы писались в середине 60-х, сразу после «Назначения» и сценария «Звонят, откройте дверь!». «Мать Иисуса» могла в то время быть обвинена в лучшем случае в «абстрактном гуманизме». В конце 80-х пьеса из библейской истории попадала в самый нерв духовной общественной жизни. Володин относился к личности Христа исторически, верил, что он хотел мира между людьми и проповедовал добро, милосердие, братство, любовь. Он дал себе право предположить, что после казни Иисуса именно его мать оказалась истинной наследницей учения. Володин остался верен первоисточникам, историческим и нравственным. Образ Матери наделен в пьесе чертами земной женщины. За библейской темой угадываются поиски автором веры и простых истин бытия, преклонение перед духовной красотой Матери. В одном из персонажей узнаваем сам автор, с поразительной откровенностью и беспощадным юмором говорящий о собственных духовных падениях. В жанре интеллектуальной драмы Володин остается художником интуитивного склада, но частное, отдельное, человеческое получает христианскую этику и универсальные связи. События пьесы происходят на третий день после казни, когда в дом Марии пришла весть о воскресении. Еще не снята скорбная одежда, а в ее доме начинают собираться люди, чтобы получить от Матери кто благословение, кто исцеление, кто ответ — кому дальше нести его учение и веру. В своем отношении к Иисусу и его учению каждый будет искренне защищать свою правду и свое толкование проповеди добра, справедливости и любви к ближнему, но никто не сможет подняться над личными интересами и страстями. И только Мария, Мать и хранительница очага, — наследница веры, которую Иисус обращал чистому и непосредственному в своем движении сердцу. Вера Матери свободна от догматических стеснений, отрешена от корысти и самоутверждения. Учение Божьего Сына она толкует по-своему и очень просто: «Сострадание. Милосердие. Братство. Любовь. Ну, еще терпение — это понятно». Мать в мыслях обращается к Сыну: «Что делать? Надо жить, надо жить. Явишься — а я дома, я здесь». Развязка пьесы говорила, что жизнь требует от человека не противопоставления божественного и возвышенного земному, а полного их слияния. Пьеса Володина широко была представлена на московских сценах, состоялась премьера в Ленинградском театре драмы им. А. С. Пушкина (Александринский театр).

15. Антиутопия и «Кастручча, или Дневники королевы Оливии»

В пьесе «Кастручча» (1969) Володин предлагал условную страну, в которой действует запрет на чувства. Неизбежно возникала перекичка с романом Евгения Замя-

тина «Мы» и антиутопией Джорджа Оруэлла «1984». В них шла речь об опасности вторжения в мир человеческих чувств. Стоит также напомнить имена отечественных писателей: Александра Афиногенова, Евгения Шварца, Вениамина Каверина, обращавшихся к этой экзистенциальной проблеме страха. Для каждого из них авторское высказывание на эту тему было реальным гражданским поступком. На премьере пьесы Афиногенова «Страх» (1931) в МХАТе писатель Юрий Олеша говорил: «Слушайте, это государственное событие!» В Ленинградском театре драмы (бывшем Александринском) состоялась первая постановка «Страха». Сцена диспута между ученым-физиологом Бородиным и старой большевичкой Кларой раскалывала зрительный зал надвое. Ученый докладывал о результатах обследования нескольких сотен людей, принадлежавших разным социальным слоям, и приходил к выводу, что «общим стимулом поведения обследуемых является страх». Молочница боится конфискации коровы, крестьянин — насильственной коллективизации, советский работник — непрерывных чисток, партийный работник боится обвинения в уклоне, работник техники — во вредительстве. «Мы живем в эпоху великого страха, — говорил Бородин. — Уничтожьте страх, уничтожьте все, что порождает страх, и вы увидите, какой богатой и творческой жизнью расцветет страна». Одна половина зрителей поддерживала аплодисментами едва ли не каждое слово ученого. Другая часть зрителей молчала. Клара, которая отвечала примерами бесстрашия, начав чуть ли не со времен Спартака, говорила о судьбе своего сына-революционера. Прежде молчавшая сторона устраивала овации. Несколько раз именно к сцене диспута приезжал Киров, и из боковой ложи наблюдал дискуссию, кто на этот раз победит — Бородин или Клара. Идеальный итог долго оставался непредсказуемым.

В 1944 году Евгений Шварц написал «Дракона», предупредив об опасности манипулирования человеческими душами: тираны уходят, остаются искалеченные души, дырявые души. Освобождение от драконовских порядков идет трудно. Вениамину Каверину не суждено было дожидаться публикации его романа «Эпилог». Издан он был только в 1997 году. Прожитый век остался, в частности, в такой характеристике: «Господствующим ощущением, ставшим непреодолимой преградой развитию и экономики, и культуры, был страх во всех проявлениях. Но это был прочно устоявшийся страх, как бы гордившийся своей стабильностью, сжимавший в своей громадной лапе любую новую мысль, любую, даже робкую попытку что-либо изменить. Это был страх, останавливающий руку писателя, кисть художника, открытие изобретателя, предложение экономиста» («Эпилог». М.: Аграф, с. 5).

В отличие от своих предшественников, предупреждающих об опасности манипулирования человеческими душами, Володин говорил о существовании обычных людей, уже подвергнутых насилию в своей чувственной жизни. Запрещена любовь. Семьи бездетны. Молодая женщина качает на руках и поет колыбельную несуществующему ребенку. Другая женщина страдает от невозможности быть доброй. Видя кого-нибудь несчастным, хочет что-нибудь предпринять, что-нибудь подарить, какой-нибудь пустяк и дарит, снимает с себя все до последней сорочки. Болезнь «Кастручча» гуляет по стране.

Вступая на территорию антиутопии, Володин должен был предъявить свой условный мир, в котором живут его герои. Страна маленькая, островная, жителей всего 67 человек. Идет затяжная война с государством Берунди, но поскольку ни у той, ни у другой стороны нет флота, достичь берега противника невозможно. Жители заняты изготовлением раскладушек и постоянно увеличивают их выпуск. Высокий темп производства задан обязательствами обогнать Берунди во что бы то ни стало по уровню выпуска. Состязательность захватила и другие сферы жизни. Дошло до того, что не хватает футболистов, приходится играть в одни ворота. Отсюда закидательские уве-

рения: «У нас самый большой процент научных работников. На душу населения один сотрудник на 67 человек. А в Берунди вообще никого, так что мы вообще впереди». Как нам знакома эта жизнь по принципу кто кого. Между тем повседневная жизнь монотонна и прерывается только играми в города. Теплое «ты» давно заменено холодным отстраненным «вы». Подавленные страхом, стоит сказать не то слово, как в нем услышат намек, люди лишены смысла жизни, в них нет каких бы то ни было желаний.

В «Кастручче» Володин пользуется особым композиционным приемом, он рассказывал: «Мне кажется, что простейшее и главное, что я получил в институте, — это ощущение ситуации — в драме, на сцене, на экране. И уже никогда у меня не было просто разговоров, просто споров, ситуация — это обязательно». В пьесе «Кастручча» ситуация стала несущей конструкцией, отказываясь от какой бы то ни было заданности характеров, Володин выстраивает ситуацию чувственного экзистенциального личного выбора. Ситуации разные, казалось бы, бытовые и ситуации, кардинально меняющие жизнь людей, сменяют друг друга. Например, один из эпизодов этой пьесы. В комнате, где играют в «города», входит юноша, он вернулся из эмиграции, вернулся домой. Однако напрасно он надеется вывести своих знакомых из оцепенения. Хорошо знавшие его с детства соседи лишь вежливо улыбаются, обращаются на «вы» и говорят только о принадлежности ему комнаты, которую они готовы освободить. Следующая ситуация затрагивает, кажется, всех. Легенда говорит, что в запрете на чувства виновата почившая королева Оливия. Это у нее не сложилась личная жизнь, и она прокляла любовь. И вот выясняется, что ее дневники фальшивка, на самом деле она пережила безответную любовь и осталась девственницей (женщину Володин обидеть не мог!). В связи с этой ситуацией жителям приходится менять свое поведение, устоявшиеся правила, отношение друг к другу. Последовавшая затем «перестройка» превращается в мобилизацию жителей на праздник любви «всех ко всем». Любовь сотрудника к сотруднику, прохожего к прохожему, начальника к подчиненному. Толпа радуется перестройке. На площади гремят репродукторы, потрясая обалдевших жителей страны любовными откровениями Бальмонта:

Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,
Из сочных гроздий венки свивать.
Хочу упиться роскошным телом,
Хочу одежды с тебя сорвать!..

То поэтической нежностью Пушкина «Я вас любил», то страстными куплетами и признаниями в любви из «Кармен», то шлягерами современной песни «Я люблю тебя, жизнь...», «Мой любимый старый дед». События завершает еще один поразительный поворот. У обеих главных героинь пьесы Марти и Дагнес снова наступает приступ «Каструччи», поистине кто имеет дело с парадоксом — сталкивается с жизнью. У Володина чувство не терпит ни запретов, ни разрешений. Болезни прежнего времени разнообразные, странные, остаются и сказываются на людях губительно.

Мы давно свыклись с жанровым определением «оптимистическая трагедия», предложенным в 1930-е годы Всеволодом Вишневским. Володин в «Кастручче» открыл новый жанр, который можно было бы назвать «оптимистический абсурд». Пьеса пролежала в столе писателя 20 лет. Начиналась работа над «Каструччей» в конце 60-х, Олег Ефремов хотел ее поставить в московском театре «Современник». В инстанциях ему говорили: «Мы пьесы Володина не видели. Вы ее нам не показывали». Об обстановке этого времени Володин рассказывал, как его вместе с Розовым, Арбузовым, Штейном, Салынским пригласили на беседу с секретарем ЦК партии Екатериной Фурцевой, попросившей сказать, что мешает работе этих писателей. Когда очередь дошла

до Володина, он начал говорить о положении дел в драматургии и театрах. Фурцева прервала его: «У вас все в порядке?» Он ответил: «У меня все в порядке». — «У вас есть деньги?» — поинтересовалась секретарь. «Есть», — сказал Володин. И тут последовал неожиданный вопрос: «Вы ходите в бассейн?» Услышав отрицательную реакцию, продолжила: «Вот видите! Вы должны следить за своим здоровьем! Дайте нам хорошие пьесы, и мы вам дадим все!» Вторая беседа с Фурцевой, уже с министром культуры, запомнилась фразой: «И пусть товарищ Володин не надеется, что мы выпустим его пьесы!»

В 1988 году «Каструччу» опубликовал журнал «Театр». Ее поставили три столичных театра: «Эрмитаж», Театр-студия Олега Табакова, Театр сатиры.

16. «Марафон Андрея Бузыкина»

У киносценария В. «Осенний марафон» на редкость счастливая судьба. Снятый по нему фильм Георгия Данелия (1979) не сходит с экрана более тридцати лет. Высокие награды, догоняя одна другую, подтверждали зрительский успех: Главный приз XIII Всесоюзного кинофестиваля, Золотая раковина Международного кинофестиваля в испанском Сан-Себастьяне, главная премия фестиваля комедийных фильмов в ФРГ, премия братьев Васильевых. Более тридцати стран приобрели фильм для зарубежного проката.

Почти все писавшие об «Осеннем марафоне» отмечали талант сценариста Володина, смеялись, печалились, сопереживали истории Андрея Бузыкина. Но были рецензенты, которые называли володинского героя «мямлей», «рохлей», «слабаком», упрекали в конформизме и более всего раздражались неспособностью сделать выбор между женой и любовницей. И сюжет, и его коллизии на поверхности. Бежит Андрей Павлович Бузыкин, торопится — из дома на кафедру, с заседания в издательство, от письменного стола к студентам, от любимой работы переводчика к бездарной коллеге по «цеху» Варваре, от жены к любовнице, чтобы наутро продолжить свой бег снова. На руке позванивают часы, как в классической механике Ньютона, отсчитывая мгновения его жизни, навсегда исчезающие в черной дыре вечности. Бежит и не успевает. Время бытовое перетекает во время бытийное. Не в первый раз Володин касается темы назначения человека на роль. Начинаясь она еще в «Фабричной девчонке», где молодым прядильщицам навязывались кинооператором не свойственные им образы. В «Пяти вечерах» Ильин и Тамара легко примеряли на себя высокие должности, пока не поняли, что эти маски не дают прорваться лирическому чувству. Надежда в «Моей старшей сестре» пыталась жить по правилам «здорового смысла» дядюшки Ухова, но потерпела крушение. В «Назначении» речь идет о переходе инженера Лямина на должность начальника. У Андрея Павловича Бузыкина множество ролей: муж Нины Евлампьевны, любовник Аллы, научный консультант и гостеприимный хозяин для иностранца Билла, который привык у себя дома к утренним пробежкам. «Андрей, готов?» — его любимый вопрос. И сосед по лестничной площадке, собутыльник. Ролей много, они часто пересекаются, и каждый раз Бузыкин вынужден выступать в роли ответчика. Сюжетные коллизии банального «любовного треугольника» Володин противопоставляет кругу людей с жестко организованной системой. «Цельные», «волевые», они отвели Бузыкину каждый свое место в жизни, всем он нужен, и роль его заранее прописана. Только у Бузыкина такой системы нет, и человек он «нецельный».

Замечено, что володинские герои долго могут терпеть диктат силы, но наступает время, когда они взрываются, дав волю импульсивным поступкам. Они могут быть смешными, не до конца серьезными, трагикомическими, но именно в них скажется

природная сущность характеров. Все персонажи «Осеннего марафона» привыкли к интеллигентной податливости Бузыкина, но наступает время его «бунтов». Во время грибной прогулки с Харитоновым и Биллом он смешно требует восстановления своих личных прав: «Я тоже человек простой и цельный, меня тоже голыми руками не возьмешь. И прошу вас привыкнуть к этой мысли». Узнав, что столь желанный перевод Скофилда передан бездари Варваре, поднимает «бунт» резкий, открытый, даже неожиданный. Варвара спрашивает, не осталось ли у него набросков, черновики. И слышит от Бузыкина: «Что?.. А полы помыть тебе не требуется? А то я вымою, ты только свисти!» Володин не скрывает своей иронии, но и «бунта» не отменяет: «Оставил ее, пошел дальше. Теперь, однако, он шел совсем иначе. Он прихрамывал, как участник больших сражений. Он смотрел на встречных орлино. Он отвечал на приветствия приказным голосом».

«Осенний марафон» — один из наиболее автобиографических сценариев драматурга Володина.

17. «Слышно, времечко стекает с кончика его пера»²

Пьесы и сценарии Володина никогда не «умирали» ни в спектаклях, ни в фильмах. Эта литература, по своей художественной подлинности не зависящая от того, как она была интерпретирована. Лирический голос автора, всегда узнаваемый язык, далекий от магнитофонного сленга улицы, интонация, идущая изнутри характера, движение в реплике, отсутствие разговоров самих по себе, слово: действие, удар, защита, уклонение — лишь некоторые приметы володинского стиля. В 90-е «перестроечные» годы Володин менялся: жестче стал взгляд на жизнь, постоянное переживание ее убывания, появились более резкие краски, новые обобщения-метафоры, истреблялся любой намек на сентиментальность, переписывались старые финалы пьес. Не всегда удачно. Выходили новые сочинения: «Одноместный трамвай» (1990), с авторским уточнением: «Записки несерьезного человека», при переиздании «Записки нетрезвого человека», воспоминания с большими текстовыми добавлениями — в книге «Так неспокойно на душе» (1993), сборник стихов «Монологи». Чаще стал бывать на филармонических концертах, среди опубликованных стихотворений «Слушая Скрябина» и «Слушая Шопена»; дома хранил записи всех песен Владимира Высоцкого. Играл сам с собой в сквош, настольный теннис. Скорее всего, его увлекали ритм игры, ситуации ожидания, гармония между частями и целым.

В 1999 году отобрал стихи для авторского сборника «Неуравновешенный век». Он стал последним.

² Строка из стихотворения Булата Окуджавы, посвященного А. Володину.

Дмитрий КАПУСТИН

АНТОН ЧЕХОВ: ДОЛГАЯ ЗИМА В НИЦЦЕ (сентябрь 1897 — апрель 1898)¹

В конце марта 1897 года в семье Чеховых случилось несчастье, которое перевернуло как жизнь семьи в целом, так и жизнь Антона Павловича, ее главного столпа. 22 марта едва он вместе с издателем и другом А. С. Сувориным сел обедать в московском ресторане «Эрмитаж», как у него горлом хлынула кровь «по-настоящему», «форменным образом». «Доктора заарестовали меня и засадили в темницу, сиречь в клинику», — пытался отшучиваться Чехов. Но дело было серьезное: доктора клиники А. А. Остроумова (сам профессор находился тогда в Сухуме) без труда установили туберкулезный процесс в обеих верхушках легких. То, о чем писатель догадывался, но не хотел верить (якобы не хватало полноты всех признаков болезни), стало грозной явью. «Эскулапы вывели меня из блаженного неведения», — признавался он сам.

Поклонники Чехова и даже специалисты по его биографии по сей день недоумевают: как дипломированный врач, выпускник Московского университета, практикующий доктор, лечивший этот грозный недуг у других, мог «прозевать» собственную болезнь, признаки которой у него были с 24 лет. Ведь на его глазах умирал от чахотки брат Николай, самый близкий по духу из всей чеховской поросли, который оформлял тонкими рисунками первые юморески Антоши Чехонте. С пронзительной достоверностью как писатель и врач он отобразил подобную смерть в «Черном монахе» и только что законченных (в феврале 1897 года) «Мужиках» (которых одни оценили как шедевр, а другие как «грех против народа»). Как мог он столь легкомысленно относиться к собственному здоровью, тем более что тогда туберкулез считался неизлечимым и продлить жизнь (и творчество) можно только бдением и тщательным уходом? Что это — банальный фатализм: «Чему быть, того не миновать», «Все в руках Божьих»? Или невозможность для свободного таланта «зациклиться» на собственной болезни («болезнь — это кандалы»), считать перебои сердца и контролировать без конца свои анализы? Ответа нет, «тайна сия велика есть».

Чехов без стенаний, но с грустью воспринял приговор докторов, которые запретили ему «почти все самое интересное — *vinum*, движения, разговоры», предписали изменить образ жизни, проводить зиму на юге, отказаться от врачебной практики и уезд-

Дмитрий Тимофеевич Капустин родился в 1942 году в Москве. Окончил МГИМО, востоковед-международник, кандидат исторических наук. Автор книг и статей по международным отношениям на Дальнем Востоке. В сферу его увлечений и научных интересов входит также творчество и биография А. П. Чехова. По этой теме опубликовал ряд статей и две книги: «Антон Чехов на Востоке. Сборник статей». Saarbrücken. Lambert Academic Publishing. 2012. 264 с. (на русском языке); «Азиатское путешествие Антона Чехова. 1890 год». М.: Этерна, 2014. 280 с.

¹ Начало цикла «Чехов в Европе», см.: Нева, 2018, № 1. Первый выезд в Европу; № 7. Побег в Европу.

ных должностей. Сам он планировал поехать на кумыс и надеялся, что «опыты с новым Коховским препаратом дадут благоприятные результаты» и тогда, конечно, поедет в Берлин. Проведя 15 дней в клинике Остроумова (10 дней шла кровь), Чехов возвратился в Мелихово, решив провести лето здесь, самостоятельно продолжить лечение (не посвящая особенно в это родных). 15 апреля он бодро отписал Суворину: «Все обстоит благополучно, самочувствие у меня великолепное и, если бы не надзор за мной и ветер, который дует уже третий день, то было бы совсем хорошо. Бациллы мои успокоились, по-видимому, и дают о себе знать только по утрам, когда я кашляю, а больше ничего»².

Но в тот же день Чехов сообщил нечто другое в письме доктору (и общественному деятелю) П. Ф. Иорданову в Таганрог: «Будущее мое неопределенно, но, по-видимому, придется жить где-нибудь на юге. Крым скучен до безобразия, а на Кавказе лихорадка. За границей меня всякий раз донимает тоска по родине». Очевидно, что тогда же впервые встал вопрос о судьбе Мелихова, семейной усадьбы, к которой были приписаны («прописаны») и сам писатель, и его родители.

Донимали и финансовые дела. Содержать в порядке имение и семью, не скарденничать, жертвовать деньги на школы и другую благотворительность, постоянно принимать друзей и гостей — это требовало немалых расходов. Но «врачи предписали мне праздность — и я стараюсь следовать этому предписанию, стараюсь не писать». 24 апреля он сообщил старому другу Н. А. Лейкину: «У меня ничего нового, жизнь течет по-старому. По-прежнему я не богат, не женат, пишу мало. В марте лежал в клинике, теперь же чувствую себя недурно и считал бы себя совершенно здоровым, если бы не медикаменты, которые мне прописаны. Погода у нас чудесная, жаркая, изредка перепадают дожди; цветут гиацинты, тюльпаны, завтра будем сажать картофель (в поле); овес посеяли еще до праздника. Береза уже зеленеет». Действительно, «весна великолепная, но нет денег — просто беда», — это уже в другом письме, четырьмя днями позднее.

Все лето, с редкими вылазками в Москву и окрестные села, а также однажды в Петербург, Чехов провел в Подмосковье, в своем доме. Писал много писем, читал газеты, книги (Метерлинка), чужие рукописи, приглашал друзей; вычитывал корректуру «Моей жизни» для новой книги своих рассказов. Пытался разобраться с оплатой собственных публикаций. Волей-неволей вникал в хозяйственные дела и жизнь окрестных деревень. «Урожай будет неважный; цена на хлеб и на сено растет. Болезней нет, — сообщал он Суворину 21 июня. — Водку трескают отчаянно, и нечистоты нравственной и физической тоже отчаянно много. Прихожу все более к заключению, что человеку порядочному и не пьяному можно жить в деревне только скрепя сердце, и блажен русский интеллигент, живущий не в деревне, а на даче».

5 июля в Мелихово приехал художник И. Э. Браз, известный портретист, который по заказу П. М. Третьякова намеревался написать портрет писателя. В жару и установившуюся засуху приходилось позировать по нескольку часов в день. Работа затянулась сверх оговоренных двух недель, но в конце концов закончилась неудачей. Портрет не нравился никому, даже самому художнику. «Как будто Вы рыдали, такое страдавшееся лицо», — оценила одна из современниц. Портрет остался незавершенным.

В августе, с окончанием лета Чехов принял решение поехать на юг Франции, сначала в Биарриц, а потом на Лазурный берег.

² Письма цитируются по Полному собранию сочинений и писем А. П. Чехова (1974–1983) — далее ПССиП. Даты писем упомянуты в тексте.

Биарриц: там, где шумит океан

1 сентября 1897 года он выехал в Биарриц, намереваясь остановиться там на месяц. Но в Париже его на несколько дней «перехватила» семья Сувориных (без Алексея Сергеевича, который срочно уехал в Петербург по театральным делам). Отсюда 5 сентября Чехов написал родным (на имя Марии Павловны) любопытное письмо, сообщая, что до Берлина добрался благополучно, всю дорогу пил «изумительное пиво», но от Берлина до Кёльна немцы-попутчики «едва не отравили своими сигарами». А в Париже приоделся по-парижски (и «поразительно дешево»), целый день ходил по городу, посетил Moulin rouge, «видел знаменитый danse du ventre»³ при звоне бубнов и пианино, за которым сидит негритянка». И заключал: «Погода пасмурная, но весело. Город любопытный и располагающий к себе».

В этом письме Чехов отдает сестре важное распоряжение: «Возьми, пожалуйста, у меня в шкафу „Рассказы“ (где помещены „Степь“, „Тина“, „Поцелуй“ и проч.) и пошли по адресу: Италия. Italia. Roma, Sre Ferraris, direttore della „Nuova Antologia“. Напиши: „от автора“».

Там же, т. е. в моем книжном шкафу, возьми „Рассказы“, где „Мужики“ и „Моя жизнь“, в желтой обложке (в правой куче) и пошли: Франция. France. Paris, à Mer Jacques Mergert. 118, rue de la Pompe». (В ответном письме Мария известила брата, что «книги посланы». И позднее Чехов передавал уже из Ниццы подобные распоряжения.)

К этому времени Чехов уже как десятилетие был известен в ряде стран Европы; ареал его популярности все ширился, хотя еще не были написаны «Три сестры», «Вишневый сад», «Дама с собачкой», «Человек в футляре» и другие шедевры. В конце сентября «Одесские новости» опубликовали пространную, любопытнейшую статью П. Звездича (П. И. Ротенштерна) — журналиста, переводчика — «Антон Чехов перед судом немецкой критики». В ней он приводил мнение известного немецкого критика Рудольфа Штрауса (из венского еженедельника «Wiener Rundschau») о творчестве Чехова. Тот едва ли не первым из зарубежных критиков заговорил не только о европейском, но о мировом значении творчества русского писателя: «Невероятное стало фактом: мы имеем перед собой могучее, таинственное чудо Стриндбергова содержания в мопассановской форме; мы видим возвышенное соединение, которое казалось почти невозможным, которое до сих пор никому еще не удавалось: мы любим Стриндберга, любим Мопассана, поэтому мы должны любить Чехова и любить вдвойне. Его слава в скором времени наполнит весь мир. Он — блестящий пример художника-космополита на перевороте нашего истомленного века»⁴.

Сестра переслала Антону этот номер газеты, то же сделал друг и коллега И. Н. Потапенко, приписав: «Можешь на свободе упиться славой». На зарубежную популярность Чехов реагировал без бахвальства, но скрупулезно фиксировал такие переводы и способствовал им, полагая, очевидно, что лишняя копейка (если она вообще выплачивалась за переводы) никогда не помешает. Тем более что и на эту поездку «с натягом» удалось для начала наскрести 1700 рублей и надеяться в будущем на друзей (в случае чего) и новые гонорары от переизданий и публикаций.

8 сентября Чехов прибыл в Биарриц, остановился в отеле «Victoria».

В конце XIX века этот маленький поселок рыбаков и китобоев на Атлантике, в губине Бискайского залива, вблизи границы с Испанией, превратился в элегантный и модный курорт. Как острили журналисты, в «бархатный сезон» здесь собиралось местной

³ Танец живота (франц.).

⁴ «Одесские новости», 1897, № 4099, 29 сентября 1897, с. 1.

и европейской аристократии больше, чем было пирожных в прибрежных кафе. Курорт славился мягким климатом — теплой зимой и нежарким летом, а также замечательными многокилометровыми пляжами с мелким песком. Особенностью вод возле Биаррица было то, что они волновались ровными, длинными накатами даже в штиль, с мягким шуршанием набегая на пляж. «Самое интересное здесь — океан; он шумит даже в очень тихую погоду», — отметил писатель.

Чехову понравилось на атлантическом курорте. «В первые дни, когда я приехал сюда, было холодно и сыро, теперь же мне жарко, как в моей духовой печке (спаленка в мелиховском флигеле. — Д. К.), — написал он А. А. Хотяинцевой 17 сентября. — Особенно жарко бывает после завтрака, который состоит из шести жирных блюд и целой бутылки белого вина. <...> С утра до вечера я сижу на *grande plage*'e, глотаю газеты, и мимо меня пестрою толпою проходят министры, богатые жиды, Аделаиды («дама с лорнетом»), генеральша, мелиховская знакомая. — Д. К.), испанцы, пудели; платья, разноцветные зонтики, яркое солнце, масса воды, скалы, арфы, гитары, пение — все это вместе взятое уносит меня за сто тысяч верст от Мелихова». С юмором он описал до толе не виданную им испанскую национальную забаву — корриду (иногда не только с быками): «На днях в Байоне происходил бой коров. Пикадоры-испанцы сражались с коровами. Коровенки, сердитые и довольные ловкие, гонялись по арене за пикадорами, точно собаки. Публика неистовствовала».

Александра Александровна Хотяинцева, 32 лет, подруга сестры Маши по Строгановскому училищу (кстати, внучка декабриста), стала очередным увлечением писателя. «Великая художница земли русской» — так зачастую обращался к ней Чехов. Ревнивая Лика Мизинова в ответном задиристном письме Антону Павловичу от 12 сентября нашла ее «очень симпатичной и интересной» и «вполне одобрила выбор»⁵. Они познакомились в Мелихове всего за пару недель перед отъездом во Францию. Тогда писатель в обществе двух собачонок часто следовал за миниатюрной художницей, шагавшей с мольбертом под мышкой, «озоровал» (как вспоминала М. П. Чехова) и наслаждался остроумной беседой. После отъезда Антоши Павел Егорович, отец, отмечал в своем «хозяйственно-фенологическом» дневнике: «приехали Маша с Хотяинцевой», «уехали Маша с Хотяинцевой», приехали, уехали... Всю осень они писали этюды в Мелихове, иногда Александра делала свои вставки в письма Маши брату. Потом последовали отдельные письма ей самой. Чехов знал о намерении художницы поехать постажироваться в Париж и явно надеялся на продолжение романа.

Неделей ранее Чехов доложил Суворину несколько иное, мужское видение жизни курорта: «Я гуляю, слушаю слепых музыкантов; вчера ездил в Байону, был в *Casino* на „*La belle Hélène*“. Интересен город со своим рынком, где много кухарок с испанскими физиономиями. Жизнь здесь дешевая. За 14 франков мне дают комнату во втором этаже, *service* и все остальное. Кухня очень хорошая, изысканная, только одно не хорошо — приходится много есть. За завтраком и обедом, все за ту же цену, подают вино, *rouge et blanc*; есть хорошее пиво, хорошая Марсала (сорт десертного вина. — Д. К.) — одним словом, тяжела ты, шапка Мономаха! Очень много женщин».

А еще на курорте было «очень, очень много» русских. «Женщины еще туда-сюда, — оценивал Чехов, — у русских же старичков и молодых людей физиономии мелкие, как у хорьков, и все они роста ниже среднего. Русские старики бледны, очевидно изнемогают по ночам около кокоток; ибо у кого импотенция, тому ничего больше не остается, как изнемогать». И затем следует венец писательских наблюдений: «А кокотки здесь подлые, алчные, все они тут на виду — и человеку солидному, семейному, приехавшему сюда отдохнуть от трудов и суеты мирской, трудно удержаться, чтобы

⁵ ПССиП, т. 7. Письма, примечание 1, с. 53–54.

не пошалить». В письме Лике Мизиновой (18 сентября) как бы между прочим сообщил: «Для упражнений на французском языке я завел себе здесь француженку, 19 лет. Зовут ее Марго. Извините меня за это, пожалуйста».

Чехов в Беаррице ничего не пишет («становится немножко скучно — это от безделья»), хотя в записной книжке появляются новые «зернышки» для будущих произведений. Круг его общения мал, ежедневно видится только с В. М. Соболевским, редактором и издателем газеты «Русские ведомости». «Погода чудесная, не скучно», но, — как писал он Суворину, — придется скоро покинуть эти милые места и отправиться куда-нибудь на юг, через Париж, конечно. Поеду на Ривьеру, потом, должно быть, в Алжир. Домой не хочется».

Алжир? В Чехове опять проснулся путешественник?

В 20-х числах задули ветры, начались дожди, даже случилась буря, и Чехов вместе с Соболевским засобирались в Ниццу, решив миновать Париж (погода отнюдь не способствовала) да и не делать большущий крюк.

Ницца, Pension Russe

Решили остановиться не в дорогом прибрежном отеле «Beau Rivage», как ранее с Сувориным, а в Русском пансионе на улице Гуно, более дешевом, в общем, удобном внутри и недалеко от моря (хотя улица была «узкая, как щель, и вонючая»). Довольно критично описывал пансион Потапенко, приехавший сюда же позднее, в марте 1898 года: «Самое место, где помещался наш пансион, не отличалось ни бойкостью, ни красотой. Моря отсюда не было видно, да и горы заслонялись высокими домами»⁶.

«В Ницце тепло; очаровательное море, пальмы, эвкалипты, но вот беда: кусаются комары. Если здешний комар укусит, то потом три дня шишка <...>, — сообщал Чехов родным 25 сентября. — Этот пансион содержит русская дама, кухарка у нее русская, и щи вчера подавали русские, зеленые. Мне хорошо за границей, домой не тянет; но если не буду работать, то скоро вернусь в свой флигель. Праздность опротивела. Да и деньги тают, как беже». В пансионе коротали зиму много русских, но, к удивлению, поначалу почти никто Чехова не знал. Лишь одна постоялица смутно вспомнила: «кажется, что-то пишет в газетах».

Свое житье-бытье он описал так (в письме Суворину 1 октября): «В Ницце я живу в русском пансионе. Комната довольно просторная, с окнами на юг, с ковром во весь пол, с ложем, как у Клеопатры, с уборной; обильные завтраки и обеды, приготовляемые русской поварихой (борщ и пироги), такие же обильные, как в *hôtel Vendôme* (в Париже. — Д. К.), и такие же вкусные. Плачу по 11 фр. в день. Здесь тепло; даже по вечерам не бывает похоже на осень. Море ласково, трогательно. *Promenade des Anglais* весь оброс зеленью и сияет на солнце; я по утрам сижу в тени и читаю газету. Много гуляю». <...> Часто ем устриц». Чехов надеялся на скорое возвращение Суворина, готов был поехать к нему в Париж, но все-таки приглашал сначала «погреться в Ницце»: «Сидеть на набережной, греться и смотреть на море — это такое наслаждение». Однако «скучно без русских газет и без писем».

В Ницце писателя нагнали письма сестры с жалобами на недостаток денег для семьи и укоры отца, мол, «так хозяйство не ведут». Ему пришлось послать им часть от собственных денег и еще разбираться с гонорарами и распоряжениями об отчислениях для семьи. На это потребовались и время, и силы, пока все было выправлено.

⁶ Потапенко И. Н. Несколько лет с А. П. Чеховым (К 10-летию со дня его кончины) // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1960 и 1986, с. 328.

В пансионе собралась неплохая компания, во всяком случае для бесед и игры в пикет: Соболевский (который, однако, через пару недель уехал в Россию), художник В. И. Якоби (желчный человек, у которого все — «мерзавцы, идиоты, мошенники и с...ы сыны»), известный зоолог, профессор Киевского университета А. А. Коротнев — устроитель морской биологической станции в Вилле-Франке (близ Ниццы), князь А. И. Сумбатов (он же актер и драматург Южин) и профессор Ковалевский, к которому писатель проникся явной симпатией. В письме Суворину 1 октября он так охарактеризовал его: «Познакомился с Максимом Ковалевским, бывшим моск. профессором, уволенным по 3-му пункту (то есть неблагонадежность. — Д. К.). Это высокий, толстый, живой, добродушнейший человек. Он много ест, много шутит и очень много работает — и с ним легко и весело. Смех у него раскатистый, заразительный. Живет в Beau-lieu в своей хорошенькой вилле».

В середине октября уехал и он читать лекции в Париже и Брюсселе, однако появилась не менее достойная смена — Василий Иванович Немирович-Данченко, старший брат знаменитого в будущем режиссера, известный в то время писатель, журналист и путешественник (а к тому же заядлый игрок в рулетку, поселившийся сначала сразу в Монте-Карло).

Кроме того, вскоре после приезда у писателя завязалась «трогательная дружба» с Н. И. Юрасовым, русским вице-консулом в Ментоне, проживавшим в Ницце (в 30 километрах), «белым старичком, который с обожанием смотрел на него и возился с ним как с ребенком». «Раз в неделю у него бывали пироги, настоящие русские пироги, и он зазывал к себе Антона Павловича», — вспоминал позднее Потапенко⁷. Сам Чехов о своем покровителе писал Соболевскому в Петербург 10 декабря: «Превосходный человек, доброты образцовой и энергии неутомимой». Юрасов также оказывал ему консульские услуги (заверял бумаги для отправки родным), а его сын, служащий банка *Crédit Lyonnais*, помогал с оформлением денежных переводов. Кстати, чудом сохранилась любительская фотография Чехова и Юрасова около *Pension Russe*, сделанная юной переводчицей (и почитательницей) Ольгой Васильевой в январе 1898 года.

Так что оснований жаловаться писателю, что он одинок и ему скучно, было немного. Но, как вспоминал Ковалевский: «Чехов не любил выходить из этого круга. Его мудрено было назвать в великосветский салон. Да и с приятелями он не всегда был разговорчив»⁸.

Пожив более месяца в Беаррице и Ницце, Чехов вновь (уже в третьей поездке в Европу) утверждал, что жизнь в Европе для путешественника из России дешева: «Мне живется пока нескучно, еще не надоело. В Ницце тепло; хожу без пальто, в соломенной шляпе. <...> Вообще недурно, но как-то совестно ничего не делать, — это из письма брату Ивану (2 октября). — Жизнь здесь дешевая. Так, большая порция бифштекса или риббита стоит, на наши деньги считая, 37 коп. (то есть 1 франк по свидетельству самого Чехова. — Д. К.), большой сифон зельтерской воды 10 коп., чашка кофе 10 коп., новые брюки около 3 руб.; на чай дают лакеям от 1½ до 5 коп. Одним словом, человек среднего достатка может прожить здесь месяц за сто рублей роскошно».

Оседлое на этот раз пребывание в Европе позволило писателю более пристально присмотреться к обычаям и нравам местного населения, к «культурной атмосфере» ежедневного существования французов. «За границей стоит пожить, чтобы поучиться здешней вежливости и деликатности в обращении» — еще один вывод делает писатель в письме Ивану, кстати, педагогу по образованию. Здесь все улыбаются, нуж-

⁷ Там же, с. 327.

⁸ Ковалевский М. М. Об А. П. Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1960 и 1986, с. 447.

но поклониться, входя в вагон, нельзя начать разговора с кем-либо, не сказав «bonjour», а в обращении даже с нищими нужно прибавлять «monsieur» и «madame». Здесь даже кухарки носят шляпки, подмечает он, все собаки непременно в намордниках, а «прачки берут дешево и стирают очень хорошо». А вот еще острое наблюдение (сестре 7 декабря): «Французы бережливы, и оттого они богаты, так богаты, что даже ропщут на судьбу: некуда девать капиталы. Золота здесь очень много, и оно в большем ходу, чем бумажки».

В начале октября Чехова настигает (через Лопасню и Биарриц) письмо писательницы (и давней тайной его симпатии, отвечавшей взаимностью) Л. А. Авилловой, письмо, носящее проблемный характер: мол, герои его рассказов мрачны. В общем, обвинения в мрачности и пессимизме зрелых произведений писателя были не новы. Но важен был немного смешливый, но четкий ответ: «Увы, не моя в том вина! (слова из популярной тогда песенки. — Д. К.). У меня выходит это невольно, и когда я пишу, то мне не кажется, что я пишу мрачно; во всяком случае, работая, я всегда бываю в хорошем настроении. Замечено, что мрачные люди, меланхолики пишут всегда весело, а жизнерадостные своими писаниями нагоняют тоску. А я человек жизнерадостный; по крайней мере первые 30 лет своей жизни прожил, как говорится, в свое удовольствие». Как видим, Чехов «ушел» от подробных разъяснений на этот счет, но терпеливо заочно направлял этот «симпатичный талант» до конца дней своих.

В ответе Авилловой содержались еще два важных признания писателя. Во-первых, «за границей, проживу, вероятно, всю зиму», и, во-вторых, «ничего не делаю, не пишу, и не хочется писать». Надо сказать, что Чехов не сразу определился с продолжительностью своего заграничного пребывания: то собирался вернуться к Новому году, то к Пасхе («у меня семь пятниц на неделе»).

Что же касается «ужасной лени», то всего через 11 дней (17 октября) он послал Соболевскому в «Русские ведомости» рассказ «В родном углу» («плод моей праздной музыки»), а через несколько дней еще один — «Печенег». Рассказы не были результатом заграничных впечатлений, это были некоторые из сюжетов, которые «перепутались» в его мозгу, «киснут в мозгу». А тут случились пасмурные дни («сыро и ветрено»), привлекал «аппетитный вид» здешней бумаги и перьев, было «трудно удержаться, чтобы не писать». Сотоварищи Чехова вспоминали, что в эти дни Антон Павлович как бы исчезал из виду, редко спускался к обеду или ужину, а потом появлялся бледный и похудевший. Напряжение этих дней сразу отразилось на здоровье: случилось кровохарканье (три недели «понемногу, но подолгу»), но он, как всегда, хорохорился: «теперь ничего, прыгаю и чувствую себя прекрасно». Чехов вынужден был поселиться этажом ниже: «подниматься мне не легко».

Несмотря ни на что, в эти дни писатель в своих письмах сообщает: «стал работать», «мне *хочется* писать» (курсив самого Чехова. — Д. К.). А в письме брату Ивану 26 октября намекает и еще на одну причину: «Я ведь стал работать; за качество не ручаюсь, но количество вполне достаточное для того, чтобы прожить безбедно. В займах я не нуждаюсь».

В сезон

С ноября на Лазурном берегу начался большой курортный сезон, съезд публики со всех концов света, даже с Сандвичевых островов и из Сиам (сам сиамский король, «похожий на Иваненку»⁹). Где-то в середине сезона пожаловала и английская короле-

⁹ Иваненко А. И. — друг семьи Чеховых, музыкант.

ва. Странно было видеть, что в садах и городских скверах высаживали в грунт цветы («маргаритки великолепные»). Начались музыкальные конкурсы, концерты, по улицам с утра ходили оркестры, кружились танцы. В середине зимы был проведен веселый традиционный карнавал. Чехов запросил у Соболевского «редакционный билет», чтобы свободно проходить на мероприятия. Писатель жалел, что «не жывал подолгу за границей». «Природа здешняя меня не трогает, она мне чужда, но я страстно люблю тепло, люблю культуру... — писал он А. И. Сувориной 10 ноября. — А культура прет здесь из каждого магазинного окошка, из каждого лукошка; от каждой собаки пахнет цивилизацией».

Конечно, писатель невольно сравнивал все окружавшее его с Россией (в том же письме Ивану): «Много русских. Здесь все хорошо, но не во всем, однако, Франция опередила Россию». Так, «спички, сахар, папиросы, обувь и аптеки в России несравненно лучше. Здешний сахар не сладок, а конфеты в сравнении с нашими ничего не стоят».

«Отщепенец от родины» (согласно братской пикировке Александра), Антон Чехов ни на минуту не отстранялся от литературной и общественной жизни России. Он писал письма и отвечал на присланные, просил друзей и знакомых слать ему не только столичные, но и местные газеты (одесские, таганрогские и др.), передавал эти газеты друзьям или в библиотеку. Читал чужие рукописи и произведения, давал советы. Когда из-за отсутствия денег должен был прекратить существование журнал «Хирургия», он совместно с редактором журнала, профессором П. И. Дьяконовым принял деятельное участие в его спасении.

В это же самое время в связи с приближавшимся 200-летием родного Таганрога (сентябрь 1898 года) Чехов вел переписку с П. Ф. Иордановым по созданию там библиотеки и музея, давал толковые рекомендации, сам подбирал и посылал множество книг из Ниццы. Возникла идея просить скульптора М. М. Антокольского, жившего в Париже, сделать для Таганрога копию его петергофской статуи Петра I, ведь именно Петр и заложил Таганрог. (Созданная скульптором в 70—80-х годах XIX века статуя Петра I была куплена у автора императором Александром III и установлена в Нижнем парке Петергофа. В годы Великой Отечественной войны похищена немецко-фашистскими оккупантами.)

Словом, Чехов в Ницце жил обычной, активной интеллектуальной жизнью, как в Москве и Мелихове, вот только писать за «чужим письменным столом» было очень неудобно, «точно на чужой швейной машине шьешь».

Но не только российские дела привлекали внимание писателя. В дни его пребывания во Франции вновь разгорелось «дело Дрейфуса», вызвавшее огромный общественный резонанс, и не только во Франции. В 1894 году капитан Генерального штаба еврей Альфред Дрейфус был приговорен к вечной ссылке за шпионаж в пользу Германии. При этом очевидны были не только вопиющие нарушения закона в ходе следствия и суда, но и разнузданная антисемитская кампания, имевшая своей целью прикрыть судебные махинации. Однако пару лет спустя в деле обнаружился явный подлог, и развернулась мощная кампания за пересмотр дела, разделившая сторонников и противников на два непримиримых лагеря. Чехов внимательно следил за событиями не только по прессе, но и по стенографическим отчетам. 4 декабря 1897 года он написал Соболевскому: «Я целый день читаю газеты, изучаю дело Дрейфуса. По-моему, Дрейфус не виноват». Вряд ли Чехов предполагал, какое значение «дело» сыграет для него лично, отразится на отношениях со знакомыми и друзьями.

Известный английский чеховед Д. Рейфилд утверждает, что некто И. Розанов («сладчайший Мордухай Розанов» — по Чехову), еврей и издатель франко-русского вестника» (по чьим-то словам — обладатель «деликатной и чувствительной души» и «обво-

рожительных улыбок»), якобы «пробудил в Чехове политическую сознательность» (?? — Д. К.) и «постепенно обратил Чехова в дрейфусара», то есть сторонника осужденного капитана¹⁰. Ученый не приводит никаких аргументов в пользу столь серьезного вывода, кроме их личного знакомства (Чехов лечил в Ницце жену Розанова) и отмеченных выше галантных качеств. Однако — и это самое главное — всем современникам, а потом и биографам писателя был известен его независимый, самостоятельный характер (И. Бунин: «Чувство собственного достоинства, независимости было у него очень велико»; А. Суворин: «В Чехове было что-то новое, независимое, как будто из другой жизни, <...> как будто жесткость, но жесткость правоты и твердости»; он же назвал писателя «кремень-человеком»). Поэтому данные утверждения Рейфилда о чьем-то влиянии представляются весьма сомнительными.

Ну а здоровье, ради чего Чехов приехал на Ривьеру? Увы, оно оставляло желать лучшего. «Самочувствие у меня прекрасное, наружно (как мне кажется) я здоров совершенно, но вот беда моя — кровохарканья, — доверительно писал он Анне Ивановне Сувориной 10 ноября. — Кровь идет помалу, но подолгу, и последнее кровотечение, которое продолжается и сегодня, началось недели три назад. Благодаря ему я должен подвергать себя разным лишениям; я не выхожу из дому после 3 час. пополудни, не пью ровно ничего, не ем горячего, не хожу быстро, нигде, кроме улицы, не бываю, одним словом, не живу, а прозябаю. И это меня раздражает, я не в духе <...>. Только, ради создателя, никому не говорите про кровохарканья, это между нами. Домой я пишу, что я совершенно здоров, <...> если дома узнают, что у меня все еще идет кровь, то возопиют». Кстати, в эти дни Чехов взвесился где-то на улице (в шляпе, осеннем пальто и с тростью), оказалось 72 килограмма. И это при росте 184 сантиметра. (2 аршина, 6 вершков), согласно официальному документу.

Всю осень и начало зимы писателем владела «одна, но пламенная страсть» — поехать в Африку, даром, что до нее, казалось, рукой подать. Еще в Биаррице он говорил об этом, а в Ницце это стало идеей-фикс. Очевидно, что Чехов договорился об этом с Ковалевским, причем «не лечиться, а путешествовать», очень ждал его возвращения из Парижа («о поездке в Африку я мечтаю денно и ночью. Когда приедете?») и в письмах разным адресатам без конца твердил: «поедем вместе в Африку» (Суворину), «в январе мы поедем в Алжир» (Соболевскому), «в конце января или начале февраля поеду в Алжир, Тунис» (даже Лике Мизиновой) и всем, всем, всем... Тем более окружение в Русском пансионе, помимо узкого круга друзей (многие из которых там и не проживали), косвенно подталкивало к этому. «Постараюсь заехать как можно дальше, и чтобы это мое путешествие, хотя немного, походило на труд, а то, право, становится уже совестно, — писал он А. С. Суворину 14 декабря. — Смотрю я на русских барынь, живущих в Pension Russe — рожи, скучны, праздны, себялюбиво праздны, и я боюсь походить на них, и все мне кажется, что лечиться, как лечимся здесь мы (т. е. я и эти барыни) — это препротивный эгоизм».

А вот к другой своей противоречивой страсти — игре в рулетку — Чехов этой зимой поначалу, кажется, охладел. «В Монте-Карло я бываю очень редко, раз в 3—4 недели. В первое время, когда здесь были Соболевский и Немирович, я поигрывал, весьма умеренно, на простых шансах (*rouge et noir*)¹¹ и привозил домой то 50, то 100 франков, потом же игру эту пришлось бросить, так как она меня утомляет — физически», — оповещал он Суворина 4 января. Но причина, думается, была еще и в другом: Чехову было стыдно перед родными. Ведь он жил рядом с крестьянами и прекрасно знал, скольких реальных коров на родине стоят его проигранные деньги в этом «хо-

¹⁰ Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова. М.: Издательство «Независимая газета», 2006, с. 575.

¹¹ Красное и черное (*франц.*).

рошеньком вертепе». Иногда, в минуты скуки, он просто ездил в роскошный Монте-Карло (всего полчаса пути) посмотреть на играющих, потолкаться среди праздно публики. Но эти впечатления и даже заметки в записной книжке, кажется, не вошли ни в один из чеховских рассказов.

Бытует мнение (вероятно, «с языка» Щепкиной-Куперник), что Чехов не знал иностранных языков, потому мыкался по Европе, как слепой котенок. Это вовсе не так. Зная латынь (по университету да и по гимназии), он вполне ориентировался в языках. Попав в Вену в 1891 году, весьма удивился, что не забыл немецкий: «я понимаю, и меня понимают». А по-французски вполне мог изъясниться, ежедневно читал французскую прессу (несколько газет и журналов подряд), даже протоколы «дела Дрейфуса», сам давал уроки французского сестре (в письмах). Признавался: «Говорю я дурно, но читаю уже хорошо и могу писать письма по-французски». А по свидетельству Суворина, собирался переводить Мопассана. Известно также, что Чехов дал на французском интервью парижской газете (которое, однако, сам же снял при подготовке к печати ввиду отсебятины, добавленной корреспондентом).

Знание французского любопытным образом отразилось в творчестве писателя. Вспомним второй акт «Трех сестер» (1900, опубликованы в 1901 году), разговор Вершинина с сестрами, рвущимися «в Москву, в Москву», где их якобы ждет светлое будущее:

М а ш а . Счастлив тот, кто не замечает, лето теперь или зима. Мне кажется, если бы я была в Москве, то относилась бы равнодушно к погоде...

В е р ш и н и н . На днях я читал дневник одного французского министра, писанный в тюрьме. Министр был осужден за Панаму. С каким упоением, восторгом упоминает он о птицах, которых видит в тюремном окне и которых не замечал раньше, когда был министром. Теперь, конечно, когда он выпущен на свободу, он уже по-прежнему не замечает птиц. Так же и вы не будете замечать Москвы, когда будете жить в ней. Счастья у нас нет и не бывает, мы только желаем его.

Но это же эпизод из жизни Чехова в Ницце конца 1897 года, требующий, однако, расшифровки. 24 ноября он написал Суворину: «Я читаю Charles Baihaut, бывшего министра-панамиста, „Impressions cellulaires“. <...> Сколько тут слез, ужаса, скорбных эпизодических фигур (жена), и в то же время сколько тщеславия, постороннего пафоса и мещанства. Человек философствует, приносит великую жертву и в то же время унижается до мелких мещанских попреков». «Впечатления в одиночной камере» Шарля Байо, своеобразный дневник-откровение, произвели на писателя сильное впечатление. В 1892 году бывший министр путей сообщения Франции был осужден на пять лет заключения в одиночке с конфискацией всего имущества за взятку в 300 тыс. франков от директора компании по постройке Панамского канала. Несмотря на то, что он единственный из привлеченных признался в «панаме», а с момента преступления прошло шесть лет, наказание оказалось суровым. Спустя три года запомнившийся эпизод «Впечатлений» попал в текст «Трех сестер».

К середине декабря 1897 года Антон Чехов почувствовал себя одиноко («я остался в Ницце почти один», «начинаю все-таки поскучивать»). Сумбатов, Немирович и Якоби уехали встречать Новый год и Рождество в Россию, Суворин приехал было в Париж (и Чехов пытался зазвать его в Ниццу), но вскоре уехал домой по срочным делам. А те из друзей, кто собирался отдохнуть после Рождества на Лазурном берегу, еще не приехали. Правда, у него были писательские заботы: правил корректуру рассказа «На подводе», который был послан Соболевскому, а также писал еще два рассказа. Один — для журнала «Cosmopolis», не очень популярного в России, издававшегося

на четырех языках (на трех европейских и русском, причем с русским разделом только для российского читателя), а другой — для «милого» В. А. Гольцева, старого друга, с которым даже в письмах (что было редкостью для Чехова) был на «ты».

Редактор русского отдела «Cosmopolis» Ф. Д. Батюшков попросил прислать «интернациональный рассказ» с сюжетом из «местной жизни». Чехов приоткрыл перед ним тайну своей творческой лаборатории (в письме 15 декабря): «Такой рассказ я могу написать только в России, по воспоминаниям. Я умею писать только по воспоминаниям и никогда не писал непосредственно с натуры. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы на ней, как на фильтре, осталось только то, что важно или типично».

Рассказ «У знакомых», который писался «туго, с урывками», был опубликован в февральской книжке «Cosmopolis'a» за 1898 год. Правда, рассказ не нравился самому автору, и он впоследствии не включил его в первое, лично отредактированное собрание сочинений. А знаменитый «Ионыч» был зачат в Ницце («сейчас пишу, пришлю» — письмо Гольцеву от 15 декабря 1897 года) и закончен уже после возвращения в Россию (передан впоследствии в «Ниву»).

В конце 1897 года случилось еще одно важное событие, оставившее для нас (и всего мира) физический облик писателя тех дней. По просьбе М. О. Ашкенази, корреспондента петербургской газеты «Новости» (псевдоним М. Deline), он сфотографировался 29 ноября у популярного в Ницце фотографа Ж. Фаббио для его статьи «Русская литература после Тургенева» в журнале «Revue Encyclopédique» (9 апреля 1898). Судя по всему, фотограф сделал два варианта фотографии писателя — только портрет и фото на балконе (в нескольких положениях). На портрете — чистое одухотворенное лицо, ни тени болезни, чуть близорукие глаза, аккуратная борода с усами. Сестра Мария, получив фото, отметила лишь, что брат «выглядит пополневшим», хотя Чехов ответствовал (1 января), что «далеко не так толст, как вышел на фотографии», и вообще почему-то считал, что «вышло скверно». (Впрочем, он критически и с юмором относился ко многим своим изображениям, но любил фотографироваться.) Фотография мастера сделана с французским шармом: «с иголки» пиджак и белоснежная рубашка (или манишка), шикарная, чуть сбившаяся бабочка, необычная для Чехова прическа — она стала шедевром в фотографической чеховиане. Другие фото Фаббио (в той же одежде, но с измененной прической) — более строгие, но также высокого качества, и одна из них была выбрана Ашкенази для журнала. Несколько фотографий получил сам Чехов. «Карточки вышли удачные, как говорят, но мне дали всего штуки три-четыре, а больше неловко было спрашивать», — написал он в Таганрог А. Б. Тараховскому 20 ноября 1898 года.

Художница

В самом конце октября Чехов узнал, что Хотяинцева, очередная его симпатия, приехала для стажировки в Париж. По заключению врачей он не мог ехать туда, в зиму, но слал письма с приглашениями в теплую Ниццу «погреться», обещал встретиться, посылал цветы («чудные розы, гвоздики и фиалки»). Писатель давал адреса своих друзей — Ковалевского и Михаила Суворина (сына), не сомневаясь, что они возьмут опеку над художницей. Но та вроде не спешила на Лазурный берег, занималась в столице своими делами. Чехов предупреждал, что комнаты в пансионе нарасхват, и косвенно поддразнивал, мол, «передайте Василию Ивановичу» (Немирович-Данченко был уже в Париже. — Д. К.), что в пансионе поселилась «молоденькая баронесса, которая поет и иг-

рает». Наконец художница сообщила, что будет в канун Нового года («пришла в голову бриллиантовая идея вместе встретить Новый год»). «Буду ожидать Вас к новому году. Буду ожидать с нетерпением», — последовал ответ 19 декабря. И действительно она приехала 26 декабря.

По-видимому, Александра Александровна приехала *rapid'om*. «Ант. Пав. только собирался идти меня встречать, — докладывала она подруге Марии Чеховой. — В промежутке прогулок завтракаем за табльдотом (хозяйский стол, общее меню. — Д. К.). Дамы все идолищи, в особенности одна баронесса, похожая на рыбу. Я, по-видимому, буду их шокировать моим поведением и отсутствием туалетов. Здесь ведь считается неприличным пойти в комнату к мужчине, а я все время сидела у А. П. Комната у него славная, угловая, два больших окна (здесь везде окна до полу), на кровати и окнах белые занавеси»¹². Антона Павловича она застала «в хорошем виде и настроении» (заметьте, везде по имени-отчеству, никаких фамильярностей. — Д. К.).

Александрю разместили в пристройке (мест уже не было). Они вместе гуляли по Английской набережной (хотя погода была пасмурной), обедали в общей зале, давали смешные прозвища пансионским «мордемондиям», а также много беседовали, шутили, вспоминали Мелихово, обсуждали «дело Дрейфуса». И работали, каждый в своей комнате — Чехов писал, Хотяинцева много рисовала, ходила на этюды в порт и на цветочный рынок. Художница в письме подруге Маше вспоминала и такую любопытную подробность ниццких дней: «Утром являлись так наз. сборщики податей — певцы и певицы. Пел недурно только один баритон, но Ант. П. давал непременно всем, даже старику, который пел из „Трубадура“ подряд соло, дуэт и хоры. Шарманщику тоже давал, но умолял его уходить без музыки»¹³.

В эти дни (29 декабря) Чехов шлет такое сообщение сестре: «Вот уже 4 дня как идет дождь. А. А. Хотяинцева не верит, что в Ницце бывает солнце, и, конечно, скучает. Жизнь течет благополучно, но однообразно, вяло и потому неинтересно. Работы скопилось по горло, и я предпочитаю одиночество. Я встаю рано и пишу. Утром мне хорошо, день проходит в еде, в слушании глупостей, вечером киснешь и хочешь одного — поскорее бы остаться solo».

А ведь, казалось, он так ждал «художницу земли русской»...

А вот отчет художницы о встрече Нового года — в письме Марии Чеховой от 31 декабря 1897 года, написанный сразу же, по «горячим следам»: «Сейчас, в 10 ч., мы поздравляли друг друга с новым годом (в России теперь 12 ч.) и разошлись спать. Пили чай у Ант. П. я и доктор Вальтер, очень милый жид. Ант. П. был приглашен встречать новый год к баронессам (Диршау, соседям по пансионату. — Д. К.), о которых он не иначе говорит, как „свиньи“ и „черт бы их брал“, и поэтому предпочел наше скромное общество». Доктор В. Г. Вальтер, старый таганрогский знакомый, живший на Лазурном берегу, следил за лечением Чехова, «не позволял ему поздно ложиться спать» (по воспоминаниям Хотяинцевой) и отправлял в постель, «когда прокричит осел» (по странному совпадению начинавший свои крики именно в 10 вечера).

1 января еще одно странное письмо сестре: «Нового года не встречал, лег в 11 часов. ...Погода опять очень хорошая. <...> Вчера возил я А. А. Хотяинцеву в Монте-Карло и показывал ей рулетку, но она, как вообще женщины, лишена того хорошего любопытства, которое так двигает мужчин, и на нее ничто не производит впечатления. Одета она в то же платье, в каком была в Мелихове. Среди русских, обедающих в Pension Russe, она самая интеллигентная, даже сравнивать нельзя».

Однако, ничего подобного — зоркий глаз художницы уловил самые важные детали (в письмах Марии): «Во сне сегодня мы будем видеть большие золотые монеты

¹² ПССиП. Т. 7. Письма, примечание 3, с. 138.

¹³ Там же, примечание 11, с. 107.

в 100 фр., на которые нагледелись сегодня в Монте-Карло на рулетке. Мы не играли, а только смотрели, и Ант. П. мысленно очень много наиграл, а я все проигрывала. Я, впрочем, только под конец постигла, в чем дело, а то это так быстро производится, глядишь, крупье все загреб своей лопаточкой»¹⁴.

Более того, сохранившиеся ее описания окрестностей Монте-Карло и курортных нравов поспорят, пожалуй, с чеховскими: «Вся дорога от Ниццы (поезд идет $\frac{1}{2}$ часа) очаровательная, по берегу моря. Красивые виллы, апельсиновые сады, розы, все это под чудным теплым солнцем, точно у нас в мае. Конечно, только это все чужое, „ненастоящее“, а точно оперная декорация или олеография». Вот еще не только художническое наблюдение: «На Promenade des Anglais гуляет расфранченная толпа богатых, праздных людей. Они даже поворачиваются спиной к морю и рассматривают катающихся. Масса роскошных экипажей, велосипедистов и разных фасонов автомобилей. Вообще в Ницце пахнет миллионами». А описание залов казино кинематографически выпукло: «Столов много, и везде толпа сидит и стоит, едва проберешься посмотреть. <...> Залы очень красивые, немного темноватые, свет сверху и все наполнено звуком денег — разговоров, кроме ставок и возгласов крупье, никаких»¹⁵.

Л. Мизинова узнала новогодние подробности (через Марию) и не преминула «отчитать» Чехова в письме от 13 января 1898 года, видимо не вполне понимая степень его болезни: «Как же не стыдно Вам было лечь спать в 11 час. под Новый год, когда, специально для Вас, приезжали его встречать в Ниццу? Неужели Европа не исправила Вас хоть чуточку и не научила простой любезности с женщиной Вас любящей! А я-то уже собиралась Вас поздравлять с Новым годом и с „новым счастьем“!». «Новое счастье» Лика явно с намеком взяла в кавычки¹⁶.

Но все это для окружающих прошло, естественно, незаметно. Все видели очень дружеские отношения «пары». Чехов отмечал в письме Суворину 4 января: «Здесь одна русская художница, рисующая меня в карикатуре раз по 10—15 в день, — и добавлял: — Довольно удачно». А лицом к лицу привычно шутил: «Вы скоро будете большие деньги загребать, как мой брат Николай! Всегда будете на извозчиках ездить!»¹⁷.

Тонкие карикатуры и рисунки Александры Александровны составили великолепную художественную «чехиаду», как назвала их сама художница. Легким пером, иные в цвете, с налетом импрессионизма (чему она успела научиться в Париже), отображены эти дни в Ницце. Вот изящные рисунки Чехова, изучающего обеденное меню за табльдотом или, стоя на фоне моря (со спины), читающего газету «L'Aurore», а вот оригинальное изображение обитателей пансиона — в перспективе, сидящих за столом. Но лучший, бесспорно, — «По дороге из Монте-Карло»: на переднем плане вальяжный и грузный Ковалевский, «раскинувшийся» на полпролетки, в уголочке — щуплый и понурый Чехов, опирающийся двумя руками на сложенный зонтик, возница на козлах в цилиндре и изящный «цветок» под летним зонтиком среди них — сама художница.

Но ее каникулы в Ницце пролетели. В письме Чехова домой от 6 января она приписывает: «Здесь очень хорошо, на солнце жарко. Мне жаль уезжать, но все-таки завтра двигаюсь. Ант. П. постепенно познакомился со всеми дамами и ухаживать собирается по очереди. Я рисовала на него карикатуру, кот. он отобрал у меня, чтобы я не распространяла дальше. До свидания. А. Хотяинцева».

Возникшие среди диаспоры домыслы о взаимоотношениях «парочки» Чехов бесстрастно разбил в письме Ковалевскому 29 января: «Вы спрашивали у Н. И. Юрасова,

¹⁴ ПССиП. Т. 7. Письма, примечание 5, с. 140.

¹⁵ Кузичева А. П. Чехов. Жизнь отдельного человека. М.: Молодая гвардия. С. 539.

¹⁶ ПССиП. Т. 7. Письма, примечание 2, с. 140.

¹⁷ Хотяинцева А. А. Встречи с Чеховым // Литературное наследство, М.: Издательство АН СССР, т. 68, с. 607.

правда ли, что я женюсь. Увы, я не способен на такое сложное, запутанное дело, как женитьба. И роль мужа меня пугает, в ней есть что-то суровое, как в роли полковода. По лености своей, я предпочитаю более легкое амплуа».

Но отношения и переписка писателя и художницы, конечно, продолжались, но «осел уже не кричит. Очевидно, он кричал только для Вас», — это в письме Хотяинцевой от 21 января о жизни в пансионе. А через три дня ей же: «Пашквиль получил. Он очарователен. Я в восторге и уже потираю руки при мысли, что рано или поздно Вы попадете в тюрьму за диффамацию <...>. Ночью кричал осел. Что это значит? ...Жду еще пашквилей». «Пасквиль» — это, видимо, известная карикатура художницы: Чехов в вагоне, возвращается из Монте-Карло с большим мешком золотых монет и с оружием в руке — шотпором, охраняет свое сокровище. Баронессы Дершау — *maison et mademoiselle*, соседки по пансиону, в цветастых одеяниях сидят напротив, притворно оцепенев от страха.

В переписке они продолжали обсуждать «дело Дрейфуса» и пламенное выступление Э. Золя «Я обвиняю» в газете «L'Аurore» 13 января 1898 года, вышедшее тиражом 300 000 экземпляров. Известный писатель в открытом письме президенту Франции обвинял французское правительство в антисемитизме и противозаконном заключении в тюрьму Дрейфуса. Золя подчеркивал предвзятость военного суда и отсутствие серьезных улик. На вопрос Хотяинцевой Чехов отвечает 9 февраля: «Вы спрашиваете меня, все ли я еще думаю, что Золя прав. А я Вас спрашиваю: неужели Вы обо мне такого дурного мнения, что могли усумниться хоть на минуту, что я не на стороне Золя? За один ноготь на его пальце я не отдам всех, кто судит его теперь в ассизах¹⁸, всех этих генералов и благородных свидетелей. Я читаю стенографический отчет и не нахожу, чтобы Золя был неправ, и не вижу, какие тут еще нужны *preuves*¹⁹».

В последующей переписке Чехов подробно рассказывал художнице обо всех последующих событиях в Ницце и в пансионе, о его обитательницах, со многими из которых он постепенно подружился. Опять искушал (3 марта): «Погода здесь изумительная, удивительная. Такая прелесть, что и выразить не могу. Вот когда бы Вам следовало приехать! Повторяю, такая прелесть, что просто одно сплошное очарование».

Африка. «Дело Дрейфуса»

Сразу после отъезда художницы Чехов получил долгожданное, но оказавшееся таким разочаровывающим письмо от Ковалевского из Парижа, с которым уже было собрано в Африку: «Нашему путешествию, видимо, не состояться, я пролежал неделю в остром ревматизме сочленений и инфлюэнце, а теперь приходится еще неделю-другую просидеть в кресле...»²⁰ Видимо, болезнь профессора оказалась для него в какой-то мере кстати (если не мнимой), поскольку, как впоследствии выяснилось, у Ковалевского были большие сомнения относительно совместного путешествия. В сохранившемся в архивах его письме к Соболевскому (видимо, еще от 18 декабря 1897 года) говорилось: «У Чехова еще до моего отъезда из Болье показалась кровь. Слышу, что и теперь это бывает с ним по временам. Мне кажется, сам он не имеет представления об опасности своего положения, хотя, на мой взгляд, он типично чахоточный. Меня даже пугает мысль взять его с собою в Алжир. Что, как еще сильнее разболеется. Дайте совет, как быть!»²¹

¹⁸ Суд присяжных (франц.).

¹⁹ Доказательства (франц.).

²⁰ ПССиП. Письма. Т. 7, примечание 1, с. 146–147.

²¹ Там же.

Не ведая об этих сомнениях друга, Чехов немедленно откликнулся 8 января: «Ваше письмо, дорогой Максим Максимович, меня весьма огорчило, ибо, во-первых, я бредил Алжиром и мне каждую ночь снилось, что я ем финики, и, во-вторых, досадно, что Вы больны и что, по-видимому, в Париже живется Вам невесело». Большая мечта опять рухнула (но это не вылечило писателя от «заразы путешествий»). А настроение упало: «Мне скучновато. Работаю вяло, как ленивый хохол. В Монте-Карло не бываю (почти) и уже давно не играл. Игра меня утомляет физически, так как приходится все стоять и потеть». Расстроенный, он по секрету признавался сестре (9 января), мол, «не знает, что теперь делать со своей особой».

В начале января 1898 года произошло еще одно событие, оставившее серьезный след в жизни Чехова. Писатель получил письмо из Канн от некоей Ольги Васильевой, которая просила о встрече. Он не отказал (5 января), и на встречу пришла юная девушка-подросток (как оказалось, 15 лет), «маленькая, толстенная, щеки малиновые» с фотоаппаратом на плече. Она оказалась обожательницей чеховских произведений и попросила разрешения переводить их на английский. При этом она хлопотала с фотоаппаратом, и у Хотьинцевой, свидетельницы событий, создалось впечатление, что из-за наступивших сумерек та не успела ничего сделать. Оказалось, что это не так, фотографии были сделаны и три из них присланы Чехову («я вышел так мрачен и темен»). Долгое время их нахождение считалось неизвестным (что было отмечено в ПССиП). Однако в последующие годы они были как бы заново обнаружены в чеховских музеях и архивах, идет работа по их идентификации, и их, похоже, оказалось не три. Эти любительские, но «живые» фото оказались весьма ценными свидетельствами тех дней в Ницце.

Что касается переводов, то девушка, много лет проживавшая за границей, не понимала некоторых чеховских выражений и даже таких слов, как «подвода», «латаный», «вобла» и др., просила автора их пояснить. Чехов терпеливо и благожелательно разъяснял, писал серьезные письма, чувствуя, что обожание не ограничивается только его произведениями. Уже летом, 15 июля, после возвращения Чехова О. Васильева трогательно призналась в письме в Мелихово: «С тех пор, как я побывала у Вас в Ницце, в моей душе нашлось что-то лучшее, чего прежде в ней не было; каждое слово, сказанное Вами, должно быть, навсегда останется в моей памяти. <...> Лучше того времени, которое я провела у вас, светлее его, никогда не будет в моей жизни».

Их переписка, а затем и встречи продолжались до самого последнего года жизни писателя (одно время она даже поселилась рядом с его дачей в Аутке). Более того, эта встреча в Ницце оказала весомое влияние на творчество писателя. Чеховеды считают, что юная Оля стала прообразом Ани из «Вишневого сада» (которая «в Париже на воздушном шаре летала!»), а сама история продажи сада взята из ее биографии, причем Чехов непосредственно к этому руку приложил²².

Жизнь на курортной Ривьере продолжалась. К середине месяца потеплело настолько, что зацвели фруктовые деревья, появилась зеленая травка на горах. «Погода здесь очаровательная, просто даже невероятная. Жарко, ярко, тихо», — сообщил Чехов Гольцеву 13 января. Правда, иногда задувал мистраль, по вечерам становилось холодно.

И все же двумя днями позднее написал матери, что «заграница уже надоела и давно хочется домой». Через каждую пару писем он назначал скорое возвращение домой (в начале апреля, к Пасхе, на Страстной) и все откладывал, откладывал...

В целом ряде писем Чехов сообщал о расслаблении и лени, охватившей его, и что, мол, ему, «хохлу» (одна из бабушек писателя была украинкой. — Д. К.), эти черты при-

²² См. подробнее: Геннадий Шалюгин. А. П. Чехов в Одессе // <https://www.proza.ru/2010/03/08/570>.

сущи вообще. «А вот если бы я не был хохол, если бы я писал ежедневно, хотя бы по два часа в день, то у меня давно бы была собственная вилла, — шуточно написал он из Ниццы 19 января знакомой писательнице Е. М. Шавровой-Юст. — Но я хохол, я ленив. Лень приятно опьяняет меня, как эфир, я привык к ней — и потому беден».

Но в те же дни писатель с удовлетворением отмечал, что «во Франции меня часто переводят» — в частности, «Мою жизнь» в «Temps» и «Попрыгунью» в «Revue de Paris».

27 января в письме Суворину он изложил свои последующие планы: «Я уже писал Вам, что едва ли я поеду в Алжир, так как мой спутник Ковалевский заболел ревматизмом и подагрой. Придется, вероятно, ограничиться только поездкой в Корсику, а это отсюда рукой подать. Буду все время жить на юге Франции, сначала поджидать Потапенку, потом Вас, согласно Вашего письма, — как говорят чиновники». В планах писателя значился, конечно, Париж, в марте (там поначалу он собирался позировать Бразу — «опять нужно сидеть и потеть во славу искусства»), а далее «на поезде-молнии в Петербург, оттуда домой на крыльях». И в конце письма довольно откровенно: «Я ничего не делаю, только сплю, ем и приношу жертвы богине любви. Теперешняя моя француженка очень милое доброе создание, 22 лет, сложена удивительно, но все это мне уже немножко прискучило и хочется домой. Да и лень трепаться по чужим лестницам».

В начале февраля, когда в Ницце бушевал карнавал («По улицам толпами ходят маски и рожи, на громадных колесницах оркестры музыки. Толкотня, трудно пройти», — из письма матери 3 февраля), в Париже бушевали страсти по «делу Дрейфуса». Еще в начале года (4 января) Чехов написал Суворину: «Дело Дрейфуса закипело и поехало, но еще не стало на рельсы. Зола благородная душа, и я <...> в восторге от его порыва. Франция чудесная страна, и писатели у нее чудесные». При этом Чехова поражала и возмущала позиция ряда русских газет, а особенно нечужого ему суворинского «Нового времени», изгалявшегося в своей антидрейфусовской и антисемитской позиции. Писатель неоднократно называл ее «просто отвратительной» (например, в письме Батюшкову 23 января).

6 февраля он шлет Суворину пространное письмо (едва ли не самое длинное в его эпистолярном наследии), чувствуя потребность выразить свою точку зрения человеку, которого он всегда уважал, в надежде, может быть, переубедить его. «Вы пишете, что Вам досадно на Зола, а здесь у всех такое чувство, как будто народился новый, лучший Зола, — настаивал Чехов. — В этом своем процессе он, как в скипидаре, очистился от наносных сальных пятен и теперь засиял перед французами в своем настоящем блеске. Это чистота и нравственная высота, каких не подозревали. Вы проследите весь скандал с самого начала». И далее шаг за шагом писатель разбирал весь ход процесса, причем по первоисточнику — стенографической записи процесса (Чехов привез его с собой), и на основе опубликованных документов отстаивал правоту позиции французского писателя.

Письмо внесло охлаждение в отношения недавних друзей. «В деле Зола „Нов. время“ вело себя просто гнусно, — писал Антон брату Александру 23 февраля. — По сему поводу мы со старцем обменялись письмами (впрочем в тоне весьма умеренном) — и замолкли оба. Я не хочу писать и не хочу его писем, в которых он оправдывает бестактность своей газеты тем, что он любит военных». Ковалевский вспоминал позднее, что, убедившись в невинности «оклеветанного еврея», Чехов написал Суворину длинное письмо о том, что «нечестно травить ни в чем не повинного человека». «Письмо это, как можно судить из ответа, им полученного, произвело ожидаемое действие: уверенность Суворина в виновности Дрейфуса была поколеблена; но это обстоятельство нимало не отразилось на отношении „Нового времени“ к знаменитому процессу»²³.

²³ Ковалевский М. М. Об А. П. Чехове..., с. 449.

В одном из вариантов воспоминаний, найденных позднее, Ковалевский записал: «Суворин, как рассказывал мне Чехов, в ответ на одно из таких писем написал ему: „Вы меня убедили“. — „Никогда, однако, — прибавил Чехов, — «Новое время» не обрушивалось с большей злобой на несчастного капитана, как в недели и месяцы, следовавшие за этим письмом“»²⁴.

Личные взаимоотношения Чехова с Сувориным потом восстановились, но прежней сердечности и откровенности уже не было. А отношения с редакцией «Нового времени» прекратились навсегда.

Хотя «делу Дрейфуса» было еще очень далеко до конца (после целого ряда перипетий, апелляций и новых процессов оно завершилось полным оправданием капитана лишь в 1906 году, о чем ни Золя, ни Чехов уже и не узнали), для двух великих писателей и великих граждан своих стран уже тогда, в 1898 году, была ясна его подоплека. Оба они заняли высоконравственные позиции как по юридической и политической сути дела, так и в отношении его махровой антисемитской направленности (а Э. Золя даже заплатил в июле 1898 года приговором в клевете, тюремным сроком на один год и штрафом в 3000 франков, но успел на время скрыться в Англии). Кстати, «дело Дрейфуса» служит хорошим контраргументом для тех писучих отечественных и зарубежных умников, которые по сей день любят покопаться в «антисемитизме Чехова».

Опять рулетка. Портрет

Как врач, Чехов не сомневался, что «здешний климат, если жить здесь долго на одном месте, в самом деле излечивает». «Под словом „долго“, — пояснял он, — разумею срок не меньший двадцати дней». И в том же письме В. М. Лаврову 25 февраля замечал: «Здешние розы не лучше наших, травы нет, флора декоративная, точно олеография, птиц не слышно и не видно, но все же здесь лето, несомненное лето».

В феврале и, особенно, в марте Чехов, кажется, почувствовал себя объективно лучше. Несмотря на «скандал с зубом» — неудачным удалением («дантист дергал три раза»), вызвавшим сепсис, «тифозную температуру» и необходимость операции на верхней челюсти, он вовсе не по-дежурному писал родным и знакомым, что «вполне здоров», «здоровье мое весьма порядочно», «здоровье поправилось совершенно» («только одна беда: денег нет, <...> уповаю поправить эту беду в течение лета»). 10 марта он афористично написал сестре, что, «здоров, но обленился ужасно, ничего не делаю, а это хуже болезни». А тремя днями позднее сообщил Суворину: «Я здоров, но не стал здоровее, чем был; по крайней мере в весе не прибавился ни капли и, по-видимому, уже никогда не прибавлюсь». Однако — что более важно — неоднократно констатировал в письмах: «кровохарканий давно уже не было», «в марте кровохарканья не было».

На это время пришелся рулеточный ажиотаж в Русском пансионе. 23 февраля туда опять приехал заядлый «рулетчик» Сумбатов (Южин), а неделей спустя Потапенко с разработанной им системой «гарантированного» выигрыша. «Южин приехал, чтобы выиграть в рулетку несколько сот тысяч на постройку театра; Потапенко приехал, чтобы выиграть миллион, — написал родным Чехов 4 марта. — Южин одет с иголочки, у Потапенки же взлохмаченный вид. Играют каждый день, и пока до миллиона еще далеко, очень далеко. Южин проиграл уже 7 тысяч (это секрет, никому не говори в Москве), а Потапенко выиграл только 50 фр. Очень забавно смотреть, когда они играют». Чехов тоже поддался искушению, «сбился с пути истины», стал усердным посетителем казино в Монте-Карло и мог «мыслить только числами». И как он при-

²⁴ См.: http://chekhov.velchel.ru/index.php?cnt=10&memory=m2_9&page=2.

знавался двоюродному брату Г. М. Чехову (5 марта), «днем игра, а по вечерам смех и разговоры».

Однако через пару недель ажиотаж закончился: «Потапенко проигрался. Южин тоже проигрался (15 тысяч) и уехал <...> со своей Машечкой (женой. — Д. К.) в Париж», — написал Чехов сестре 22 марта. А неделей спустя, как выразился писатель, и «Потапенко уехавши», причем занял деньги на отъезд у Чехова и просил его особенно не распространяться о неудаче.

Следует подчеркнуть, в мемуарах Потапенко содержатся интереснейшие, богатые по деталям воспоминания как раз о рулеточной эпопее с Чеховым 1898 года.

Монте-Карло производило на него удручающее впечатление, но было бы неправдой сказать, что он остался недоступен его отраве. Может быть, отчасти я заразил его своей уверенностью (тогда была у меня такая), что есть в игре этой какой-то простой секрет, который надо только разгадать — и тогда... <...>.

И вот он — трезвый, рассудительный, осторожный — поддался искушению. Мы накупили целую гору бюллетеней, даже маленькую рулетку, и по целым часам сидели с карандашами в руках над бумагой, которую исписывали цифрами. Мы разрабатывали систему, мы искали секрет. <...>

Когда припоминал все это, то как будто не узнавал обычно спокойного, сдержанного, рассудительного, уравновешенного Антона Павловича.

Кто из знавших его поверит, что в нем жил азарт? А между тем он углублялся в цифры, старался проникнуть в сущность этих странных комбинаций, разгадать их тайну.

Но, однако же, в этом не было ничего трезвого. Поверить даже на минуту, что в случайных комбинациях номеров, цветов и всяких других шансов могут быть отысканы какие-то законы, — для этого, конечно, нужна была известная доля безумия, которое владеет игроками, делает их слепыми и приводит к гибели.

И вот он, как казалось, поставивший своей задачей трезвость, разумное отношение к жизни, человек несомненно сильной воли, в течение десяти дней верил в это, то есть допускал для себя капельку безумия. <...>

Чехов не был ни ангелом, ни праведником, а был человеком в полном значении этого слова. И те уравновешенность и трезвость, которыми он всех изумлял, явились результатом мучительной внутренней борьбы, трудно доставшимися ему трофеями. Художник помогал ему в этой борьбе, он требовал для себя все его время и все силы, а жизнь ничего не хотела уступить без боя. <...>

Дней десять длилось его увлечение рулеткой. Он перестал принимать во внимание мои мнения и сам разрабатывал какие-то способы. <...> Кажется, что в результате всех этих попыток был у него небольшой выигрыш. Это и есть тот опасный момент, когда игрок слепнет и с головой зарывается в игру. А у него вышло иначе. Однажды он определенно и твердо заявил, что с рулеткой покончено: и действительно, после этого ни разу больше не поехал туда. Взяли силу его обычные качества — благоразумие, осторожность, уравновешенность, а главное — ему стало стыдно увлекаться и отдавать силы таким пустякам²⁵.

Справедливости ради следует заметить, что заключительные выводы Потапенко относятся только к 1898 году. В свои следующие приезды в Ниццу в 1900—1901 годах Чехов опять посещал Монте-Карло, но, как и ранее, играл «по-маленькому», испытывая денежные и, видимо, моральные ограничения.

В эти бурные мартовские денечки писатель продолжал заниматься предстоящим 200-летним юбилеем своей «малой родины» — Таганрога. В письмах Иорданову и двоюродному брату Григорию он сообщил о покупке и пересылке 319 томов 70 французских

²⁵ Потапенко И. Н. Несколько лет с А. П. Чеховым..., с 329—330.

классических писателей, «чтобы положить начало иностранному отделению библиотеки» («теперь вы, таганрожцы, можете учиться по-французски»). 23 марта Чехов сообщал Хотяинцевой, что поедет домой через Париж, и «умолял на коленях» разузнать, где сейчас М. М. Антокольской

В Ницце у Чехова оставалось, пожалуй, последнее важное дело. Еще в начале февраля Чехов получил письмо от И. Э. Бразы с предложением «повторить» летом в Петербурге попытку написания его портрета по заказу Третьякова (кстати говоря, единственному, которому первый вариант понравился). В ответ (8 февраля) писатель стал соблазнять художника, «аки Змий Еву», прелестями французского юга и приглашал приехать для работы в Ниццу. В течение месяца все было улажено, Третьяков согласился оплатить дорожные расходы и заплатить авторские 450 рублей за портрет (меценат предлагал поначалу 400 рублей). 14 марта Браз прибыл в Ниццу.

«Меня пишет Браз. Мастерская. Сажу в кресле с зеленой бархатной спинкой. En face. Белый галстук, — написал Чехов Хотяинцевой 23 марта. — Говорят, что я и галстук очень похожи. Но выражение, как в прошлом году, такое, точно я нанюхался хрену».

Пятью днями позднее в письме родным он сообщал, что «голова почти готова» и все говорят, что «я очень похож». «Но, — продолжал он, — портрет мне не кажется интересным. Что-то есть в нем не мое и нет чего-то моего». Прошло 11 дней, писатель уже засобирался в Париж, а Браз все не заканчивал сеансов. «Как вам это понравится?» — вопрошал Чехов Хотяинцеву в очередном письме.

Окончательный вариант писателю все-таки не понравился. Многие разделяли его мнение, что, мол, «не похож», но другие не соглашались с этим. Среди последних был не кто иной, как Левитан, подчеркивавший, что «отлично знает Чехова» и считает портрет «очень похожим». Но Чехов тем не менее не раз утверждал, что этот портрет, навечно занявший место в Третьяковке, неудачен. Сохранились воспоминания, что, посетив галерею Третьякова, он, улыбаясь, постоял с полминуты перед собственным изображением и поспешно ушел²⁶. Этот эпизод остроумно сшаржировала А. А. Хотяинцева, дважды изобразив долговязого Чехова в пенсне стоящим перед собственным изображением в Третьяковке (на одном из шаржей в окружении друзей и почитателей, причем в цвете).

Перед отъездом в Париж Чехов получил, по-видимому, примирительное письмо от Суворина (его письма не сохранились. — Д. К.), на которое «тотчас же» ответил 6 апреля: «Если Вы в самом деле решили проехать в Париж, то, пожалуйста, поспешите, ибо я пробуду там не более десяти дней. <...> Я приеду на вокзал встретить Вас. А поговорить есть о чем, много накопилось всякой всячины — и чувств, и мыслей. Чувствую я себя сносно; по-видимому, все обстоит благополучно. Пасху проводил скучно, так как вот уже третьи сутки лупит неистовый дождь. Сыро. Хочется в Россию».

«Какой город! Ах, какой город!»

12 апреля Чехов наконец покинул теплую (и уже надоевшую) Ниццу и отправился в весенний Париж. Прибыл он туда с сильно расстроеным желудком (что, впрочем, было далеко не впервые) и «грешил» на «конфеты», которыми его угощал в дороге Ковалевский.

Сразу же писатель принялся за главное поручение земляков — поиск встречи со скульптором Антокольским. Она состоялась 16 апреля, и тот согласился повторить для Таганрога свою великолепную скульптуру Петра I. Антокольский счел за честь

²⁶ См.: Н. А. Мудрогель. Пятьдесят восемь лет в Третьяковской галерее. Л., 1966, с. 120 // ПССиП, т. 7, с. 556.

такой заказ и впоследствии не взял никакого авторского гонорара, хотя уроженцем Таганрога не являлся. В течение этой и последующих встреч были согласованы размеры будущей статуи (намного увеличены сама бронзовая скульптура и гранитный пьедестал, «чтобы монумент был солиднее»), прикинута общая стоимость всех работ. Землякам был сообщен парижский адрес скульптора для связи напрямую. (На следующий год в день празднования 200-летия города, 12 сентября 1898 года, в Таганроге был заложен фундамент и установлен макет памятника. После отливки в Париже и доставки морем памятник Петру, «один из лучших в России» — по признанию современников, «лучше, чем в оригинале» в Петергофе — по оценке самого автора, был торжественно открыт 14 мая 1903 года. Петр, опершись на отведенную в сторону шпагу, стоит на высоком морском берегу, подставив грудь и лицо свежему ветру, который развеивает его волосы и полы сюртука.)

На первой же встрече Антокольский подарил для будущего музея свою работу «Последний вздох», овал из гипса — голова и плечи распятого Христа. «Верх совершенства в художественном отношении <...>, и чудесное выражение, которое меня глубоко растрогало, — восхитился Чехов. — Этот подарок будет выслан малою скоростью» (П. Ф. Иорданову, 16 апреля).

Тем временем родные сообщали, что погода в Мелихове еще «не установилась», снег не сошел и пока холодно, просили повременить с возвращением в Россию. Чехов отвечал 15 апреля, что «Париж очень хороший город, и я согласен жить в нем сколько угодно». Он побывал в Версале, «видел там знаменитые фонтаны», был на открытии очередного Salon'a («скульптура мне понравилась, но между картинами мало интересного»), разыскал свою и сестры подружку Хотяинцеву, которая жила «очень далеко, вроде как бы около Ваганькова» (на самом деле на Монмартре. — Д. К.). «Она живет с другими русскими художницами, очень милыми и добрыми, — сообщил Чехов в письме Марии 20 апреля. — Все они нигде не бывают, живут, как в Калуге, ведут, по-видимому, жизнь неподвижную и полнеют так, что даже страшно. Ходят в старых просторных платьях, обедают в дешевой кухмистерской и вполне довольствуются обществом <...> чудаков <...>».

Тогда же он написал домой: «Жду от вас телеграммы, когда вы позволите мне ехать домой. Тут живет интересно и весело, и я ничего не имею против того, чтоб прожить здесь лишнюю неделю, но ведь пора и честь знать. Хочется домой и надоело болтаться без дела».

Но в тот же день в Париж приехал Суворин, и жизнь закрутилась еще быстрее: театр, встречи с друзьями и новыми знакомыми (соотечественниками и французами), завтраки и обеды у И. И. Щукина (коллекционера искусства, брата П. И. Щукина, создателя Щукинского музея), долгие разговоры и дискуссии. А еще покупки подарков для родных и знакомых.

Не утихало и «дело Дрейфуса». «Как обнаруживается мало-помалу, это крупное мошенничество», — сообщил Чехов Иорданову 21 апреля. Причем выяснилось имя настоящего изменника и виновника преступления (майора Эстергази. — Д. К.), а также то, что «документы фабриковались в Брюсселе; об этом было известно правительству». Друзья обсуждали эту проблему. Вот свидетельство самого Чехова (в изложении В. А. Поссе, журналиста, редактора журнала «Жизнь»): «Помню, <...> мы сидели в Париже в каком-то кафе на бульварах: Суворин, парижский корреспондент «Нового времени» Павловский и я. Это было время разгара борьбы вокруг «дела Дрейфуса». Павловский, как и я, был убежден в невинности Дрейфуса. Мы доказывали Суворину, что упорствовать в обвинении заведомо невинного только потому, что он еврей, как это делает «Новое время», по меньшей степени, непристойно. Суворин за-

щищался слабо, и, наконец, не выдержав наших нападков, встал и пошел от нас. Я посмотрел ему вслед и подумал: «Какая у него виноватая спина!»²⁷

Весенний Париж с его часто меняющейся погодой (то «погода чудесная», то «каждый день идут дожди») как бы проверил писателя на результаты его долгого лечения на юге Франции. «Не скажу, чтобы дурная погода действовала на меня дурно, — сообщил он Маше 23 апреля. — Теперь в Париже каждый день дожди, по вечерам бывает холодно и сыро — и я ничего». Однако это «ничего» уже два дня спустя подверглось сомнению. «Сегодня у меня показалась кровь в мокроте. Дело пустое, но все же придется весь день просидеть у себя в комнате», — написал он Павловскому.

Как бы подводя творческие итоги «курортной зимы», Чехов сообщал друзьям, что написал немного — всего четыре рассказа, к тому же не самых лучших. Но что можно сделать в условиях, когда надо лечиться, а если и выкроишь время для работы, то «испытываешь неудобство, точно повешен за одну ногу»? В записную книжку той поры писатель внес немало «крылатых» записей, которые впоследствии использовал в своих рассказах и повестях: «У бедных просить легче, чем у богатых», «Здравствуйте вам пожалуйста», «Какое вы имеете полное римское право» и другие

2 мая Суворин с сыном проводили Чехова на Nord express'e в Петербург, куда он прибыл 4 мая. Остановился на отдых и обед у Сувориных. Жена и дочь нашли писателя изменившимся, отметив, среди прочего, «совсем уже не тот веселый, слегка насмешливый взгляд» и «его голос, как-то ослабевший». Утром следующего дня Чехов прибыл в Москву, где застал чудесную погоду, и вечером был уже в Мелихове. Павел Егорович Чехов в своем знаменитом дневнике в одну строку с тем, что «деревья все оделись в зелень», «гром гремит, склонно к дождю», «овес всходит», записал 5 мая: «Антоша вернулся домой»,

Жизнь пошла по знакомому кругу: быт дружной семьи, хозяйственные заботы, прием друзей и гостей, работы в саду, театральные дела, письма и, конечно, творчество: «моя машина уже начала работать».

Это было последнее семейное лето в Мелихове, когда все еще живы, когда все дома.

²⁷ Поссе В. А. Воспоминания о Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников... с. 460.

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Александр ВИННИЧУК

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЛИЧНОСТЬ НА САМОМ ДЕЛЕ?

Почему существует Нечто, а не Ничто? Голый факт существования мира был бы менее загадочен, если бы этот мир, по сравнению с другими возможными реальностями, чем-то выделялся на их фоне, что сделало бы его особо пригодным для реализации. В этом случае и существование «я», мое личное существование можно было бы объяснить наличием той самой космической особенности. Например, допустим, что космос существует, потому что удовлетворяет абстрактную потребность в добре, простоте или красоте. С точки зрения такого эйдетического платоновского представления, я должен быть здесь, потому что мое существование добавляет немного добра (или красоты, или элегантности) в космическую сумму. Любая такая особенность, выделяющая именно этот мир в качестве существующего, придала бы смысл моей жизни как элементу этого мира. У моей жизни была бы космическая цель: быть как можно лучше этически, или как можно более поэтичным, или как можно более элегантным (вспомним книгу Брайна Грина «Элегантная Вселенная»), или что-то еще.

Однако реальность никакими особыми чертами не обладает. Существование Вселенной можно полностью объяснить на основе единственного предположения о том, что

Александр Александрович Винничук родился в 1990 году. В 2014–2016 годах журналист радио «Дон-ТР» ВГТРК. Выпускник аспирантуры Института философии и социально-политических наук ЮФУ, специальность – философия, этика и религиоведение (2017). Лауреат научной премии Гуськова (2015). Публиковался в журналах «Нева», «Наш современник», «Журнал поэтов», «Контрабанда», «Невский альманах», «День и ночь» и др. Автор повести «Последнее утро» (журнал «Нева»), вошедшей в сборник «Молодая Нева» (2015), в котором опубликованы произведения лучших молодых авторов «Невы» за последние пять лет. Автор научно-популярного проекта «Вселенная как она есть» в ростовском пространстве «Циферблат». Автор просветительского проекта «Look эпохи: образ жизни, технологии, философия» в Донской государственной публичной библиотеке.

она посредственна во всех отношениях. Даже ее бесконечность и то заурядна, поскольку бесконечный космос все равно бесконечно далек от достижения предельной полноты. Он подобен случайно выбранному подмножеству натуральных чисел, включающему бесконечно много элементов, но и оставляющему бесконечно много элементов, не принадлежащих ему. В такой реальности будут промежутки идеальной полноты, состоящие из долгих последовательностей единиц, а также промежутки идеальной пустоты из долгих последовательностей нулей, промежутки, представляющие самые красивые из всех воображимых последовательностей, и промежутки, представляющие самые непривлекательные из всех воображимых последовательностей. Таким образом, в целом все они складываются в космическую бессмыслицу, подобно книгам в рассказе Хорхе Луиса Борхеса «Вавилонская библиотека»: *«Я думаю, вполне логично считать, что мир бесконечен. Те же, кто считает его ограниченным, допускают, что где-нибудь в отдалении коридоры, и лестницы, и шестигранники могут по неизвестной причине кончиться, — такое предположение абсурдно. Те, кто воображает его без границы, забывают, что ограничено число возможных книг. Я осмеливаюсь предложить такое решение этой вековой проблемы: Библиотека безгранична и периодична. Если бы вечный странник пустился в путь в каком-либо направлении, он смог бы убедиться по прошествии веков, что те же книги повторяются в том же беспорядке (который, будучи повторенным, становится порядком — Порядком). Эта изящная надежда скрашивает мое одиночество».*

Если мы имеем дело с существованием непустой реальности (нечто все-таки существует, хотя бы буддистская иллюзия), то предположим и общую форму, которую эта реальность должна принимать, а именно **бесконечная посредственность**. Мир должен быть одинаково далек как от того, чтобы содержать абсолютно все возможности, так и от того, чтобы быть абсолютным ничто. Однако это заключение приводит к новой загадке: если мир бесконечно далек от онтологической полноты, то почему я являюсь неотъемлемой его частью? Как из этого «злого и вязкого омота» мне удалось появиться на свет? И почему от мысли, что я существую, так сильно кружится голова?

Если у реальности нет никакого особого качества, кроме ощущения, что все вокруг сон, то и мое присутствие в ней нельзя объяснить тем, что я каким-то образом улучшаю это качество, что-то к нему добавляю. Таким образом, в моем существовании нет никакого высшего смысла, или, точнее, единственный смысл моего существования состоит в том, что я существую. Сартр написал, что «существование предшествует сущности». Существовать — более фундаментально, чем обладать какими-то особыми качествами. В чем же тогда цель моей жизни? Герою романа Гончарова Обломову его друг Штольц мудро говорит, что «цель — жить».

Таким образом, с точки зрения космоса мое существование без цели, смысла и необходимости. (Разве сам Бог не удивляется от того, что существует? И какова цель Его существования?) Я существо случайное и произвольное. С большой долей вероятности меня могло бы не быть вообще.

С насколько большой?

Попробуем прикинуть. Как представитель человеческого рода, я обладаю определенной генетической идентичностью. В геноме человека около 26 тысяч активных генов. И каждый из них имеет, по меньшей мере, два варианта, или аллеля. Таким образом, число генетически различных индивидов, которое может кодировать геном, составляет 2 в степени 26 000, что примерно равно единице с десятью тысячами нулей. Столько потенциальных индивидов позволяет структура нашей ДНК. А сколько из этих потенциальных индивидов на самом деле существовало? Предполагают, что около ста миллиардов людей родились с тех пор, как возник наш вид. Давайте на всякий случай округлим до ста миллиардов. Это означает, что доля генетически возможных индиви-

дов, которые уже родились, составляет меньше, чем 0,00000...000001 (на месте многоточия вставьте еще примерно 9989 нулей). Подавляющее большинство этих генетически возможных индивидов остаются нерожденными. В такой фантастической лотерее, как назвал ее Ричард Докинз, мне повезло выиграть, чтобы появиться на свет. Вот уж случайность в высшей степени!

То, что мы сумели выиграть, несмотря на такой невероятно малый шанс, делает нас «счастливыми», как говорит Докинз. Точка зрения Бертрانا Рассела ближе к агностицизму: «Широко распространено убеждение о том, что существовать лучше, чем не существовать; на этом основании от детей требуют быть благодарными их родителям». Если бы ваши родители не встретились, то, разумеется, вы бы не родились. Однако гораздо большее, чем просто встреча ваших родителей в определенный момент времени и пространства (в четырехмерной Вселенной), должно было сложиться невероятно удачным образом, чтобы вы появились на свет. Возможно, благодарности заслуживает меньше ваша мама или папа, а отважный маленький сперматозоид (как здесь не вспомнить психолога Михаила Литвака и его книгу «Принцип сперматозоида»?), нагруженный половиной вашей генетической идентичности, стойко пробирающийся мимо миллионов своих собратьев, чтобы воссоединиться с яйцеклеткой.

Появление на свет моей генетической идентичности в самом деле было **маловероятным совпадением**, но достаточно ли этого, чтобы появился я? Могла ли эта генетическая идентичность с той же легкостью произвести не меня, а, так сказать, моего близнеца? А если вы случайно оказались одним из близнецов, то как вам такой мысленный эксперимент: представьте, что зигота, вскоре после оплодотворения разделившаяся пополам, чтобы получились вы и ваш близнец, вместо этого осталась целой. Уникальное создание, которое родилось бы у ваших родителей через девять месяцев, было бы вами или вашим близнецом? Или ни тем, ни другим?

И неужели я представляю собой всего лишь частный случай генетически определенного вида *Homo sapiens*? Я ведь могу представить свое «я» переселяющимся в некую нечеловеческую кремниевую форму или даже в нематериальное существо вроде духа или ангела.

Вот и выходит, появление человека — это итог множества случайных совпадений, но этот клубок позволяет нам, развернув историю вспять, проследить ее вплоть до изначальных условий, вплоть до начала времени, до момента Большого взрыва. Существует точка зрения, по которой эволюция сознательной жизни на нашей планете обусловлена подходящими мутациями, происходившими в различное время. Предположительно это были квантовые события, поэтому они могли бы существовать только в виде линейной суперпозиции до тех пор, пока они не довели эволюцию до мыслящих существ, самое существование которых зависит от всех «правильных» мутаций, имевших место в действительности. Именно наше присутствие, согласно этой идее, вызывает к существованию наше прошлое. Эта концепция называется теорией «партиципаторной» Вселенной, она выдвинута физиком Джоном Уилером в 1938 году.

Так, может быть, в конце концов, моя сущность — это не что-то биологическое наподобие организма? Может быть, моя сущность заключается в чем-то другом? Хотя я не уверен, чем именно я на самом деле являюсь, одно мне известно наверняка: я существую. Это утверждение может быть условной истиной, но оно заведомо истинно. Я смогу его отрицать, только противореча самому себе. Даже когда со всех сторон одолевают сомнения, факт моего существования остается «приятным» уверенности — по крайней мере, так утверждает Декарт. Его знаменитая фраза «*Cogito, ergo sum*» означает «Я мыслю, следовательно, я существую». И от утверждения, что его существование самоочевидно уже из того факта, что он мыслит, Декарт прямо переходит к еще более решительному утверждению, что является, по сути, мыслящим существом, то есть

чистым субъектом сознания. В этом качестве «я» в «я существую» должно относиться к чему-то отличному от физического тела, следовательно, к чему-то нематериальному.

Означает ли это, что здесь Декарт зашел в своих выводах дальше, чем следовало? Как указывают многие из его комментаторов, «я» в послышке Декарта не совсем обоснованно. С уверенностью можно утверждать только то, что существуют мысли. Декарт нигде не доказал, что мысли требуют мыслителя. Возможно, местоимение «я» в его доказательстве является всего лишь грамматическим предположением, вводящим нас в заблуждение, а не названием реальной сущности.

Предположим, что вы обратили свое внимание внутрь себя в поисках этого «я». Вы можете обнаружить не более чем **постоянно меняющийся поток сознания**, «шелест» мыслей и чувств, в которых нельзя найти истинную самость. По крайней мере, именно это открыл Дэвид Юм, когда проводил мысленный эксперимент веком позже Декарта. В «Трактате о человеческой природе» он писал: *«Но что же вызывает в нас такую сильную склонность приписывать тождество этим сменяющим друг друга восприятиям и предполагать, что мы обладаем неизменным и непрерывным существованием в течение всей своей жизни? (...) Что касается меня, то когда я самым интимным образом вникаю в нечто, именуемое мной своим я, я всегда наталкиваюсь на то или иное единичное восприятие тепла или холода, света или тени, любви или ненависти, страдания или наслаждения. Я никак не могу уловить свое я как нечто существующее помимо восприятий и никак не могу подметить ничего, кроме какого-либо восприятия...»* (перевод С. И. Церетели).

Так кто же прав: Декарт или Юм? Есть я или нет меня? И если меня нет, то о чем же я думаю, когда думаю, почему я существую? Даже сегодня природа самости является проблемой, которая вызывает среди философов споры и недоумение. Возможно, чуть больше философов склоняются к взгляду Юма на «я» как на некую фикцию, отброшенную местоимением «я». Наш современник Гален Стросон думает, что в потоке сознания каждого человека маленькие преходящие («житковские») человечки постоянно возникают и исчезают, но ни один из них не существует больше часа. «Просто нет никакого „я“, которое проживает целый день бодрствования (не говоря уже о более длительных промежутках времени), — утверждает Стросон, — хотя в любой данный момент времени, несомненно, существует некоторое „я“ или самость». Более того, возникшее в конце каждого дня «я», по мнению Стросона, вскоре уничтожается сном, и каждое утро просыпается новое картезианское «я».

Если внутреннее «я» такое неуловимое, то, возможно, для этого есть причина. В конце концов, чем именно должно бы быть «я»? В современной посткартезианской философии предложены два концептуальных требования, которым должна отвечать самость. Во-первых, чем бы еще она ни была, самость есть **субъект сознания**. Все, что я переживаю в данный момент, — вижу голубое небо в окне, слышу вдалеке крик, чувствую головную боль, думаю об ужине — все это есть часть одного и того же сознания, потому что они принадлежат той же самости. Я могу идентифицировать ощущение головной боли как мое собственное без всякого сомнения.

Второе требование состоит в том, что самость должна быть способна к **самосознанию**, то есть должна осознавать себя.

А нет ли фатального противоречия между этими двумя условиями? Да и как может одна и та же вещь одновременно быть субъектом и объектом сознания? Шопенгауэр назвал это «самым вопиющим противоречием, какое только можно придумать». Подобно Шопенгауэру, Витгенштейн сравнил «я» со слепым пятном в глазу: точно так же, как «я» есть источник сознания, глаз есть источник поля зрения и не может видеть сам себя. Витгенштейн писал: «Я не являюсь объектом. „Я“ объективно противостоит каждому объекту, но не мне».

Одна точка зрения состоит в том, что содержание сознания и составляет личность — это психологический критерий самоидентичности. С этой точки зрения фраза «я существую» утверждает существование некоего более или менее непрерывного сгустка воспоминаний, ощущений, мыслей и намерений. Эти различные сгустки и делают меня мной, а вас — вами.

А что произойдет, если я **заболею амнезией и потеряю все воспоминания**? Или нейрохирург сумеет стереть все мои воспоминания и заменить их вашими? А потом еще и произведет обратную операцию на вас? Обнаружит ли каждый из нас себя проснувшимся в чужом теле?

Если мою личную идентичность определяют не психологические факторы, то что же может ее определять? Очевидный ответ — это критерий физический. Моя идентичность определяется моим телом, а точнее, мозгом как физическим объектом, являющимся причиной существования и непрерывности моего сознания. С точки зрения этой гипотезы **«я есть мой мозг, и ничего более»**, фактическое содержание вашего потока сознания не имеет значения для вашей идентичности. Имеет значение только определенный сгусток серого вещества в вашем черепе. Вы не сможете пережить уничтожение этого сгустка. Вашу личность нельзя ни «загрузить» на цифровой носитель, ни воскресить в некой духовной бесплотной форме. Чалмерс и Нагель пошли еще дальше, предположив, что даже если удастся воссоздать точную физическую копию вашего мозга, затем наполнить ее вашими воспоминаниями и вложить в клон вашего тела, то в результате «вас» все равно не получится (хотя «оно» может думать, что оно — это вы).

Поэтому говоря «я существую», я, возможно, утверждаю лишь существование определенного мозга. Тогда вопрос «Почему я существую?» имеет чисто физический ответ — потому что в определенный момент в истории Вселенной определенная группа атомов случайно (или не случайно) собралась вместе определенным образом.

Как указал ведущий философ современности, оксфордский профессор Дерек Парфит, проблема с этим простым определением состоит в том, что даже физическая идентичность моего мозга не так уж однозначна. Допустим, говорит Парфит, что все клетки вашего мозга имеют некий дефект, который в итоге станет смертельным. Теперь предположим, что хирург может заменить эти клетки дубликатами без дефекта — например, с помощью серии из ста операций по пересадке. После первой операции останется 99 процентов вашего мозга. В середине процесса половина вашего мозга будет состоять на 50 процентов из родных клеток, а на 50 — из дубликатов. А перед последней операцией ваш мозг будет копией на 99 процентов. В результате этой серии операций будет ли ваше «я» по-прежнему вашим, несмотря на полную замену мозга? А если «оно» — это уже не «вы», то в какой момент ваше «я» вдруг исчезло и заменилось новым?

Все это говорит о том, что ни психологический, ни физический критерии не могут четко определить, кто я есть. Отсюда возникает неприятное подозрение: а что если на самом деле мою идентичность определить невозможно? Что если нет настоящего ответа на вопрос о том, существую ли я или нет? Хотя я имею в виду нечто, когда говорю «я», это нечто не имеет никакого онтического основания. Оно не входит в фундаментальную «обстановку» Вселенной. Оно существует лишь в форме постоянной смены состояний сознания, населяющих мозг, и постоянно меняющегося набора физических частиц, составляющих тело. Мы можем проследить ее идентичность мгновение за мгновением. Но вопрос о том, остается ли она той же самой на протяжении длительных промежутков времени или после больших физических и психологических сломов, остается без ответа. Постоянная, материальная, самоидентичная личность — это фикция. По мысли, которую приписывают Будде, личность есть

всего лишь общепринятое название множества элементов. Юм, хотя и убежденный в истинности этого заключения, был им весьма огорчен. Оно привело его «в самое прискорбное состояние, какое только можно себе вообразить, погрузив в глубочайшую тьму»¹. Напротив, Дерек Парфит, по примеру Будды, нашел этот вывод утешительным и освобождающим. Прежде, когда Парфит думал, что его «я» либо существует целиком, либо не существует вообще, «жизнь казалась стеклянным туннелем, сквозь который я двигаюсь с каждым годом все быстрее и быстрее и в конце которого темнота». Когда же он освободился от иллюзии «я», то «стены стеклянного туннеля исчезли. Я вырвался на волю»².

Допустим, что картезианское «я» (из утверждения «Я мыслю, следовательно, я существую») на самом деле является иллюзией. Как она могла бы возникнуть? (Кроме того, можно еще спросить: для кого или для чего оно является иллюзией?) Быть «я» означает обладать самосознанием, так, может быть, «я» создается самим процессом размышления о себе? Другими словами, что если «я» само себя создает?

Как только мы допустили, что «я» может создать себя, легко увязнуть еще глубже в скользком трансцендентном болотце, на дне которого лежит занятная форма идеализма, утверждающая, что, создавая себя, «я» создает и всю прочую окружающую реальность. При всей своей безумности к этой идее постоянно возвращаются в европейской философии со времен Канта. Ее разновидности можно найти у Шеллинга, Гегеля и Фихте в XIX веке, а также у Сартра и Гуссерля в веке XX.

Фихте утверждал, что «я» возникает в самом процессе «утверждения» себя. Утверждение «я = я» как пример логического закона тождества является очевидной истиной. Согласно Фихте, это вообще единственная очевидная истина, поскольку не имеет никаких предварительных условий. (Обычно истинность тождества «A = A» предполагает существование A в качестве условия, но существование «я» в «я = я» гарантировано природой самости, возникающей в процессе утверждения себя.) Как единственная очевидная истина, «я = я» должно быть основанием для всех остальных знаний. Таким образом, Фихте считал, что все знание в конечном итоге должно быть самопознанием. Трансцендентный субъект не только создает себя самоутверждением, но и создает весь прочий мир.

С моей точки зрения, вера в то, что «я» есть источник всей реальности, — это метафизическое плутовство, если не безумие. Тем не менее чем бы ни было мое «я» — субстанцией, сгустком, ключевой точкой, вместилищем, пишущим себя стихотворением, грамматической тенью или трансцендентным Эго — оно в самом деле кажется центром мира. Нелегко было XVII веку смириться с подчиненным положением Земли по отношению к Солнцу, а следующим векам принять периферийность всей Солнечной системы и даже галактики Млечного Пути, а человеку осознать себя пылинкой во Вселенной. Но сейчас от нас требуется гораздо большее — понять, что многое в этой Вселенной недоступно нашему восприятию, от движения частиц до гипотетических 11 измерений. И допустить существование иных реальностей с иными законами, где наше присутствие заведомо невозможно. В этой точке полного ничтожества человека перед бесконечным множеством непредсказуемых вселенных происходит удивительный поворот: в нашей вселенной человек существует, а значит, из всех возможных наборов законов и историй приходится выбирать те, которые допускают наше существование. Это обманчиво схоже с разными телеологическими объяснениями: Бог создает и направляет мир к появлению человека. Однако научная картина мира не предполагает существования такой цели (высший замысел может и не иметь «высшего замыслителя»).

¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе / Пер. С. И. Церетели.

² Parfit. Reasons and Persons. P. 280.

Разумеется, мир мог бы быть только моим миром (в противоположность вашему миру или ее миру), если бы я был единственной истинной самостью — метафизическим «я». Не будучи солипсистом, я в это не верю. Даже если я есть центр своего субъективного мира, я верю, что есть объективный мир, существующий независимо от меня, — огромная область пространства и времени, из которой мне известна лишь крохотная часть. Неужели этот объективный мир существовал до моего рождения и будет существовать после моей смерти? Я также верю, что объективный мир не имеет центра или заданной перспективы. А поскольку мир не имеет центра, то я должен попытаться его понять. Здесь сделаем реверанс Нильсу Бору и квантовой физике, согласно которым, для того чтобы наиболее адекватно описать физический объект, относящийся к микромиру, его нужно описывать во взаимоисключающих, дополнительных системах описания, например одновременно и как волну, и как частицу. Классическая логика оказывается недостаточной для описания мира. Бор использует, казалось бы, очень простое средство: признается допустимым взаимоисключающее употребление двух языков, каждый из которых базируется на обычной логике. Они описывают исключающие друг друга физические явления, например непрерывность и атомизм световых явлений. Принцип дополненности — это, собственно, признание того, что четко построенные логические системы действуют как метафоры. Не наталкивает ли это нас к выводу, что я — тоже точно такая же метафора?

Назовем это логическое, или языковое, «Я» **«объективным»** или **«истинным я»**. По мнению философа Томаса Нагеля, «объективное я» несколько отличается от конкретного человека. Оно использует ощущения этого человека как некое окно в мир, создавая на их основе концепцию реальности без точки зрения. Однако в результате «объективное я» сталкивается с удивительной загадкой: *«Как могу я, мыслящий обо всей Вселенной без центра, быть чем-то столь особенным — быть этим ничтожным, не имеющим оснований для бытия созданием, существующим в крохотном уголке пространства-времени, имеющим определенную, хотя и вовсе не универсальную, психическую и физическую структуру?»*³

Кажется чудесным, что он, Томас Нагель, столь недолговечный пузырек в океане реальности, оказался «мировой душой в скромном обличье». Рассматривая мир объективно, Нагель удивляется тому, что его сознание локализовано в конкретном человеческом существе: «Как понять, что я — Томас Нагель?» Чтобы избежать обвинений в метафизической мании величия, Нагель подчеркивает одно уточняющее обстоятельство: *«Та же самая мысль доступна любому из вас. Вы все есть субъекты Вселенной, не имеющей центра, и любой человек или марсианин должны казаться вам случайностью. Я не утверждаю, что лично я есть субъект этой Вселенной; я лишь субъект, способный вообразить не имеющую центра Вселенную, где Томас Нагель есть маленькая пылинка, которой могло бы и не быть»*⁴.

Философы, желающие покритиковать «объективное я» Нагеля, заявляют, что утверждение «Я есть Томас Нагель» верно тогда и только тогда, когда высказано самим Томасом Нагелем. Однако Нагель возражает, что подобный безличный семантический анализ оставляет пробел в нашем понимании мира. Даже если вся общедоступная информация о человеке по имени Томас Нагель будет включена в объективную картину мира, говорит он, «дополнительная мысль, что Томас Нагель — это я, определенно содержит дополнительные данные, причем эти данные поражают»⁵.

Мог ли Томас Нагель быть кем-то другим, не Томасом, а какой-то другой «тростинкой»? Допустим, мировая история не изменилась, только он бы стал Александром

³ Nagel T. The View from Nowhere. Oxford University Press, 1986. P. 61.

⁴ Там же. P. 54.

⁵ Там же. P. 61.

Македонским, а Александр Македонский стал бы им. Что происходит, когда мы пытаемся вообразить такую возможность? Я могу представить себя человеком с поднятой вверх головой, взглядом страстным и мужественным, с густыми волосами, которые были разделены посередине на пробор, чуть выше лба, и ниспадали к вискам, напоминая гриву льва, вззирающим на победу при Гавгамелах над персами. Однако все, что я на самом деле здесь себе вообразил, это игру в Александра, что позволяет мне понять, как я мог бы быть великим полководцем, не более чем наблюдение за Колином Фареллом в роли Александра на экране, позволяет мне понять, как он мог бы быть им.

Если вы скажу себе: «Я мог бы быть Македонским», местоимение «я» не может относиться к реальной личности, потому что в этом случае данное утверждение будет прямым противоречием. Таким образом, «я» должно относиться к вашей личности, какой она была бы без всего физического и психологического основания — к чистому, вечному и лишённому характерных черт картезианскому *cogito*. А есть ли у нас такое «я»?

Если у вас есть такое «я», то открывающиеся в этом случае возможности более фантастические, чем шанс поменяться местами с Александром Македонским. Например, вы могли бы вдруг прекратить существовать в процессе чтения этой статьи и заменить свое «я» на новое, которое будет населять ваше тело и в точности примет ваши психологические черты. Подобное происшествие, как замечает кэрролловская Алиса, никак не будет заметно снаружи.

Другая возможность состоит в том, что мир мог бы быть точно таким же, какой он есть, за исключением того, что ваше чистое картезианское *cogito* никогда не существовало. Ваша эмпирическая личность с ее генетической идентичностью, воспоминаниями, социальными связями и прочей историей вашей жизни была бы здесь, но это были бы не вы, а ваш близнец. Крохотная тростинка вашего сознания никогда бы не шуршала в этом мире.

«Изумление от того, что Вселенная содержит существо с уникальным свойством быть мной, есть очень глубокое чувство», — заметил Нагель. Позволю себе высказать мою точку зрения. Я тоже разделяю его изумление фактом своего существования — тем, что Вселенная как-то произвела те самые мысли, которые сейчас кружатся в «омуте» моего сознания. Тем не менее изумление, которое я испытываю от невероятности своего существования, имеет любопытную противоположность: мне трудно вообразить мое полное отсутствие. Почему же так трудно представить себе мир, в котором меня нет, в котором я никогда не появился на свет? В конце концов, я знаю, что вряд ли являюсь необходимым элементом реальности. Хотя я являюсь частью реальности, реальность кажется частью меня. Я нахожусь в ее центре, я — солнце, которое ее освещает. Вообразить, будто меня никогда не было, все равно что вообразить, будто мира никогда не было — будто вместо Бытия есть только Ничего.

Где-то в глубине души я знаю, что ощущение, будто реальность мира зависит от моего существования, есть лишь иллюзия, и тем не менее мне трудно от нее избавиться. Возможно, мне удастся вырваться из ее пут, если я буду постоянно напоминать себе, что мир жил себе и не тужил многие миллионы лет до того момента, когда я вдруг очнулся, появившись в «жизни, похожей на сон», и будет жить после того неминуемого мгновения, когда я снова окунусь в эту тьму.

Список источников

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. Д. Лахути, И. Добронравова. СПб.: Олма Медиа Групп, 2007.

Гуссерль Э. Картезианские размышления / Пер. Д. Складнева; науч. ред. Я. А. Слинин. СПб.: Наука, 2006.

Декарт. Размышления о первой философии. Пер. С. Я. Шейнман-Топштейн.

Литвак М. Е. Принцип сперматозоида. — Изд. 32-е. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.

Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. В. И. Колядко.

Strawson G. Selves: An Essay in Revisionary Metaphysics. Oxford University Press, 2011.

Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / Пер. В. В. Васильева. М.: Либроком, 2013.

Юм Д. Трактат о человеческой природе / Пер. С. И. Церетели.

Источники на иностранном языке

Brian Greene, The Elegant Universe: Superstrings, Hidden Dimensions, and the Quest for the Ultimate Theory, Vintage Series, Random House Inc, 2000.

Nagel T. The View from Nowhere. Oxford University Press, 1986. Bertrand Russell. Basic Writings of Bertrand Russell.

Parfit. Reasons and Persons.

РЕЦЕНЗИИ

ЧАША ИЛИ ВИНОЧЕРПИЙ?

Чаша и виночерпий: Сборник переводов памяти А. А. Долининой. СПб., 2018.

Россия отгородилась от мусульманских культур фразой «Восток — дело тонкое» и не желает в этот самый исламский Восток вглядываться и понимать его. На Западе ту же роль барьера играют эффектные строки Киплинга *«Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда...»*:

Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet...

Смею утверждать: Киплинг не знал Востока.

Он родился и вырос в Индии и много ездил по Британской империи, но Индия — это не Восток, а все тот же, если так можно выразиться, арийский Запад, давно осевший на Востоке (точнее даже — на тропическом Юге) и, кстати, тоже отгородившийся от «местных» стеной кастовой системы. Забавно то, что в Индии «настоящий» — то есть «семитский», исламский — Восток утверждает себя, разрушая традиционные касты индуизма. Например, говорит неприкасаемому: в рамках индуизма у тебя нет шансов, но прими ислам, и ты станешь равным любому мусульманину, даже и пророку Мухаммеду...

Однако не буду затягивать предисловие. Перейду к предметному разговору о сборнике «Чаша и виночерпий» (издательство «Петербургское востоковедение», СПб., 2018, 272 с.). Составители книги, Сарали Гинцбург и Виктор Дзевановский-Петрашевский, предпослали книге такую развернутую аннотацию (цитирую с некоторыми незначительными изменениями):

Настоящая книга посвящается Анне Аркадьевне Долининой (1923—2017), выдающемуся отечественному арабисту, ученому и филологу. В книге представлены

переводы учеников и коллег А. А. Долининой, не ограниченные одной лишь классической арабской литературой.

Чтобы представить лишь малую часть из многочисленных заслуг А. А. Долининой перед отечественным востоковедением (в первую очередь, в области художественного перевода, преподавания и создания теории перевода), в книгу включены классические и современные тексты, написанные как на арабском языке, так и на тех языках, формирование и развитие которых происходило под влиянием арабского мира. Большая часть переводов издается впервые; те же, что уже издавались ранее, выходят в новой редакции.

Издание рассчитано на любителей ближневосточной литературы разных эпох. Читатель сможет ознакомиться не только с классическими произведениями арабской литературы, но и с произведениями современных арабских авторов из Алжира, Египта, Йемена, Ливана, Марокко, Палестины, Сирии и Туниса. В книге также присутствуют произведения средневековых и современных еврейских писателей и поэтов, а равно образцы поэзии и прозы Ирана, Танзании и Сокотры.

Авторы аннотации не указали, что в сборник включены в первую очередь и переводы А. А. Долининой (впрочем, в аннотации говорить об этом как о само собой разумеющемся, было и необязательно); также в нем представлены переводы таких корифеев современной арабистики, как М. А. Родионов, М. Н. Суворов; переводы видного специалиста в литературе фарси Н. И. Пригариной; переводчиков-семиологов Ю. П. Вартанова, Ш. Крола, Л. Е. Когана; напечатаны тексты арабистов и переводчиков-востоковедов, не являющихся крупными светилами филологической науки, но активно работающих в области международных литературных связей, среди них С. Гинцбург, И. Сид, Н. Фролова, А. Парибок (виднейший санскритолог и переводчик буддистской литературы) и другие.

Отдельно следует сказать о переводах из сказок «Тысячи и одной ночи»: они выполнены известным арабистом Д. В. Микульским; одну сказку перевела К. Осипова. Кстати, возникает вопрос: не пришло ли время для нового перевода всех сказок «Тысячи и одной ночи»?

О некоторых других переводчиках я еще скажу ниже. Данная рецензия адресована не только востоковедам, но и любителям литературы вообще. И вот что удивляет человека, не очень сведущего в поэзии Востока новейшего времени: она порой вообще не является «поэзией» (в обычном смысле), но скорее — некими сборниками афоризмов, философских сентенций, сформулированных кратко, емко и с литературным («поэтическим») блеском; не тяжеловесно, как это свойственно профессиональным философам, но скорее — с легкостью и виртуозностью мастеров острого словца.

Приведу пример, открою книгу просто наугад и процитирую одну целую страницу такой «поэзии»:

Корень — это цветок, презревший славу.

За пределами красоты нет ни религии, ни науки.

Истинно великий человек — тот, кто никого не станет учить и ни у кого не станет учиться.

Я ни за что не поверю, что человек — посредственность, по той простой причине, что он убивает и преступников, и пророков.

Терпимость — это любовь, страдающая надменностью.

Несогласие, должно быть, кратчайшее расстояние между двумя умами.

Я — пламя, и я же — сухой хворост, и одна часть меня пожирает другую.

Все мы ищем вершину святой горы; но не стал бы наш путь короче, если б мы видели в прошлом карту, а не жолатого?

Мудрость перестает быть мудростью, когда она слишком горделива, чтобы плакать, слишком серьезна, чтобы смеяться, и слишком поглощена собою, чтобы искать что-либо кроме самой себя.

Если б я вобрал в себя все, что ты знаешь, куда бы я вместил то, чего ты не знаешь?

Я выучился молчанию у речистого, терпимости — у нетерпимого и доброте — у недоброго; но как ни странно, я не испытываю ни малейшей признательности к этим учителям.

Фанатик — это глухой как пень оратор.

Молчание завистника слишком шумливо.

Достигнув конца того, что следует знать, ты окажешься в начале того, что следует чувствовать.

Преувеличение — это вышедшая из себя истина.

Факт — это бесполоя истина.

Всего ближе моему сердцу царь без царства и бедняк, не умеющий просить милостыню.

Это разум в нас подвластен законам, установленным нами, но никак не дух в нас.

На этом прекращу цитирование, хотя этих стихов Джебрана (по-моему, это все же стихи!) в книге более пятнадцати страниц.

Автор приведенного текста — Джебран Халиль Джебран (1883—1931), поэт, философ, прозаик, художник. Христианин-маронит, он родился в Ливане, но жил в основном в США, почему и считается одним из самых ярких представителей сиро-американской школы писателей. Владимир Марков сделал для данной книги новый перевод с английского (язык, на котором первоначально и были опубликованы эти тексты Джебрана).

Кто-то мне может возразить: все-таки, мол, нельзя называть приведенные афоризмы «стихами», тем более что и в книге «Чаша и виночерпий» они напечатаны в рубрике «проза». Но, во-первых, Джебран во всех литературных справочниках назван «поэтом», так что и указанные — ярко поэтические! — афоризмы вполне можно было бы поместить в рубрику «поэзия». Во-вторых (и это главное), таких похожих на стихи афоризмов (или, иначе выражусь: похожих на афоризмы стихов) много и у современных сирийских поэтов, таких, как Адонис, Мухаммед аль-Магут и другие. Причем указанные современные поэты включают такие поэтические афоризмы именно в свои сборники стихов, без всяких оговорок.

Повторюсь: именно этот жанр «свободной строки» (назовем его так) и кажется мне самым интересным, что несет сегодня арабская поэзия (а также поэзия на некоторых других языках, но развивающаяся, по выражению авторов аннотации, «под влиянием арабского мира»).

Мы привыкли воспринимать поэзию мусульманского Востока как нечто очень застывшее и формально однообразное, и действительно, традиционных «газелей» на Востоке всегда хватало и до сих пор хватает. Но наряду с этим на исламском Востоке издревле оперировали таким понятием, как «бейт», то есть именно: философски глубокая или формально удачная строка, одно отдельно взятое высказывание. (Вроде того

же киплинговского «Запад есть Запад...»: это типичный восточный бейт, едва ли не единственная удачная находка в длинной и по-английски скучной балладе.)

Таких отдельных бейтов с древности бытовало на Востоке много: их заучивали наизусть, передавали из уст в уста, они кочевали из одной рукописи в другую. Не обязательно это одна строка, иногда это — емкое и глубокое (или просто остроумное) двустишие или четверостишие. Приведу три примера, все они принадлежат перу арабского поэта Ибн аль-Мутацца (861—908), а переводчики — Анна Аркадьевна Долинина (первые два стихотворения) и ее ученица, составитель сборника, Сарали Гинцбург (автор третьего перевода).

ДО КАКИХ ПОР?

Пора бы прислушаться к божественным истинам
И верную отыскать к Аллаху дорогу.
На Бога надеешься, но разве тебя спасет,
Что раньше других с грехами ты явишься к Богу?

БЫТЬ МОЖЕТ, ТЫ, ВЕТЕР?

Сердца людские — пленники в божьих руках,
При жизни Бог награждает их одеждами красоты.
Я тоже пленник. Когда умру и тело мое истлеет,
Быть может, прах мой к нему, о ветер, доставишь ты.

ГОВОРЯЩИЕ ГЛАЗА

Его глаза радость мне подарили, с моими встретившись:
Они говорили со мной без ненависти, дружелюбно.
Сказали: ты лишился рассудка, нет в этом сомнения!
А я отвечал: сладость жизни лишь безумцам доступна!

Теперь несколько слов скажу о принципах перевода. О подходе А. А. Долининой можно было бы много написать, но мне хочется ограничиться одним словом — «сдержанность». Нередко в процессе перевода нам кажется, что можно улучшить оригинал, например, сказать что-то пафоснее или острее, чем автор. Но от этого соблазна лучше удерживаться: надо, наоборот, недоговаривать, и тогда смысл начнет «общаться» с читателем как бы помимо слов. Об этом С. Гинцбург немного говорит в предисловии, и об этом красноречиво свидетельствуют даже уже процитированные переводы А. А. Долининой, да и других переводчиков, чьи работы включены в книгу.

Приведу еще несколько примеров такого подхода, нижеследующие переводы выполнены с иврита.

Земля — базар, и твари все —
Купцы. Тварь твари — не чета:
Один — мошенник, а другой
По совести ведет счета.
А третий — благородный: в нем
Порока нет — лишь нищета.

Перевод Ш. Крола

Это стихотворение принадлежит перу Шмуэля ха-Нагида (годы жизни: 993 — после 1053). Он жил в Испании и был не только поэтом, но и государственным деятелем: визирем эмирата Гранада. Вот еще одно стихотворение в переводе с иврита, автор его — Авраам ибн Эзра (1089—1164). Он считается одним из выдающихся испано-еврейских ученых и поэтов, — научные заслуги, правда, не принесли ему материального достатка, и этот литератор в жизни много бедствовал, что и отражено в нижеследующем стихотворении. В нем нет ничего из ряда вон выходящего, как и в стихотворении, приведенном выше, однако нельзя не заметить таких особенностей этой поэзии, как остроумие, точность и краткость, — качества, вполне адекватно переданные переводчиком:

Приду ли поутру,
Мне скажут: князь ушел.
Я вечером явлюсь —
ко сну он отошел.
То в путь он снаряжен,
То почивает он —
Несчастье бедняку,
Что злой судьбой рожден.

Перевод Ю. П. Вартанова

Теперь скажу еще о нескольких переводчиках. Заслуживают упоминания киевлянки Ю. Петрова и, особенно, Л. Петрова: в ее переводе печатаются сложные стихи выдающегося сирийского поэта Низара Каббани.

Отдельно следует сказать о Леониде Когане, в 1996 году окончившем восточный факультет СПбГУ, а затем переехавшем в Москву. Он — семитолог, автор исторической грамматики аккадского языка; с 2010 года — постоянный член российско-йеменской экспедиции на острове Сокотра. Исследования этой экспедиции сегодня вызывают законную гордость отечественных востоковедов, и дело не только в науке, но и в геополитике. Остров Сокотра, как известно, перекрывает вход в Красное море, и контроль над ним равен контролю над Суэцким каналом. Запад хорошо это понимает, поэтому в Джибути создал гигантскую военную базу, совместную для нескольких стран НАТО. Маленький остров Сокотра, однако, в случае конфликта может сделать эту базу НАТО в Джибути бесполезной. Вот, как говорится, и «практическая польза» от вроде бы далеких от жизни исследований.

В заключение о том, о чем редко говорят востоковеды. А именно: зачем вообще они потянулись к Востоку, что толкнуло их к изучению арабского языка и исламского круга культур?

Если о чем-то не принято говорить, то, может быть, это — мудрое правило, и не следует его нарушать? Наверное, так; и я тоже не буду углубляться в ненужные откровенности типа: «быть ближе к опасности», «лучше знать своего врага» (а может быть, «союзника», «друга»?).

Кстати, я не нашел в сборнике ответа на вопрос: почему он назван «Чаша и виночерпий»? Особой загадки здесь, впрочем, нет: образы чаши, вина, виночерпия очень распространены в восточной поэзии, несмотря на запрет в исламе на алкогольные напитки. (Между прочим, в книге помещены и два перевода автора этих строк — с фарси и с арабского. Это переводы рассказов, и в обоих из них речь идет о винопитии, хотя эта тема в них — не основная, побочная.)

На вопрос о том, почему я сам назвал свою рецензию «Чаша или виночерпий?» мне ответить легче: для того, чтобы заинтриговать читателя. И только: никаких серьезных

смыслов я в это не вкладываю. Разве что знак вопроса совершенно необходим в заголовке потому, что и весь исламский Восток до сих пор является для нас загадкой и как бы одним громадным знаком вопроса.

Я искренне рекомендую всем книгу «Чаша и виночерпий», расширяющую наши представления о художественной литературе вообще и о литературе Востока в частности. И хотя всех знаков вопроса эта книга ни у кого не снимет, она позволит информированнее судить о настоящем и прошлом цивилизации, которую мы, даже и не понимая ее, все-таки называем *Ближним Востоком*.

Александр АНДРЮШКИН

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

Илья Сургучёв. Европейские силуэты / Сост. А. Г. Власенко и А. А. Фокина; ред., предисл., коммент. М. Г. Талалая. — СПб.: ООО «Полиграф», 2017. — 496 с.

Неизвестные рассказы и очерки русского писателя Ильи Дмитриевича Сургучёва (1881, Ставрополь — 1956, Париж), опубликованные в книге «Европейские силуэты», подготовлены к печати издательством «Росток» в Санкт-Петербурге для серии «Неизвестный XX век». Ранее в этой серии была представлена проза Б. Н. Ширяева. Книга И. Д. Сургучёва — достойное продолжение этой серии.

Прекрасно изданная, снабженная предисловием и послесловием, комментариями (с указанием даты первой публикации), библиографией публикаций И. Сургучёва в эмиграции на русском языке (в алфавитном порядке указана 241 публикация). Рассказы и очерки И. Сургучёва, написанные по впечатлениям писателя о жизни в Париже, о его поездках по Франции, Италии, Германии, Испании и другим европейским странам, публиковались в русских газетах и журналах, издававшихся в Софии, Париже, Праге, Франкфурте-на-Майне, Мюнхене, Берлине, Риге. В приложении опубликованы статьи о И. Сургучёве его друзей в среде русских эмигрантов: писателя К. Зайцева, врача В. Унковского, публицистов Н. Клименко, Г. Мейера. Приведены основные даты жизни и творчества И. Сургучёва. Составители включили в книгу «Европейские силуэты» библиографию из восьми книг И. Сургучёва, опубликованных в эмиграции на иностранных языках, и список из семнадцати статей в печати русской эмиграции о И. Сургучёве.

Теперь о главном: о содержании книги. Составители А. А. Фокин и А. Г. Власенко включили в книгу 41 рассказ и очерк, которые, по их мнению, наиболее ярко представляют Сургучёва российскому читателю и его похищение Европы, и видение европейской цивилизации, и видение русского человека в ней. Отмечу, что на родине писателя, в Ставрополе, в альманахах «Литературное Ставрополье», «Ставропольский хронограф», в сборниках «Сургучёвские чтения», да и в московском издании «Роман-газеты» некоторые рассказы и очерки так называемого «малого жанра» увидели свет благодаря профессору Ставропольского государственного педагогического института, доктору филологических наук Александру Алексеевичу Фокину, которого редактор и автор предисловия к книге «Европейские силуэты» М. Г. Талалай справедливо назвал ведущим отечественным специалистом по творчеству И. Д. Сургучёва.

Как возникло название книги «Европейские силуэты»? Воспользовавшись готовым названием одного из очерков И. Сургучёва «Итальянские силуэты», составители вместе с редактором присвоили сборнику новое название — «Европейские силуэты».

Со страниц книги И. Сургучёв предстает не только простым наблюдателем европейской жизни, который бродит по трущобам Стамбула, посещает лагеря беженцев, колесит по бурлящей Испании, рыщет в парижских кварталах. Восхищаясь архитектурой древних европейских городов: Рима, Флоренции, Неаполя, писатель никогда не забывает о России. Он вспоминает свое первое Рождество без снега в Константинополе, встречи с Максимом Горьким на Капри, с актерами Художественного театра в Праге, рассказывает о ненависти, которую питают в Чехии к немцам, о русском театре в Праге, о взглядах европейцев на Россию и русских. И. Сургучёв вспоминает Петербург и Забалканский проспект, дом 20, квартиру 23, в которой жил в студенческие годы: «О, божественный Петербург! Какая из столиц вообще может сравниться с Тобою? Твои дворцы, твоя Нева, твои мосты, твои проспекты и улицы — только теперь, потеряв все это очарование, мы прозрели, мы поняли, что такое Ты и как велик был гений, создавший Тебя!»

С какой необъяснимой гордостью И. Сургучёв пишет о талантливом русском народе: «Мы плодovitее: мы создали Москву, Петербург, Новгород, Псков, Углич, Ярославль, Одессу. Собрание сочинений во многих томах...» «Москва — это прекрасные лицейские стихи России, — писал Сургучёв. — Петербург — большая поэма. Ярославль, Новгород, Углич, Псков — чудесные рассказы, то в прозе, то в стихах».

Прочитав однажды в газете «Возрождение» воспоминания морского офицера о том, как во время землетрясения в Мессине на Сицилии русские моряки спасали погибавших, И. Сургучёв пишет о трогательной встрече с одним из таких спасенных итальянцев: «Узнав о пароходе и о том, что он стоит у Мессины до утра, молодой человек властно, тоном, не допускающим возражения, сказал:

— До последнего гудка вы — мои гости. Русские моряки когда-то спасли меня вот здесь, и я рад и счастлив, что могу чем-то вам отслужить. Идемте в верхний город...

Мы пробовали протестовать, но скоро поняли, что это — безнадежное дело».

«Вплоть до войны, — вспоминал Сургучёв, — я получал открытки с изображением нашего друга в его ролях». Итальянец оказался актером театра.

Со страниц «Европейских силуэтов» Илья Дмитриевич предстает не только великолепным русским писателем и драматургом, но и человеком, который, как замечает редактор книги М. Талалай, мог бы составить «славу любой европейской культуре». И. Сургучёв владел в совершенстве французским, немецким, читал на китайском Конфуция, знал монгольский, переводил с калмыцкого; понимал итальянский и испанский. Спектакли по его пьесам «Осенние скрипки», «Реки вавилонские», «Игра», «Письма с заграничными марками» шли на всех известных европейских театральных сценах Лондона, Парижа, Берлина, Стокгольма, Праги, Софии... Писатель пришел к российскому читателю с «Европейскими силуэтами» через 136 лет после рождения и через 61 год после кончины.

Думается, не последнюю роль в запоздалом признании честного таланта И. Сургучёва сыграло, как пишет М. Талалай, «шельмование писателя в конце 1940-х годов, когда в послевоенной Франции, не отличавшейся особым героизмом перед Германией, стали с энтузиазмом искать «козлов отпущения». Сыграло свою роль и разделение в русской эмигрантской среде. Эмигранты, покинувшие Европу и осевшие в Америке, особенно рьяно разоблачали «пособников нацистов», зачислив в их ряды практически всех, кто оказался в оккупированной немцами Европе. Немногие сегодня знают, что в этих «разоблачениях» были задействованы очень огромные деньги. На счета фондов, которые скрывались под вывеской оказания помощи голодающим русским эмигрантам в послевоенной Европе, поступали средства отовсюду. Преследовалась одна-единственная цель: уничтожить европейскую русскую эмиграцию и сделать

ее новым центром Соединенные Штаты Америки. Причем осуществлялся этот план руками русских. Один из таких фондов (Комитет помощи беженцев из России, или Толстовский фонд) возглавляла Александра Толстая, дочь Л. Н. Толстого.

В книге «Европейские силуэты» опубликована фотокопия письма И. Сургучёва главному редактору газеты «Русский патриот» от 14 ноября 1944 года. Вот его полный текст (орфография сохраняется):

Милостивый Государь, г[осподин] Редактор!

В № 3 Вашей уважаемой газеты напечатано, что я занимался гитлеровской и антисоветской пропагандой. Разрешите сим заявить, все сие не соответствует действительности: за 25 лет литературной в эмиграции работы я ни ЕДИНЫМ СЛОВОМ не обмолвился о Гитлере и гитлеризме по той простой причине, что я ничего не понимаю в политике; за 25 этих же лет я едва ли написал 25 СТРОК о большевизме по этой же причине.

В Объединении Русских Писателей и Артистов, насчитывающем более 500 членов, я вывесил плакат, раз навсегда воспрещающий какие бы то ни было разговоры, кроме строго профессиональных.

Такой авторитетный орган, как Всесоюзная Коммунистическая Академия, в своем докладе об эмигрантской литературе констатировал, что у меня, например, в «постоянных штатаниях» «обнаруживается стремление в сторону Советской России»: цитирую по перепечатке из газеты «Дни».

В другое время, менее сложное и тревожное, я не обратил бы внимания на Ваш ни на чем не основанный вывод, явно построенный на недоразумении, но в текущий момент, когда и бык ревет, и корова ревет, и сам чорт не разберет, кто кого дерет, — я покорнейше прошу напечатать эти строки и во имя справедливости, на основании французских законов о печати.

Председатель Объединения Русских Писателей и Артистов во Франции
И. Сургучёв.

Париж.

14 ноября 1944 г.

Письмо обнаружено в архиве Колумбийского университета (США). Впервые обнародовано профессором А. А. Фокиным в книге «Европейские силуэты» (2017).

В 1945 году против И. Сургучёва даже затеяли судебный процесс, но парижский суд не нашел в его публицистической деятельности, в его «Парижском дневнике» ничего предосудительного, и писатель был оправдан.

Вместо необоснованных обвинений И. Сургучёва в коллаборационизме сегодня стали выходить взвешенные, аргументированные исследования, рассказывающие о действительном положении вещей, когда писатель оказался в оккупированном немцами Париже. Французы, правда, это поняли раньше: в 1949 году они прекратили суды над своими коллаборационистами. Генерал Шарль Де Голль решил, что хватит делить страну на героев и предателей: единство нации для него было важнее. С 1953 года во Франции никогда не упоминают об этой странице истории: запрещено законом, и французы простили французов. А русские?

Некогда угасшая слава стала возвращаться к И. Сургучёву в 80-х годах XX столетия. В 1981 году, к 100-летию со дня рождения писателя, Ставропольское книжное издательство планировало издать одну из лучших его повестей о Ставрополе — «Губернатор». По не зависящим от издательства обстоятельствам книга увидела свет в 1983 году. Выход книги забытого XX веком писателя не остался незамеченным. В 1987 году московское издательство «Современник» издало книгу «Губернатор», в которую вошли известная повесть, прочитанная и одобренная М. Горьким, и несколько рассказов пи-

сателя. С тех пор многое сделано для возвращения памяти о родном сыне Ставрополя. В 1992—1997 годах популярные российские журналы «Бежин луг», «Роман-газета», «Слово», «Московский журнал», «Наука и жизнь», «Воспитание школьника» один за другим печатали повесть И. Сургучёва «Детство Императора Николая II». Полюбившаяся читателям повесть о мальчишеской судьбе Владимира Оллонгрена и о его матери Александре Петровне Оллонгрэн — учительнице детей Александра III — выходила в России не один раз и отдельным изданием, а в 2008 году в Санкт-Петербурге напечатана книга «Царская дружба», в которую вошли повесть И. Сургучёва «Детство Императора Николая II», исследование А. В. Дьяковой «Царская дружба» — о судьбах героев книги И. Д. Сургучёва «Детство Императора Николая II», очерк внучки писателя Т. Н. Ильинской «Что в имени тебе моем?». Я помню наши теплые встречи с Татьяной Николаевной и разговоры про ее талантливого деда, про его несладкую жизнь за границей. Душа писателя никогда не расставалась с Россией.

На страницах ставропольских изданий, в частности в альманахе «Литературное Ставрополье», увидели свет повести «Черная тетрадь», «Мельница», «Ночь», известные ранее лишь зарубежному читателю. В альманахе напечатаны неизвестные широкому читателю рассказы Сургучёва. В сборниках «Сургучёвские чтения» опубликованы повести «Из дневника гимназиста», «Черная тетрадь», рассказы «Трешница», «Письмо», «Бред», «Северный Кавказ», «Письмо Периколы», «Мессина», «Студенческие годы». В альманахе «Ставропольский хронограф» печатались рассказы «Китеж», «Дядя Митя». В 2007 году издан библиографический указатель «„Живописец души...“: Русский писатель и драматург И. Д. Сургучёв», подготовленный к печати Ставропольским государственным университетом и Ставропольской краевой универсальной научной библиотекой имени М. Ю. Лермонтова.

С 2006 года, в течение последних одиннадцати лет, в Ставрополе ежегодно в день рождения писателя, 28 февраля, проходят «Сургучёвские чтения», которые приобрели широчайшую известность в исторической, литературоведческой, библиотековедческой и краеведческой среде России. За эти годы опубликовано, не побоюсь этого слова, огромное количество исследовательских работ о жизни и творчестве И. Д. Сургучёва, читателям возвращена наиболее ценная часть его литературного наследия. В 2017 году опубликованы первые четыре тома из собрания сочинений писателя. В ноябре 2017 года в городе Владимире состоялась премьера спектакля по повести И. Сургучёва «Черная тетрадь», которая стала событием в театральной жизни России.

В 2018 году Россия отметит 120-летие начала литературной деятельности писателя И. Сургучёва, 120-летие первой публикации первых произведений писателя — рассказов «Трешница», «Независимая жизнь», «Неудавшаяся жизнь», «Пятнадцать клеветов» и повести «Из дневника гимназиста».

Российские читатели по достоинству оценивают проделанную работу по возвращению в литературный, литературоведческий, исторический и научный оборот имени русского писателя, первоклассного мастера языка и стиля Ильи Дмитриевича Сургучёва, его творческого наследия. Издание книги «Европейские силуэты» — еще одно подтверждение всепрощающей любви к Илье Дмитриевичу Сургучёву, дань памяти таланту. Его жизнь, как заметил автор послесловия доктор филологических наук А. А. Фокин, — это «ежедневная прогулка к великой Триумфальной арке, превратившаяся в великое триумфальное шествие». Это шествие продолжается и в книге «Европейские силуэты», подготовленной составителями согласно последней воле Ильи Дмитриевича Сургучёва.

Николай БЛОХИН

НЕВА 10'2018

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН АЛЕКСАНДРЫ ПЕТРОГРАДСКОЙ

**Александра Петроградская. Великий Атала. Царь Атлантиды: Роман.
М.: Вест-Консалтинг, 2018.**

Мой интерес к роману Александры Петроградской был подогрет нешуточным любопытством к личности фараона Эхнатона. Ведь это была первая попытка монотеизма в истории человечества! Если мы посмотрим на этот аспект шире, нельзя исключать, что великий Моисей просто «экспортировал» из Египта идею единобожия, предложенную Эхнатомом. Во всяком случае, именно такую гипотезу выдвинул в своем скандальном очерке Зигмунд Фрейд. Красота Нефертити, супруги Эхнатона, оставшаяся в веках, тоже немало способствует интересу публики к этой эпохе.

Александра Петроградская — кавалер медали имени Леонардо, которая вручается за разносторонность в творчестве. Именно это качество помогло ей справиться с колоссальной задачей — создать интегральный роман-эпопею. «Великий Атала» — это роман-реинкарнация. Человек — возможно, лучший проект Бога. В романе автор выстраивает величественную космогонию происхождения мира и природы вещей. Бог-отец, бог-сын и бог-внук. Отец — это тот, кто создал этот космос. Как это ни покажется парадоксальным, в религии древних атлантов уже просвечивает христианство. Нет ничего нового на земле: все было, было, было. На мой взгляд, настоящим открытием Александры Петроградской является идея «парной» реинкарнации. Муж и жена, живущие как одно целое, возрождаются к новой жизни в любви и снова находят друг друга для продолжения своей миссии. «Атала» — это факсимильные скрижали писательницы, позаимствованные у вечности. «Фениксовость» любви и вечное возвращение добра и не дают, на мой взгляд, мировому злу одержать победу в метаистории.

Атланты Александры Петроградской постоянно помнят о своем высоком предназначении. Они, по меткому выражению барда и океанолога Александра Городницкого, «держат небо». «Это как Сотворение мира заново. Интерпретация сакрального знания в новой среде требует колоссальной энергии», — признается автор этого удивительного романа. «Аталу» Петроградской можно поставить в один ряд с «Хрониками Нарнии» Клайва Льюиса, «Хрониками Амбера» Роджера Желязны и даже «Властелином Колец» Толкиена. Я никоим образом не сравниваю сами произведения. Однако все эти романы, на мой взгляд, объединяет жанр. Это фэнтези, мистический роман. Но если в вышеупомянутых хрониках целью является победа добра над злом, то у Петроградской это — создание нового человека. «Главная цель плавания в лабиринте времени — сердце. Оно должно стать солнечным, золотым», — говорит Александра. Повествование ведется попеременно, то от имени рассказчика, в третьем лице, то от имени Гааллы, то от имени Тийи и других персонажей романа, «из гуши событий». Автор почти идентифицирует себя с любимыми женскими персонажами. Слог Александры Петроградской плавлен, величествен и прекрасен. У нее есть несомненный дар романиста. В «Атале» экранирует философия «лучистого человечества», рассказанная Циолковским физика Чижевскому. Александра поднимает в своем романе глубочайшие и вечные темы. Она успела подумать о многом. Роман «Великий Атала. Царь Атлантиды» способен стать событием в русской литературе.

Большой знаток человеческих душ поэт и философ Константин Кедров назвал Александру Петроградскую Посвященной. Несомненно, непосвященным замыслы подобных книг не подвластны. Космические путешествия атлантов из далеких созвездий на

Землю и гибель Атлантиды, напомнившие мне гибель Содома и Гоморры, служат только увертюрой к увлекательному повествованию о Египте времен Эхнатона и Нефертити.

Книга Петроградской высоко духовна, она требует от читателя полного погружения. Огромный шестисотстраничный том прекрасно «выписан» изнутри. Пуантилистической плотности и насыщенности повествования, наверное, мог бы позавидовать сам Флобер. Вот, например, земляне встречают пришельцев-богов «торжественным испугом». Прекрасно сказано! Несомненно, читателя держит в тонусе не только сам сюжет, но и в огромной степени язык романа. Само чтение этого произведения требует от читателя внутренней чистоты. Нечто подобное я испытал, слушая музыку Палестрины. Пока ты отягощен суетой, ты словно бы не можешь «войти» в эту музыку. Конечно, важно еще войти в дух той далекой эпохи. «Легенды и мифы — достоверны, — убеждает нас Александра Петроградская, — а боги, которые в них фигурируют, — это великие люди золотого века, получившие со временем статус богов». Таковы Атала и Гаалла.

«Атала» Петроградской — очень умная книга. Автор ставит в ней глубокие вопросы, связанные с духовной практикой человека. Знания — дают ли они силу? Или, наоборот, лучше двигаться к своей цели вслепую, доверяясь энергии постижения? Которая из истин лучше руководит человеком — полученная по наследству в виде готового знания или добытая самостоятельно? Культура аккумулирует знания человечества, но при этом «бальзамирует» их, сковывает новых авторов славой великих предшественников. В романе Петроградской есть любопытный эпизод, когда наследнику престола приносят рукопись поэмы Аталы. Но пантера Баст выхватывает рукопись и разрывает ее в клочья, а посвященные — Амен и его мать Тийя — спокойно и добродушно на это смотрят. Можно ли сегодня представить, чтобы мы спокойно взирали на уничтожение, скажем, неизвестной рукописи Пушкина?

В романе существует вариативность имен главного героя. То он Атала, то он Амен, то — Эхнатон. Но в этом есть и сокровенный замысел автора. Великий Сфинкс, Человеко-Лев, меняет свои имена, однако сохраняет сущность, характер своей энергии. Есть священная вертикаль духа: Ата — Атала — Атон. Есть двойной лик богочеловека «инь-ян», присутствующий в обложке романа Александры Петроградской.

Сердце Эхнатона становится, по меткому выражению Достоевского, «полем битвы». Дух — или золотой телец? Множество подробностей быта фараона и его окружения погружают нас в ту далекую эпоху. «Великий Атала», подобно «Саламбо» Флобера, еще и роман исторический. Не забудем: Александра Петроградская — больше чем писатель. Она еще и профессиональный художник. И она, конечно же, на сто процентов использует свои сильные стороны в романе. И роман от этого только выигрывает. Великая жертвенность создает лучшие миры! Петроградская легко передвигает тектонические плиты истории. У главного героя романа — «сердце размером со Вселенную», ведь главное для атлантов — «качество собранного ими света». «Великий Атала» производит очищающее воздействие на читателей. Прикоснувшийся к эзотерике Александры неизбежно возвращается к самому себе, задавая вечные вопросы: «Кто я? Зачем я? Откуда и куда иду?» В заключение мне хотелось бы поблагодарить автора за то, что в наш меркантильный и мелочный век она не побоялась обратить нас к вещам вечным и сакральным.

Александр КАРПЕНКО

Олег Басилашвили. Палата № 26. Больничная история. СПб.: Общественная организация «Санкт-Петербургская ассоциация содействия культуре», 2018. — 240 с.

В больнице, в отдельной палате, где не работает телевизор и отключен мобильный телефон, а тишину нарушает только мерный звук от капельницы, всплывают воспоминания: о детстве, о родителях, о работе в театре и кино, на радио и телевидении, о блистательных друзьях и о политике. Олег Басилашвили, артист, известный в нашей стране, наверно, каждому, размышляет о том, какими мы были до перестройки. «Да, видел, ощущал нелепость и лживость власти, да, возмущался... Но — не более... На кухне, за водочкой. Да, слышал я о каких-то «психушках», о диссидентах, о тюрьмах — но уходил в сторону: прочь все это — все, что будоражит совесть, что мешает жить...Идет война в Афгане — гибнут ребята, ну а что я, собственно, могу поделать?! Ничего...» А когда повеяло духом свободы — перестройка, гласность, — пришло осознание: так жить нельзя, надо что-то предпринимать, менять наши экономическую и политическую системы. И когда Лавров (худрук БДТ имени М. Горького), «блестя зеркальным взглядом, предложил мне баллотироваться в депутаты съезда народных депутатов РСФСР, я, не колеблясь, согласился». Чаще всего в своих мыслях автор, яркая фигура в демократическом движении России перестроечных лет, обращается к самому бурному периоду своей жизни — депутатской работе. Заседания Первого съезда народных депутатов РСФСР, выбор председателя Верховного Совета. Свои надежды на возрождение России демократы связывали с Ельциным. «Нет у нас равнозначного Ельцину другого лидера! Не будет Ельцина — будет стоять во главе коммунист, покатаемся назад, в советское прошлое: к репрессиям, дефициту повсеместному, запретам, к демагогии!..» Памятный митинг на Манежной площади под лозунгами «За начало реформ» или «Горбачева — в отставку!». «И человек двадцать нас, демократов, выходит через Спасские ворота на Красную площадь, чтоб пройти на Манежную, где гудит многотысячная толпа. ...Помню: Кучеренко, Куркова, Молоствов, Немцов, Дмитриев, еще человек пятнадцать... Степашин... И вот — мы идем по Горького, ныне Тверской, крепко сцепившись руками. За нами — больше шестидесяти тысяч с флагами, лозунгами... Толпы на тротуарах: „Ель-цин! Ель-цин!“» В кипучих страстях вносились в конституцию строки о частной собственности, принимался закон о культуре, решался вопрос о финансировании культуры из бюджета. Хитроумные методы, которые использовали демократы, чтобы отстоять свою точку зрения, показаны в ярких сценках, в диалогах, в репликах. Эта книга — не мемуары, нет последовательности в воспоминаниях, они возникают спонтанно, под воздействием и внешних «раздражителей»: пациентов и персонала больницы, дающих свои нелюбимые оценки итогам реформаторских начинаний 90-х годов. «— Скажите, Петр Сергеевич, вот у вас своя ферма, автомобиль, торгуете. Ну что, а могли бы вы при советской власти купить такое, иметь ферму, торговать? — Да на хрен мне было торговать-то? У меня в армии зарплата, знаете, какая была? О-го-го! На хрен мне было тогда канавы-то копать! Моя работа — полком командовать да врагов этих ловить. На хрен мне эти свиньи!» Мысли автора постоянно возвращаются к одному и тому же: почему благие цели демократов — сделать так, чтобы люди жили лучше, — потерпели крах? Некомпетентность депутатов? Ошибочные решения реформаторов? Яростное сопро-

тивление коммунистов реформам? Своему демократическому выбору Басилашвили верен и сегодня: синюю птицу реформ Гайдара погубили те, кого народ оторвал от партийной кормушки. Гайдар не успел. Неразрешимым для Басилашвили, участвовавшим в разработке закона о культуре, остается противоречие: провозглашенная первыми депутатами молодой России свобода творчества и то, во что она обернулась. Толчок к размышлениям дает телевизор в больничной столовой: на экране то «Смехопанорама», то «какие-то голые тетки с венниками бегают, повизгивают! А кто-то бородатый, в камуфляже военном, сидя на серой лошади, поливает их шампанским из бутылки... На первом плане — карлик какой-то». «Три сестры» Чехова. Запрещать? Но как часто на корню уничтожали любую яркую форму. Мейерхольда, например. «А вот если говорить откровенно, все эти оригинальные концепции — это есть наглая попытка прикрыть отсутствие собственного профессионализма, неумение и нежелание работать с актером и, самое главное, зачастую — отсутствие таланта». Это мастерски написанная книга, композиционно выстроенная: яркие сценки и диалоги перемежаются с размышлениями, в ней есть место юмору, лирике, емким портретам бесконечно далеких от алчности близких людей актера, в окружении которых шла его частная жизнь. По словам филолога Б. Аверина, редактора книги: «В ней события личной жизни автора тесно переплетены с событиями историческими, ведь он был в центре происходящих изменений в стране. Картина меняющегося мира описана в „Палате № 26“ настолько живо, остроумно, интересно и таким ярким языком, что читается книга как увлекательный роман. Это настоящая литература».

Сергей Мамаев. Поиски вчерашнего дня. Истоки настоящего.

М.: Перо, 2018. — 472 с.: ил.

Сергей Мамаев говорит, что его книга — о памяти земли, о памяти людской, о тех, кто не дает земле, на которой мы живем, зарости травой забвения. Уроженец села Рождествено Истринского района Московской области (до революции — Звенигородского уезда), С. Мамаев давно изучает историю своего края. В этой книге он рассказывает о родном селе, известном с 1431 года, а в конце XVIII века подаренном Павлом I графу Кутайсову; о соседних селах и городах; о погибших деревнях, зданиях, церквях. Он утверждает, что «душа храма не исчезает, разрушены лишь камни», ведь издавна по церковным канонам место, на котором строился храм, освещалось еще до закладки первого камня. Герои его книги — люди известные и те, кто редко попадают в учебники истории. Среди них и бывшие владельцы истринских земель, и известные на всю Россию суконщики Цуриковы и Поповы, хозяева фабрики в селе Ивановское — устроители церкви, учебных заведений, больниц. Основатель фабрики П. Цуриков, родившись в семье крепостных крестьян, закончил жизнь потомственным дворянином. Автор пытается восстановить свою родословную, родословную семьи Мамаевых — Бусуриных. Основная же сюжетная нить — семейная история рода Кураевых. Интерес к этой истории вызвала необычная находка: в селе Ивановское автор вместе с ребятами из православной школы обнаружил старинное надгробие Никандра Акимовича Кураева — служащего Ивановской суконной фабрики. На мраморном надгробии удалось прочитать надпись: «Трудолюбивому и просвещенному служащему благодарная администрация фабрики». В Интернете по запросу на редкое имя все ссылки отправляли к документальной повести под названием «Жребий № 241», в основу которой легли письма к невесте врача казачьего полка, охранявшего забайкальскую железную дорогу во время Русско-японской войны 1904–1905 годов. Врача звали Николай Ни-

кандрович Кураев, автора повести, напечатавшего письма своего деда к бабушке, — Михаил Николаевич Кураев. О найденном надгробии С. Мамаев сообщил писателю. С того момента сложился творческий союз писателя из Петербурга и истринского краеведа, уже издавшего не одну книгу. Архивные материалы, выявленные краеведом, дополнились семейными преданиями. Эта книга похожа на лабиринт, где перекрещиваются судьбы людей разных поколений, связываются времена и отдаленные друг от друга территории. Истра, Курская губерния, Тарту, Томск, Игарка, Туркестан, Забайкалье... Ответвлениями сюжета стали биографии косвенно или напрямую соприкасавшихся с семейством Кураевых людей. Так, в начале 80-х годов XIX века часто бывал в Воскресенске (ныне город Истра) А. Чехов, где в школе служил его родной брат. Рассказано о судьбе основоположника российской нейрохирургии Н. Бурденко, поступившего на первый курс медицинского факультета Томского университета в 1897 году, в год, когда из этого университета на учебу в Харьков перевелся Н. Н. Кураев. Отдельный сюжет посвящен В. Ф. Войно-Ясенецкому — доктору медицины, профессору, архиепископу Луке, причисленному ныне к лику святых. Рядом с ним в городе Фатеж Курской губернии начинал свою врачебную деятельность выпускник Харьковского университета Н. Кураев, а его жена стала крестной первенца будущего святителя Луки. Перекликаются судьбы писателя В. Астафьева и деда автора, А. Мамаева: детство обоих прошло в Игарке. Большинство глав посвящено роду Кураевых. Никандр Акимович четверть века служил на суконной фабрике, его сын всю жизнь лечил людей, внук — более сорока лет отдал энергетике. Достоинно продолжили род и правнуки. Старший, Сергей, тридцать лет строил сооружения защиты города на Неве от наводнений. Михаил Кураев — известный писатель и сценарист. В книге много не только биографических ответвлений, но и экскурсов в прошлое: дореволюционный быт провинциальных городков; история Ивановской «красавицы фабрики», славившейся своей продукцией: «Столь дешевое сукно при том же качестве не мог сделать никто ни в России, ни за границей». Сыновья Никандра Акимовича обучались в Вифанской духовной семинарии, а значит, неизбежен очерк и о семинарии, и об ее учениках. Поводом для экскурсии в историю студенческих волнений конца XIX века стало отчисление одного из братьев, Сергея, из Тартуского университета за участие в беспорядках. В судьбах героев книги отразилась вся сложная история нашей страны. Время мирного, дореволюционного созидания и последовавшие трагические разломы: революции, репрессии, войны. В разгар Гражданской войны семья врача Кураева оказалась в Фатеже, переходящем из рук в руки: червонные казаки, белогвардейцы, красные. В 1937 году был арестован последний настоятель храма Рождества Христова в Рождестве, свой мученический путь он проходил в 1930-х годах на строительстве Байкало-Амурской дороги. Неизвестному БАМу, Байкало-Амурскому лагерю, Бамлагу, посвящена отдельная глава. Дополняют книгу маньчжурские, написанные уже с фронта письма Николая Никадровича, не вошедшие в повесть «Жребий № 241». Не прерываются нити, связывающие прошлое и настоящее. С. Мамаев, выпускник Московского авиационного института, стал писателем, руководит школьным музеем в рождественской православной школе «Рождество». В свои исследования, призванные устранить наше «историческое сиротство», активно вовлекает учеников. Не прерываются и связи писателя М. Кураева со школой. Для учеников школы потомки рода Кураевых учредили именную стипендию с девизом: «Трудолюбивому и просвещенному». Церемонии вручения Большой Кураевской премии, на которых бывает писатель, стали органичной частью рождественского праздника. О дне сегодняшнем православной школы подробно рассказано в книге. В издание вошло свыше 400 иллюстраций: дореволюционные фотографии, документы, рисунки. Каждая из фотографий — окно в прошлое.

Эдуард Лимонов. Седого графа сын побочный: биографический роман.

СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2018. — 192 с.: ил.

Эпатажный писатель Эдуард Лимонов решил разобраться в собственной родословной. Что ж, ситуация типичная: советские люди, как правило, люди без родословной: родители скрывали свое происхождение, опасаясь репрессий из-за «неправильной» сословной принадлежности, надеялись, что детям так будет легче вписаться в новую действительность. Были загадки и в семье Савенко — это подлинная фамилия писателя, взявшего псевдоним Лимонов. Оборванная фотография, где его молодая бабка, а рядом — только плечо военного и кусок тульи. На обороте тщательно срезанная надпись. Таинственные слова бабки, произнесенные лишь однажды: «прадед твой был кавалерийский офицер, осетин-сотник. ...Начальник личной охраны генерал-лейтенанта Звегинцева». Отец, Вениамин Иванович Савенко (1918—2004), который почти тридцать лет отдал армии, но, человек умный, толковый, любимый солдатами, карьеры так и не сделал. Да и вообще не «вписывался» в Красную армию: неуместный в Красной армии уход за ногтями, повышенная чистоплотность, природная деликатность. «Я просто хочу знать для себя, кто был мой дед Иван Иванович. Если окажется, что он был белогвардеец, то это обстоятельство объяснит, почему мой отец, человек и умный, и талантливый, не поднялся в армии выше капитана», — решил писатель и, разочаровавшись в своей текущей политической деятельности, в августе 2015 года отправился в городок Бобров Воронежской области, где в 1918 году родился его отец. Чтобы выйти на своих предков, он погрузился в архивные документы, в воспоминания, обратился к Википедии. И постепенно вырисовались лица, возникли фамилии, он увидел эполеты, должности, вычислил принадлежность к аристократии Российской империи своего реального прадеда. Такие расследования всегда напоминают детектив, где подлинные документы перемежаются с авторскими умозаключениями. А документы свидетельствовали: в 17 лет дед, Иван Иванович Савенко, служил конторщиком имения Масловка, в 25 — волостным писарем, а в 1909—1913 годах был унтер-офицером 53-го Донского казачьего полка. А после 1917 года скрыл всё: и происхождение, и образование — и безжалостно вырезал свое изображение из групповых фотографий 53-го Донского казачьего полка. При советской власти стал работником Губпродкома, занимавшимся изъятием излишков хлеба у крестьянства, борьбой со спекуляцией, учетом населения, посевам, скота, распределением продуктов среди нуждающихся граждан. Но главная тайна спряталась в начале жизни деда. Его настоящим отцом оказался не солдат Савенко, а дворянин, тайный советник, генерал-лейтенант, губернатор Александр Иванович Звегинцев, согрешивший с бывшей дворовой девкой, солдаткой Варварой из уездного города Боброва, недалеко от имения Звегинцевых Масловка. Покладистый отставной солдат Савенко записал новорожденного (как и двух прижитых в его отсутствие детей Варвары) на свою фамилию. Подтверждения писатель находит в документах, в логике событий и даже в сходствах на фотографиях самого деда и его потомков со Звегинцевыми. В книге приводятся документы, справки, фотографии, данные о распространенности незаконнорожденных в крестьянской среде, чьими матерями были преимущественно солдатки, мужей которых на очень долгий срок государство забрало в армию. В главе, посвященной роду Звегинцевых, инкорпорированы куски подлинных воспоминаний Д. Звегинцева (1880—1967), участника Гражданской войны на юге России, находившегося в ставке Белой армии: лирические воспоминания о родовом гнезде Масловка, яркие зарисовки Киева в 1917 году, сосредоточенных там политических группировок, уничтожительная характеристика Врангеля. Заглядывая в прошлое, Э. Лимонов понял, откуда берет нача-

ло его детская страсть к ботанике и к путешествиям. Среди далеких предков оказался и А. Звегинцев, руководитель экспедиции в Северную Корею, экспедиции, инициированной Генеральным штабом России в канун Русско-японской войны. А. Звегинцев привез из Кореи не только военно-топографические карты экзотических мест, но и дикие цветы, среди прочих и «розу Звегинцева». Среди предков Э. Лимонова оказались: тайный советник, губернаторы, фрейлины Ее Императорского Величества, кавалергарды, осетин, служивший казацким сотником, и простые дворовые люди, крестьяне. Две его, условно говоря, «бабки» по отцовской линии, Елена и Надежда, были сестрами милосердия, и если Елена погибла в 1905 году от тифа в Харбине до революции, то Надежда — в 1920 году в белогвардейском отряде от красноармейской пули в живот. Но главное, «в процессе поиска настоящих родителей моего незаконнорожденного деда, я нашел нашу, мою Россию, страну жесткую, грубую, романтическую и страстную». А еще он пишет: «Пожил я до семидесяти с лишним лет с моей версией семьи, считал себя дворянкой и в соответствии с моим будто бы дворовым происхождением и поступал в жизни. В соответствии с ним заводил дружбы и устраивался с симпатиями и антипатиями». А как сложилась бы его судьба, если бы он с детства ощущал свою принадлежность к роду, существовавшему еще в допетровские времена? А как сложились бы судьбы многих из живущих в России, если бы они знали свои подлинные родословные?

Елена Первушина. Литературные герои на улицах Петербурга. Дома, события, адреса персонажей из любимых произведений русских писателей. М.: Центрполиграф, 2017. — 478 с.

В начале XVIII века молодой город на Неве, маленький, неудобный, редко упоминался в произведениях литераторов-современников. Одним из первых поэтов, в чьих стихах появляется образ новой столицы, стал сын молдавского господаря Антиох Кантемир, родившийся в Константинополе и переселившийся вместе с семьей в Россию в 1711 году. В своей поэме «Петрида, или Описание стихотворное смерти Петра Великого, Императора Всероссийского» он дал панораму любимого детища Петра: «Над бреги реки всходят искусством ирелавным / Дома так, что хоть нов град, ничем худши давным». Но о себе как будущей культурной столице город заявил сразу: одним из поразительных «европейских новшеств», заведенных здесь, стал театр. «Комедийную хоромину» для всех «прилично одетых людей», то есть дворянской публики, устроила цесаревна Наталья Алексеевна, приехавшая в Петербург в 1708 году. Если ее с некоторыми оговорками можно назвать первой петербургской писательницей, то первым писателем — уроженца Киева Феофана Прокоповича. На петербургской сцене благодаря трудам Сумарокова русский зритель впервые увидел персонажей своей истории, трагедию Шекспира «Гамлет». Правда, трагедия приобрела счастливый конец — работая над пьесой Шекспира, Сумароков пользовался французским прозаическим переводом, сам вносил в пьесу некоторые изменения. В конце XVIII века литературная жизнь в Петербурге, да и по всей России, начинает бить ключом. Среди ее участников была и сама Екатерина II. Первым петербургским поэтам и писателям и посвящена первая глава книги: «Город-просветитель». Петербург, будучи столицей Российской империи, не раз становился местом действия русских произведений XVIII, XIX и начала XX века. О нем как о полноправном герое русской литературы и повествует Елена Первушина. Она рассказывает о том, где жили, бывали герои произведений русских писателей и сами авторы: конкретные адреса, улицы, здания. У каждой местности, у каждого дома — сохранившегося или нет — своя история, подробно изложенная Е. Пер-

вушиной. Ведет автор и расследования. Например, где находился тот Гостиный двор, о котором идет речь в комической опере М. Матинского «С.-Петербургский Гостиный двор» (1782 год)? Ведь в Петербурге XVIII века их было несколько. Но эта книга не стандартный путеводитель. Автора интересует, каким видели Петербург герои произведений и авторы этих произведений, как с ходом лет менялся облик Петербурга, его обитатели и их повседневная жизнь, а соответственно и образ Петербурга в литературе, и сюжеты романов и повестей. Е. Первушина следует по маршрутам литературных героев, воссоздавая прошлое бытие знакомых нам улиц и площадей. Петербург многолик. Иногда два разных Петербурга могут сосуществовать вместе, как «город-обличитель» Радищева и «город-сибарит» его современника Державина, как пушкинский «город пышный, город бедный» и «город-оборотень» Гоголя. Конечно, присутствуют в этой книге и Петербург Лермонтова, и Петербург Достоевского, и Петербург Блока. Герои книг зависимы от своих создателей: авторы описывали знакомые им улицы и уголки Петербурга, окрестные дачи, прототипами персонажей становились реальные люди, в основу сюжетов ложились реальные события. И Е. Первушина обращается к биографиям писателей, обнаруживая в них то, что легло в основу того или иного романа, той или иной повести. Она рассказывает, кто явился прототипом Акакия Акакиевича, чей призрак до сих пор является у Калинкина моста; о ресторанах и театрах, которые посещал Пушкин, а вместе с ним и Онегин; о том, как проходили маскарады у Энгельгардта. На одном из таких маскарадов завязалась история искренней любви, которую губит клевета: сюжет «Отелло», перенесенный Лермонтовым в светский Петербург. В книгу включены не только фрагменты из произведений писателей, но и отрывки из старинных путеводителей, и воспоминания современников авторов. Встречаются параллели, так яркое описание Сенной площади, Сенного рынка, не существующей ныне церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы дал не только Достоевский, но и его современник, писатель В. Крестовский. В книге рассказано не только о произведениях, ставших хрестоматийными, но и о малоизвестных. Среди последних — небольшая, но очень смешная, полная остроумных «шпилек» пьеса Екатерины II «Чесменский дворец»; повесть В. Попугаева «Аптекарский остров, или Бедствия любви» — одно из многочисленных подражаний «Бедной Лизе» Карамзина, незаконченные произведения Пушкина. Не академическим слогом, живо, ярко Е. Первушина воссоздает историю становления современного русского языка под воздействием меняющихся реалий; историю русской литературы от начала XVIII века до начала XX века: переходы от классицизма к сентиментализму, романтизму и далее. Пересказом легенд о городе, возникшем на болотах, городе, которому не раз предвещали скорый конец, начинается свою книгу Е. Первушина. Заканчивает рассказом о стихах Блока, проникнутых магией петербургских окраин, где живет «Петербург тайный, вырастающий из „чухонского болота“, в котором бурлят подземные течения, таинственные силы природы, о которых так часто забываешь на проспектах и площадях большого города».

Дмитрий Мадуров. Серебряная Булгария. Основные вехи истории.

СПб.: Алетей, 2018. — 260 с.: ил.

Фактически мы сегодня знаем лишь историю русских княжеств, сильно мифологизированную поздними переписчиками, и не представляем их рубежей и того, что находилось в то время за этими границами, считает историк, культуролог Дмитрий Мадуров. А там, за пределами русских княжеств, в средневековье проживало множество народов, находилось значительное число городов и государственных образова-

ний. И одно из них — все еще таинственная так называемая «Волжская Булгария», чьи границы до сих пор неизвестны, как неизвестны и национальный состав этого государства, и история народов, его населявших. Истории этого государства со времени его возникновения до последней крупной победы над монголо-татарами в 1332 году и посвящена эта книга. Погружение в бушующий мир древности, в IX—XIII века. Движение народов на восточноевропейской части современной России, судьбы древних государств и народов. Хазары, болгары черные и белые, аскиль, сувары и барсилы, византийцы, русы-норманны. И ныне исчезнувший, довольно заметный в средневековье народ буртасы. Столкновения интересов, набеги, войны, политические интриги. И много вопросов, ответы на которые ищет автор. Насколько корректно название «Волжская Булгария»? Или все-таки это «Серебряная Булгария», многоэтническое, многонациональное государство Нухрат Палхар, границы которого отнюдь не совпадают с территорией современной Республики Татарстан? Кого понимают источники X века под термином «руссы»? И кто такие болгары? Откуда пришли огурские племена, основатели государства Нухрат Палхар, какие народы их составляли? В своих преданиях с народом сувар и болгар и государством Нухрат Палхар отождествляют себя чуваша. Автор обнаруживает генеалогическую связь болгарского и чувашского языков, чувашский язык — единственный живой язык, родственник болгарскому и хазарскому, что поверяется и топонимами. В «Записках» Ибн-Фалдана, одного из немногих арабских путешественников, лично посетивших Волжскую Булгарию (921—922), автор находит параллели в обрядах болгар и современных чувашей. Хотя Д. Мадуров убежден, что отдельные параллели найдутся и у других народов, входивших в болгарское государство: общее государство — общекультурное влияние. Сегодня практически любой памятник XI—XII веков в Волго-Окском междуречье трактуется как славянский. Но так ли это? Кто основал города Гороховец и Городец Радилев? Славяне или все-таки болгары? Разобраться в этом вопросе помогает реконструкция событий зимней кампании 1172—1173 годов: похода воеводы Бориса Жидиславича в Булгарию. Неизвестным и известным, масштабным и локальным битвам посвящено немало страниц. Это и походы Святослава в 963—964 годах, в войско которого входили норманны, скандинавы-руссы, игравшие заметную роль на подвластных хазарам территориях: задачей Святослава было открыть Волго-Донской волок для проникновения варяжских судов в Волгу и Каспий. Это и конец Хазарского каганата, внутренние и внешние причины развала и его последствия для подвластных каганату народов и его соседей. Это и походы русских князей во главе русско-половецкого войска на Волжскую Булгарию: к «Великому городу», столице серебряных болгар (1184), в районы рек Оки, Мокши и Костромы на рубеже XII—XIII веков. И, конечно, вторжение монгольской армии в Восточную Европу. Через десять лет, после краха на Калке в 1223 году самого крупного в истории объединения русско-половецкого войска, весной 1232 года болгары сумели остановить монголов, но ненадолго. Под натиском монголов болгарское государство погибло, а вместе с ним и его города, библиотеки, мастера, ученые и поэты. Распутывая сложные исторические узлы, Д. Мадуров обращается к сведениям всех ближайших современников описываемых событий, западноевропейским хроникам, русским летописям, чувашским преданиям, к топонимике. Разбирает противоречивые гипотезы историков. Указывает на стоящие перед исследователями проблемы: ошибки переписчиков, плоды политических конъюнктур в поздних списках, трудности в установлении дат и места действия. И ищет свои ответы. Сколько было Волг в древности? Средневековые источники путают или совмещают названия разных рек: под Волгой ранние летописи понимали и реку Мокшу. Где же произошла «битва на Калке» и каким был ход первого сражения русских и половцев с монголо-татарскими войсками? Решая географические ребусы, автор прокладывает маршруты воен-

ных походов, вычисляет расстояния между городами, возможное время прохождения войск, прибегает к старинным картам и трудам. Конечная цель автора — осознать исторический путь своего народа, чувшей, продемонстрировать его самобытность. Чем она, эта самобытность, ярче, тем цельнее и жизнеспособнее культура, тем интереснее народ и богаче культура России. В чем заключается богатство российской культуры? В ее многообразии и древности.

Наследие. Избранное. Т. 1. — СПб.: АО «СПВ», 2018. — 320 с.

К своему 290-летнему юбилею старейшая русская газета «Санкт-Петербургские ведомости» (выходит с 1798 года) подготовила читателям подарок: первый том из запланированной серии книг, получивший название в честь одноименной рубрики, повествующей об истории Петербурга, России и мира. Рубрика «Наследие» ведет свою историю с 1980 года, основал ее журналист и краевед Б. Метлицкий. В издание вошли лучшие публикации из рубрики «Наследие» за последние двадцать пять лет: статьи о знаковых событиях прошлых лет, малоизвестные факты из подлинной истории Петербурга и России, неизвестные эпизоды из жизни города на Неве. И рассказы о том, как, когда, при каких обстоятельствах появлялось то, к чему мы так привыкли в нашей повседневной жизни. Например, туристические агентства. «Турист — это англичанин, путешествующий вокруг света» — так трактовал это слово один из русских словарей в 1837 году. В России первым попечителем о путешествующих стал содержатель «благородного пансиона» В. Генш, в декабре 1777 года давший объявление, что он собирает группу молодых дворян для познавательной поездки по Европе. Состоялась ли поездка, неизвестно, но следующая информация об отечественных организаторах путешествий датируется 1862 годом. 4 декабря 1828 года Николай I подписал положение «Об учреждении в С.-Петербурге заведений для подаяния скорой помощи внезапно обмирающим и повреждаемым людям», в 1913 году «Скорая помощь» была оснащена первым автомобилем. Точно известен день рождения городской почты: 17 января 1833 года. С 1882 года петербуржцы разговаривают по телефону, опередили их только — на четыре года — американцы. Были в истории города и проекты неосуществленные, как, например, предложенная в феврале 1901 года инженером путей сообщения К. Кашкиным подвесная дорога между Петербургом и Москвой. Авторы статей, люди, петербуржцам известные: Сергей Глезеров, Наталия Гречук, Дмитрий Шерих. У каждого из них свой «конек». Ключевая тема публикаций С. Глезерова — история северных окрестностей, дачная жизнь Петербурга, городской быт начала XX века. Задача Д. Шериха — выйти за пределы традиционного для петербургского краеведения уклона в историю архитектуры. У Н. Гречук особый жанр: в основе ее рассказов лежат конкретные архивные снимки. Исторические фотографии, представленные в книге, широкая публика нередко впервые увидела на страницах газеты. На фотографиях — столичные дворники (появившиеся на Руси еще в XVI веке для «дворового оберегания»), швейцары, уличные разносчики, таксисты. Каждый снимок — повод для обстоятельного рассказа. Вот снимок: служащие конторы акционерного общества писчебумажных фабрик «Кюммене», один из них говорит по телефону, для автора это возможность поведать о работе Городского управления телефонной сети. Почему там работали только незамужние барышни? Еще недавно актуально звучала жалоба столетней давности: «Приходится по целым годам дожидаться очереди включения абонента в телефонную сеть, хотя оно должно последовать через две недели после поступления заявления». С появлением мобильных телефонов эта проблема сходит на нет. Вот еще снимок — Средний проспект Васильевского острова, на первом

этаже вывеска парикмахерской, снова повод: поговорить и о парикмахерах, и о секретах красоты наших прапрабабушек. Мелочи жизни, из которых складывается жизнь большого города, будни и праздники. Великое «истребление блинов», гастрономические удовольствия Масленицы, во время которой от блинного чада на черных лестницах чихали коты. А еще — балаганы, кулачные бои, снежные горки, катание на санях. Вербная неделя и вербные базары — на Конногвардейском бульваре, на Малой Коношенной улице, у Ямского рынка, у Гостиного двора. Сочельник, «зеленые святки» на Троицын день, первоапрельские розыгрыши, когда разыгрывали приближенных цари, разыгрывали и царей. Текущие бытовые проблемы: состояние мостовых, водопровода, скверов, люди-сэндвичи в начале 1910-х годов на улицах Петербурга. И очень знакомые проблемы: капризы природы — жара, обледенение тротуаров, обмеление Невы, наводнения, переименования улиц; телефонное хулиганство — сообщения о мнимых пожарах, вызовы врачей туда, где их никто не ждал; врачеватели от всевозможных болезней; швыряние стакана как думский аргумент. И главный дефект интеллигентного петербуржца начала XX века — животик. И рассказы о том, как справлялись с этими и другими проблемами (хулиганы, воришки, нищенство) наши предки. Есть что у них и позаимствовать. Например, необычный «конкурс на красоту домов» 1907 года, устроенный Городской управой. Победителями стали дома, принадлежавшие компании Зингер на Невском, художнице Е. Зарудной-Кавос — на Каменноостровском, 24а, архитектору Ф. Лидвалю — на Каменноостровском, 1—3, самой Городской управе — на Садовой, 57 и балерине Матильде Кшесинской — всем известный. Еще прекрасная традиция — «День древонасаждения», введенный Николаем II в 1898 году: в мае и сентябре питомцы учебных заведений не только столицы, но и других городов России высаживали деревья на улицах своих городов. Тексты в книге словно перекидывают мостик между прошлым и настоящим, призывая ценить наше наследие.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

НА ИОРДАН

Часть 1

Предисловие

Широко раскинулась Иорданская пустыня, от Иудейских гор на западе и до Моавитских на востоке. С севера на юг пустыню пересекает Иордан, священная река, столь близкая христианскому сердцу. Русские паломники, направлявшиеся ко Святой Земле, еще на долгом и нелегком пути могли почерпнуть сведения об Иордане. Вот что сообщалось в «Путеводителе по святым местам града Иерусалима» (Одесса, 1908): «Поистине велико и многозначительно имя этой священной реки! Каждый христианин знает ее с детства. Но величие ее не в многоводии или судоходстве, значение ее не в торговом или промышленном отношении — незабвенно памятен Иордан по тем религиозным и священо-историческим воспоминаниям, какие связаны с именем этой реки у каждого христианина. Над этой рекой воссиял впервые тот божественный свет христианского учения, которое просветило мир, возродило человечество. С именем этой реки связано начало христианства. Вот почему и христианские паломники, посещающие наиболее близкие и дорогие христианскому сердцу палестинские святыни, не проходят мимо этой священной реки, не упускают случая и возможности окунуться в священных струях Иордана, в коих Господь омыл грехи человечества»¹.

Известный в свое время писатель-паломник Евгений Марков побывал на Иордане в 1885 году. На страницах своей книги он подробно изложил свои впечатления об увиденном. Но в самом начале своего повествования он в сжатом виде пишет о тех событиях, которые происходили на берегах этой реки.

Здесь, среди вепрей и львов иорданской чащи, постился родоначальник христианского пустынножительства Предтеча Христов Иоанн; здесь громил он своими грозными обличениями «порождения ехиднины», и здесь же разверзшееся небо свидетельствовало людям о возлюбленном Сыне Божием, принявшим крещение водой и духом из рук Крестителя. Христос совершает свой сорокадневный пост и подвергается искушениям злого духа тоже здесь, на неприступных обрывах горы Сарандарской, у подножия которой расстилается Иорданская долина...

Первые христиане, ревнители и подражатели пустынного жития Иоанна Предтечи, стремились к берегам Иордана к пропастям, среди которых скитался и молился Спаситель мира, и основывали в звериных пещерах, над головокружительными

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 189.

безднами, свои одинокие кельи, монастыри и лавры, процветавшие потом целые века, делавшиеся рассадниками и хранителями христианского благочестия. Аввы: Харитоний, Евфимий, Феодосий, Савва, Зосима, Герасим и множество других высоких образцов иноческой жизни основали свои многолюдные обители сподвижников в ближайших окрестностях Иордана и даже прямо на берегах его... В VI веке долина Иордана и Мертвого моря с прилегающими к ним ущельями кишела монастырями, скитами, иноками и отшельниками, как улей пчелами².

С самых ранних времен богомольцы, притекавшие ко Иордану, в своих записках старались «определиться на местности» и выяснить — откуда берет начало священная река. Их сообщения порой грешат неточностями и довольно наивны. Вот что пишет, например, паломник Антонин из Плаценции (соврем. Пьяченца, Италия) (конец VI в.): «Проехав вдоль этого моря³ шесть или семь миль, мы прибыли в Капернаум, в дом блаженного Петра, который теперь базилика. Затем, пройдя через укрепленные местности, поселки и города, мы дошли до двух источников: *Иора* и *Дана*, которые соединяются вместе и зовутся *Иорданом*; он очень невелик при входе в море, протекает через морскую воду по всему протяжению моря и выходит на другом его берегу. Вернувшись назад, мы прошли к месту, где Иордан вытекает из моря»⁴.

Более подробное сообщение об Иордане содержится в «Хождении» англосаксонского паломника Зевульфа (1103 г.): «От Тивериады на день расстояния к северу лежит гора Ливанон из подошвы которой вытекает река Иордан в виде двух источников, из которых один называется Иором, а другой Даном; эти потоки по своем слиянии образуют весьма быструю реку, называемую Иорданом; он вытекает подле Кесареи — города четверовластника Филиппа; придя в область этого города, Иисус спросил учеников Своих, говоря: за кого люди почитают Сына человеческого? Как рассказывает Евангелие.

Река Иордан быстрым течением, начинающимся с самого истока, впадает в море Галилейское, с одной стороны, а с другой стороны сильным напором воды прокладывает себе русло, течет таким образом на расстоянии восьми дней пути и впадает в Мертвое море. Вода Иордана белее всякой другой воды и всего более похожа на молоко, поэтому его течение видно в Мертвом море на большом расстоянии»⁵.

Паломнику Зевульфу вторит игумен Даниил (1106 г.): «Иордан вытекает из Тивериадского озера двумя бурными источниками. Один источник называется *Иор*, а другой *Дан*, а них и образовалось название *Иордан*. Расстояние между этими реками у Тивериадского озера чуть больше трехкратного полета стрелы или полверсты, а затем эти обе реки сливаются в одну реку, которая и называется по имени двух источников. Течет Иордан быстро чистой водой, очень извиристо. Всем он напоминает реку Снов: и шириной, и глубиной, и поймой. Вверху Иордана много рыбы. В самом верху через оба потока прочно созданы два каменных моста, под ними через своды и течет Иордан»⁶.

Та же этимология Иордана присутствует в описании «Путешествия Шильтбергера по Европе, Азии и Африке (с 1394 по 1427 гг.)»: «Христиане имеют обыкновение купаться в реке, которая не велика, не глубока, но в которой водятся хорошие породы

² Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 236—237.

³ Тивериадское озеро.

⁴ Путник Антонина из Плаценции конца VI века // Православный Палестинский Сборник. Т. XIII. Вып. 3. СПб., 1895. С. 28.

⁵ Путешествие Зевульфа в Святую Землю (1102—1103 гг.) // Православный Палестинский Сборник. Т. I. Вып. 3. СПб., 1883. С. 287—288.

⁶ Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 36—37.

рыб. Она образуется из двух источников — *Иор* и *Дан*, а поэтому и называется *Иордан*. Он протекает через озеро; затем течет горою и переходит, наконец, в прекрасную равнину, где язычники несколько раз в году собираются на торжище»⁷.

Подобное толкование названия Иордана содержится в записках Мартина Баумгартена (начало 1500-х гг.): «Об истоках этой реки вообще такое имеется мнение, что она начинается при подошве горы Ливанской двумя источниками вместе соединяющимися, из коих один называется *Иор*, а другой *Дан*»⁸. Мартину Баумгартену вторит киевский пешеходец Василий Григорович Барский (1727 г.): «Иордан река, в ней же Господь наш Иисус Христос плотию от Иоанна Предтечи крестися, имат свое имя от двоих имен сложенное: от *Иор* и *Дан*, иже суть две реце, различне текущие, и впадают в Тивериадское море; оттуду не исходят две, но едина токмо река, и того ради именуется Иордан, яко от Иори и Дана начало свое имат»⁹.

Сходные строки имеются в описании Святой Земли иеромонаха Мелетия (1794 г.): «Иордан река, по повествованию достовернейших, начало свое берет из верхней Галилеи двумя источниками, из которых один *Иор*, другой *Дан* именуются. Он, вышедши из Генисаретского озера совокупно, наконец впадает в Мертвое или Содомское море»¹⁰.

Иная этимология содержится в записках французского палестиноведа Мишо (1830 г.): «Арабы называют Иордан „Nahr et sherna“, что означает — „река судилища“. Можно заметить, что это наименование, есть точный перевод первоначально имени Иордан „Jordan“: слово *ior* — на еврейском языке значит река, а *dan* — судилище. Как, однако же, замечательна участь этой реки! Оросив водами своими восхитительные долины, Иордан прокладывает ложе свое посреди красивейшего из озер; наконец, река эта, исполненная славой воспоминаний божественных, ввергается в море преступлений и смерти — море Содомское!»¹¹

Ближе к истине толкование, принадлежащее отечественному писателю-паломнику А. С. Норову (1835 г.). Он упоминает про истоки Иордана, а также поясняет название священной реки. «Иордан вытекает от подошвы Анти-Ливана, в стране Трахонтийской, из небольшого озера, которое по своей круглости прозвано *Фиалом*, и из вертепа *Паниум*, близ города *Панеада*, — пишет А. С. Норов. — Протяжение Иордана есть то самое, которое назначено Всевышним в область Израилю от *Дана* до *Цоара* или *Сигора*, то есть до южной оконечности Мертвого моря. Он называется по-еврейски *Иарден*; из этого некоторые писатели заключили, что имя его происходит от соединения двух источников *Иеор* и *Дан*, и что этот последний получил свое название от близ лежавшего финикийского города *Дана*: но доказано, что название Иордана гораздо древнее названия города *Дана*, и что это слово означает по-еврейски течение или реку; и так как во всей Палестине нет другой реки, равняющейся с Иорданом, то он и прозван был общим именем реки»¹².

⁷ Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Одесса, 1866. С. 83.

Река Иордан образуется из трех притоков — Баниаса, Дана и Гасбени: тем не менее многие писатели, начиная от Иосифа Флавия до Буркгарта, выводили имя Иордан от его притоков Дан и мнимого — Иор. Нельзя поэтому винить Шильтбергера за то, что он не сообщил нам настоящей этимологии реки, называемой собственно по-еврейски *Иарден, текущий вниз* (примеч. переводчика).

⁸ Баумгартен Мартин. Посетитель и описатель святых мест или путешествие в Египет, Аравию, Палестину и Сирию. СПб., 1794. С. 151.

⁹ Странствования Василия Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. СПб., 1885. Т. 1. С. 375.

¹⁰ Путешествие в Иерусалим Саровския общежительныя пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. 2-е изд. М., 1800. С. 182.

¹¹ А. Т. Очерки Иерусалима и святых окрестностей. Из переписки о Востоке Мишо и Пужула. СПб., 1837. С. 212.

¹² Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 111—112.

Указатель святынь в Святой Земле (1868 г.): «На расстоянии трехчасового пути от Иерихона, на восток, течет самая большая река всей Палестины — *Иордан*. По свидетельству блаж. Иеронима, имя реки сложилось из двух слов: *Иор* и *Дан*, имена двух его источников, из которых он берет свое начало. Но другие, на основании свидетельств Иосифа (Флавия), Плиния и Евсевия, которые признают только один источник Иордана в Пансаде, у подошвы горы Ермон, отвергают мнение Иеронима. Но какое бы то ни было начало этой реки, мы знаем, что она проходит через озеро Самахонитское и Тивериадское, и впадает в Мертвое море»¹³.

Свящ. В. Певцов (1878 г.): «По своей величине Иордан река вовсе не замечательная. Течет она посредине долины, которая между двумя рядами гор тянется во всю длину Св. Земли, от севера к полудню; выходит из высоких Ливанских гор, в которые упирается Св. Земля с севера, протекает, через два озера и впадает в большое озеро, называемое Мертвым морем. По своему пути принимает в себя множество потоков, которые бегут с гор»¹⁴.

Об истоках Иордана упоминает и епископ Сухумский Арсений (Изотов) (1894 г.): «Начало свое берет он при подошве Антиливанского хребта к южной стороне его из небольшого озера, называемого *Фиалом*, и течет сперва через *Самахонитское* озеро, а потом через *Тивериадское*, называемое также *Геннисаретским* озером и *Галилейским* морем; по выходе из сего последнего устремляется на юг по направлению к Мертвому морю, в которое и впадает»¹⁵. В начале XX века было и такое «источниковедение»: «Иордан берет начало со снеговой вершины Ермона и близлежащих источников и, пересекая Тивериадское озеро, впадает в Мертвое море»¹⁶.

Наконец, в новейшее время сведения об Иордане становятся более точными: «Иордан по-еврейски „Иарден“, т. е. река, так как другой в стране нет. Исток его находится в Ливанских горах у подножия снежного Ермона, оттуда река проходит небольшое озеро Мером (ныне Гуле)¹⁷, затем пресное Тивериадское или Галилейское море и устремляется через долину Эль-Гор в Мертвое море. Длина Иордана от истоков до Мертвого моря около 300 километров»¹⁸.

Виктор Петров (1980 г.): «Истоки реки находятся на севере, севернее пресноводного Галилейского моря, в снегах высокой горы Ермона в гряде Ливанских гор. Река Иордан впадает в северную часть Галилейского моря, недалеко от Капернаума, вытекает из него на юге и по долине Эль-Гор несет свои воды в соленое Мертвое море. Длина всей реки от Горы Ермона до Мертвого моря небольшая, исчисляется в 300 километров»¹⁹.

В верховьях Иордана

Иордан... Его главные истоки — реки Эль-Хасбани (Снир), Дан и Баниас берут начало у подножия горы Хермон на высоте около 520 м над уровнем моря. На высоте около 80 м над уровнем моря реки, слившись, образуют единое течение Иордана. На рас-

¹³ Указатель святынь и достопримечательностей в Святой Земле. СПб., 1868. С. 94.

¹⁴ Певцов В., свящ. О Святой Земле. Чтение 9. СПб., 1878. С. 20.

¹⁵ Арсений (Изотов), епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святыне места Палестины. СПб., 1896. С. 199.

¹⁶ Быстров С. И. По Востоку (Путешествие старообрядческих епископов). М., 1916. С. 163.

¹⁷ Хула (Агам-Хула, Ям-Хула, Ям-Сумхи, Мей-Мером) — озеро в центре долины, расположенной между горами Верхней Галилеи на западе и Голанскими высотами на востоке. С севера в долину втекают истоки реки Иордан, которые сливаются на юге Хулы в одно русло. В 1951–1958 годах в Хуле было проведено осушение болот, в результате которого было осушено более 3700 га чрезвычайно плодородной земли, предназначенной для интенсивного земледелия.

¹⁸ Святая Земля. Париж, 1961. С. 115.

¹⁹ Петров Виктор. По Святой Земле. Вашингтон, 1986. С. 36.

стоянии 14 км к югу, на высоте около 78 м над уровнем моря Иордан впадает в болотистое озеро Хула. На 25 км южнее, на высоте около 200 м ниже уровня моря Иордан впадает в Тивериадское озеро²⁰.

В 1830-х годах в верховьях Иордана побывал маршал Мармон, герцог Рагузский. Его путь лежал из Дамаска в Иерусалим. В своих записках он упоминает о драматических событиях, которые имели место в этих землях.

Мы ехали по почве, не совсем лишенной растительности, и где есть довольно много низкорослых дубов. Туркоманские пастухи бродили тут стадами. Наконец мы достигли Иордана, и я решился тем окончить день и переночевать на берегах его. Проехав мост Иакова²¹, я расположился на правом берегу.

Иордан служил некогда, со стороны Дамаска, чертой Латинского королевства, основанного в Иерусалиме, и составлял военную границу его. На этой оборонительной линии были: Мертвое море, Верхний и Нижний Иордан, море Галилейское и озеро Гуле. При подошве одного отрога Анти-Ливана, у самых истоков иорданских, была крепость, охранявшая выход, ведущий к стороне Дамаска: она служила началом оборонительной линии. Эта крепость называлась, в древние времена, Паниас, по имени пещеры, посвященной богу Пану, из которой выходит главный исток Иордана. Арабы превратили то же имя в Баниас, и оно остается до сих пор.

Крепость, сначала защищаемая христианами, потом осажденная и взятая мусульманами, и опять завоеванная крестоносцами, подвергалась изменчивой судьбе, потому что была равно драгоценна для защиты и для нападения противоположных армий. Центр военной линии Иордана был несколько времени прикрыт крепостью, построенной впереди, не в дальнем расстоянии от реки, на левом берегу ее, и на самом том месте, где после выстроили обширный *хан*, теперь отчасти разрушенный, вблизи моста Иакова. Крепость была воздвигнута Балдуином IV. Ее осаждали два раза; наконец Саладин взял ее.

Охранение этой крепости и Паниаса было вверено рыцарям храма. Позади находились укрепленные города Сафад и Тивериада. Граница составляла таким образом довольно хорошую общность защиты. Долина Иорданская часто орошалась кровью человеческой. Со времен патриархов до наших дней она много раз служила полем битвы. Пovyше озера Гуле, между источником Даном, который называется также Малым Иорданом, Авраам напал на четырех царей и разбил их. В другой раз, опять выше озера Гуле, невдалеке от того места, где мы стояли, один из Маккавеев разбил и обратил в бегство многочисленную армию Димитрия Никатора. Каждый шаг напоминает битвы крестоносцев, всегда мужественных, иногда несчастливых. На Верхнем Иордане Балдуин II, король Иерусалимский, был разбит Мондуком, султаном Мосульским. Там же претерпели поражение Балдуин III, и Балдуин IV, побежденный Саладином. Много других битв происходило на этих местах до того времени, когда, при поражении Тиверадском, Гюи де Лузиньян был взят в плен, и затем пало королевство Иерусалимское. Иордан не широк, но глубок чрезвычайно: его можно сравнить с Сенной пovyше города Труа. Через него переезжают по прекрасному мосту на трех арках, стрельчатых и совершенно готических²².

²⁰ Чехановец Я. Иордан. Река. География региона // Православная Энциклопедия. Т. XXV. М., 2010. С. 513.

²¹ «В прежние времена было через Иордан даже два моста, один близ истока реки из Геннисаретского озера и назывался Хаммат, другой между сим последним и озером Самахонитским и назывался мостом Иакова, близ того самого места, как говорят, где Иаков встретил своего брата Исава и где потом боролся с ангелом» (Уманец А. А. Поездка на Синай с приобщением отрывков о Египте и Святой Земле. Ч. 2. СПб., 1850. С. 334).

²² Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию... Константинополь, Палестину и Египет. Т. 3. М., 1840. С. 7–10.

В 1872 году великий князь Николай Николаевич предпринял паломническое путешествие по Ближнему Востоку. В отличие от большинства русских богомольцев, направлявшихся из Иерусалима к Иордану в его нижнем течении, великий князь, как и герцог Мармон, проследовал к истокам Иордана из Дамаска. В его свите были два «бытописателя»: генерал-майор Всеволод Николаевич Сипягин и Дмитрий Антонович Скалон — русский военный историк, адъютант великого князя Николая Николаевича. Оба автора опубликовали свои книги о «великокняжеском хождении»; они по-разному описывают пребывание на берегах Иордана, дополняя один другого.

В. Н. Сипягин: «17-го октября выступили, в восьмом часу утра. Дорога утомительная не только для нас, сколько для лошадей; самая скучная и монотонная местность — безводная пустыня, усталая сплошными горами губчатообразного камня, по которому местные лошади карабкаются с особенным искусством. После пятичасового ползания между камнями, прибыли мы на ночлег в деревню Конейтро (соврем. Кунейтра. — *Авт.*), разрушенную в 1861 году бедуинами. Пройденная нами местность отличается самой скудной растительностью: везде засохший бурьян, да кое-где выглядывает из-за камней какой-то чахлый, колючий кустарник. Партия бедуинов, из племени фазыла, под предводительством эмира Хасана, подходила к нашей ставке показывать лошадей.

18-го октября поднялись в урочный час. Дорога такая же скучная и каменная; на привале у какого-то ручейка завтракали; солнце палило. Во втором часу пополудни пришли на ночлег; бивуак наш разбили на берегу Иордана, между озером Иля-Чуль, через которое протекает Иордан, и каменным мостом Джисер-беком-Якуб (мост трех дочерей Якова). Во время обеда Его Высочество предложил говеть со вступлением в Палестину, с тем, чтобы в Иерусалиме у гроба Господня приобщиться св. Христовых таин; предложение это было принято единогласно. Перед обедом все купались в Иордане, вода теплая, но грунт каменистый, и очень неудобно было раздеваться, потому что берега покрыты тростником и колючим кустарником. Вечером погонщики мулов забавляли великого князя своими заунывными песнями и пляской под хлопанье в ладоши; весь этот импровизированный вокальный бал был освещен факелами»²³.

Д. А. Скалон: «Я въехал на пригорок и увидел, что мы находимся недалеко от нашего привала. Передо мной расстилалась долина Иордана, эта глубочайшая впадина, низменность которой у Мертвого моря опускается до 1.300 футов ниже поверхности океана. Я мог окинуть взором только часть этой гигантской морщины земной коры; начиная от горы Хермон, откуда берет свое начало Иордан, вдоль гор Галилеи и до Генисаретского озера. Далее, очертания песчаного и раскаленного Гора²⁴ исчезали в голубой завесе сгущенного испарениями воздуха.

С особенной любовью я всегда хранил и лелеял в памяти впечатления детства, когда учил священную историю; когда, и случайно, познакомившись из детских повестей с крестоносцами, увлекся их подвигами и мысленно сопутствовал моим героям по Малой Азии, Сирии и Палестине. Прошли годы, и вот... как забилось мое сердце, когда я различил сквозь густую синеву воздуха бирюзовую поверхность Генисаретского озера, любимого местопребывания Христа Спасителя. Меня охватило невыразимо отрадное чувство!... я видел перед собой Обетованную Землю, где с раннего детства витало мое воображение. Мои первые грезы и мечты, посетить ее — исполнились! я стою на пороге страны, где жил Божественный Учитель, у колыбели христианского

²³ Сипягин В. Н. Путешествие его императорского высочества государя великого князя Николая Николаевича Старшего по Турции, Сирии, Палестине и Египту в 1872 году. СПб., 1873. С. 66—68.

²⁴ На запад от Эвфрата подымается известковое плоскогорье, которое постепенно доходит до 2000 футов и потом круто обрывается в большую продольную впадину или трещину земной коры. Ее вообще называют Гор. По ней на север течет Оронт, а на юг Иордан (*прим. Д. А. Скалона*).

учения. Как ярко светит солнце, как нежно очерчены контуры гористой Галилеи и зеркальные поверхности озер, между которыми, по дну долины, Иордан изредка сверкает, как рассыпанная нитка бриллиантов.

После привала, через полтора часа ходу, мы спустились к Иордану и остановились у моста „Дочерей Иакова“ с развалинами предмостного укрепления и сторожевой башни, римской еще постройки. Название моста „Дочерей Иакова“ дано ему по народному преданию, будто праотец Иаков, возвращаясь из Месопотамии, переправлялся через Иордан в этом месте. Первым моим делом было подойти к священной реке и омыть себе голову. При ширине около 6—7 сажень, она быстро течет, образуя по иловатому дну глубокие яры, или каскады, на небольших пересекающих ее порогах. Лагерь был разбит на левом берегу, найдя который сырым, Его Высочество, приказал спальные палатки перенести на правую, каменистую сторону»²⁵.

От Тивериадского озера до Мертвого моря

Иордан вытекает из Тивериадского озера с южной стороны и течет на юг к Мертвому морю (около 410 м ниже уровня моря). В нижнем течении Иордан подпитывается еще несколькими притоками: с востока — реками Ярмук и Эз-Зарка (Иавок), стекающими с горы Галаад, с запада — реками Хард и Тавор, спускающимися с горы Гилбоа (Гелвуй)²⁶. Римляне построили первые мосты через иордан, которые затем восстанавливали крестоносцы. Остатки величественного римского моста обнаружены в месте слияния Иордана и Ярмука.

Записки русских паломников, посвященные топографии Иордана, не отличаются точностью, но они интересны сами по себе: по их содержанию можно судить о том, какой уровень знаний о Святой Земле был в ту или другую эпоху.

В. Г. Барский (1727 г.): «Иордан река впадает в Мертвое море. си есть в езеро Содома и Гоморра, и тамо кончается, понеже есть велико, и Бог весть, аще имат дно. Неции же глаголют, яко за Мертвым морем, в пустыне, паки из земли выходит и течет далече. Обаче вероятнейше, яко от Содома далее не исходит, понеже и знамение зрится, где сладкая (пресная) вода с сланной (соленой) сопротивляется. Разумно ти буди, благий читателю, яко ни Тивериадское море, ни Мертвое не совокупляется с морями, иже всю землю окружают, и корабли по них плавают, но особне суть, аки езера. Тивериадское убо море сладку воду имат и рыбы разные внутрь, и есть благословенное от самого Христа, Сына Божия, и от святых апостолов, им же Христос показася по воскресении ловящим рыбы. Сего ради две оные вышеописанные реки Иор и Дан аще и впадают в море Тивериадское, обаче не погибают, понеже сладкая вода, сладкой несть противна, к тому же и благословенна, и тако паки отуду исходят, и бывають от двух малых река большая Иордан»²⁷.

Д. В. Дашков (1820 г.): «Верховья Иордана у подошвы лесистых гор Ермона и Антиливана: стремясь оттуда на юг прямой чертой, он проходит сквозь Тивериадское (Генисаретское) озеро²⁸ и, подобно цепи, соединяет его с Мертвым морем. Впадающие в Иордан потоки по большей части в жары пересыхают; окружающие пески совсем без-

²⁵ Скалон Д. А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. СПб., 1881. С. 183—185.

²⁶ Чехановец Я. Иордан. Река. География региона // Православная Энциклопедия. Т. XXV. М., 2010. С. 513.

²⁷ Странствования Василия Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. СПб., 1885. Т. 1. С. 376.

²⁸ Тивериадское (Генисаретское) озеро находится на юге Палестины; ныне Кинерет. Возле него Иисус избрал первых учеников (Мф. 4:18—19).

водны. Его устье означается на поверхности Мертвого моря длиною полосой — как будто бы струи, издревле священные, мерзят смешением с волнами проклятыми озера, поглотившего Содом и Гоморру. Прежде думали, что она продолжает свое течение под землю и соединяется в Египте с Нилом, или в Сирии с Фарром. Но, кроме других доказательств, опровергающих сие мнение, мы знаем из свидетельства очевидцев, что Мертвое море возвышается и упадает, смотря по прибыли и убыли Иордана. Неподалеку от устья река склоняется влево, и только верхи кустов показывают ее направление»²⁹.

А. С. Норов (1835 г.): «Протекая по обширной и вообще весьма плодородной долине, называемой ель-Гор, Иордан проходит сквозь два озера, *Самохонитское*, теперь *Ель-Гауле*, и *Тивериадское*. Можно также сказать, что он протекает и сквозь Мертвое море, и некоторые полагают, что до ужасного истребления гневом Божиим Иорданского пятиградия, Иордан впадал в Чермное (Красное — *Авт.*) море, через долину, носящую также название *ель-Гор*, которая идет до самого Чермного моря. По этому, предполагаемому древнему руслу Иордана, пролегает, как думают, путь израильтян из Египта в Палестину»³⁰.

А. А. Уманец (1843 г.): «Верстах в девяти вверх от устья Иордана находится первый брод через реку, известный у арабов под именем эль-Гелю. Всех же бродов на ней от озера Тивериадского до моря, находят три или четыре»³¹.

Игумен Антоний (Бочков) (1852 г.): «Иордан украшают высокие и крутые берега, поросшие кустарником и деревьями: и параллельно с ними, от Тивериады до Мертвого моря по обеим сторонам идут живописные горы. Заиорданские выше и палатками поднимают свои вершины, иерихонские темно-желтого цвета — разнообразны. Плоскость между ними едва ли составит верст десять, и эти огромные волны земли и камня, кажется, готовы были сойтись и сомкнуться в один хребет; но между ними назначено было течь Иордану, и они откинулись на равное расстояние, с трепетом очищая путь священным струям. „Горы взыграшася яко овни, и холмы яко агнцы овчии“»³².

Архимандрит Порфирий (Успенский) (1853 г.): «10 апреля в 6 часов и 35 минут пополуночи все мы поехали сперва к самому устью Иордана, потом к северному берегу Мертвого моря <...> Наконец, в 9 часов без десяти минут узрело нас устье Иордана, впадающего в Мертвое море, ближе к горному кряжу восточному. Мы долой с коней и давай рассматривать все, что можно было видеть. Тут Иордан струится тихо. Его устье шире текучего русла. Левый берег этой священной реки мало выше правого берега, и там, у гор и у моря, видно много зелени, орошаемой источником эн-Суэми. Правый берег низмен и тинист, дерев на нем нет, а есть зеленый камыш, но редкий и приземистый. Этот берег в полноводье покрывается водой, чем ближе к морю, тем шире. Тут близ самого устья Иордана есть топь или тряпина, да такая, что мой конь, захотев пить воду, едва не загряз в ней по уши. Едва-едва арабы высвободили его оттуда, бросая ему под ноги сучки дерев»³³.

Иеромонах Павел (Вертоградов) (1862 г.): «Иордан течет из Тивериадского моря от севера к югу и впадает в Мертвое море (где были города: Содом и Гоморра, про-

²⁹ Дашков Д. В. Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 36—37.

³⁰ Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. М., 1994. С. 112.

³¹ Уманец А. А. Поездка на Синай с приобщением отрывков о Египте и Святой Земле. Ч. 2. СПб., 1850. С. 333—334.

³² Антоний (Бочков), игумен. Русские поклонники в Иерусалиме // ЧОИДР, октябрь—декабрь 1874, кн. 4, ч. II. С. 69.

³³ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 44—45.

валившиеся); берега его в этом месте выдаются полуциркульным основанием; шириной он сажень в десять, в течении весьма быстр, глубиной посредине в рост человека»³⁴.

В. Н. Хитрово (1880-е гг.): «Неказиста на первый взгляд священная река Иордан; нам, привыкшим к своим северным рекам: Волге, Дону, Днепру и Двине, она даже не покажется речкой со своим не свыше 14-ти саженым руслом; быстро, как горная река, несет она свои желтовато-мутные воды в Мертвое море. Но вспомним, что такое же впечатление разочарования произвели на нас виды многих святынь земли Обетованной: хотя бы вид вместилища величайшей святыни (трехдневного погребального ложа Богочеловека) — храма Воскресения. Но как Сам Богочеловек явился среди людей не в блестящем царском величии, так и места, освященные Его земным пребыванием, носят смиренный вид, как бы нарочно для того, чтобы мы преклонялись не перед великолепием их, а лишь перед святостью, их осеняющей»³⁵.

Епископ Сухумский Арсений (Изотов) (1894 г.): «Когда-то давно Иордан орошал и оплодотворял обширную равнину так же, как Нил землю Египетскую. Лот, намереваясь разлучиться с Авраамом, *возвед очи свои, виде всю окрестную страну Иорданскую, яко вся напаяема бяше водою, прежде неже низвратити Богу Содом и Гоморр, яко рай Божий (Быт. 13, 10)*. Очень вероятно, что до гибели Содома и Гоморра местность, занимаемая теперь Мертвым морем, была возвышеннее, равно как и окрестности его, а потому течение Иордана было медленнее, и во время таяния снегов на горах Антиливана, или при продолжительных дождях зимой он выходил из своих берегов и орошал всю равнину, как это делает Нил в Египте»³⁶.

Архимандрит Евгений (1900-е гг.): «Иордан на пути своем протекает через озеро Мером, затем Тивериадское море или Генисаретское озеро, орошает плодородную долину Ельгор и впадает в Мертвое море. Вкусная вода его необыкновенно чиста, течет по лону, усеянному камешками — булыжником, и чрезвычайно богата рыбой. Быстро льются желтоватые иорданские волны, но, несмотря на их стремительность, отважные бедуины переплывают их на своих конях и разбивают свои шатры на его берегах и бархатных лугах»³⁷.

Путеводитель «Святая Земля» (Париж, 1961): «Весь бассейн Иордана, включая Тивериадское и Мертвое моря, находится значительно ниже уровня моря и защищен от Средиземного моря только хребтом Иудейских гор, идущих параллельно реке. Геологи нашли, что в доисторический период Средиземное море дважды прорывалось через хребет и заливало всю долину, поглощая и Тивериадское море и Иордан: следствием этого вероятно и остались гигантские складки и как бы омытые водой вершины в горах Иудеи»³⁸.

³⁴ Павел (Вертоградов), иером. Путешествие по святым местам на Святой Земле, во Святую Афонскую гору и в Палестину в 1862 году. Ч. 1. М., 1866. С. 119.

³⁵ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 172—174.

³⁶ Арсений (Изотов), епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святыне Палестины. СПб., 1896. С. 199—200.

³⁷ Евгений, архим. Мое бытие. Воспоминания. СПб., 1911. С. 262.

³⁸ Святая Земля. Париж, 1961. С. 115—116.

РАДИО МАРИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1053 кГц АМ

ВЫБОРГ 92,6 FM

он-лайн вещание: www.radiomaria.ru

в нашей программе:

- трансляция богослужений из храмов Санкт-Петербурга
- выступления известных деятелей культуры, науки, искусства
- исторические передачи
- литературные чтения
- русская и зарубежная музыкальная классика и духовная музыка
- в прямом эфире встречи с педагогами, юристами, врачами

Contents

Prose and Poetry

- Irma Hendernis.** Standing in the Doorway. *Poems* • 3
Igor Zotkin. My „Bezhin Meadow“. *Short Story* • 7
Mark Kharitonov. *Poems* • 23
Andrey Antipin. The Ship „Blagoveshchensk“. *Story* • 27
Valery Skoblo. Poems from the cycle „Biblical Motives“ • 47
Victoria Zakharenko. Marusya. Lonely One. Thus the Day Will Pass. *Short Stories* • 51
Natalia Crofts. *Poems* • 72
Andrey Nikitin. The Sense of Smell (from the cycle „Man in Parts“). Touch (from the cycle „Man in Parts“). Rescue Mission. Rush. *Short Stories* • 77
Anatoly Domashov. *Poems* • 97
Vladimir Arro. On the Way to Singapore. *Lyrical and Dramatic Story* • 100

The Universe of Childhood

- Tatiana Berezyuk.** Patchwork Quilt. *Story* • 136

Publicistic Writings

- Eugene Berkovich.** Bounds of Comprehension and Infinity of Incomprehension. *Controversy between Thomas Mann and Jacob Wasserman on the Jewish Question* • 169

Criticism and Essays

- Tatyana Lanina. The Centenary Is Approaching • 178
Dmitry Kapustin. Anton Chekhov: the Long Winter in Nice (*September 1897 – April 1898*) • 196

Petersburg Bookman

- Art of Reading.** *Alexander Vinnichuk.* Does Personality Really Exist? **Reviews.** *Alexander Andryushkin.* Chalice or Cupbearer? *Nikolay Blokhin.* Abduction of Europe. *Alexander Karpenko.* Alexandra Petrogradskaya's Mystical Novel. **Book Island.** *Elena Zinovieva's publication* • 217

Pilgrim

- Archimandrite Augustine (Nikitin).** To Jordan. *Part 1* • 245

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: <http://nevajournal.ru>

*Проект «Наследники и первопроходцы»
реализован на средства гранта Санкт-Петербурга*

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 27.09.2018. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 495
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано по технологии СтР
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28